

Меня Аппа





ПОЛИТИЧЕСКИ И МОРАЛЬНО ОСУЖДАЯ РЕШЕНИЕ
О ВВОДЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК... НЕОБХОДИМО
ЗАЯВИТЬ, ЧТО ЭТО НИ В КОЕЙ МЕРЕ НЕ БРОСАЕТ
ТЕНЬ НА СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ, НАПРАВ-
ЛЯВШИХСЯ В АФГАНИСТАН. ВЕРНЫЕ ПРИСЯГЕ,
УБЕЖДЕННЫЕ В ТОМ, ЧТО ЗАЩИЩАЮТ ИНТЕ-
РЕСЫ РОДИНЫ И ОКАЗЫВАЮТ ДРУЖЕСТВЕН-
НУЮ ПОМОЩЬ СОСЕДНЕМУ НАРОДУ, ОНИ ЛИШЬ
ВЫПОЛНЯЛИ СВОЙ ВОИНСКИЙ ДОЛГ. СОВЕТ-
СКИЙ НАРОД ПОТЕРЯЛ В АФГАНИСТАНЕ ТЫСЯЧИ
СВОИХ СЫНОВЕЙ. НАША СВЯТАЯ ОБЯЗАННОСТЬ—
ХРАНИТЬ ПАМЯТЬ О НИХ, КАК ВЕРНЫХ СЫНАХ
ОТЧИЗНЫ.

**Из сообщения Комитета Верховного
Совета СССР по международным
делам о политической оценке ре-
шения о вводе советских войск в
Афганистан.**

24 декабря 1989 года

Помяни нас, Россия, в декабрьскую стужу,
Перед тем как сойдешься за праздничный
стол.

Вспомни тех, кто присяги тебе не нарушил,
Кто берег тебя вечно и в вечность ушел.
Помяни нас, засыпанных пеплом и пылью,
Пулеметами врезанных в скальную твердь.
Запиши нас в историю горестной былью
И рубцом материнское сердце отмерь...

Игорь Морозов



*Памяти воинов-вологжан,
павших в Афганистане*

Архангельск
Северо-Западное книжное издательство –
Ассоциация воинов-интернационалистов (и воинов запаса)
Вологодской области

1993

Составители:

В. Г. НЕЧЕПА,
В. В. СУДАКОВ

Редколлегия:

*А. Ф. Горовенко, П. А. Колесников,
Н. Н. Леонова, В. Н. Пресников,
С. А. Трифанов*

П 25 Пепел Афгана: [Сборник /Авт. кол.:
Б. И. Андрияшанов и др.]; Сост.: В. Г. Нечепа,
В. В. Судаков; Редкол.: А. Ф. Горовенко и др.—
Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1993.— 350, (2) с.:
32 л. ил.— (Памяти воинов-вологжан, павших в
Афганистане).

Уходит в историю афганская война. Но никогда не зарастет она травой забвения. Горе, застывшее в глазах солдатских матерей и вдов, тысячи обелисков и тысячи изломанных судеб ребят, ставших калеками, песни “афганцев” о “чужом неласковом небе” и “запыленных батальонах”, книги о их мужестве и верности воинскому долгу будут постоянно будить нашу память. В том числе и этот сборник, авторы которого рассказывают о вологжанах, сложивших голову в Афганистане. Восемьдесят одного своего сына навеки потеряла вологодская земля...

П 0803010100
M157(03)—93 2—93

63.3(2)6

ISBN 5-85560-297-4

© Ассоциация воинов-интернационалистов (воинов запаса)
Вологодской области, 1993

© Северо-Западное книжное издательство, 1993

ЭТА БОЛЬ НЕ УТИХАЕТ

24 июня 1989 года в Вологде состоялось открытие памятника павшим в Афганистане. Белое полотнище, укрывавшее монумент, сняла Валентина Александровна Баскова. Среди фамилий, впечатанных в серый гранит, значилось имя и ее сына – Владимира Баскова.

Памятник, созданный на добровольные пожертвования вологжан, расположен в одном из центральных парков города. "Кому-то он напомнит простреленную панаму – головной убор воина, охранявшего южные рубежи Родины. Кому-то покажется сердцем, пробитым пулей. Другому напомнит Вечный огонь или афганские горы. У каждого человека, – скажет автор проекта Н. К. Рогатнев, – памятник вызовет какие-то свои ассоциации. И каждый, пожалуй, будет прав".

Тысячи жителей города и области, родные и близкие павших собрались на открытие монумента. Вот Ия Ивановна Попенко, бывшая учительница истории школы N 29. Это она в течение шести месяцев почти каждый вечер обходила дом за домом, квартиру за квартирой в своем микрорайоне, собирая деньги на памятник. И каждому, кто открывал двери, рассказывала о своих учениках. Четверо ребят из ее класса прошли дорогами Афганистана. Двое – не вернулись. "Киселев Владимир, Михеев Олег", – беззвучно шепчут губы учительницы.

А вот Ираида Федоровна Журавлева с сыном Сергеем. На граните – имя ее старшего, Геннадия Журавлева.

А вот и Ирина Сергеевна Ершова, вдова полковника Адинамина Ершова.

Ни одна война не проходит бесследно. Быть может, это особенно остро чувствуют те, кого афганская трагедия опалила своим жестоким огнем. "Я думаю, — размышляет председатель Ассоциации воинов-интернационалистов Вологодской области Владимир Пресников, — афганская война еще долго будет волновать советских людей. Слишком многих она задела. Долго будут болеть афганские раны". И на вопрос: "Какой вы видите книгу о земляках, погибших в Афганистане", — коротко выдохнул: "Правдивой!"

Сложный во всех отношениях феномен "необъявленной войны" требует тщательного, глубокого и всестороннего изучения и осмысления, понимания ее исторических, политических, военных и нравственных уроков. И потому в данной книге ее составители и авторы не претендуют на то, чтобы дать исчерпывающие ответы на многие вопросы, касающиеся афганской темы, хотя и не оставляют их без внимания.

"Пепел Афгана" — это книга Памяти павших в Афганистане.

Большинству из них не исполнилось и двадцати лет. Судьбы этих ребят совпали, как совпали и многие вехи их биографии. Школа, ПТУ или один-два курса института — вот и все, что было за их плечами, когда они уходили на "спрятанную" войну. Авторы разглядели в своих героях и одинаковые черты характера: трудолюбие, доброту, жизнерадостность. Обобщенный портрет юного "афганца" симпатичен открытостью души, верностью дружбе, отзывчивостью. А в общем-то, как не раз подчеркивается в сборнике, это были обычные вологодские парни.

Авторы далеки от того, чтобы идеализировать своих героев. Они входили в Афганистан со всем нелегким грузом понятий и представлений о жизни и долге, чести и товариществе, которые могли усвоить на гражданке, в большинстве своем оставаясь не только детьми этого гражданского мира, но и детьми в буквальном смысле слова. Но война предъявила им совсем не детский счет и, проведя их через все круги ада: тяжкую ратную работу, психические перегрузки, страдания и смерть товарищей, — поставила последнюю точку и в их собственной жизни.

Среди погибших в Афганистане вологжан — и восемнадцать кадровых офицеров: от молоденьких лей-

тенантов до опытейших в своем деле полковников. Ясно, что война не смотрела на звания и не щадила ни тех, ни других. Надо только сказать, что несколько командиров погибли, спасая жизнь своим подчиненным...

Там, в Афганистане, каждый человек оказался на виду. Хватало двух-трех недель Афганистана, чтобы проявить, обнажить душу и характер человека, узнать кто есть кто. Девять лет войны создали Афган как особый материк и выковали на этом материке особый тип людей – "афганцев". Когда мы произносим это слово, то видим людей большого личного мужества, стойких, склонных к самопожертвованию ради счастья других людей – ведь все они входили в Афганистан с полным осознанием своей интернациональной миссии. Эти качества "афганцев" прослеживаются в воспоминаниях родных и близких погибших, свидетельствах их однопольчан, в наградных реляциях, в письмах, принесенных почтой из Афганистана. Но слишком дорогой ценой оплачено появление этого звания – "афганец".

И, может быть, потому, работая над сборником, авторы не хотели, да и не могли оставаться беспристрастными. Их пристрастность угадывается в их суждениях об афганской войне, в стремлении подчеркнуть, что наши парни честно выполнили свой воинский долг на земле Афганистана, в уважении к их подвигу, мужеству, в желании защитить "афганцев" от "прицельных залпов наветов и лжи". Это первое. И второе: в сборнике явственно – звучит мотив *чужого неба, чужого солнца, чужой земли, чужих интересов*.

На чужой земле безвозвратно потеряны те, кто мог бы холить и лелеять, украшать и оберегать родную землю. Никогда уже не перешагнет проходную Череповецкого металлургического комбината слесарь-электрик Александр Курочкин. Не заколосятся нивы, вспаханные и засеянные трактористами Сергеем Авериным и Николаем Дубровским. Не пройдет шумными рядами шлифовальных станков наладчик Владимир Некрасов. Не встанет на защиту рубежей Отечества пограничник старший лейтенант Андрей Талашов. Не обучит молодых десантников воинскому мастерству майор Анатолий Тихомиров.

Землепашцы, строители, металлурги, офицеры... Добрые и заботливые, тихие и вспыльчивые, смешливые и серьезные, талантливые и не очень – такими они были. Были... Им бы жить и жить. Никто и ничто не восполнит их отсутствия на этой большой земле. Боль утраты не покидает живущих...

К этой боли примешивается еще одно чувство. "Нет человека, и у тебя вроде какая-то вина. Тем более, если погибает друг. Представляешь на месте его матери свою мать", – сказал на открытии монумента Михаил Замуракин, сержант, гранатометчик, служивший под Кабулом и не раз видевший смерть в лицо. "Афганцы" поймут, что он имеет в виду. Но его должны понять и все остальные. Понять, снять чувство вины и переложить ее на свои плечи. "Так получилось, что у нас в стране сейчас фактически никто не чувствует личной ответственности за афганские события и поэтому в общественном сознании отсутствует момент сопричастности всех нас к тому, что произошло (за исключением отдельных единиц), – пишет психолог В. Знаков в интереснейшем исследовании "Никто не создан для войны". – А раз нет чувства сопричастности, то нет и сострадания к исковерканным судьбам многих ребят как элемента общественного сознания".* И не потому ли чиновничья фраза "Я вас в Афганистан не посылал" обретает качества афоризма?

Автор процитированных выше строк психологически точно объясняет зарождение в себе чувства вины перед "афганцами" за то, что с ними произошло. Каждый автор нашего сборника может сказать о себе, что судьбы погибших ребят прошли через душу и сердце...

Может быть, чем больше будет подобных книг Памяти, тем заметнее будет осознание обществом афганской войны как всенародной трагедии, хотя многих эта война и не коснулась (к счастью). И, наверное, права автор одного из очерков Л. В. Гагарина, когда пишет, что эта книга должна стать не только книгой Памяти, но и книгой Покаяния.

Инициатива и подготовка сборника принадлежат студенческой группе "Поиск" Вологодского государственного педагогического института и Ассоциации воинов-интернационалистов Вологодской области. При

* См. в кн.: Смирнов О. Никто не создан для войны. Молодая гвардия. 1990. С. 142.

поддержке областного комитета защиты мира и обкома ВЛКСМ был создан авторский коллектив сборника.

Большую заинтересованность в создании книги проявили работники областного, районных и городских военных комиссариатов.

Общественная редколлегия и составители выражают глубокую благодарность родным и близким наших земляков, погибших в Афганистане, за предоставленные материалы. Ощутимую помощь в сборе документов оказали студенты и выпускники ВГПИ – члены группы “Поиск” И. Аникина, А. Борисенок, И. Ворошилова, В. Зорин, О. Кузнецова, П. Соколов, С. Трифанов, В. Тюкалов, Е. Чубурин, а в их обработке и систематизации – научные сотрудники Вологодского областного музея истории молодежного движения В. Л. Карпова, Е. Н. Супакова, Н. Н. Леонова, Е. В. Белова.

К сожалению, не обо всех погибших ребятах удалось рассказать более обстоятельно, чем хотелось бы. Материал о них собирался по крупицам, поиск многих сведений затруднен. До сих пор ничего не известно о судьбе сокольчанина Александра Сергеевича Малышева, без вести пропавшего в Афганистане в 1984 году. Может быть, эту книгу прочитают те, кто хорошо знал наших земляков, и помогут в продолжении рассказа о них.

В. В. Судаков,
председатель Вологодского
областного комитета защиты
мира и областного отделения
Российского фонда мира

“ЗДЕСЬ, НА ТОЧКЕ, ТИХО...”

...О войне, которая оказалась в два раза длиннее Великой Отечественной, мы знаем ровно столько, сколько нам не опасно знать...

Светлана Алексиевич.
Цинковые мальчики

Батальоны днем и ночью штурмовали горы Искаполь в провинции Газни. Гаубичные и реактивные батареи, самолеты и узкие быстрые пятнистые вертолеты обрушивали на горы тонны металла. В холодном осеннем воздухе пахло порохом, пыль заволакивала солнце и звезды. Днем прилетали вертолеты за трупами и ранеными...

Мятежники крепко сидели в пещерах и гротах. В этих горах у них была крупная база, ни в воде, ни в пище, ни в медикаментах, ни в боеприпасах недостатка не было, они сражались дерзко и умело.

Так начинается рассказ молодого писателя-“афганца” О. Ермакова «“Н-ская часть провела учения” 1981»*. Будь даже он написан в начале 80-х, его вряд ли напечатали бы. В газетах шли репортажи с аналогичными заголовками, но с иным содержанием — без крови и трупов. И когда домашние получали от сына, мужа, брата весточку из Афганистана со словами: “Жив, здоров, участвовал в учениях”, — как хотелось верить, что там и в самом деле не стреляют...

А что в соседнюю деревню привезли запаянный цинковый гроб — так это от неосторожного обращения с оружием...

Заканчивался пятый, тяжелейший год афганской войны. Он был отмечен несколькими крупномасштабными операциями по разгрому мощных базовых районов мятежников, а следовательно, и ростом боевых потерь. О характере таких операций можно судить по следующему документу: “Боевые действия в ДРА отличаются размахом и ожесточенностью. В 1985 году была проведена

* Знамя. 1989. N 10. С. 90.

Кунарская операция. В ходе ее боевые действия проводились на всем протяжении Кунарского ущелья – от Джелалабада до Барикота (170 км). Во время операции вертолетами десантировалось более 11 тысяч человек... (Из информации командования 40-й армии)***.

Кунар... А еще – Баглан, Каписа, Парван. Эти чужие названия афганских провинций, где в 1985-м проходили кровопролитные бои, всегда будут отзываться глубокой болью в сердцах.

Из того же документа: “В 1985 году мы потеряли в ДРА 1868 человек... Из них: боевые потери – 1552 человека... погибло в бою 1194 человека... умерло от боевых ран 358 человек...” Что ж, справка есть справка, счет потерям в военной статистике ведется бесстрастно и сухо. А каким прибором, на какой эмоциональной шкале можно измерить неутраченную боль в сердцах родителей, у которых отняли сына?! В этот год девять вологодских семей потеряли в Афгане своих сыновей.

Страшная весть о гибели Сергея пришла в семью Авериных в ноябре: “Мы, боевые друзья, однополчане вашего сына, с чувством глубокой скорби и невосполнимой утраты извещаем, что 21 ноября 1985 года, выполняя боевое задание, верный военной присяге, проявив стойкость, мужество, погиб в бою ваш сын и наш боевой товарищ гвардии рядовой Аверин Сергей Александрович”.

Одиннадцать детей вырастили Надежда Федоровна и Александр Михайлович Авериные. Четверых сыновей проводили в армию. Вернулись лишь трое. Для матери дорог каждый, и через пять лет после гибели Сергея Надежда Федоровна не может сдерживать слез, рассказывая о нем.

Родился Сережа 15 августа 1964 года в деревне Захарьино Кипеловского сельсовета Вологодского района. Три года учился в начальной школе в деревне Попадьино, затем окончил восемь классов Кипеловской средней школы.

Чувствуя тягу к технике, с детства приученный к нелегкому сельскому труду, Сергей решил получить специальность, связанную с сельским хозяйством. Окончил Кубенское сельское профессионально-техническое училище, стал квалифицированным трактористом и механиком-

* Ляховский А. А., Забродин В. М. Тайны афганской войны. М.: Планета, 1991. С. 78. В дальнейшем ссылки на это издание обозначаются: Тайны афганской войны (номер страницы).

водителем. До призыва в армию успел полгода поработать в подсобном хозяйстве ГПЗ-23, расположенном в деревне Оночесь, где в последнее время жили Аверины. Любил быструю езду, но после училища получил гусеничный трактор, на котором особенно не разбежишься. После армии мечтал поработать на "Беларуси". Директор подсобного хозяйства всегда хвалил его за трудолюбие, за отличное вождение трактора и уход за ним.

Трудолюбием, воспитанным самим укладом жизни многодетной семьи, где каждый с детства был приучен за что-то отвечать, Сергей отличался и в постоянной работе по дому, старался как мог облегчить труд родителей. Уходя в армию, вспоминает Надежда Федоровна, выкопал картошку, привез сено: "Ну, мама, кажется, все сделал, можно и в армию идти".

К матери был очень привязан. В детстве рос довольно робким, не задиристым, и ей не раз приходилось выручать его в ребячьих потасовках. Получив повестку в армию, успокаивал плачущую мать, говоря ей шутливо: "Мама, ты же меня всегда защищала, если что – защитишь и теперь". Но могла ли мама защитить сына от Молоха афганской войны?

Сергей был призван в армию 29 сентября 1983 года. Учебка в Выборге, потом недолгая подготовка в Ташкенте, и вот – Афганистан, танковые войска. Служил заряжающим, а позже – механиком-водителем. Домой писал редко, скупое. Подробностей армейской жизни почти не сообщал: то ли щадил родных, то ли лишнего писать не полагалось.

Из письма Сергея сестре: "Живу я хорошо, можно сказать отлично. Служба помаленьку движется вперед. Осталось служить где-то месяцев восемь, а там – гражданка. Галя, ты не представляешь, как я соскучился по всем вам. Сейчас я нахожусь пока на точке, здесь нормально, как на курорте: речка, лес. Изредка выезжаем на учения, учимся стрелять, водить танки по пустыне... Галя, ты не подумай, что здесь стреляют или еще что. Здесь, на точке, тихо..."*

Попад в госпиталь, домой сообщил, что болел желтухой. Но земляк из соседней деревни говорил позже, что Сергей был ранен.

* Здесь и далее письма приводятся с незначительными сокращениями без ущерба для их содержания. – *Примеч. сост.*

В одном из писем, брату Виктору, Сергей вскользь упоминает о награде: "Виктор, я здесь медаль получил "За боевые заслуги". Я тебя прошу только – никому не рассказывай, не надо. Я тебе одному написал".

Срок службы Сергея закончился 29 сентября. Он с нетерпением ждал приказа об увольнении в запас, строил планы на будущее. В октябре писал брату: "Витек, вот решил я написать еще одно, последнее за эти два года, письмо. В настоящее время нахожусь на точке. В свободное время готовлюсь к дембелю, палатку ушиваю, шинель делаю короче – дела хватает. Скорей бы молодое пополнение прилетело, и можно домой ехать".

Это письмо оказалось последним не только в его службе, но и в его жизни. Подробности гибели сына Надежда Федоровна и Александр Михайлович так и не узнали. Прапорщик, сопровождавший цинковый гроб, сообщил кратко, что Сергей сгорел в танке. Дополнительных сведений из воинской части не поступило. Не было ответа и на направленный в часть запрос.

Судьба Сергея Аверина оборвалась, можно сказать, не начавшись. Имя его, как и других погибших земляков, хорошо известно, наверно, всем жителям Вологодского района. Здесь ежегодно проводятся вечера памяти воинов, не вернувшихся из Афганистана, встречи с теми, кто хорошо знал, любил этих ребят, дружил с ними. Чтят память своего выпускника в Кипеловской средней школе, где о Сергее Аверине оформлен альбом.

Но... Сколько же лет должно пройти, чтобы история афганской войны распахнула все свои страницы, включая и ту, на которой упрятаны строки о трагической судьбе Сергея Аверина?

Т. Зайцева

А ЖИЗНЬ У КАЖДОГО ОДНА...

Звезда зловещая! Во мраке
Печальных лет моей страны
Ты в небесах чертила знаки
Страданья, крови и войны.

Николай Заболоцкий.

Противостояние Марса. 1956

Саша Александров родился и вырос в поселке Молочное под Вологдой. Родители его, Феодосий Сергеевич и Ксения Алексеевна, всю жизнь проработали на селе, трудятся и до сих пор. Детей своих они растили добрыми, честными, трудолюбивыми.

В 1971 году Саша пришел в первый класс средней школы № 6. В детстве, как и всякий мальчишка, любил мяч во дворе погонять, зимой покататься на лыжах. Не забывая, правда, и дома по хозяйству помочь.

— Саша был хорошим сыном, — говорит Ксения Алексеевна. — В семье он был примером для младших. Многие мог сделать самостоятельно — пришить, погладить, вымыть. В письмах из армии давал хорошие наставления брату и сестре.

Из всех детских увлечений вскоре определилось одно, главное, — велоспорт. Саша очень серьезно относился к тренировкам. Не ленился утром встать пораньше и до начала занятий успевал проехать для разминки километров 15–20. Участвовал в соревнованиях. Со временем пришли и успехи, и грамоты, призы.

Свой любимый вид спорта Саша не оставил и после окончания школы, когда поступил в Молочный институт. Учиться было трудно. Постоянно не хватало времени. Он уже выполнил норматив мастера спорта, соревнований стало еще больше, в основном с выездами в другие города. Упущенное в учебе приходилось наверстывать ночами. Правда, помогали и товарищи.

Друг Саши еще со школьной скамьи (вместе занимались спортом, вместе поступили в институт) Федор Шоничев рассказывал:

— Сашу в нашей группе все любили. Великодушный был, выдержанный, никогда голоса не повысит. Всегда

готов был прийти на помощь другому. Причем не напоказ, а от души.

Спорт, конечно, многое дал Саше. И не только физическую закалку. Он воспитал волю, дух товарищества, взаимовыручки, умение преодолеть себя, не пасовать перед трудностями.

Окончен институт. Пришло время служить в армии. Он был готов к ней, но не знал еще, какие суровые испытания ждут впереди. А впереди была – война...

После окончания учебного подразделения прибыл в батальон. Десять дней карантин. Батальон только что вернулся с крупной операции по выводу из Афганистана первых шести полков*, был измотан до предела и в длительные рейды пока не выходил.

Первый боевой выход Саша представлял себе немного иначе. Думал, придется испытать все сразу – и тяжесть горных переходов, и свист пуль, и разрывы снарядов. Но первые боевые операции проходили “мирно”. Потом, конечно, все было. И такое было, что вообразить невозможно, а поверить трудно, если не пришлось испытать самому.

В батальоне, на зимних квартирах, наша разведрота находилась редко. Разведке всегда дело найдется. Засады, сопровождения автоколонн, рейды, прочески кишлаков и ущелий. Саше чаще приходилось бывать в горах. Нагрузки страшные – и физические и моральные. Приходилось и товарищей в бою терять, и самому стоять на краю смерти.

Когда рота возвращалась домой, первым делом Саша спрашивал почту. Писем за три-четыре недели приходило много. Он часто читал их вслух, вспоминая родные места, очень ждал того дня, когда вернется домой. А ждать уже оставалось немного.

Весной 1987 года проходила большая операция на юге Афганистана, в районе города Кандагар. Саша был уже командиром боевой разведывательной машины. Условия очень сложные – зной до 60 градусов, трудные горные перевалы. А на тебе бронежилет, автомат, шесть магазинов, РД (рюкзак десантника: запасной боекомплект, банка консервов, сухари, сахар и, конечно, вода). Ничего лишнего, но и этот груз нещадно гнетет, особенно когда жара

* Речь идет об осеннем выводе 1986 года, осуществленном еще до подписания Женевских соглашений по Афганистану. – *Примеч. сост.*

неимоверная, да еще опасность грозит со всех сторон. Всякое было во время этого выхода. Но боевая машина Александрова не подвела ни разу. Здесь у всех высшая мера ответственности. Каждый знает: отказ оружия или техники в бою — это гибель. А жизнь у каждого одна.

Сашу уважали в подразделении за его спокойствие, рассудительность, доброту. Он был старше многих из нас, все-таки пришел на службу после института. Старшинство это проявлялось по-доброму, по-человечески. Сам он в то время писал друзьям на родину: “За полтора года службы много было всего — плохого и хорошего. Было трудно, даже очень. Но радостно на душе за то, что сумел преодолеть трудности, преодолеть какую-то черту”.

...И был последний бой.

Рота получила боевую задачу — провести разведывательно-поисковые действия в районе кишлака Дахана провинции Герат. Бронегруппа в составе четырех боевых машин вышла на марш утром 27 июля. Продвигаясь в заданный район, подразделение должно было пройти “зеленку”*. Надежда командира роты гвардии старшего лейтенанта Владимира Харитонов — даст бог, прорвемся — не сбылась. Прорваться без боя не удалось. Душманы** вели огонь перекрестно, с двух направлений.

Боевая машина, на которой находился Саша, шла в голове колонны, поэтому ее хотели подбить в первую очередь. Неизвестно, что было бы, углубись рота еще хоть на километр в “зеленку”, где маневру препятствовали арыки.

Прикрываясь огнем, рота стала отходить. В это время и настигла Сашу прицельная пуля. Ранение было тяжелым — в живот навылет. Через сорок минут он скончался.

Он один погиб в этом бою. Война беспощадна и неумолимо взимает свою кровавую дань. Ее жертвой пал и Александр Феодосьевич Александров. Его смерть стала подвигом во имя верности долгу.

В похоронке написано: “Он прожил короткую, но яркую жизнь беззаветного защитника социалистической Родины, до конца выполнив свой священный долг перед Отчизной”.

Е. Чубурин

* Зона зеленой растительности.— *Примеч. сост.*

** Душманы — в переводе “враги”.— *Примеч. сост.*

СЫН ВОЕННОГО

Строчит пулемет, поднимается взвод,
Но многие больше не встанут,
И к Родине сын никогда не придет
Из пламени Афганистана...

Виктор Верстаков.

Из "афганской" песни

Отца перекидывали из гарнизона в гарнизон, а вместе с отцом моталась и семья. Первый класс Андрей Амосов закончил в Эстонии, со второго по седьмой учился в Германии, а аттестат о среднем образовании получал в городе Печоры Псковской области. Постоянная смена преподавателей не помешала ему закончить школу с аттестатом, в котором проставлено 11 пятерок и 5 четверок. К тому же, разносторонне развитый, он брал призовые места в спортивных соревнованиях, художественной самодеятельности.

Все свои способности Андрей подчинял заветной цели — стать офицером. Он любил говорить о себе: "Ведь я сын военного". Мечта осуществилась: в 1977 году он поступил в Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище и закончил его с отличием.

По окончании — далекий гарнизон в Уссурийском крае.

Самые трудные испытания в его жизни начались в июне 1983 года, когда он был назначен замполитом роты десантно-штурмового батальона, стоявшего под Джелалабадом. Новая должность многому научила, многое подсказала. На операциях Андрей ходил обычно в замыкании, помогая отстающим солдатам.

Осень в Афганистане — самая благодатная пора для инфекционных заболеваний. В это время в ротах остается наименьшее количество личного состава — тиф, малярия, дизентерия, а чаще всего гепатит, косят направо и налево. Не обошла эта участь и Андрея. Два месяца провалялся он в госпитале. Зато когда вернулся в часть в начале нового, 1984 года, его встретила долгожданная весточка из Ленинграда: жена писала, что родился сын.

Преодолевший тяжелую болезнь, обрадованный счастливым событием в семейной жизни, он и письма писал бодрые, оптимистичные.

Последнее из них он отправил за три дня до гибели...

Из Пакистана шел очередной караван с оружием для отрядов оппозиции. 8 апреля в тыл к мятежникам высадилась группа захвата. Бой оказался неравный. Пять человек этой группы были окружены и с караванной тропы начали отходить в горы, ведя тяжелый оборонительный бой. Командир вышел по радио на разведку армии, доложил обстановку, но наступила ночь. Ночью в горах вертолетный поиск практически безрезультатен.

Утром по тревоге были подняты две десантно-штурмовые роты на выручку попавшим в тяжелое положение соседям. Замполитом одной из рот был Андрей Амосов.

С вертолетов они десантировались в район боя, но спецгруппу не обнаружили. Начались поиски. Если даже товарищи по оружию погибли, надо было найти их тела. Повзводно по гребням гор десантники начали прочесывать назначенный район в направлении перевала Суруби (главный перевал между Кабулом и Джелалабадом). Первые сутки поиска результатов не дали. Андрей взял на себя командование частью роты и повел солдат по указанному маршруту.

Душманы устроили засаду, пропустили головную группу наших и открыли огонь. Взвод залег, организованно заняв оборону, командир укрылся за камнем. Но духи засели чуть выше по склону горы и били оттуда прицельным огнем. Подавая одну из команд, Андрей приоткрыл себя и был ранен в голову. Он хладнокровно разорвал ИПП (индивидуальный перевязочный пакет) и начал забинтовывать рану. На помощь к командиру бросился рядовой Подвласов. Не добежав до Андрея нескольких метров, он упал, сраженный вражеской пулей. В двух бронезилетах пополз к Амосову рядовой Савчин, но погиб и он.

Душманы догадались, что ранен командир, и, сменив немного позицию, повели по Андрею прицельный огонь. Вражеский снайпер попал ему в грудь и в обе ноги. Андрей уже не мог двигаться и отползти за валун, на другую сторону своего укрытия. Но, четырежды раненый, он все еще пытался подавать команды.

Взвод вел бой до темноты. Ночью десантники

на руках спустили с гор своего замполита, скончавшегося от потери крови.

А домой, на Вологодчину, еще шло письмо от Андрея.

“Привет из Джелалабада!

Здравствуйте, дорогие мои мамочка и папа!

С приветом к Вам и массой наилучших пожеланий в жизни, а главное, доброго здоровья и всего самого наилучшего, ваш Андрей.

Немного о себе. У меня все по-прежнему, без изменений; до проверки остается все меньше дней, работы все больше и больше, но это уже пройденный этап – ничего страшного. Целыми днями приходится заниматься писаниной, но и этим меня не удивишь. Единственная и мало-значительная новость, которая, видимо, вызовет у вас только улыбку, – постригся наголо и побрил голову. Мне нравится, голове легко, если получаются фотографии, то посмотрите, на кого я похож. Новый командир роты вроде ничего: хотя мне кажется, что можно войти в курс дела и быстрее, и работать активнее. Я же занимаюсь сейчас исключительно своими непосредственными делами и в другие вещи не суюсь.

Лариса пишет, что дома все нормально, это хорошо. Особой скуки и тоски не испытываю, как бывало раньше, до болезни – порой было неумоготу, и грустить некогда, хотя хотелось бы, чтобы время летело быстрее. Здоровье хорошее, чувствую себя нормально, погода тоже стоит отличная; хотел бы активно заняться физзарядкой и спортом, но, думаю, еще рано давать нагрузку на печень. Вот и все мои новости.

До свидания, искренне обнимаю Вас, ваш Андрей.

07.04.84.

Дорогой папа! Еще раз поздравляю тебя с днем рождения. Скоро будет год службы в ДРА, видимо, будут составлять списки на замену”.

* * *

Указом Президиума Верховного Совета СССР за успешное выполнение задания по оказанию интернациональной помощи ДРА Амосов Андрей Николаевич награжден орденом Красного Знамени (посмертно).

В. Пресников

УЛИЦА ПАМЯТИ И БОЛИ

Он ранен. Тебя посылали к нему,
Ты сел под обстрелом на скалы,
Железная птица в сигнальном дыму
С гранитным слилась пьедесталом.

Погрузка закончена. Двинут "шаг-газ".
С трудом отрываешь машину.
Ты в небе! Ты выжил, и ты его спас —
Бойца с безымянной вершины...

*Виктор Верстаков.
Из "афганской" песни*

Одна из улиц в поселке Хохлово стала носить имя Вадима Артамонова с 24 сентября 1989 года. В этот день Вадиму исполнилось бы 24 года.

На этой улице Татьяна Аркадьевна Артамонова с сыном Женькой бывает очень часто. И потому, что улица эта упирается в здание участковой больницы, где она работает медицинской сестрой, и потому, что здесь живет мать Вадима и бабушка Женьки — Валентина Вениаминовна.

— Улица нашего папочки... Улица боли и памяти нашей, — чуть слышно говорит Татьяна сынишке, словно сама себе говорит. Да так оно и есть. Ведь Женька еще маленький и ничего не понимает. Когда он подрастет, она все-все расскажет ему об отце.

Расскажет, что его папа рос смывленным, крепким мальчиком. Что еще в детском садике он очень любил рисовать ракеты и самолеты с красными звездочками на крыльях, любил играть в "военные" игрушки, с детства мечтал стать военным. Что самым радостным днем в его жизни был тот, когда он пошел в школу. Он очень любил учиться...

Женька узнает, что мальчишкой его отец увлекался спортом и неизменно участвовал во всех соревнованиях. Он был добродушным, скромным и честным. Никто и никогда не слышал от него грубого слова. И хотя в Хохловской средней школе был "новеньким" — пришел уже в седьмой класс, он быстро обрел друзей.

Мама расскажет Женьке, как, воплощенная сначала в детских рисунках, стала реальностью мечта его отца. Вот они, рядышком, сверкающие сталью крылатые супермашины — МИГи и СУ. А он, Вадим Артамонов, — молодой лейтенант, закончивший Кировское военное авиа-

ционно-техническое училище. В училище, как и в школе, он с удовольствием занимался спортом, был активным комсомольцем. Примерного курсанта приняли в коммунистическую партию. Самым же памятным днем в жизни будущего офицера было 5 сентября 1982 года – день принятия военной присяги. Но вот позади лейтенантский бал, и в должности бортмеханика он с женой Татьяной выехал для прохождения службы в Белорусский военный округ. А 24 мая 1986 года родился Женька. Он был совсем крохой, когда отца командировали на ликвидацию последствий Чернобыльской аварии. Сейчас всем известно, как и в каких условиях там приходилось, что называется, вкалывать. Четыре долгих, томительных месяца – с июля по октябрь – Женькин отец на совесть выполнял порученную ему работу. Она была отмечена орденом “Знак Почета”.

Когда Женя придет в Хохловскую среднюю школу, он увидит альбомы о своем отце, оформленные школьниками. Вот страничка о наградах отца. Наверное, Женя еще долго не сможет понять, как случилось, что и “Знак Почета”, и медаль “За боевые заслуги” – обе награды получены в мирное время.

“Спрятанная война”...

“Секретная война”...

“Необъявленная война”...

Не разобраться в сути этих беспощадных синонимов детскому уму.

Но в день памяти Вадима Артамонова, который ежегодно отмечается в школе 30 апреля, вместе с другими учащимися встанет в минуту молчания и Женя.

* * *

Вадим Артамонов был направлен в Афганистан в сентябре 1987 года. Службу проходил в городе Джелалабаде – административном центре провинции Нангархар. Приграничная с Пакистаном, эта провинция являлась одной из самых “горячих” точек Афгана. Среди местного населения были сильны позиции мятежников, здесь находились крупные повстанческие отряды.

Вадима зачислили в группу спасателей наземного поиска. Выручить попавший в адское положение экипаж, отремонтировать сбитый вертолет – вот работа спасателей.

Последний раз Вадим участвовал в такой операции в марте 1988 года.

...Экипаж подполковника Нуруллина вылетел на до-смотр караванов. Духи знали его маршрут* и сидели в за-саде, но в последний момент он немного изменил марш-рут и пролетел в другом ущелье, параллельно, зайдя ду-хам в тыл. Экипаж здорово “пощипал” их, но и сам по-страдал. Пули прошли через блистер, пробили масло-насос, повредили редуктор; были раненые десантники. Вертолет сделал вынужденную посадку в 50 километрах от Джелалабада.

Через час Вадим и его боевые товарищи летели на выручку экипажу. За несколько часов, под обстрелом духов, вертолет был восстановлен, на нем и прилетели наши парни. Пролетали с боем, так как вертолет находил-ся в “духовском” районе, ребята подверглись обстрелу. Машина была переполнена, но дошли удачно. За эту опе-рацию многие бойцы были представлены к правительст-венным наградам. Вадим, в частности, — к ордену “За службу Родине”.

В те весенние дни 1988 года все жили ожиданием встре-чи в Женеве и ее результатов. И вот наконец 14 апреля Женевские соглашения были подписаны министрами иностранных дел Афганистана и Пакистана и в качестве гарантов их выполнения — СССР и США. По обе стороны Амударьи люди вздохнули с облегчением.

Вадим писал жене о том, что готовы уже машины, на которых будет осуществляться вывод войск из Афгани-стана, что первыми должны выходить военные части из Джелалабада...

Однако оппозиция грубо нарушала свою часть обяза-тельств. Наши гарнизоны и даже мирные кишлаки по-прежнему подвергались ракетно-артиллерийским и ра-кетно-минометным обстрелам со стороны моджахедов**.

30 апреля 1988 года во время ремонта вертолета Вадим был тяжело ранен осколком снаряда, направленного на аэродром. Осколок попал в руку, пробил правое легкое и вошел в сердце. Три часа длилась операция. Ему перелили

* Объяснение таким фактам можно найти в уже упоминавшейся книге “Тайны афганской войны”, где, в частности, говорится: “...В связи с тем, что все операции проводились совместно с афганской армией, планы боевых действий доводились до афганцев, и они сразу же становились достоянием оппозиции”. С. 66.— *Примеч. сост.*

** Так стали называть себя мятежники, что означает — “борцы за веру”.— *Примеч. сост.*

шесть литров крови, трижды сердце останавливалось и после основательного массажа начинало работать снова. После операции Вадим жил три часа, большего сердце его не вынесло...

Бережно хранит Татьяна Аркадьевна фотографии, письма и личные вещи мужа. Среди них и пробитая горячим осколком снаряда автоматическая ручка, что лежала в левом нагрудном кармане форменной рубашки. Когда подрастет сын Женя, мать расскажет ему об этом. А пока они ходят по улице имени Вадима Артамонова молча.

В. Борисов

“РАБОТАТЬ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ВОЕВАТЬ”

Не изучены свойства
Наших душ на войне.
Кто-то бредил героизмом,
А мы пели про снег,

Про края, где родились,
Да про шорох берез,
И совсем не стыдились
С пылью смешанных слез.

*Игорь Морозов.
Из “афганской” песни*

Раннее детство Володи Баскова прошло в деревне Сергеево Вологодского района. Неторопливая речка Вологда, таинственная даль синеватых в закатных лучах солнца лесов, медвяный аромат высоких травостоев на заливных лугах – это было поистине живописное местечко, каких, впрочем, немало на нашем добром Севере.

Родители Володи, Валентина Александровна и Валентин Владимирович, работали в племзаводе “Молочное”. Мама – доярка, отец – комбайнер. Жили они тогда в доме у бабушки, Августы Александровны. Обычная, работающая сельская семья.

Бабушка души не чаяла в своем первенце-внуке, и Володя отвечал тем же, любил ее искренней детской любовью. Когда родители получили квартиру в недалекой деревне Пестово, мальчишка никак не хотел уезжать от бабушки и потом бегал к ней постоянно.

В Пестово Володя стал первоклашкой. Здесь, в небольшой начальной школе, учительница Екатерина Афанасьевна Павлова пестовала любознательных питомцев первые три года. Володя не выделялся среди своих сверстников: радовался хорошим отметкам, унывал от неудач, ссорился и вновь заводил дружбу с ребяташками. А в свободное время крутился около отца и часто ему говорил: “Вот вырасту большим и буду, как ты, тоже комбайнером”.

Вскоре семья переехала в деревню Ильинское, где Володя пошел в Молочненскую поселковую среднюю школу. Учебу продолжил в Кубенском профтехучилище. Практику со своим другом Юрой Тихомировым Володя проходил в родном хозяйстве “Молочное”. Наставники его написали в характеристике: пытлив, добросовестен, за что и заслужил уважение механизаторов.

Быстро пролетело время учебы, и в 1985 году Володя вернулся в “Молочное”. Сначала работал помощником комбайнера, а потом юному механизатору доверили трактор. Это была его мечта. Бережно и с любовью, словно к живому существу, относился Володя к своей “Беларуси”, держал технику в порядке, а когда требовался ремонт, не считался со временем. Его старательность, сметливость, ответственность были замечены в коллективе, и первой ласточкой признания его самозабвенного труда стало благодарственное письмо руководства предприятия: “Выражаем Вам, Владимир Валентинович, сердечную благодарность за добросовестное отношение к труду, активное участие в проведении весенне-полевых работ в 1986 году”. Вот так: ни больше ни меньше – Владимир Валентинович! Значит, стал он в один ряд с уважаемыми людьми в коллективе! Своей радостью он поделился с мамой, которая была для него другом и советчиком. Это ей и только ей он доверял свои сокровенные тайны, рассказывая о радостях и неудачах, поведал о первой любви. Хотя и времени-то у Валентины Александровны не хватало (у доярки редко когда выкроится свободный час), но для Володи мама находила минутку всегда, согревала его своим вниманием.

Приближалось время осеннего призыва в армию. Володя с гордостью говорил Валентине Александровне, что теперь настал его черед надеть солдатскую шинель. 10 октября он простился с родными, друзьями и близкими. Воинский путь начал в Ленинграде, закончил в Джелалабаде. Не в пример нам, его сверстникам, Володя готовил себя к армейской службе. Но даже и ему было трудно вписаться в тяжелые реалии военного бытия. Его первые письма домой и друзьям скупы, суровы, отрывисты. Но, перечитывая дальнейшие Володиные письма, прослеживаю, как оттаивает его душа среди однополчан, как крепнет дружба парней, как помогает им в нелегкую минуту плечо друга.

Однако нет-нет да и прорвется в письме тоска по дому. В весточке маме: “Очень хочу домой. Если бы ты знала, как я по вам скучаю!” Или: “Вот бы сейчас домой, молока бы с пирогом поесть...” И дело не столько в том, что ему, выросшему в душевной атмосфере любящей семьи, было трудно привыкнуть к тяготам армейских будней. И не в том даже, что неброская березовая опушка милее сердцу, чем пышные гранатовые рощи, хотя

ни в коей мере это обстоятельство не сбросишь со счетов. И уж конечно, не в осточертевшем сухпайке не лезшем в горло в сорокаградусную жару и вызывавшем воспоминания о маминых пирогах и остуженном молоке.

Глубже и сильнее причины тоски по дому.

Володина душа не принимала войну. В одном из писем главному инженеру племзавода В. П. Гребневу, с которым у Володи сложились добрые отношения, он писал: "Я здесь насмотрелся столько смертей и понял, как необходимо мирное небо над головой. Берегите мир и друг друга, будьте милосерднее во всем". Успевший подержаться за рычаги мирной машины на мирном поле, Володя писал отцу из Асадабада: "Папа, работать лучше, чем воевать..." И снова о том же — в письме, датированном 20 августа 1987 года: "Для меня главное на тракторе работать, видимо, я для этого и создан". Вскоре он делится с родными своей радостью: "У меня есть небольшая новость. Я в сентябре получу машину ЗИЛ-131, так сказал командир батареи, а тягач сдаю другому".

Шла жестокая война, и в ней мужала юность. Мужала — и вырабатывала свои, четкие и верные, представления о мире, о счастье, о справедливости. Не всем судьба дала нести эти ценности дальше в жизнь...

В Афганистане наши парни гибли не только в бою.

Еще одна беда, порой не менее опасная, чем душманская пуля, подстерегала ребят. Проклятая инфекционная желтуха, разьедавшая печень. А еще малярия и другие какие-то болезни. В горах, в засаде, порой приходилось сидеть без воды. Ее, конечно, брали с собой, даже жертвовали ради лишней фляги едой. Но особенно много не запасешь.

*<...> Если уж совсем языки от жажды "высыхали", ребята отворачивали увесистый камень, прижимались языками к прохладному его боку. Из случайных источников пить категорически запрещалось. Не все выдерживали... Специальные обеззараживатели не всегда помогали. Вместе с водой случалось заглатывать возбудителей болезней...**

В хмурые осенние дни 1987 года в семью Басковых пришло письмо, написанное незнакомым почерком.

* Фирстова Р. "Афганец" на родной земле // Наш современник. 1989. N 2. С. 162.

“Здравствуйте, уважаемый Валентин Владимирович. Пишут Вам друзья-сослуживцы Владимира. Володя был хорошим заряжающим и неплохим механиком. На одном из боевых выездов 17 сентября он заболел малярией. 29 сентября его отправили в госпиталь в Желалабад. Володя перенес несколько тяжелых операций, вроде бы пошел на поправку, но потом ему стало хуже, организм не справился, и 21 октября 1987 года Володя скончался”.

При входе на кладбище деревни Белое стоят два памятника воинам-“афганцам” – Володе Баскову и Саше Александрову, который погиб в тот же год, что и Володя. Склоним же низко головы перед их светлой памятью, постоим, помолчим.

В. Зорин

НАДЕЖНЫЙ БЫЛ ПАРЕНЬ

У нас в подразделении ребята служили в основном из России, Белоруссии, с Украины, Урала, из Сибири, большинство — из сел, люди, к труду привычные. Я знаю, есть деревни, куда похоронок пришло больше, чем в наш, самый большой, полумиллионный район Москвы.

*Сергей Князев,
воин-интернационалист*

1984 год. 2343 жизни. Это были самые большие потери личного состава ОКСВ за девять лет афганской войны. Прибавлялось могильных холмиков и на Вологодчине. В двадцать семь семей черным горем вошел этот год, уложивший под кладбищенскую плиту каждого третьего из погибших “афганцев”. В деревне Красково Харовского района лежит в сырой земле двадцатилетний Сережа Башмаков, оставивший о себе хорошую память у всех, кто его знал.

Он родился 12 марта 1964 года в деревне Терешиха Слободского сельского Совета Харовского района. Трудовая биография родителей связана с колхозом “Катрома”. Отец, Анатолий Александрович, — механизатор, мать выполняла разные работы. Они растили четырех дочерей и двух сыновей, семья была дружная и трудолюбивая, так что никто не удивлялся, что с девяти лет Сережа охотно выполнял всякую крестьянскую работу: косил, заготавливал корм скоту, ухаживал за коровой и телятами.

Со второго по восьмой класс учился в школе-интернате города Харовска. Сережа увлекался столярным и слесарным делом, ни один конкурс мастерства не проходил без него. Скромный, работающий мальчик. Любил дом, деревню, семью, родных — таким запомнился он в школе.

Жители Терешихи тоже помнят Сережу добрым, общительным, услужливым. Например, всем деревенским бабушкам он посадил цветы около домов, пытаясь по своему скрасить их старость.

У Сережи никогда не было помыслов уехать из отчего дома, поменять его на городскую жизнь. Он с детства хотел жить только в деревне, пахать землю, растить хлеб. После окончания восьми классов Сергей учился в

Кубенском профтехучилище и получил специальность тракториста-машиниста широкого профиля с квалификацией слесаря. Вернувшись в родную деревню, он сел на трактор отца, которого по состоянию здоровья перевели на другую работу. “Надежным был парнем”, — вспоминают о Сереже земляки. Работать ему пришлось недолго: в марте 1983 года Сергея призвали в армию.

Евстолия Николаевна дрожащими от горя и волнения руками перебирает письма. Сережа часто писал. Семнадцать писем пришло от него из Афганистана. Семнадцать мгновений его короткой военной биографии хранят дорогие странички, наполненные его чувствами, переживаниями, заботой о близких, повествующие о том, каков он, Афган. Каждую строчку Евстолия Николаевна знает наизусть.

“...Летом и зимой, вообще круглый год, днем стоит жара, в тени — плюс 35–40°, на солнце — плюс 45–60°. Осенью и зимой ночи холодные. Уже сейчас на посту стоим в пиджаках и фуфайке...” (из письма от 25 сентября 1983 года).

“...Сейчас все время в гнездах, и вот снова выезжаю на очередное задание, первый раз полечу на вертолете...” (из письма от 25 февраля 1984 года).

“... А 11 марта снова выехали на задание и вот только вернулись 5 апреля...” (из письма 7 апреля 1984 года).

“...Сейчас в Афганистане идет 1363 год*. Погода сухая” (из письма от 22 июня 1984 года).

Пулеметчик Сергей Башмаков служил в подразделении по охране одной из дорог, связывающих Кабул с центрами провинций. На основных коммуникациях страны мятежники проявляли наибольшую активность, нападая на посты и заставы, минирова участки дорог, устраивая засады. Сергей сам попросил послать его на задание, оказавшееся последним. Не вернулась с задания вся группа — двадцать человек.

Командир войсковой части, где служил Сергей, написал его родителям: “Ваш сын был мужественным и храбрым воином, добросовестно выполнял свой интернациональный долг”

Погиб Сергей Башмаков 11 июля 1984 года.

М. Широкова.

Литобработка Ю. Леднева

* У народов, исповедующих ислам, летосчисление ведется от 622 года н. э. (от даты переселения Мухаммеда — основателя ислама — в Медину). — *Примеч. сост.*

“ПРИ НЕВЫЯСНЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ...”

Рефрен “все нормально” звучал как заклинание, благодарение всевышнему, чья милость их не оставила.

Александр Проханов.
Кандагарская заставка

“Привет из Кабула! Здравствуйте, мать и отец. С большим приветом к вам Сергей. Итак, я вам уже писал, что служу в Афганистане около города Кабула. Служба идет нормально, кормят тоже хорошо. Только здесь очень жарко... но ничего, сейчас и к этому привыкаю. Ну что еще писать, народ здесь большинство неграмотный, мулла для них это все. Слушал, как он читает эти молитвы, но ничего не понял. И одеваются интересно, женщины и сейчас в парандже ходят, так что лица не видно, и одежда такая широкая и длинная, посмотришь, смешно становится. Пишите, как у вас дела. До свидания. Жду. Сергей”.

Тысячи таких писем пересекали нашу южную границу, но только *это* ждала с замиранием сердца Екатерина Васильевна. Хотя бы несколько строчек. Хотя бы два слова: жив — здоров. Она и сама в Великую Отечественную пороху понюхала. Так что экзотика экзотикой, а когда автомат в руках держишь... в общем, она представляла то, о чем Сергей явно умалчивал...

Семья Беловых жила в деревне Погорелки, что недалеко от Шексны. Жили вчетвером: мать, отец, Сергей и сестра его Ира. Отец, Николай Александрович, всю жизнь имел дело с лошадьми и до сих пор работает конюхом в колхозе. Екатерина Васильевна — тоже из тех тружениц, на которых мир держится, к тому же — фронтовой закалки. В 1942 году, окончив водительские курсы, получила грузовичок ГАЗ-АА и до победы не расставалась с ним. Войну закончила в Польше — на колесах. Несколько раз попадала под бомбежку, но осталась жива, даже не ранило ни разу.

Пожились Николай Александрович и Екатерина Васильевна в 1959 году, а 1 января 1960 года родился сын.

Когда подрос, появилась у него сестренка. Деревня небольшая, но у соседей тоже ребята были, так что младшие Беловы не скучали. В школу приходилось ходить в другую деревню, за три-четыре километра. Дороги плохие, в половодье еще река разольется. Учителя спрашивают: "Как же вы добрались?" – "А по льдинам". Летом на плотках катались вниз по реке. Потом велосипедами обзавелись. В общем детство как детство.

В школе Сергей отличником отнюдь не был. Даже скорее наоборот, о чем свидетельствует длинный ряд троек в книге учета и записи выданных свидетельств. Только по физкультуре и "трудам" у него четверки. И кто знал тогда, какие предметы окажутся для него важнее...

После восьмого класса Сергей вместе с друзьями поехал в Вологду. Учился в ГПТУ, где и получил профессию электромонтажника. Приближалось время призыва в армию, но до осени еще целое лето. Решил вернуться в родной совхоз. До октября и поработать можно, и с друзьями погулять. У Сергея ведь и девушка была. Вместе на танцы ходили, дружили, одним словом. Но пришел октябрь...

"28.01.82. Привет из ДРА! Здравствуйте, мать и отец! С большим приветом к вам Сергей. Письмо получил, но с ответом задержался, сейчас делать нечего, сижу и пишу... Живу по-старому, здесь снегу нет, но когда подует ветер, то становится холодно, ну а днем солнце светит, а время летит быстро. Да, я хочу узнать, как там дела насчет бани, знаешь, хорошо, приеду и в новой бане помыться – мечта. Мама, а девять месяцев это много. Напиши, чем батя занимается... Сейчас стоим в карауле уже пятые сутки. Ну вот вроде и все. До свидания. Пишите. Жду. Сергей".

Читаю это письмо и думаю: Сережа и сам не заметил, как рука почти рядышком вывела, что быстро летит время, но девять месяцев – это много. Конечно, быстро время летит для тех, кто не томится ожиданием...

"4. 02.82. Кабул. Здравствуйте, мать и отец! С солдатским приветом к вам Сергей. Письмо от вас получил и вот пишу ответ. Живу нормально, два дня назад шел снег, сырой, сразу стало грязи много, правда, сейчас уже весь стаял, только остался в горах, и все. Погода нормальная, ночью холодно, днем тепло, и так каждый день. Вот уже стоим в карауле вторую неделю, это немного лучше, чем в батарее: два часа отстоял, четыре отдыхаешь. Мама, мне

еще рановато думать о какой-то там свадьбе, потому что служить в этой чертовой стране девять месяцев, ну а потом надо отдохнуть от всего этого... А фотки у меня пока нет. Передавай привет всем. До свидания. Пиши. Жду. Сергей”.

И снова – неволью – тот же трудно скрываемый мотив тягостного ожидания: еще девять месяцев. А в “чертовой стране” даже дням счет идет, здесь даже девять дней много...

Сергей погиб 9 февраля.

В мирных Погорелках полыхнуло пламя Афгана:

“Извещение N...

Уважаемый Николай Александрович! С прискорбием извещаю Вас, что Ваш сын младший сержант Белов Сергей Николаевич, выполняя боевое задание, верный военной присяге, погиб 9 февраля 1982 года.

Примите искреннее соболезнование и сочувствие по поводу постигшего Вас горя.

Шекснинский военный комиссар майор Струков”.

Погиб, выполняя боевое задание, – вот и все на то время сведения об обстоятельствах смерти Сергея.

Позднее родители получили более подробные сведения, но и сегодня эти обстоятельства не полностью известны, – по крайней мере, для семьи Беловых.

Я пошел в облвоенкомат: может быть, там есть какие-нибудь дополнительные свидетельства? Но в документах оказалась лишь краткая справка: “Сгорел в палатке при невыясненных обстоятельствах”.

Но, собственно говоря, почему “при невыясненных”? Существует где-то уголовное дело. Судили виновных. И родителей Сергея приглашали на суд, да не под силу им было ехать через всю страну. Вот и остались обстоятельства невыясненными.

Зимой в палатках холодно. То ли солдаты печку – бак железный – соляркой заправили, а дневальные уснули и оставили “печурку” без присмотра, то ли еще что. К чему теперь слухи собирать.

А тогда, в 1982-м, к родителям пришли сначала четверо: военком, председатель сельсовета, врач и дочь Ирина. Через два дня привезли гроб. Он был полностью заварен и даже без окошка. Муж Иры привез автоген. Гроб хотели вскрыть, но не решились, так как военком говорил, что нельзя. Подумали и решили не вскрывать.

“Можно и под трибунал угодить!” Так и не пришлось посмотреть родителям на своего сына в последний раз.

Сергея в 1989 году Вологодский ОВК представил к награждению орденом Красной Звезды, и на том спасибо.

Но родителям ничто не возместит тяжелую утрату. Болью в сердце живут воспоминания о том страшном дне, когда гроб с телом сына был уже опущен в могилу, а почтальон шел к их дому с последним письмом еще живого Сергея.

П. Соколов

МАТЬ

Нам досталась сердечная рана
Ориентир потерявших мужей,
Серповидные шрамы Афгана
На безбожных телах сыновей...

Лариса Васильева. 1989

Ах это вешнее материнское сердце! Александра Ивановна заболела сразу после того, как Павлика отправили в Афганистан. Ее подлечили и попросили поработать в больничном отделении санитаркой:

— Выручите нас, а мы вас будем подлечивать: сына ждать еще долго.

Там, в больнице, мы с ней и познакомились.

Тревога не отпускала ее, хотя в письмах от сына не было ничего такого, что вселяло бы беспокойство: Павлик занимается строительством казармы, красит забор, охраняет мирный труд афганских рабочих. И командир Иван Кириченко, по словам Павлика, — человек хороший... Последнее письмо сулило скорую встречу: “Ура! До приказа остается 23 дня! Ждите! Ваш Павел. 3.IX.82”.

Помню день, когда и врач, и дежурная медсестра пришли на работу, сияя от радости: сыновья вернулись со службы.

— Скоро и мой Павлик придет, — тихо сказала Александра Ивановна.

А на следующий день А. И. Бесенкова не вышла на работу.

* * *

Письма, хранящиеся в семье Бесенковых, частично выстраивают трагическую хронику обстоятельств, приведших к смерти их сына.

“Здравствуйте, Александр Александрович и Александра Ивановна! Пишут вам и выражают свое соболезнование друзья Павла, которые на протяжении двух лет служили вместе с ним.

Дорогая Александра Ивановна, вместе с вашим сыном и нашим другом Павлом мы неоднократно ходили на выполнение боевых задач, и всегда Павел выполнял их на "отлично", за что не раз получал благодарности от командования части. И за знание своей воинской специальности, и за храбрость при обезвреживании взрывоопасных предметов, используемых мятежниками против военизированных колонн, он награжден нагрудным знаком "За разминирование", который повез вам Борис Ткаченко. Он скоро у вас будет.

Дорогая Александра Ивановна! Мы, друзья Павла, хотим вам сказать большое спасибо за вашего сына, он был хорошим другом, честным, добросовестным и очень веселым. Даже в то время, когда вроде бы и нельзя было смеяться, когда на душе у всех было тяжело, Павел брал гитару, пел и поднимал всем настроение. Вот таким был ваш сын, пока не умер от болезни брюшной тиф. Высылаем вам негативы, где запечатлены Павел и его друзья, и адрес его лучшего друга Бориса Ткаченко. Декабрь. 1982 г."

"Уважаемые родители рядового Павла Бесенкова! В ответ на ваше письмо об обстоятельствах смерти вашего сына сообщаю, что он 17.XI.82 г. поступил в госпиталь, 19.XI.82 г. переведен в хирургическое отделение с диагнозом: перфорация язв кишечника, разлитой перитонит. Ему сразу же была сделана операция, которая длилась четыре часа. Сделано все возможное, но спасти П. А. Бесенкова не удалось. Заместитель командира части (подпись). 10.03.83".

"В ответ на ваш запрос сообщаем... Заболевание протекало в крайне тяжелой форме с высокой лихорадкой до 41 градуса, выраженной интоксикацией организма... На вторые сутки пребывания в госпитале болезнь получила крайне опасное осложнение. Несмотря на комплексное лечение в реанимационном отделении госпиталя, состояние больного продолжало ухудшаться. 23.XI.82 г. рядовой Бесенков П. А. повторно оперирован. Несмотря на усилия бригады врачей-реаниматоров, 24.XI.82 г. в 22 часа 10 минут наступила смерть. Имело место полное совпадение клинического и анатомического диагнозов. Случай смерти Бесенкова П. А. разобран комиссией по изучению летальных исходов. Дефектов в оказании помощи больному не выявлено.

Дорогие мать и отец Бесенкова Павла. Мы сделали все возможное. Заместитель командира по политической части Кельнов, начальник медчасти подполковник Устьянский. 28.10.83 г."

"Уважаемая Александра Ивановна! Мы случайно получили ваше письмо. Вы нашим офицерам не пишете, они все новые и ничего о Павле не знают. А мы с ним служили недолго. Он заболел, но никто не знал, чем. Долго лежал в палатке, из санчасти ему давали таблетки. Потом его отправили в инфекционное отделение, сказали, что брюшной тиф. А через три дня нам сообщили, что Паша умер. Мы считаем, что болезнь была запущена, организм был истощен... А об Иване Кириченко сообщаем, что он был самым лучшим офицером в роте, отличный парень, он всегда был с солдатами".

* * *

Однажды командир взвода Иван Кириченко застрял с саперами на минном поле до вечера. Быстро опустилась черная южная ночь. Нечего было и помышлять о выходе с поля. Они просидели там до рассвета, опасаясь сделать лишнее движение. А утром, когда вернулись в часть, командир взвода сказал: "Вы думаете, если я офицер, то мне не было страшно? Нет, я из такого же теста, что и вы".

Он оставался живым, этот молодой, красивый лейтенант из Хмельницкой области, пока длинный стальной шуп держали в руках такие надежные и уже опытные саперы, как Павел Бесенков. Потому им и пришлось служить дольше положенного срока, что пополнение прибывало неопытное. А моджахеды, обученные иностранными специалистами в особых центрах подготовки и военизированных лагерях, расположенных на территории сопредельных стран, минную войну вели коварно и умело. Внешние силы поставляли мятежникам огромное количество "взрывоопасных предметов" — от мощных двухсотпятидесятикилограммовых фугасов с дистанционным управлением до мин в пластмассовом корпусе, которые срабатывали после нескольких нажатий на крышку... И как только "стариков" не стало и в рейды пришлось ходить с новичками, Иван Кириченко погиб. Одновременно с ним подорвались на минах еще одиннадцать человек.

Но об этом и многом другом мать узнает позднее, когда обедеет друзей своего сына, побывает в Ленинграде, на Украине и в Белоруссии, узнает, что не строительство полигона и не посадка Аллей дружбы были главным делом сына. У командира второго саперного отделения П. А. Бесеикова была крайне опасная служба. Сапер ошибается один раз. Павлик не ошибся ни разу.

Почему же ему позволили умереть от болезни?

* * *

Пришел из части почтовый перевод на 63 рубля, которые не успели, видимо, выплатить сыну. На обороте бланка торопливая надпись: почтовый сбор 1-20. Хорошо, удержали, но надо ли об этом сообщать? В такой-то час?

Вот в руках матери, наконец, награда сына: нагрудный знак "За разминирование" и удостоверение к нему. В удостоверении написано, что оно "выдано рядовому Бесенко Петру Андреевичу". Чья равнодушная рука выписывала этот документ, полностью переврав имя, фамилию, отчество?

Три инфаркта перенес после гибели сына отец. Стал инвалидом второй группы. Но перед направлением на ВТЭК врачи говорили: "Зачем вам это? Все равно уже на пенсию по возрасту выходите..." Подозревали в корыстных умыслах? Хотя ни на один рубль выше пенсия в результате инвалидности не стала. Написал в областной отдел социального обеспечения с просьбой перечислять деньги на лицевой счет. Указал номер счета и сберкасссы. Три месяца напрасно ждал денег, а когда начал разбираться в этой волоките, то выяснилось: их шлют в совсем другую сберкассу, на другой конец города.

Долгое время родители не имели никаких прав на благоустройство могилы сына. Сердце сжималось при виде временных, покрытых охрой "коробух", которые потом заменили тонкими мраморными плитами. Отец пришел на кладбище как раз тогда, когда эти плиты укладывали, а края могилы обкладывали зеленым дерном. Попросил работавших поплотнее положить дерн. "Подумаешь, какие Александры Матросовы тут лежат", - отозвалась женщина-мастер, руководившая работами.

Не выдержали Бесенковы такой черствости, сами поставили памятник. И получили выволочку "за самоуправство на государственном мемориальном кладбище".

Многое рассказали Александре Ивановне друзья Павла о ее сыне. Но так и не получила она ответа на мучивший ее вопрос: почему Павлу дали умереть от болезни? Как случилось, что он попал в госпиталь за неделю до смерти, в безнадежном почти состоянии? Парни уходили от вопросов, отмалчивались или переводили разговор на общие темы нелегкой службы в Афганистане.

Один из "афганцев", недолго пробывший рядом с Павлом, кажется, в учебке, рассказал, как они однажды встретились в горах Афгана. В ущелье произошло кровопролитное сражение. Погибли десятки наших. Большая группа солдат, в которой был и Павел Бесенков, возвращалась с места боя, неся на себе под знойным южным солнцем тела погибших товарищей. "Я не сразу узнал его, почерневшего, осунувшегося. Слов не было. Мы постояли несколько секунд, посмотрели в глаза друг другу и молча разошлись. Каждый своей дорогой".

От встречи к встрече мать становилась все сильнее и тверже. К личному горю прибавилась боль за этих оставшихся в живых, но таких неустроенных, покалеченных физически или подорванных морально парней.

Город Хмельницкий. Здесь в частном доме, в одной тесной, грязной комнате она увидела девятнадцать поставленных коек. Хозяйка с приездом гостыи кинулась подметать, менять на кроватях белье. Но ни светлее, ни уютнее общага вследствие этого не стала. Одну из коек занимал Сергей Глушков. Тот самый, который сопровождал гроб с телом Павла в Череповец. У Сергея тогда сильно болела простреленная нога. Болела и теперь. Переночевав в доме, Александра Ивановна пошла на другой день к руководству предприятия, где работал Сергей, и не отступилась, пока не получила обещания, что парню дадут место в заводском общежитии.

Небольшой городок все той же Хмельницкой области. В печальный день прибыла сюда мать. Родные и близкие собрались на годовщину гибели Ивана Кириченко. Вздвигать не рассказывал своим подчиненным о семье, и у ребят сложилось впечатление, что у командира никого нет. А оказалось — родители и шестеро братьев и сестер. И эти восемь человек, потерявшие сына и брата, теснились в небольшой трехкомнатной квартире без элементарных удобств.

Взорвалась гневом. Пошла в исполком. Прорвала осаду тех, чья главная обязанность говорить: "Занят, принять не может". Потребовала квартиру для семьи погибшего воина. А когда услышала в ответ упреки в бесцеремонности и сакраментальное: "Не мешайте работать", — объявила ультиматум:

— Если вы не выделите этой семье нормальное жилье, я разошлю телеграммы всем ребятам, которые служили с Иваном Кириченко, и они съедутся сюда и встанут стеной перед вашим подъездом.

Память о погибшем сыне придала Матери силы. И все, что она делала для его друзей и родственников погибших его сослуживцев, — все это было данью сыну. Перед ней закрывали двери, выгоняли из кабинетов, а она стучалась вновь. Только это как-то утешало страдавшееся сердце.

* * *

Через год или полтора после гибели Павлика я встретила А. И. Бесенкову на улице и едва узнала ее — настолько изменилась эта женщина. Потемнела лицом, осунулась, во взгляде — непримиримость. Она рассказала о своих поездках:

— Что еще можно сделать?

— Поберегите себя, Александра Ивановна, скоро о вашем сыне и о таких, как он, будут говорить открыто, расскажут об их службе, поставят им памятники, — сказала я тогда Матери.

Это время наступает..

Л. Мамченко

ГОРЬКИЕ ДНИ НОУРУЗА

Небо голубое, голубое
Над горячей горною страной,
Солнце золотое, золотое –
Там, под ним, идет жестокий бой...

*Виктор Куценко.
Из "афганской" песни*

Последний раз он был в родительском доме осенью 1982 года. Острой болью врезалось матери в сердце прощание перед отъездом. Прежде чем сесть в машину, вспоминает она, крепко-крепко прижал к себе, слегка приподняв над землей, и, целуя, говорил:

– Мама, приезжай к нам в Вознесенск. На Севере у нас ты не была, а в Вознесенск приезжай. Обязательно приезжай.

Неужели сердце чуяло, что не увидятся больше?

* * *

Деревня Долматово Емельяновского сельсовета Кичменгско-Городецкого района. Обычная деревня российского Нечерноземья, в которую до недавнего времени и добраться-то было непросто. Обычная семья Большаковых.

Яков Васильевич в Великую Отечественную дошел до Берлина.

Лидия Васильевна в те годы трактористкой была, на пару с сестрой больше всех в районе среди женщин-механизаторов пашни поднимала. Не в диковинку ей был и комбайн – четыре года хлеба убирала. А потом в том же колхозе и дояркой работала, и свиаркой, овец кормила, в полеводстве трудилась.

Бабушка. Шестеро детей. Вася – третий из них. В таких семьях первая заповедь – жить дружно и работать не ленясь. И у Большаковых так было. Ребята по дому помогали, старшие за младшими присматривали. В лес ходили. В хороший год столько грибов наносят, что мать порой ругалась даже: “Куда с ними? Надоело сушить!” “А мы сами”, – не медлили ребята с ответом.

Вот только бабушка из всех внучат с самого раннего возраста почему-то именно Васю выделяла.

— Екатерина,— спрашивали ее,— чего это ты Ваську-то больше всех голубишь? Вон у тебя сколько внуков-то еще!

— Добрый он у меня растет. Люблю его,— отвечала.

Потом, когда она заболела, именно Вася ухаживал за ней особенно внимательно: с кровати поднимет, к столу обеденному дойти поможет, назад отведет.

Катились один за другим обычные школьные годы.

— Как сейчас, его вижу: сидит за последней партой у окна. Один из самых высоких в классе,— вспоминает его классный руководитель Валентина Ивановна Гоглева, учительница Емельяновской школы,— всегда спокойный, выдержанный, вежливый. На переменах мог, конечно, и побегать, пошалить. Особыми способностями, надо сказать, не выделялся. Но ничего плохого моя память о Васе не хранит.

— Учился по-среднему,— говорит отец,— Николай и Юля — эти лучше шли. Да мы, честно говоря, особого внимания и не обращали на их учебу. Ведь он домой после школы придет, и сразу: “Папа, а мама где?” Да вон, отвечаю, в поле за деревней работают сегодня. Он сумку школьную кладет и — за порог.

— А я его издалека замечу,— продолжает Лидия Васильевна,— рослый был, крепкий. Подбежит: “Ну-ка, мама, давай домой, у тебя ведь работы-то сколько!” Меня отправит, а сам останется и работает наравне со взрослыми.

Колхозный бригадир в летнюю страдную пору свой утренний разговор с Большаковыми начинал всегда примерно одинаково: “Велику ли бригаду сегодня на сенокос пошлешь, Яков Васильевич?” Хозяин, взглядом посоветовавшись с женой, отвечал: “Да вот эти двое пускай дома остаются, а остальных забирай”.

Знй на покосе. Солнце палит в голубом небе. Давно уже утренняя роса высохла, овод гудит, в глаза лезет. Но работают еще косари, хоть и рубахи уже потемнели от пота и к натруженным спинам прилипли. Пот в глаза стекает, щиплет. А Василий будто только что косу в руки взял, будто просто шагает по лугу — не устал совсем. Посмеивается даже над теми, кто отстает. Ох и здоров парень! Первый косарь среди долматовской молодежи!

После школы решил в речное училище поступать. Что его туда толкнуло? Ни моряков, ни речников в семье не было. Может, земляков-речников наслушался? “Нынче

здесь, завтра там"? А может быть, смутили душу картины весенней навигации, когда летели по Югу, вниз по течению, от Никольска, буксиры и самоходки, и волны от них ударились в глинистый берег словно морские...

Так или иначе, поступил Василий в Великоустюгское профтехучилище речников по специальности слесарь-судоремонтник. Ездил мать проводить его, спрашивала у мастера, как, мол, тут у вас Василий занимается? "Нормально,- услышала в ответ,- если есть у вас еще сыновья, и все такие же, то посылайте к нам".

Две навигации провел Василий на архангельской реке Мезени. Лешуконское часто вспоминал - понравилось старинное таежное село. Нравилась ему и профессия речника.

- А ему все везде вроде хорошо было,- вспоминает Яков Васильевич,- не ленился, не спорил, не дрался даже, только усмехался ходил, если что-то у него не ладилось.

Пришло время, и принял Василий военную присягу. Служил во флоте, на Новой Земле. Письма домой приходили спокойные, бодрые. С таким характером и здоровьем военную форму носить не в тягость. А когда срок службы уже близился к концу, родители получили письмо, где сын просил совета: командование предлагало поехать в школу мичманов и остаться на сверхсрочную службу.

Что могли ответить ему отец с матерью? Хотелось, чтобы домой вернулся, но по тону письма увидели, что есть желание у Василия стать профессиональным военным. Не могли возразить, не стали на своем настаивать - взрослый уж, пусть сам решает.

И он решил. После окончания школы мичманов Василия снова направили на Новую Землю. Поехал уже с двумя звездочками, расположенными вдоль черного погона. Там вскоре и с Олей познакомился, которую призвала в Заполярье из теплой Херсонщины также военная служба.

И была свадьба. Приехали молодые в Долматово, и мать Ольги шепнула Лидии Васильевне: "Гляди-ка, сватья, какие хорошие деточки у нас с тобой!" Они и впрямь были хороши - рослые, статные, веселые. И молодым, наверное, казалось, что их счастьем конца не будет,- ласковы, внимательны друг к другу.

...Каждый год приезжал теперь Василий в отпуск в родное Долматово. Чем занимался? Как и повелось - работой крестьянской, все больше с топором в руках: дрова заготовить ли, баньку ли новую срубить, соседке,

старушке одинокой, по хозяйству помочь – везде старался успеть. Прежним остался – добрым, работающим.

В один из отпусков и сына Сережку привез. Любил его без меры. Все свободное время с ним возился. Пришлось однажды оставить малыша у деда с бабушкой, а самому на службу вернуться, и в первом же письме родителям написал: “Вот уехал от вас, а кажется, что Сережа и до сих пор сидит у меня на руках и обнимает меня...”

На службе дела шли неплохо. Василия наградили медалью “За безупречную службу” III степени.

А потом последовал перевод в Николаевскую область – с холодного Баренца на берега теплого Южного Буга. Семья пополнилась, родилась дочка, которую называли тихим ласковым именем Яна. Продолжались воинские будни теперь уже прапорщика Большакова. И как-то приблизился вдруг Афганистан, где уже четыре года шла “спрятанная война”. Направляли “для оказания помощи дружественному афганскому народу” то одного, то другого сослуживца Василия. Он знал, что и стреляют там не понарошку, и потери есть. Думал ли о том, что и ему придется взять в руки оружие, но уже не на учениях?..

Из письма Ольги в Долматово:

“Мы надеемся, что Вася вам уже сообщил о новом месте службы. Нам как гром среди ясного неба Васино перемещение, так что и это надо пережить, а ведь нелегко. Как-то все неожиданно.

Поговаривали, что в Афганистан будут отправлять по прямой замене, но мы думали, что нас это не коснется, так как выслуги у него много, двое детей, причем дочка – до одного года, но...

22 февраля вызвали в штаб, 23 февраля в 11 часов дня приехал домой, а в пять вечера – с вещами в Одессу, т. к. 24-го – самолет на Ташкент.

Вот так и остались мы одни. Сейчас идет программа “Время”, и рассказывают про Афганистан”.

Да, много любопытного могло поведать ЦТ о природе, истории, культуре этой далекой страны, о мусульманских обычаях, обрядах, праздниках. Возможно, за девять лет хоть раз была показана и передача о том, как 21 марта отмечается в Афганистане Новый год – ноуруз. Описание праздника приведу в сокращении по книге известного знатока ислама Д. Е. Еремеева.

Празднование ноуруза наиболее широко и ярко отмечается в Иране и Афганистане, где, согласно официальным календарям, принятым в этих странах, в это время наступает Новый год. Эта дата – 21 марта – и называется ноуруз (дословно – “новый день”), так как приходится на весеннее равноденствие, когда день уравнивается в своей продолжительности с ночью, а затем начинает его обгонять. Весна окончательно вступает в свои права. Поэтому ноуруз – праздник не только Нового года, а еще и прихода весны...

В Иране и Афганистане ноуруз – официальный праздник. Первые пять дней и тринадцатый день Нового года – нерабочие...

В отличие от нашего Нового года этот праздник встречают при полном свете дня, а не глубокой ночью...

Отдельно празднуется тринадцатый день ноуруза. Крестьяне выходят в поле, на луга, в рощицы. Во время этих своеобразных пикников едят сладости, пьют шербет – чтобы год был “сладким”, счастливым.*

В дни ноуруза наступает резкое потепление. Сходит снег. Крестьяне выходят на свои участки – обрабатывают землю, высаживают деревья: во время праздника считается обязательным немного поработать на земле.

В марте над окрестностями Кабула бывает удивительной синевы небо. Бушует настоящая весна. Как у нас в мае. Буйно цветет дерево, напоминающее нашу яблоню. А в полях и прямо около пыльных афганских дорог пламенеют тюльпаны, которые считаются здесь сорняками.

С самолета можно увидеть сказочно красивые горы – красные, синие, рыжие. И трудно поверить, что среди этой яркой под синим небом весны гуляет смерть.

Может быть, только лютый ветер “афганец”, налетающий по несколько раз в день и несущий с гор тучи пыли, напоминает о том, что красота этих мест может стать порой и зловещей.

Было 23 марта 1984 года. Шумел на афганской земле третий день ноуруза. Чужой праздник на чужой земле...

По пыльной дороге, ведущей к Кабулу, мимо гор и развалин кишлаков в низинах двигалась автоколонна. Пыль из-под колес головного транспорта закрывала голубое афганское небо.

* Еремеев Д. Е. Ислам. Образ жизни и стиль мышления. М., 1990. С. 222–225.

В кабине последней автомашины сидели трое. Оружие — под рукой на боевом взводе.

На впереди идущих машинах опасности не заметили. А колонну ждали. И ударили из гранатометов вначале по ее голове и хвосту. Машины вспыхнули. Прапорщик Большаков, сидевший крайним у правой дверки, выкатился из кабины первым и открыл ответный огонь из своего автомата.

А с заранее подготовленных позиций били прицельно, и пять душманских пуль остановили сердце высокого светловолосого русского парня.

Палящее око древнего солнца равнодушно взирало на выжженную землю. Ни телевидение, ни пресса не порадовали сообщением о том, что в дни ноуруза, как и полагается по мусульманским обычаям, не стреляли.

...1 апреля Лидии Васильевне понадобилось за чем-то сходить в баньку, что стоит рядом с домом. Когда возвращалась, ее окликнула почтальонка.

Прочитав телеграмму, мать без сил повалилась на потемневший под весенним солнцем сугроб...

* * *

Василий Большаков похоронен в далеком от Долматова Вознесенске Николаевской области. Рассказывают, что почти весь город вышел проводить солдата в последний путь.

В. Наволоцкий

В СПИСКАХ НЕ ЗНАЧИЛСЯ

Все пройдет, все уйдет,
только боль остается,
Сердце ранит вопрос,
чья же все-таки это вина?
Нет неправых среди тех,
кто в свой дом никогда не вернется...

Из "афганской" песни

24 июня 1989 года в Вологде открывали памятник погибшим воинам-интернационалистам. Был готов фундамент. И горестный список уже выбили на черном карельском граните. Но имени рядового Николая Брагина, погибшего в Афганистане 4 сентября 1985 года, на граните не было.

* * *

...На мартовском насте не видно следов. Но если провалишься – то по грудь, почти до промерзшей земли. Я долго шел эти полтора километра. “По правую руку – храм, по левую – Колина могилка, – вспоминал я наставления Колиной бабушки Анны Степановны, – но нынче не дойти туда, снега в поле полно, зима была снежная...”

...Взорванный в конце тридцатых храм был отличным ориентиром, я шел на него. Назло своим губителям храм возвышается над всей округой, подпирает низкое северное небо единственной уцелевшей стеной. Кажется, что взорвали его только вчера. С остатков росписи смотрят глаза какого-то святого – чистые и ясные. “Кому храм-то наш мешал?.. А теперь и помолиться за Коленьку негде и душе его приткнуться места нет...” – жаловалась мне на прощанье Анна Степановна.

На этом погосте хоронили еще в прошлом веке. Вот поросший мхом деревянный крест, вот звездочка над могилой умершего в 46-м году фронтовика, а за ней – Колина железная звезда. Под звездой – его лицо в стандартном кладбищенском овале. Две даты: 1966–1985. И все. Погиб, умер, попал под трамвай – что случилось с этим парнишкой – думай сам, случайный прохожий. Впрочем,

случайный здесь не ходит. Весной, когда разливается Сухона, из областного центра сюда можно добраться только на вертолете. Чужих нет, а свои, деревенские, знают: лежит под звездой наш парень, княжихинский, родной. Он погиб в далеком Афгане, и что б там ни говорили, а имя его – доброе. Таким и помнить будем – добрым...

Недовольный задержкой водитель все пытал меня на обратной дороге: зачем тащился на кладбище? Только чтобы на могилку посмотреть? Так этому и на слово поверить можно, куда она, могила, денется? Поклониться? Так зачем ему твой поклон? Ты не сват ему и не брат.

Я стягивал мокрые сапоги и чего-то пытался объяснить. Скорее себе, чем шоферу. Так пока выходит, что Колина могилка – это единственная зарубка о нем на земле, последняя мета. В списках нет, писем не осталось, друзья-однополчане за четыре года ни разу в Княжихе не объявились, ни строчки – ни полстрочки родителям не написали.

Можно вычеркнуть имя из всех списков, но от могилы под железной звездочкой никуда не денешься. Есть она. Значит, жил на свете Коля Брагин. И должен был жить долго. Гены ему от предков достались хорошие. Только война могла его вырвать из жизни с корнем, только война...

Что она с ним сделала? В военкомате – одна версия, у родных – другая, по селу ходит третья... Что это – ложь во спасение? Но кого спасали 6 сентября 1985 года*, когда Колю было уже не вернуть? От чего спасали?...

Фаина Ивановна Брагина, мать Коли:

– Утром пятерых собираю в школу, а они в темноте как котята слепые... Коля учился хорошо. Выучился на тракториста широкого профиля. Трактор ему, правда, дали худенький. Поработал летом немного. Как-то приходит: “Ну, мама, берут меня, доставай побольше водки”. Она еще тогда свободно была...

Из письма Галины Новожиловой, старшей сестры Коли, от 30 марта 1989 года: “Осенью, когда Колю призывали в армию, он был здесь, в Вологде, и в первую же ночь его отпустили ко мне в общежитие ночевать. Сказал, что их отправят, наверное, в Германию. Потом их проверяли, и у него показало большое давление, его

* Дата приказа № 249 по воинской части, в которой служил Н. Брагин. В приказе отмечено, что “его смерть не связана с выполнением военной службы”, дано распоряжение “из списков исключить, тело для захоронения направить в Тотемский район”. – *Примеч. сост.*

положили в больницу. Он пролежал неделю в больнице, и его отправили домой. Потом через недолго ему снова пришла повестка, и опять из Тотьмы его вернули, сказали, что возьмем весной... Да, девушка, с которой он дружил до армии, она вологодская, работала у нас учительницей. Фамилию ее не знаю, она на фотографии есть – сидит около лейтенанта Александрова. Он спрашивал у нее тоже письма, но она сказала ему, что все письма сожгла... откуда вы узнали об этой истории, ведь уже прошло столько времени? Если что узнаете, сообщите, пожалуйста”.

Фанна Ивановна Брагина:

– Как сейчас помню тот день. Нас тогда на льну во семьдесят старух работало. Вдруг слышу, говорят: “Везут!..”, а по дороге все машины встали и плачут, плачут... Гроб еле трактором довели – триста килограммов, осень, дороги развезло. С музыкой хоронили, весь колхоз не работал.

Анна Степановна Брагина:

– На похоронах был тотемский военком, два солдата стреляли. Один все не мог выстрелить, руки дрожали, плакал. Военком его пропесочивал сильно... Памятник братья сами сварили со звездочкой, а за оградкой matka к военкому ходила, сорок один рубль заплатила. А памятник каменного, говорят, Коле не положено. Простой он был солдат, рядовой.

Фанна Ивановна Брагина:

– Лейтенант, что привез Колю, сказал нам одно: погиб Коля на бензовозе. Водил машину “Урал”, она и взорвалась. Потом он к нам снова приехал, письма взял посмотреть, сказал: хочу разобраться, верну... Так и не осталось у меня ни единого письма от Коли. Только вот эта бумага. А лейтенант так и сгинул с письмами.

Из письма Галины Новожиловой от 22 марта 1989 года:

“Писем от Коли было немного, пять месяцев всего и послужил-то. Писал, что у него все хорошо, что изменений никаких нет, привыкаем к службе. Что у них там, где служит, не стреляют. Вы спрашиваете, хотел ли он служить в армии? Да, он хотел служить. Когда его вернули первый раз, он так переживал. Мы не знали, что его отправят в Афганистан, но знали, что за границу, и радовались вместе с ним. Из наших мест редко кто служит за границей... Друзей у него было много. Первым он никогда не обидит, а если его обидят, то за себя и за друга постойт, сильный был. У нас Толик, старший брат, например,

может сам завестись, а он — нет... Я его вспыльчивым не видела. Пока в Вологде жила, он все с Валентиной, младшей сестрой, секретничал, и все с ней, я приеду в отпуск — он все со мной. Чего не попросишь — все сделает, вместе все время в клуб ходили. Очень любил маму, никогда не давал в обиду. Когда учился в городе, мама чего попросит, все купит, привезет. Каким я его знала, так очень трудно предположить, что могло его заставить *это* сделать? Из-за девчонки он бы *этого* не сделал, тем более она у него была не первая. Он с первой долго дружил, потом поругались. Так что эта версия отпадает. Из-за трусости? Так он трусом никогда не был. Но ведь что-то случилось!..”

Анна Степановна Брагина:

— Пришел недавно прапорщик Романов, спрашивает: “Дает ли колхоз помощь, в чем нуждаетесь?” Матка заплакала: “Да ничего, говорит, не нужно, только памятник изложите...”

Прапорщика послал к Брагиным тотемский военком, тот самый, что был на похоронах в восемьдесят пятом. День, когда привезли Колю, у него все перед глазами стоит. Не забыть военкому, как пришел к нему старший лейтенант с серым лицом и сидел вот здесь, перед ним, не поднимая головы, говорил, что привез семь гробов и ему еще надо с ними дальше на Север ехать, на Архангельск. Военком понял, к чему это он. Это значит, что лейтенант первым к матери погибшего не поедет и правды он не скажет. Ни ему, ни матери, никому. Что ему, военкому, с такой бедой делать?..

— Я мог сделать только одно,— вспоминает он,— все как у всех, честь по чести. Музыка, салют, в общем, с воинскими почестями. На свой страх и риск, учтите... А памятник — где я возьму на него деньги. Не дали на Брагина денег.

‘Я спросил военкома, что это за смерть такая, “не связанная с исполнением обязанностей военной службы?”

— Всякое могло быть...

“Смерть не связана...” Вот так, одним приказом сняли ответственность за все, что было, и все, что будет. За дрожащие руки отца, за железную “тумбочку” на могиле, за то, что льготы для матерей павших афганцев на Фаину Ивановну не распространяются. Государство освободили от заботы, нас освободили от боли, односельчан и однопольчан — от памяти. Одна индульгенция на всех.

Вот мы уже и пленных простили и даже тем, кто на Западе остался, сказали: возвращайтесь, ребята, никто на вас зла не держит. А как же Коля и такие, как он? Как же те, чья “смерть не связана...”? Ведь они уже ничего нам не могут доказать. Смерть – искупление всего и вся. Что же мы еще хотим от Коли Брагина?

На миру, говорят, и смерть красна. А что если не на миру? Без свидетелей, страшно, нелепо? Как в сорок втором на Новгородчине под Мясным Бором? Кто тогда перед кем в долгу? Что бы там ни было, Родина должна помнить каждого солдата, которого она послала под пули. Никто не вправе решать за народ, кого помнить, а кого забыть.

На прощанье я спросил у Колиной матери: “Неужели за эти годы так никого из “афганцев” у вас не было?” Она покачала головой, потом вдруг вспомнила:

– Приезжал один парень с агитбригадой, выступали они в клубе. Он вышел на сцену и так сказал: “Товарищи, разрешите спеть песню о Коле Брагине”. Тут все бабы и заплакали сразу. Сама не была, люди рассказывали. А имени никто не спросил. Может, он и был “афганец”?..

Д. Шеваров

О ЧЕМ РАССКАЗАЛА ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть
недрожащей рукой,
Только так беспощадно,
так зло и ненужно
Опустили их в Вечный Покой...

*Александр Вертинский.
То, что я должен сказать. 1917.*

Я держу в руках осколок ушедшей юной жизни. Точнее, не осколок, а огарок. Это записная книжка Сергея Виноградова. Обложка расплавилась, листки еще, кажется, пахнут пеплом. Книжку достали из обгоревшей гимнастерки Сергея.

С трепетом открываю первую страницу. Оттуда смотрит на меня чуть удивленное девичье лицо. Аккуратный карандашный набросок. Какой же мальчишка не влюблен в восемнадцать лет и не мечтает о верной подруге? Наверное, ей, русской красавице с распущенными волосами, посвящены были первые, не сохранившиеся записи в обгоревшей книжке. А может быть, портрет этот — только мальчишеская мечта о настоящей любви, которой еще не было, о далекой родине, куда так хотелось вернуться. Тоска по дому явственно звучит в этих торопливо, неровно написанных строках:

А в родимом краю,
Там сады зацвели,
И тепло на душе
От родимой земли.
Ждите, девушки, нас,
Мама, вытри глаза,
Ведь мы живы еще
И вернемся назад.

Там, в афганском пекле, где “семьдесят градусов выше нуля”, где пыль забивала легкие и соленый пот разъедал глаза, Сергеем часто вспоминалась родная деревенька Пажецкое. Крутой зеленый холм, на котором приютилось несколько домиков. Дремлющая речка внизу. Жаворонок в поле. Теплый пригорок, усыпанный сочной,

спелой земляникой. Тишь в лесу, создающая ощущение нетронутости природы. В этих местах и прошло Сережино детство, короткое и нелегкое.

Когда мальчик был совсем еще маленький, погиб отец. Мать вскоре вышла замуж и перешла жить в дом мужа, забрав с собой младшего сына Виктора. Сережа остался с бабушкой, Людмилой Васильевной Кириковой, за единственного мужчину в доме и помогал ей чем мог. Носил воду, колол дрова. Был для бабушки самым дорогим человеком.

Знал Сережа, с каким нетерпением ждала она его возвращения. Не раз, наверное, видел во сне знакомую фигурку у полуразвалившегося колодца. Медленно черпает старушка воду. ("Колодец-то совсем плохой. Вот придет внук – починит").

Хороша деревенька Пажецкое, но – заброшенная. Домов-то всего с десяток, до ближайшего населенного пункта – больше трех километров. Уходили из таких "неперспективных" деревень молодые здоровые парни искать лучшей доли. Уехал в город из родного дома и Сергей.

До самого призыва в армию (почти три года) он проработал наладчиком в цехе эмалированной посуды на Череповецком металлургическом комбинате. Оттуда в октябре 1980 года уходил на воинскую службу. Обещал вернуться на завод, в свой цех.

В армии у Сергея появилось много хороших, настоящих друзей. В его записной книжке – не один десяток адресов: Ленинград, Новгород, Архангельск, Воронеж, Харьковская область, Казахстан. Крепко сдружила ребят армейская служба. Они мечтали встретиться и на гражданке. Каждый записал место и время будущих встреч. Они намечались в Ленинграде и Череповце. И как знать, может, не только Сергея Виноградова недосчитались друзья.

Первые три месяца Сережа писал домой из города Тахла-Таш Каракалпакской АССР, где новобранцев готовили для участия в военных действиях на территории Афганистана. Как относился Сергей к предстоящему испытанию? Однозначно: как к святому долгу перед Родиной. Его записная книжка хранит наивные по-детски слова:

Для чего ты пошел воевать в ДРА?
Чтобы мама в Союзе спокойно спала.

И вот рядовой Виноградов в Джелалабаде, совсем рядом с пакистанской границей. Вооруженные отряды оппозиции с самого начала боевых действий намеревались захватить этот город, чтобы сделать Джелалабад своей опорной базой. В июне 1981 года в районе Джелалабада разгорелись ожесточенные бои с моджахедами.

Читаю в записной книжке:

Вот прозвучал таинственный набат,
Мы в три минуты покидаем роту,
Ведь мы сейчас летим в Джелалабад,
Как будто так и надо, на работу.

Записная книжка Сергея Виноградова позволяет отчасти проследить, как непросто было нашим солдатам осознать смысл войны, совмещать такие понятия, как верность воинскому долгу и обязанность выполнять его с оружием в руках на чужой земле:

В тумане звезд уходит батальон
В заранее намеченную базу,
А нас сюда солдатский долг зовет,
Нас всех сюда прислали по приказу...

Ни Сергей, ни многие другие парни, сложившие голову в Афганистане, не нашли ответа на вопрос – “зачем?” А тысячи матерей получили маленькие страшные бланки – похоронки со словами: “погиб, выполняя интернациональный долг...” Они стали получать их чуть ли не с первых дней этой войны...

Из окон бьет нам в спину автомат,
И одного парнишки уже нету.

Чего же нам, ребята, еще ждать?
Взять автомат, гранаты – и в атаку?
Но был приказ: “Пока не убивать!
С афганцами не ввязываться в драку!”

Эти стихи Сергей записал в свою книжку, когда война в Афганистане уже шла вовсю. И сам он погиб в бою. Вот краткая справка о гибели Сергея Виноградова (это все, чем располагает военный комиссариат): “21 июня 1981 года, действуя в составе отряда обеспечения движения, отделение саперов обеспечивало продвижение подразделения вперед. Разведка дороги велась под огнем мятежников. Рядовой Виноградов выполнял боевую задачу

смело и решительно. Он обнаружил и обезвредил 2 противотанковые мины, чем обеспечил успешное продвижение батальона. В дальнейшем, выполняя инженерные задачи, танк, на котором находился рядовой Виноградов, подорвался на mine и загорелся. Рядовой Виноградов погиб, спасая своих товарищей из горящего танка, в районе города Джелалабада. Награжден орденом Красной Звезды (посмертно)".

А он совсем не хотел умирать, юный владелец записной книжки. Держать ее в руке — все равно что держать маленькую птицу, ощущая в ладони, как внутри бьется что-то живое. Отдать бы ее надо было не в музей, нет. А каждое утро показывать тем "вершителям судеб", которые "так беспощадно, так зло и ненужно опустили их в Вечный Покой..."

С.Карпов

ВЕРНЫЙ ПРИСЯГЕ

Скажи, зачем и для кого
Отдали жизнь они свою,
Зачем в атаку взвод пошел
Под пулеметную струю?

Из "афганской" песни

Служба в рядах Советской Армии длилась для Жени Ворочалкина ровно один год.

Перед отправкой за Амударью его, как и многих российских парней, готовили в Туркмении – в условиях, приближенных к афганским. Горно-пустынная страна с редкими пятнами зеленой зоны. Резкая смена температур. Вода – на вес золота. В этих условиях человеку с Севера даже просто жить – трудно. А надо было воевать...

Рядовой Евгений Ворочалкин, из города Сокола, служил в артиллерийском дивизионе. Был разведчиком взвода управления, а в разведку, как известно, брали смелых и смелых. Находясь однажды в боевом охранении, Евгений первым заметил группу мятежников. Огнем из автомата он остановил ее продвижение. Когда подошло подкрепление, разгорелся жаркий бой. Мятежники начали отступать, и тут случайная душманская пуля тяжело ранила Женю. Товарищи сразу же отправили его в полевой госпиталь, но усилия врачей оказались тщетными.

Из части в дом Ворочалкиных пришло письмо: "...Ваш сын Ворочалкин Евгений Игоревич, выполняя боевое задание, верный воинской присяге, погиб 28 сентября 1983 года, до конца выполнив свой патриотический долг..."

Больное сердце отца Жени не смогло справиться со свалившимся горем. Он слег в день похорон и через несколько месяцев скончался.

Мама Евгения, Милитина Андреевна, стойко вынесла все удары судьбы. Ее часто навещают друзья Жени – и по школе, и по училищу, не оставляют своим вниманием и заботой. Милитина Андреевна всегда рада гостям. Она любит слушать, как они вспоминают о сов-

местных с Женей школьных проказах и более поздних общих увлечениях. Вместе они ремонтировали технику: Женя очень любил возиться со своим мотоциклом, который купил на собственные деньги, заработав их в летние каникулы. В выходные дни они ездили на рыбалку, могли пропадать там целыми вечерами. А то наведывались в деревню Грибцово, помогали нуждавшейся в помощи малоизвестной старушке: и воды принесут, и дров наколют, и грядки весной вскопают. Даже из армии Женя писал письма этой бабушке в Грибцово.

Ждала Женю и любимая девушка, да не выпала радость дожидаться... Но она и сейчас частенько забегает к Милитине Андреевне.

Память об Евгении осталась в сердцах многих, с кем он был знаком, дружил. Ребята из ГПТУ-10 собирают материалы о Жене, и, может быть, со временем они напишут о нем более полный очерк. А в качестве эпиграфа возьмут слова, сказанные однажды директором ПТУ: "Вроде такой же, как все. Только было в нем что-то такое, чего не было в других ребятах. Какая-то скрытая сила, что ли, таилась в этом парне..."

И. Аникина.

Литобработка Ю. Леднева

ВРЕМЯ “Ч” НЕ ОТМЕНИЛИ...

Кто-то скуп и четко
Отсчитал нам часы
Нашей жизни короткой,
Как бетон полосы...

Владимир Высоцкий

13 декабря 1979 года полк, в котором служил летчик капитан Головчин, был поднят по тревоге.

В этот же день командующий Туркестанским военным округом генерал-полковник Ю. П. Максимов вызвал своего первого заместителя генерал-лейтенанта Ю. В. Тухаринова и приказал готовить войска. Тот вылетел в Термез, где расположился штаб создаваемой в спешном порядке 40-й армии.

14 декабря группа высших офицеров Министерства обороны также вылетела в Термез для оказания помощи командованию ТуркВО.

24 декабря Д. Ф. Устинов подписал директиву о вводе советских войск в Афганистан и назвал время “Ч” — дату пересечения Государственной границы.

25 декабря, к концу дня, самолеты военно-транспортной авиации с личным составом и боевой техникой воздушно-десантной дивизии взяли курс на Кабул. В Москве в это время было 15 часов.*

Под Кабулом, километрах в пятидесяти от аэродрома, самолет Виталия Головчина, единственный из всей эскадрильи, был сбит.

В официальном сообщении говорилось: “...Полет проходил в сложных метеоусловиях по незнакомому маршруту в горной местности, и при подходе самолета к аэродрому с экипажем была прервана связь. Позже группами поиска около одной из гор были обнаружены останки самолета...” Так обтекаемо были поданы причины гибели первых “афганцев”. Тогда не допускалась и мысль о том,

* Хроника событий изложена по кн.: Д. Гай, В. Снегирев. Вторжение: неизвестные страницы необъявленной войны. СПб. “ИКПА”, 1991.

что слова “погиб при исполнении интернационального долга” станут суровой повседневностью.

Виталий Головчин родился 2 января 1949 года – в трудное послевоенное время. Когда ему исполнилось семь лет, а младшие братья, Валерик и Володя, еще и не помышляли идти в школу, умер отец. Вся тяжесть заботы по воспитанию детей легла на плечи Христины Ивановны, работавшей в то время воспитательницей в детском саду N 23 Вологды.

С ранних лет ребята узнали, что такое нужда, труд. Маме помогали чем могли, видя, как ей нелегко. Виталий присматривал за младшими братьями и старался ничем не огорчать маму.

В школьные годы Виталий мечтал стать космонавтом (а кто из мальчишек 60-х об этом не мечтал?). Он закалял себя физически, много занимался спортом, особенно конькобежным. Выписал журнал “Авиация”.

Жизненные обстоятельства складывались так, что сначала, окончив восемь классов, Виталий поступил в железнодорожный техникум. Как и в школе, успехи в учебе сочетались у него с успехами в спорте.

В 1968 году Виталий, верный своей мечте, подал документы в Балашовское высшее военное авиационное училище летчиков и в 1972 году закончил его с отличием. Имея свободный выбор при распределении, решил служить в г. Паневежисе Литовской ССР.

Во время учебы он познакомился с красивой и сердечной девушкой Галей и на место распределения прибыл уже не один.

Молодой офицер с головой окунулся в работу. Поступала на вооружение новая техника, и пришлось переучиваться с одного самолета на другие. Вот выдержка из письма командования в/ч 06965, где служил В. Головчин: “Виталий Васильевич за время своей службы освоил 4 типа самолетов: Л-28, АН-12, АН-24, ИЛ-76. Он принимал постоянное участие в различных учениях, успешно выполняя боевые задания по десантированию личного состава и различных грузов...”

Когда, среди напряженного графика работы, у него прорезались свободные минуты, Виталий обязательно писал несколько слов домой. Но чаще всего Христине Ивановне писала Галина:

“...Виталик уходит утром, когда нет полетов, в 7 часов, а приходит в 7–8 вечера. Сразу умоется, почитает газеты, а потом берется за оформление своей офицерской тетради. <...> А когда полеты, то уходит к 10 часам утра, а приходит в 10–11 вечера. Поужинает и ложится спать. У него уже 2 недели начались полеты. Приходит усталый, т. к. самолет новый... очень тяжелый еще с непривычки. И надо хорошо знать его устройство. Вот он сейчас пока больше всего этим занимается, но Виталик очень доволен, что летает на таком самолете, и рад, когда летный день, летает он на АН-12. В субботу и воскресенье ходим в кино. А вообще больше сидим дома...”

В 1973 у них родился сын. Назвали Русланом. Все свободное время Виталий уделял жене, воспитанию малыша. Иногда собирались с друзьями за праздничным столом. В отпуск всей семьей ездили в Вологду и Балашовск – навестить родных.

Когда младший брат был призван в Вооруженные Силы, Виталий находил время, чтобы поддержать его в письме, дать напутствие.

“Здравствуй, Володя! Из твоего письма узнал, что ты служишь исправно. Занимаешься спортом и даже успеваешь учиться. <...> Попал ты в довольно глухой уголок. Там, по-видимому, только вы одни и есть, т. е. обслуживающий персонал. По сравнению с Вологдой это глухомань. Но ничего, зато попробуешь на зуб, что такое романтика, а то некоторые о ней представления не имеют. <...> Теперь о себе.

По-прежнему учусь, служу. Свободное время провожу за книгами, в спортивном зале, а также изредка хожу в кино. Время здесь летит очень быстро. <...> На днях наступает Новый год. Хочу провести его в кругу друзей, но ты и сам понимаешь, в армии это невозможно. Желаю, чтобы ты провел свой первый год в Вооруженных Силах неплохо. Ну вот и все. Не забывай писать маме. До свидания, Виталий”.

Читая письма В. Головчина (а они очень искренние), убеждаешься, что это волевой и целеустремленный человек, преданный своему нелегкому делу. Это о таких, как Виталий, обычно говорят – горит на работе. Убеждаешься, что офицер – профессия героическая. Но не в бравурно-парадном смысле, а в смысле ежедневной, незаметной для других работе, где нет места слабости, распушенности.

Убеждаешься, что Виталий был очень надежным в человеческом плане.

Из письма Галины Николаевны Головчиной:

“Он был и остался прекрасным и любимым отцом, мужем, братом и сыном. Очень любил свою профессию, любил летать, летал очень много и всегда, когда возвращался усталым, говорил, что в полете он отдыхает от всей земной жизни. Очень любил сына и хотел жить. Но 13 декабря 1979 года улетел на задание и больше он не вернулся к нам. 25 декабря 1979 года, когда в Афганистане, в самый разгар революционного переворота, полетел выполнять задание, самолет был сбит, не долетая до Кабула. На борту самолета еще находилось 35 молодых парней-десантников, так как задание было выбросить десант и технику с горючим. <...> Очень тяжело и больно терять таких людей, каким был Виталий. <...> Очень любил Есенина, Ахматову, песни Высоцкого, даже сын и то до сих пор помнит любимые песни отца... Таких людей на земле очень мало”.

Во время перелета в Кабул дозаправку делали в Фергане. Лейтенанту из экипажа В. Головчина сделалось плохо, пришлось парня посадить. Это спасло ему жизнь.

Как рассказывает Христина Ивановна со слов очевидцев, самолет разломился в воздухе на три части. Все было так внезапно, что ни экипаж, ни десантники не смогли спастись. Несколько дней поисковая группа искала останки самолета и прежде чем сумела добраться до обломков, четыре солдата-альпиниста погибли от пуль душманов.

За успешное выполнение задания по оказанию интернациональной помощи ДРА Головчин Виталий Васильевич награжден орденом Красного Знамени (посмертно) – так сказано в справке о гибели Виталия, выданной Христине Ивановне.

25 декабря 1982 года силами личного состава части 06965 был открыт памятный знак, на котором одним из первых высечено имя Виталия Васильевича Головчина.

Глядя из сегодняшнего дня на ушедшие события афганской войны, так хочется верить, что никогда больше нашим ребятам не придется защищать интересы “друзей” с оружием в руках за пределами Родины.

Материнские слезы... Для кого-то они как нож в сердце, а для кого не более чем утренняя роса. Прошло уже почти двенадцать лет со дня гибели Виталия, и лишь только год

назад(!) Христина Ивановна смогла получать продукты по давно предоставленным льготам (все недоставало различных справок, бумаг). И только благодаря активному вмешательству коллектива воинской части, где служил Виталий, получила наконец отдельную квартиру и телефон, хотя после смерти сына пережила инфаркт, перелом позвоночника, стала инвалидом. Почему же у нас такая короткая память? Почему мы так бессердечны? Почему, чтобы пробудить что-то в наших душах, нужно обязательно кому-нибудь погибнуть?

Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие — как часовые...
Отражается небо в лесу, как в воде.
И деревья стоят голубые...

Последний раз Виталий был в родительском доме в ноябре 1979 года, за месяц до отправки в Афганистан. Приехав, проведаль мать, братьев, родственников, сходил на могилу к отцу. Как будто сердце подсказывало, что последний раз видит родные места, своих близких. Маму, Христину Ивановну, попросил напоследок: “Если что случится, помоги Гале воспитывать сына...”

В настоящее время Руслан Витальевич Головчин уже закончил Киевское суворовское училище и учится на первом курсе Балашовского высшего военного авиационного училища летчиков — мечтает пойти по стопам отца.

Растет сын таким же честным, добрым и надежным, каким помнят друзья и близкие его отца.

Е. Глебов

ТРУЖЕНИК ВОЙНЫ

Снятся мне ночами дом родной
И в рябинах тихая опушка...
Восемьдесят... девяносто... сто...
Что-то ты расщедрилась, кукушка...

*Юрий Кирсанов.
Из "афганской" песни*

Есть в людях какое-то недалекое, но устоявшееся убеждение, что лишь та смерть достойна солдата, которая настигла его в бою, от руки врага. Это, мол, и есть подвиг. И мало кто задумывается, что не смерть, а жизнь на войне — главное.

Жил в Череповце Андрей Голубцов. Как жил? Обыкновенно. Учился в школе без взлетов, но и без отставаний. Пожалуй, у Андрея были все шансы, чтобы стать в классе аутсайдером. Был он полным, медлительным, не увлекался ни спортом, ни шумными компаниями, ни курением, ни выпивкой, то есть ничем таким, чем в нежном возрасте пытаются выделиться из сверстников, завоевать авторитет. Свободное время проводил в основном дома, за телевизором и книгой.

И все же любили его товарищи, любили и уважали. За что? Да просто ценили столь редкие в наше время и в таком возрасте качества, как душевность, доброта, внимание. Вглядитесь в его фотографию — эти качества у Андрея на лице написаны. Мама его вспоминает: "Бывало, придет к нам кто знакомый, нас с отцом нет, он пригласит, усадит, накормит, короче, все сделает, да так по-доброму, с улыбкой..."

После школы поступил Андрей в институт, в Вологодский политех. Отучился один курс. Первый семестр получал стипендию, второй — нет. Словом, начиналась нормальная, спокойная жизнь. И если бы не случайный расклад судьбы, то и армия стала бы просто очередным этапом биографии, который потом отмечался бы одной строчкой в анкетах — "После службы в Советской Армии..." Но "после" не было. Армия стала последним периодом жизни...

Многие из нас, служивших в то время, одурманенные пропагандой, мечтали — да-да, как это ни странно звучит, — именно мечтали попасть в Афганистан. Но не всем добровольцам туда дорога была открыта. А вот Андрей в одном из писем, присланных домой из учебки, написал: “Наверное, не удастся отвязаться от Афганистана”.

Воинская специальность у него была одна из самых “мирных” — мастер по ремонту гусеничной и бронетанковой техники. В Афганистане попал он под Баграм, в отдельный ремонтно-восстановительный батальон. И началась служба. Он редко слышал выстрелы. Его уделом была изматывающая, беспросветная работа. На базу день за днем притаскивали танки, тягачи, машины, бэтээры и БМП. Измятые, исковерканные взрывами и прямыми попаданиями, с засохшими сгустками крови, насквозь пропахшие порохом. И здесь уже никого не спрашивали — хочется ли спать. Машины должны быть отремонтированы в кратчайшие сроки! А это значит — как нырнул ей под брюхо, как взялся за ключ, так и не бросай работу, пока не сделаешь ее. Часто, в дни особой спешки, даже не отпускали в столовую, приносили еду прямо в парк. И — от утра до утра...

Как и многие простые русские пареньки, Андрей в работе был безотказен. Четко освоил свое дело, стал спецом по бэтээрам, его ценили, на него рассчитывали. Он не ныл, когда приходилось особо тяжело. А это случалось часто — на войне солдатских рук не жалеют. Иногда приходили на артсклад машины с боеприпасами. Тогда сколачивали разгрузочную команду — и на всю ночь на склад ворочать семидесятикилограммовые фугасы. Ночь разгружаешь — утром собирайся в караул. Пришел из караула — собирайся на склад. А потом машины пригонят, ремонтировать надо. И так день за днем, неделя за неделей.

— В рейды его брали редко, — рассказывает однопольчанин Андрея Валерий Жаров. — Почему? Ну, в рейды обычно берут ребят таких шустрых, боевых. Старший сам себе отбирает группу, человек двадцать, а в рейде всякое бывает, иногда и пропитание себе раздобыть надо, и поворачиваться уметь, чтобы в живых остаться. А Андрей был парень невоенный, мягкий, увалень, простодушный. Это тогда еще выяснилось, когда нас “деды” в первые месяцы проверяли. Кто говорит, что в Афганистане “дедовщины” не было — плюнь тому в рожу. Была! И в первые месяцы там так прижмут, что сразу понятно, кто ты есть. Если

смогут тебя унижить, значит, ты *чмо*, на тебя в деле положиться нельзя, бросишь автомат, и в кусты. А если парень себя показал, то есть не совсем до оборзения, а так, нормально, потом его и уважают. А Андрей... Он в драку не лез, он предпочитал перетерпеть, хоть не унижался, так, закроется и терпит. Но все ж его уважали — вкалывал честно, не ныл; бывало, после ночной погрузки уже через зубы дышит, а работает наравне со всеми. Пару раз он только ездил, когда Чарикарскую “зеленку” шерстили. Ну, никто о нем плохого слова не сказал...

Что такое рейд? По ущелью ползет колонна. Впереди танк или тягач с тралом, мины рвет. Позади — техзамыкание и прикрытие. У духов тактика простая — подobyют машину в голове колонны и час-полтора обстреливают. Двинуться нельзя — на козырьке, когда с одной стороны скала, а с другой — пропасть, или в ущелье не развернешься. Тогда ныряй с автоматом под колесо и жди, пока кончится все. И лежит солдат, от бессилия бесится, локти грызет. Ведь не поймешь, откуда бьют! Эхо между скал гуляет, огневые точки у духов замаскированы хорошо, не видать ни черта. Только иногда хлестнет по машине очередь, тогда по пулевым пробоинам видно направление. Кончился обстрел — столкнут подорванную технику в пропасть, подцепят на буксир, что можно подцепить, и снова едут, ожидая нового обстрела. Простая военная работа. Но сколько людей ее не выдерживали, сходили с ума, устраивали самострел...

Андрей выдержал. И если “никто о нем худого слова не сказал” — это уже высокая оценка.

Так и жил череповчанин Андрей Голубцов на войне. Работал как вол, в герои не лез, трусом себя не показывал. А в письмах — редко-редко о себе. Всю тоску его по дому видно из тетрадных листочков, заполненных еще невыработанным почерком. Как родные? Как дела в саду? Как мои школьные приятели? У меня все нормально, пришлите, пожалуйста, носков и шоколадок...

Осенью 1984 года написал, что попал в госпиталь с малярией. “Малярия, мама, вещь поганая, надо сказать. Две ночи подряд трясло, только зубами лягал...”

Чуть-чуть оклемался, начали гонять на работу. И никто из врачей не смог распознать, что у парня вместе с малярией — тиф. Поэтому в части он побыл только двое суток. Приехал — и стало ему худо. Скрутило, побелел весь. “Ой, Валера, братан, что-то мне совсем не по себе”. Валера

– к дежурному офицеру. Парень только из госпиталя и снова ему плохо! Но офицер ничем не мог помочь, людей не было в части. Поставили хоть не на работу, а дежурным по палаточному городку, можно полежать, если нет никого из начальства. Утром снова отправили его в госпиталь. Там определили тиф, но лечить было уже поздно. 5 ноября 1984 года младший сержант Андрей Голубцов скончался.

Кто знает, о чем думал он в последние дни? Явно не о том, что умирает за Родину – ибо умирал на чужой земле, убитый войной с чужим народом. Может, думал о госпитале – что же такого сделал солдат, что так его лечили? Может, думал о ребятах – кто из них сейчас под пулями?

А скорей всего думал о доме. О маме. О нашем пыльном Череповце...

Ю. Сторожев

ЧЕЛОВЕК, НЕ ПОСТРОИВШИЙ ДОМ

...Поступить иначе означало бы отдать Афганистан на растерзание империализму... Поступить иначе означало бы смотреть пассивно, как на нашей южной границе возникает очаг серьезной угрозы безопасности Советского государства.

Л. И. Брежнев. 1980

Сероглазый веселый мальчишка Леник Горчаков подрастал, ничего не зная об Афганистане. Ему это и ни к чему было. Географией Леня не увлекался, к тому же у него был своих забот полон рот: зимой двоек в дневник сверх меры не хватать, летом на рыбалку удачно сбежать, грибов пособирать, родителям по хозяйству помочь. Афганистан тоже ничего не знал про бойкого никольского парнишку Леню Горчакова. Тот и другой жили своей жизнью, не предполагая, что пути их пересекутся.

Когда Ленику было двенадцать, он еще с удовольствием играл в "войнушку" и подбивал своих приятелей на строительство "партизанских" землянок и шалашей в ближайшем леске. В Афганистане в тот год рухнула монархия.

Тринадцатилетний Леник был старателен и усерден на самой нудной из сельскохозяйственных работ — прополке овощей, возложенной на местный спортивно-трудовой лагерь, за что и получил свою первую награду — Почетную грамоту. Крепкий, здоровый мальчишка, он и в военно-спортивных играх не отставал и на память об этом привез из лагеря парадную фотографию — у развернутого знамени и с автоматом на груди. А в Пакистане, вблизи линии Дюранда, в это время разворачивались первые лагеря для военной подготовки "непримиримых" — пока только для борьбы с режимом президента Дауда, но впоследствии — против "народной" власти будущей Демократической Республики Афганистан.

Леня быстро вырос. Он заканчивал восьмой класс, размышляя о приобретении профессии, о самостоятельной работе.

Его отец, Леонид Александрович, много лет проработал шофером. Вообще вся мужская часть большой семьи

Горчаковых отдала предпочтение профессии водителя. Братья Леника – Владимир, Сергей, Николай – кто за рулем УАЗа, кто – троллейбуса. Антонина Константиновна и дочь Елена от техники держались подальше.

Иногда, читая какую-нибудь приключенческую книжку, Леник с удивлением замечал, что ковбойский сюжет свернул из техасских саванн на широкую автомагистраль, по которой мчатся КАМАЗы, а за баранкой одной из машин сидит он, Леник, и приемничек тихо наигрывает его любимую мелодию.

Но жизнь заставляла смотреть на будущее более реалистично, Леник на время отложил неясные мечты о шоферской судьбе и дальних дорогах и остановился на более приземленной специальности тракториста, которую решил получить в Великоустюгском СПТУ.

Он заканчивал училище, когда в Афганистане произошел апрельский военный переворот. Расстояние между ними еще исчислялось годами.

Леня стал работать трактористом в райпромкомбинате. Но... дороги были плохие, а заработки маленькие. Припрашивать денег у родителей он считал для себя неприемлемым. В Кировске Мурманской области жили две его тетки, сестры отца Галина и Валентина, и Леня попросил разрешения у родителей податься на Север.

Леонид Александрович и Антонина Константиновна, посоветовавшись, решили его отпустить. На первое время зацепиться было где, а там... парнишка самостоятельный, специальность на руках – не пропадет.

В Кировске Леонид встретил и полюбил Надю. Был 1979 год.

С каждым новым жизненным витком сжималось расстояние между Афганистаном и Леонидом Горчаковым.

От правительства ДРА одна за другой шли в Советский Союз просьбы по поводу ввода советских войск: сначала просили только 15–20 боевых вертолетов с экипажами, затем две дивизии, еще позднее три армейских подразделения. 25 августа 1979 года была направлена просьба о военной помощи без указания какой-либо численности воинских подразделений: **ввести в Кабул советские войска***. Через месяц, 24 сентября 1979 года, Леониду Горчакову исполнилось восемнадцать лет.

* Тайны афганской войны. С. 49–50.

В Кировске Леонид пошел работать трактористом в ЖКУ производственного объединения “Апатит” — там давали жилье. Имея свой угол, можно было создавать семью. Он готовился к свадьбе, когда в Афганистане фактически началась гражданская война.

Расстояние между ними сближалось в геометрической прогрессии. Не по времени — по степени напряженности событий. И не было силы, которая остановила бы это движение.

На просьбу афганского руководства о направлении в Кабул 15–20 боевых вертолетов с боеприпасами и советскими экипажами начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Н. В. Огарков ответил резолюцией: “Этого делать не следует”.

Но 25 декабря первые самолеты с десантом пересекли государственную границу. Война началась...

10 января 1980 года неизвестный миру москвич В. В. Сокирко пишет прошение на имя Л. И. Брежнева:

“Осознав личную ответственность за будущее страны и своих детей, выполняя гражданский долг, я обращаюсь к Вам с просьбой дать указание о немедленном выводе всех советских войск из Афганистана. <...> Вы обязаны спасти страну от разорения, а молодежь от бессмысленной гибели!”*

А Леонид и Надя, может быть, и не придавали особого значения вводу наших войск в Афганистан. Мало ли где стояли наши войска. Молодожены Горчаковы устраивали и украшали свой скромный быт, мечтали о прибавлении семейства. Где-то в сейфе знаменитого здания на Старой площади лежала без движения Аналитическая записка Института экономики мировой социалистической системы за подписью академика О. Т. Богомолова, в которой прогнозировались тяжелейшие последствия принятого решения. Записке не придали никакого значения, чем еще на один шаг подтолкнули навстречу друг другу Леню Горчакова и чужую страну.

В июле 1980 года у Горчаковых родилась дочь. Они купали Элочку, сами купались в радости, не ведая ничего о том, что академик А. Д. Сахаров в те же самые дни сделал попытку уберечь наших парней, и незнакомаго ему Леню Горчакова в том числе, от кровавой афганской купели.

* Век XX и мир. 1990. N 5. С. 34–35.

В открытом письме Л. И. Брежневу Андрей Дмитриевич писал:

“Я обращаюсь к Вам по вопросу чрезвычайной важности – об Афганистане. Как гражданин СССР и в силу своего положения в мире, я чувствую ответственность за происходящие события...

Военные действия в Афганистане продолжают уже семь месяцев. Погибли и искалечены тысячи советских людей и десятки тысяч афганцев.. <...> По моему убеждению, необходимо политическое урегулирование...”*

Но таких людей были единицы...

В мае 1981 года Леонид получил повестку.

Его направили в учебку в Ашхабад. Механиков-водителей бронетехники готовили основательно – целых полгода. В октябре в семью Горчаковых вошло слово “Афган” – еще не столь ужасающее в силу безгласия, но и вместившее уже в себя кроме названия страны и шепот об одиноком горе матерей, едва ли не тайком оплакивающих своих сыночков, и первую похоронку в Никольский район, врученную матери Михаила Залесова, и первые тревоги, связанные с противоречивой информацией.

Леонид писал часто и родителям в Никольск, и жене в Кировск.

Он был заботливым сыном, мужем и отцом, и в письмах в основном и сквозит эта забота. Он очень беспокоился о Наде и Элечке, просил родителей поддержать семью, пока он служит, и обещал по возвращении, что они будут жить единым домом, и он, Леонид, будет беречь и покоем старость родителей. Он не верил в свою смерть – “со мной ничего не случится”... Писал, что не расстался с мечтой закончить шоферские курсы. О службе – почти ничего: сопровождаем колонны, патрулируем границу с Пакистаном. Леонид был механиком-водителем БТРД (бронетранспортер разведывательный дозорный). Он погиб 27 марта 1982 года. Обстоятельства его гибели неизвестны.

“Гроб с телом Леонида из Афганистана сопровождал Славик Бронников из Апатит, – пишет отец Леонида. – Мы спрашивали его о гибели Леника, но толком он нам ничего не сказал. Они служили в одной роте. Когда вернусь из Афгана, тогда, говорит, все расскажу. Но не пришлось и ему живым вернуться. Через четыре месяца и его

* Цит. по: *Белецкая В.* Взывающий // “Огонек”, 1989, N 8. С. 31.

привезли в таком же гробу. И лежат они теперь рядом, в одной железной оградке. Так что, что мы похоронили на самом деле, мы теперь, видимо, никогда не узнаем. То ли сына, то ли кусок афганской земли...”

* * *

Дед Лени Горчакова, Александр Павлович, переехав из деревни Блудново в Никольск, построил дом. В этом доме родился отец Леонида. Народная мудрость говорит, что настоящий мужчина должен сделать в жизни три главных дела: построить дом, вырастить сына и посадить дерево.

Леня Горчаков не построил дом. Не вырастил сына. Не посадил дерево. Но кто усомнится в том, что он настоящий мужчина?

За мужество и отвагу при выполнении воинского долга Леонид Горчаков награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Л. Бежина

НЕ ВЕРНУТЬ НИ СЫНА, НИ МУЖА, НИ ОТЦА

Этот мир без тебя
перечеркнут ракетой,
И погибшим друзьям
не закончился счет.
Здесь измерена жизнь
пулеметною лентой,
Караванной тропой
и чем-то еще.

*Игорь Морозов.
Из "афганской" песни*

Галина Григорошева с сыном Алешкой живет в Великом Устюге. Живет без потаенной надежды на то, что с сообщением о гибели мужа произошла ошибка, что вдруг распахнется дверь и он, живой и невредимый, встанет на пороге, как, хоть и редко, бывало в истории всех войн человеческих.

Галина лишена возможности на это надеяться: своего любимого она видела мертвым, когда после двухнедельного пути гроб с покойным прибыл в Кичменгско-Городецкий район для предания земле.

А рассказа об Анатолии у нее не получилось. Встретились. Полюбили друг друга. Поженились в начале его учебы на последнем курсе. За несколько месяцев до призыва в армию родился Алешка. Потом были письма. Немного писем, потому что у Анатолия постоянно в течение двух лет менялось место службы, и всегда это было связано с дальними переездами. За три месяца до гибели приезжал в отпуск...

Вот и вся семейная жизнь. Даже постоянного угла не было. Двухкомнатную квартиру без удобств в четырехэтажной коробке, получила уже после смерти мужа.

Что ж, не все обладают даром рассказчика. Поэтому изложу основные вехи биографии Анатолия Григорошева традиционным способом.

Родился 9 августа 1959 года в деревне Калепинихе Кичменгско-Городецкого района, в крестьянской семье. После окончания восьми классов Косковской средней школы поступил в Великоустюгское педагогическое училище. На последнем курсе женился, а по окончании училища в 1978 году был направлен работать учителем в Усть-

Алексеевскую среднюю школу. Через два месяца призван на срочную службу.

Еще через полгода Анатолий решает стать профессиональным военным и после краткосрочных курсов в звании прапорщика получает направление на службу в Чехословакию.

В Афганистан его направили в составе первых частей ограниченного контингента. А 5 декабря 1980 года Анатолий Григоросhev гибнет от осколков душманской гранаты.

Из его писем остались лишь те, что Анатолий успел отправить после отпуска. Ведь никто не думал, что через десять лет будут пытаться понять, чем жил, о чем думал и мечтал, чему верил солдат-«афганец».

А в тех письмах, что сохранились у жены, ни слова об Афганистане. Это письма-признания и в чем-то письма-покаяния. С разрешения Гали прочитаем несколько выдержек из них.

“15.09.80 г. Галочка, я еще раз прошу прощения за все обиды и огорчения, которые я сделал... Галюшка, жизнью дорожишь еще больше, когда есть человек, которого любишь и знаешь, что без него, т. е. без тебя, жить не сможешь. Галюшка, знаешь, наступают иногда такие моменты, что до слез обидно из-за судьбы-злодейки, которая нас заставляет жить вдалеке друг от друга.

Галюшка, милая, пиши, пожалуйста, чаще, хоть по несколько строчек, и я буду счастлив”.

“21.10.80 г. ...Вот уже пошел третий месяц, как я после отпуска, но Галюша, по тебе с Алешенькой очень скучаю. Кажется, прошла целая вечность.

Галчонок, ты, наверное, за время отпуска приворожила. Просто я тебя еще сильнее стал любить”.

Были планы и на будущее:

“28.09.80 г. ...Я собрался поступить учиться на год, а потом — на два года за границу. Может, получится и тебя забрать с собой, но не сюда, а в другую страну”.

Последнее письмо от Анатолия Галина Григоросheva читала уже после того, как муж погиб, а скорбное известие об этом еще не успело расколоть жизнь этой семьи на две части: до смерти и после. Письмо датировано 30 ноября 1980 года. До последнего боя Анатолия Григоросheva оставалось пять неполных суток. Сейчас, задним числом, содержание письма воспринимается почти

как завешание. Может, действительно, человеку дано чувствовать приближение своего последнего часа?

“...Сегодня получил от вас сразу два письма. Галочка, милая, я очень рад, что у вас все хорошо.

Галюшечка, мне так хочется хоть недолго побыть с тобой рядом, и за это я б отдал все. Утешает лишь то, что до этого момента осталось не очень много ждать...

Галюшечка, милая, главное береги себя и Алешеньку, а остальное со временем все станет на свои места. У вас уже, наверное, холодно, а здесь ходим еще в рубашке.

Галюша, милая, ты меня извини за все плохое, что я для тебя сделал. Понимаешь, после всего этого я даже иногда не смогу сдержать себя и сказать порой могу обидное и нехорошее.

Милая, я живу только для тебя и ради тебя, так как без тебя я свою жизнь не представляю. Галочка, главное, чтобы у тебя было все нормально, а я просто клянусь, что за мной ничего плохого ты не узнаешь и не увидишь...

Крепко целую много, много раз – Толя”.

Хранится у Галины Григорошевой еще одно письмо, датированное 12 декабря 1980 года:

“Здравствуйте, дорогие мои Галина и Алеша. Пишет друг Толика Шестернев Михаил. <...>

Толик – настоящий мужчина. Крепись, Галина. Не один раз он спасал людей, был смелым, рассудительным. Сын может им гордиться...

Все, что с ним случилось, я видел своими глазами.

5 декабря Толик на машине развозил ужин по отдельным гарнизонам, которые находятся вдоль дороги на участке Саманган–Пули-Хумри. В семь часов вечера на машину было совершено нападение бандой в количестве 15–20 человек, хорошо вооруженных, обученных.

Две противотанковые гранаты попали в кабину машины с той стороны, где сидел Анатолий. Будучи тяжело раненым, Толя продолжал вести бой до прихода помощи.

До госпиталя его не успели довезти. Умер от потери крови.

<...> Правильно, мужа все-таки никто не сможет тебе вернуть, сыну – отца, нам – друга. Но он будет отмщен. Я тебя в этом заверяю”.

И еще в своем письме Михаил Шестернев обещал, как только представится возможность выехать в Союз, обя-

зательно навестить Гаю и Алешу. Не приехал. Никто не знает, что помешало. Вполне вероятно, что и не представилось возможности: ведь еще почти восемь лет кому-то надо было “развозить ужин по отдельным гарнизонам”, и на каждом метре пути солдата могла подстерегать смертельная опасность. А может... может, ему не хотелось рассказывать, как он мстил за смерть друга? Ведь за минувшие десять лет понятие возмездия претерпело такие изменения, о которых Михаил Шестернев в конце 1980-го и не догадывался.

К тому, что поведали об Анатолии письма, Галя добавить ничего не смогла. “Любила – и все”.

– Толя как и все рос, – говорит мать, Валентина Семеновна. – Примечать за кем-то что-то особенное ни мне, ни отцу некогда было.

На вопрос, которым ребенком по счету был Анатолий, она даже затруднилась сразу ответить. Десять их было у нее. Пять сыновей и пять дочек, и все – погодки.

Вышла замуж за Аркадия Ефимовича Григорошева, бывшего фронтовика, в 1948 году. Поселились они с мужем в деревне Калепинихе, что пятнышком родимым отделилась среди бескрайних кичменгско-городецких лесов. Большинство послевоенных колхозов Вологодчины бились в нужде. В этой нужде и выросли все десятеро ребятишек Валентины Семеновны.

– Полуголодные ходили, как собачата. Одеть нечего. Нонче хоть они свет увидели, – это Валентина Семеновна о детях. – Вот, сосчитала, седьмым он был. Помню, что когда дом свой перестраивали, Толя с лесов упал. Шибко тогда испугалась... Очень уж он обо мне заботливый был. Бывало, еще когда учился на учителя, без подарка домой не ездил. И все говорил – на память. Я уж однажды поругала: “Что все на память да на память. Будто умирать собрался”. А видишь, вот как вышло...

24 июня 1990 года Валентина Семеновна отмечала свое семидесятилетие. Живет она сейчас в Кичменгском Городке. Собрались все дети, побывали на могиле Анатолия в селе Коскове, на могиле отца, который умер пять лет назад.

– А в деревне наш дом так и стоит пустой. Погибает деревня, – вздыхает Валентина Семеновна. – Можно бы к кому-нибудь из детей уехать, да куда все они потом собираться будут. А тут уж квартиру отвоевала, так буду жить, пока силы есть.

...Валентина Семеновна не оговорила. Квартиру она действительно "отвоевала". Уже через несколько лет после гибели Анатолия.

Когда умер муж, переехала жить в райцентр к дочери, а вскоре той с семьей новую квартиру дали. Валентине же Семеновне из управления коммунального хозяйства райисполкома бумага за бумагой: "Очистить помещение!" Что из того, что ты Мать-героиня, что у тебя муж – фронтовик, да и сын орденом Красной Звезды награжден (посмертно!) Пришлось старушке защиты у Великоустюгского районного народного суда просить. "Там по-человечески рассудили", – считает Валентина Семеновна.

...Два года назад братья поставили на могиле Анатолия новую оградку. Металлическую. Обелиск привезли из Мурманска. А у матери – свое утешение: в оградке рядом с сыном и для нее местечко осталось.

Л. Малков

ЗЕМЛЯ ЛИШИЛАСЬ ХЛЕБОПАШЦА

Избы стоят как живые, у некоторых даже занавесочки на окнах белеют, но, если взглядеться, двери где заколочены, где на ржавых замках, собаки не лают... Покинутый мир.

*Виктор Верстаков.
Прости за разлуку*

Сказать, что деревенька Квашнино, где жила семья Дубровских, — обычная сельская глубинка, значит очень мало сказать. До колхоза “Завет Ильича” (там была средняя школа) — десять километров, до райцентра, Тарногского Городка, — вдвое больше. А каковы дороги российского Нечерноземья — всем известно. Впрочем, и от самой Тарноги до ближайшей железной дороги добрая сотня километров наберется.

Дом Дубровских стоит на высоком угоре. Бывая в командировках в этих местах, я с болью смотрю на него. Коля Дубровский не учился у меня, когда я работала в Заборской средней школе. А вот его младшую сестру, Катю, я учила, потому она и привела меня в свой заколоченный дом, чтобы найти два Колиных письма из Афганистана...

В семье Валентины Павловны и Якова Семеновича Дубровских было четверо детей. Старшая, Наталья, живет сейчас в соседнем Ньюсенском районе, Геннадий и Катя — в Тарноге. Разница в возрасте между Николаем и Катей небольшая — два года, они были настоящими друзьями в жизни.

Когда Николай учился в восьмом классе, умер отец. Мать в это время тяжело болела, находилась на инвалидности — порок сердца. Старшие дети уже давно разлетелись из родительского гнезда, Катя училась в интернате. Коле после окончания восьми классов пришлось остаться дома, чтобы помочь матери продержать хозяйство — корову, овец, поросенка. Корову, конечно, сам доил. Когда поросенка выхаживал, ночью к нему, словно к дитю малому, по несколько раз вставал.

Пенсия у матери была — 45 рублей. Николай стал работать в кочегарке на Павловской ферме своего родного колхоза “Аврора”.

В 1984 году он закончил Тарногское СПТУ, получил специальность тракториста-машиниста, а спустя некоторое время пришла повестка.

Из рассказа Кати Дубровской:

“Коля очень любил животных. Доярки говорили: тебе бы быть ветеринаром. Часто к нему за помощью обращались — принимать отелы. Я сама не раз наблюдала, как Коля возится то с ягнятами, то с телятками, гладит их, разговаривает с ними. Все время у него были собачки. Последнюю звали Валет. Он прибежал на кладбище, когда хоронили Колю.

После окончания школы я по комсомольской путевке пошла работать на Павловскую ферму дояркой. Коля в то время учился на III курсе СПТУ. В выходные дни он обязательно мне помогал: носил за меня фляги с молоком, мог заменить и на стаде, давал мне отдохнуть”.

Из письма Николая Дубровского:

“Здравствуйте, мои родные мама и Катюшка! С солдатским приветом к вам Коля. Вот решил написать, правда, еще не с места, где буду служить, а с того места... С Ленинграда нас отправили 22 октября. В Узбекистане мы пробыли до 28 октября. А затем нас отправили в Кабул. Погода здесь стоит теплая, градусов 30 и больше. У нас, наверное, там уже выпал снег. В общем, у меня пока все нормально. Теперь опять будем привыкать на новом месте.

Вы там не расстраивайтесь, что я попал в Афганистан, ведь надо и здесь кому-то служить. Все будет нормально. Мама, главное, ты береги себя. Не болей и сильно не расстраивайся.

Передавайте всем квашинцам большой привет...

Я было не хотел вам писать, что попал в Афганистан, но подумал, лучше правда, чем врать. Главное, вы не расстраивайтесь”.

Из рассказа учительницы Заборской средней школы Лидии Феодосьевны Кочкиной:

“Очень хорошо его помню. Знала его семейные обстоятельства и понимала его. Мать была тяжело больна, без помощи Николая в хозяйстве нельзя было обойтись. Случалось, опаздывал на уроки — ведь путь до школы неблизкий, больше десяти километров. Ходил он в хлоп-

чатобумажном простом костюмчике. Скромный. Никогда никого не обижал. У меня о нем остались самые светлые воспоминания. Все дети в семье Дубровских получили хорошее воспитание”.

Из письма Николая Дубровского:

“Здравствуйте, мои родные мама и Катюшка! Я теперь нахожусь в городе Джелалабаде. Служба идет нормально, привыкаю к новому месту. Правда, здесь бывает очень жарко. Но теперь не так жарко, ведь скоро зима, так градусов 30–40. А летом здесь градусов до 70 бывает. Здесь даже пальмы растут. Ничего, будем загорать. <...>

Мама, как у тебя здоровье? <...> Катя, напиши, кого призвали в армию, кто пришел? Чем там занимаются ребята? Наверное, уже женились. Катя, теперь пиши все новости, какие у нас там есть. Потому что письма будут идти долго. В общем, вы там не расстраивайтесь. Душманов пока еще не видел, но, думаю, скоро увидим.

Приезжает ли Гена на выходные? Пусть он нарубит дров. Я жалею, что в том году не нарубил. А не то вы, может, там без дров сидите (шучу).

Передавайте всем привет от меня. С нетерпением жду ответа”.

Из рассказа Валентины Павловны Дубровской:

“Коля очень хотел научиться ездить на тракторе. В СПТУ пошел учиться по желанию. Геннадий, уходя в армию, передал ему свой трактор. В армию его, может быть, не взяли бы в том году, но он съездил сам в военкомат и попросился. Повестка пришла неожиданно. В четверг умерла его бабушка, а в понедельник Колю проводили в армию. Друзей у Коли много было. Перед вечером я даже беспокоилась, как бы пол в доме не проломился, ненадежный, надо бы подпереть в подполье. Но времени было мало. Коля был уже в армии, когда я зачем-то спустилась в подполье и увидела, что пол в нескольких местах подперт столбами. И сейчас в доме все мне напоминает о сыне. Куда ни пойду – везде что-нибудь сделано его руками. Дровяник построил перед армией.

Любил свою деревню. Никуда, говорит, мама, не уеду из деревни Квашнино”.

Действительно, красивые места. С высокого холма перед тобой расстилаются необозримые поля, леса, речка Уфтяга. Однако половина домов в деревне заколочена. Видимо, мало еще людям одной красоты для жизни, и

уходят они из отчего дома. Только сейчас мы начали понимать, что, покидая землю, мы неразумно расточаем главное наше богатство. Коля не хотел ее оставлять, но судьба распорядилась иначе. 10 декабря 1985 года душманская граната оборвала его жизнь в двадцать лет.

У старых деревянных церквей на Поцком погосте рядом могилы отца – участника Великой Отечественной войны Я. С. Дубровского и его сына Николая.

И вот две тени появились
Среди рябин –
На новом кладбище военном
Отец и сын.
Сказал отец:
“Хотел бы в космос?
Открыта дверь.
Одели в цинковый скафандр
Тебя теперь...”

Деревенька Квашнино лишилась еще одного хлебопашца, заботливого хозяина.

Не так давно рядом с мужем и сыном похоронили Валентину Павловну Дубровскую.

И прибавился в деревеньке еще один заколоченный дом...

Л. Романова

В ПЕРВЫЕ ДНИ ЮБИЛЕЯ

Пусть за мною плетется беда,
Ты не верь, что спасения нет,
Ты ведь помнишь — в трамвае всегда
Отрывал я счастливый билет...

*Игорь Морозов.
Из "афганской" песни*

Георгий Егоров погиб, выполняя боевое задание, в первые дни своего двадцатипятилетия. Из реляции на представление его к ордену Красной Звезды видно, что он был храбрым офицером. В ней говорится: "...находясь на вверенном посту, Егоров Георгий Аркадьевич умело организовал отпор внезапному нападению большой группы противника. Появляясь в самые критические минуты боя на ответственных участках поста, личным примером воодушевлял подчиненных. Когда на одном из участков поста создалось угрожающее положение, старший лейтенант Егоров Г. А. поднял личный состав в контратаку, тем самым предотвратил уничтожение поста. Поднявшись первым, он огнем из автомата уничтожил 6 мятежников".

Когда-нибудь, может быть, отыщутся сослуживцы Георгия и более подробно расскажут об "афганском" мгновении его короткой жизни. Он был там чуть больше двух месяцев...

Удмурт Георгий Егоров родился в 1956 году в Марийской АССР, в деревне Нижний Шолдынер Кырлыганского сельсовета Мари-Турского района. Годы его детства совпали с очередными заверениями правительства о том, что в недалеком будущем в стране наступит райская жизнь. Крестьянам было приказано расстаться с личным подворьем и выращивать кукурузу. И деревня по-прежнему маялась и еле-еле сводила концы с концами. Тяжело жилось и многодетной семье колхозника Аркадия Егоровича Егорова. Дети не всегда наедались досыта, а о лакомствах и не слыхивали. К тому же жили без матери, она умерла, когда Георгию было полгода.

Чтобы выбиться из беспросветной нужды, юноша решил попытаться уйти из деревни. Но для этого надо было очень хорошо учиться. В 1973 году он с отличием закончил Карлыганскую среднюю школу. В этом же году умер его отец. Может быть, Георгий и не грезил славой великого полководца, но армия в те годы была в большом почете и давала более или менее надежную материальную опору. Чтобы быстрее встать на собственные ноги, Георгий поступил в Ленинградское высшее общевойсковое командное училище им. С. М. Кирова, где уже учился его старший брат Владимир.

Город Пушкина и Блока, город – “колыбель революции”, город-герой, выдержавший девятисотдневную блокаду в Великую Отечественную, – Питер покорила его, и в нечастые увольнительные Георгий жадно знакомился с памятниками истории и культуры Ленинграда. Этот город одарил его и счастливой встречей с вологжанкой Валентиной, родом из Верховажья. Валентина приехала в Ленинград из Макарецевского лесопункта учиться на швею и неожиданно-негаданно нашла там свою судьбу.

В 1977 году Георгий закончил училище. Ему была присвоена квалификация офицера – инженера по эксплуатации гусеничных и колесных машин. Молоденького лейтенанта направили для прохождения службы в Житомирскую область, в танковый батальон. Здесь подразделение Г. Егорова отличилось в войсковых учениях, и он заслужил репутацию грамотного, толкового офицера. Благополучно складывалась и семейная жизнь – в 1979 году у них с Валентиной родился сын, названный в честь старшего брата Владимиром.

Судьба военного человека изменчива. 25 мая 1981 года старший лейтенант Г. Егоров прибыл в новому месту службы – в Афганистан, где был назначен командиром мотострелкового взвода.

В первых письмах оттуда он спешил представить родным страну своего пребывания.

“Мы стоим недалеко от Кабула, живем в палатках, на город смотрим со стороны. Первые впечатления, которые я имею от Афганистана, – это постоянная жара, все время хочется пить, и везде пылица. Кругом горы, а на вершинах снег лежит. Днем жара, а по ночам прохладно... За лето только два или три раза бывают дожди. Правда, сильные. Иногда с градом. Темнеет здесь рано. В 8 часов по местному времени уже темно.

Уже увидел и вижу каждый день животных, которых раньше не видел: ишаков, верблюдов. Видел бывший дворец Амина. По Кабулу два раза проезжали из конца в конец. Здесь много вишни растет, виноград кругом, правда, он еще не созрел. Скоро созреют персики, шелковица, всего не перечислишь. Один недостаток, что все в пыли, все надо мыть, а с водой иногда бывает туго...”

“...Здесь, оказывается, нельзя ходить раздетым, чтобы загорать. По местным обычаям мужчина, раздетый до пояса, считается как оскорбление. Все женщины ходят в чадрах — это накидка такая сверху донизу, только на лице вроде сетки, чтобы видно было. Но сетка такая мелкая, что я удивляюсь, как они ходят... Если к кому заходишь в жилье, так женщины сразу все прячутся или забиваются в угол. И вообще здесь народ такой забитый, что диву даешься...”

Нескольких горячих афганских недель хватило молодому офицеру, чтобы прийти к горькому выводу:

“...Местное население относится к нашим войскам с некоторым недоверием. Где мы останавливаемся лагерем, так из ближайших дуванов (жилье) все люди в основном уходят. Есть, конечно, и такие, которые нам доверяют, но хочется, чтобы их все-таки становилось больше. А так получается, что они ведут против нас партизанскую войну. Минируют дороги, обстреливают наши колонны, а сами уходят в горы...”

Если бы просто в горы... Потоки афганских беженцев устремлялись в Пакистан, где, неподалеку от границы, из них формировались хорошо вооруженные и обученные отряды, которые затем возвращались обратно и вели ожесточенные бои с “неверными” ... А с оставшимся местным населением было трудно найти контакт и согласие: “Здесь все чужое. Люди чужие, привычки, обычаи, язык...”

В письмах к родным Георгий оговаривается, что он не будет писать на военные темы, — нельзя. Но вот еще раз непроизвольно прорвалась боль, вызванная на сей раз неподготовленностью наших солдат к службе в Афганистане:

“...Вчера привезли “молодых”, взамен уволившихся. “Молодые” все в основном узбеки. Мало кто по-русски понимает, а стрелять вообще никто не умеет, вот будет с ними мороки...”

Жизнь однообразна, но бывают моменты в нашей армейской действительности, про которые в письмах лучше

не упоминать. Об этом как-нибудь при встрече наедине можно сказать или лучше вообще о них не вспоминать. Мы люди — военные, и нам не следует слишком распространяться про свою жизнедеятельность...”

Но рассказать при встрече о своей жизни ему так и не пришлось. Георгий Аркадьевич Егоров погиб 31 июля 1981 года. Судьба распорядилась так, что удмуртский паренек после далекого Афганистана навечно сроднился с вологодской землей. Мир праху твоему, молодой офицер.

Г. Буданов

ДВА СЕРДЦА БИТЬСЯ ПЕРЕСТАЛИ

Мальчик, школьник вчерашний,
На чужом солнцепеке,
И подумать мне страшно,
Как мы здесь одиноки...

Наум Коржавин.

Поэма причастности

До пяти лет Сережу воспитывала бабушка, Александра Ивановна Барашкова. А потом родители получили квартиру в маленьком рабочем поселке Шиндалово, буквально в считанные годы выросшем почти на самом берегу красавицы Шексны.

Сережка рос обыкновенным мальчуганом, любил ходить с отцом на рыбалку, бегал в ближний лес за грибами и, пожалуй, ничем особенным не выделялся среди таких же, как он, сверстников-пацанов. Может быть, только сильнее, чем у других, была в нем развита тяга к технике, которая с годами заслонила почти все его ребячьи увлечения, за исключением разве что филателии. Марки были его единственным хобби – он собирал их любовно и азартно, всю свою короткую жизнь, откровенно радуясь каждому новому приобретению.

Он закончил десятилетку, уже имея водительские права автомобилиста и мотоциклиста, и сразу после школы устроился водителем бензовоза в карьер “Кирилловский”. Эта мирная профессия стала для него основной и в армии.

Его биография уместилась всего в нескольких строках на памятной стенде в фойе Алешинской восьмилетней школы. В этих кряях он учился и рос, здесь вступил в пионеры, стал комсомольцем. Теперь все в округе вспоминают его как хорошего ученика, увлеченного общественика, просто славного парня. Алешинские школьники бережно хранят фотографии, где он навечно запечатлен в тесном кругу друзей рядом с учителями в солнечные дни десятой своей выпускной весны – юный, беззаботный, счастливый. А уже через год, в 1983-м, придет его пора принимать присягу, исполнять воинский долг.

Он не выбирал себе судьбу, судьба сама выбрала его. Он стал воином-“афганцем”, как сотни и тысячи сверстников. Из мирной жизни, которую все они, по молодости лет, еще не сумели оценить и полюбить по-настоящему, ребята шагнули в самое пекло невыдуманной, жестокой войны. Вместе с ними шагнул и он, не сразу осознав, что война — это не учения в условиях, максимально приближенных к боевым. Все это страшнее и непонятнее: где друг, где враг? Вот этот, седобородый с молодыми глазами, что только что угощал вкусными орешками, — не прячет ли он под темной безрукавкой особую, чарикарской закалки кинжал с надписью “убей неверного”? Или вот тот худой, быstroногий парнишка, почти ровесник — не он ли ночью встанет в дозор, когда душманы будут закладывать мины на дороге? И тогда — держи колею!

Ясно было только одно: далеко не всем удастся уцелеть и выйти живыми из этого ада.

Встретил свой смертный час на пылающей земле Афганистана и Сергей Егоров, рядовой неполных девятнадцати лет.

Сергей знал, как дома ждут от него хоть короткой весточки, как беспокоятся, если письма, заблудившись в дороге, задерживаются надолго, и при всяком удобном случае старался улучшить момент, чтобы черкнуть хоть несколько строчек любимой бабуле, матери и отцу, близким друзьям. Письмо родителям от 17 сентября было последним.

“...Через неделю день приказа, будет год, как я в армии. Как там у вас идут дела? Пишите о себе побольше и поподробней. От бабули получил письмо, так она пишет, что погода неважная у вас, дожди идут. Картофель как и уберете. <...> На этом и закончу. До свидания. Ваш сын Сергей”.

Это письмо Нина Александровна и Юрий Иванович Егоровы получили в годовщину Сережиной службы в армии. А 9 октября его не стало.

...Колонна автомашин везла из Союза в Джелалабад керосин для заправки самолетов. Дорога была заминирована итальянскими минами в пластмассовом корпусе. Впереди колонны двигался танк, в котором находились десять парней (все из Ленинграда). Когда танк подорвался, в темноте, в дыму и копоти сначала никто ничего не понял. Автомашины одну за другой сбрасывало с дороги, пока наконец не разобрались, что там, в голове

колонны, и не раздался сигнал “стоп”. А Сергей был в первой...

Весь поселок провожал Сергея в последний путь. Дома, в небольшой квартирке Егоровых, заботливо хранимые, остались только толстые альбомы с марками, которые он так любовно коллекционировал в школьные годы, маленькая шкатулка с десятком-другим дорогих его сердцу мелочей, несколько фотоснимков, один из которых, увеличенный и перетянутый черной лентой, стоит теперь на видном месте. Вот и все, что оставил Сережа на память о себе.

Чуть позже пришло известие, что Сергей Юрьевич Егоров посмертно награжден орденом Красной Звезды. Но об этом уже никогда не узнает его мама, ее больное сердце не выдержало такой утраты, ведь сыночек Сереженька был у нее единственным. В короткий срок истаяв словно свечка, она легла в землю рядом с ним. В вечной скорби над их могилами склонили кроны две белоствольные плакучие березы.

Т. Погодина

РОЗЫ ДЛЯ СОЛДАТА

Туда не в час ли окаянный
России преданных сынов
Ввел маршал полусамозванный,
Стяжатель высших орденов?

Яков Козловский

...Когда стройный солдат в голубом берете и парадном мундире шествовал от вокзала к дому, жителей Устюжны так и кинуло к окнам:

— Витя Емельянов вернулся! — новость быстро облетела город. Вечером собрались друзья. Счастливо хлопотала мать, дождавшаяся сына с войны. Впервые за полгода боль отпустила ее сердце. Не таил радости отец, Иван Константинович. И не подозревали они, что над их счастьем уже нависла черная грозовая туча. О ней знали только врачи да сам Виктор. Но молчал. И приготовился к бою. Чтобы победить.

...Радость победы Витя узнал рано, когда всерьез начал заниматься спортом. Фотографии из семейного архива, дипломы, грамоты свидетельствуют о том, как год от года крепчал паренек. Перед армией занял второе место в зональных соревнованиях по боксу.

Тогда он был уже под два метра ростом, косая сажень в плечах. По-мальчишески демонстрировал силу: ложился на пол и предлагал четырнадцатилетней сестренке... походить по нему, словно по мостику. Наташка выполняла просьбу с удовольствием, знала, что мускулы у брата словно железные.

Армейской службы он не боялся, наоборот, мечтал о трудных десантных войсках. Но жизнь приготовила более серьезный экзамен на прочность — Афганистан.

“...Сегодня нас пообещали сводить в зоопарк, а пока смотрим телевизор. С сегодняшнего дня начнется настоящая учеба. На шесть дней едем на полигон в Шарабад, горно-учебный пункт. Скоро станем настоящими мужчинами. Шутка разве — лазить по горам с двадцатью килограммами песка в рюкзаке за плечами! Кормят отлично,

как дома. Сейчас с Лешей Лябовым едим сочни, пьем апельсиновый сок и минералку. Вчера подводили итоги учебы, и мне перед всей ротой вынесли благодарность. Здоровье отличное, настроение хорошее. Мне можно позавидовать...”

Все письма, которые Надежда Петровна хранит как великую святыню, были примерно такого же характера. Словно и не на службе сын, а на курорте... Да разве обманешь материнское сердце?

“...Здравствуйте, мои родные мамулечка, папа, Наташа! Получил письмо и бандероль. Так рад, что захотелось плакать. Но мужчины плачут внутри себя. Сразу вспомнил дом и всех вас. Может, лучше и не посылали бы... Нужно терпеть, терпеть и терпеть. Ну ничего, не так уж и часто у меня такие грустные письма. Постоянно на уме вы. На гражданке это редко понимаешь, а тут начинаешь задумываться о будущем и допущенных ошибках. В солдатской жизни начинаешь ценить вкус воды, не говоря уж о хлебе. Я хочу у вас попросить прощения за то плохое, что сделал. Представляю, как повзрослеет Наташа, вдруг прозреет и будет смотреть на жизнь иначе. Мамулечка, знаю, будешь плакать, опять портить нервы. Извини, письмо пишется как-то само собой...”

Такое послание только одно. Но и его было достаточно, чтобы Надежда Петровна снарядилась и через всю страну отправилась в далекий Узбекистан. К сыну.

С первых минут пребывания в Термезе стало ясно, что это за “курорт”, на описание которого сын не жалел светлых красок: страшная, изнуряющая жара до плюс семидесяти градусов внизу и минус сорока вверх, в горах. Постоянные смерчи из песка и пыли, от которых не спасали ни одежда, ни стены жилищ. Иногда солдаты, уходя в горы на задание, долгое время вынуждены были обходиться без еды и, главное, без воды. Жажда мучила постоянно. В казармах свирепствовали малярия, гепатит. А солдатики – боже мой! – все на одно лицо: черные, высохшие, в одинаковых дырчатых шляпах, скалолазных ботинках. Надежда Петровна без слез не могла видеть покалеченные осколками ноги сына. В кровоточащие раны въелся песок, причиняя нестерпимые страдания...

Нет, не принесла облегчения материнскому сердцу встреча с сыном. А ведь это была еще учебка, советская сторона...

“...В Баграме мы уже две недели, в 60 километрах от Кабула. На еду и отдых времени не жалеют: суп густой, на второе – рис, рожки с жареным мясом. За меня не волнуйтесь: все хорошо...”

“...Поздравляю с Новым 1987 годом! Желаю счастья! Живу над уровнем моря. Сначала было трудно дышать. Горы в снегу. Бандероли сюда не высылайте, нельзя. Пока никаких военных действий. Слышал о предполагающемся перемирии. Будьте спокойны, скоро приеду”.

Эти скудные весточки уже из чужой страны.

А затем – длительное молчание. Всей семьей после работы бросались к почтовому ящику – пусто... Наконец долгожданный конверт, но почему же из Союза?

“...Извините за молчание, но были причины. Выполняли задание, взяли под охрану одну фабрику. А ведь весна: пошли сильные проливные дожди, спали под машинами в спальных мешках. Я попростыл, пришлось ехать в медсанбат. А потом отправили в Кабул, затем – в Ташкент. Сейчас направляют в главный военный госпиталь имени Бурденко. Тебе, мама, нечего паниковать. Все наладится”.

...Из госпиталя Виктор вышел инвалидом. И приготовился к бою. Чтобы победить болезнь. Родные стены, чистый устюженский воздух, еда, приготовленная маминими руками, неустанные занятия физической культурой, которые Виктор усложнял с каждым днем, сделали свое дело. Он начал поправляться, посвежел. Отдыхать не захотел, рвался на работу.

Подкосило разом. Вологодские врачи, узнав страшный диагноз, бессильно опустили руки. С большим трудом Емельяновы выхлопотали направление в Ленинградский научно-исследовательский институт имени Петрова. Здесь Витя пробыл более полугода и запомнился врачам как большой оптимист. Даже мама, в присутствии которой сын особенно старался держаться молодцом, не почувствовала беду, которая уже стояла на пороге. Сын умер у нее на руках, страстно жаждущий жизни...

Прощаясь, профессор медицины поцеловал руку посевшей матери: “Таких терпеливых мальчиков я еще не видел. И как только он продержался столько времени с мертвыми бронхами?”

Причину смерти уже не скрывал: отравление химическим газом. Белокровие. Так вот от какого “дождя” “попростыл” Виктор!

...В последний путь воина провожал весь город. Память об этом сильном и добром парне жива в памяти земляков. На пятиэтажке в центре Устюжны, где он жил, – мемориальная доска. В квартире родителей – “Витин уголок”, маленький музей: на алой подушечке рядом с его большим портретом разложены мамой значки, медали и орден Красной Звезды, которым Виктора наградили уже посмертно. Военский билет, где записаны сразу три специальности: радиотелеграфист, разведчик, пулеметчик. Гражданские документы: удостоверение тракториста-машиниста III класса, водительские права, комсомольский билет, диплом об окончании Устюженского сельскохозяйственного техникума, который Виктор закончил с отличием и получил самую мирную профессию – агронома.

Так и не увидел он первых всходов, взращенных собственными руками. И все же успел заронить зернышки света и доброты в благодатную почву. Не обходят дом солдатской матери, “мамы Нади”, друзья-“афганцы”, получая здесь заряд добра и милосердия. Не забывают могилу воина однокурсники Вити. На мраморном надгробии – всегда живые розы, даже зимой. Это оставляют памятку молодожены, заезжающие сюда после ЗАГСа. Первый тост на свадьбах и минута молчания посвящаются тоже ему.

...Побывала и я с Надеждой Петровной на устюженском кладбище. Погода неожиданно испортилась: крупные капли дождя, словно слезы, окропили стелу. Надежда Петровна протерла ее, и засияло улыбкой высеченное на мраморе юношеское лицо. Из-под солдатской фуражки – непокорные кудри. Долго стояли мы, склонив головы, и не сразу услышали, как к ограде подошли еще двое. Это приехал из Череповца Витин друг с молодой женой...

Т. Шалушкина

ЖЕНА

Женам военнослужащих без любви к супругу — гибель. Без всепоглощающего чувства к спутнику жизни выдержать такую жизнь невозможно.

*Людмила Медведева.
Женщина и армия*

В тот день, 25 мая, Ирина Сергеевна Ершова была именинницей. По этому случаю и снимались для домашнего альбома. Афганистан, двадцать километров от Кандагара. Но фотографии не пахнут порохом... Снимки уцелели в черном пакете на дне старого чемодана полковника Ершова: таможенный контроль — для живых.

За маленьким окном комнаты — тесный закуток балкона, справа и слева стиснутый кирпичными стенами. Получается что-то вроде амбразуры. Но пейзаж за ней самый мирный — серое небо над заснеженной вологодской улочкой. Ирина Сергеевна смотрит в окно и рассказывает...

Кандагар, май 1985 года

— В Афганистан попала только в мае: документы долго оформляли. Вадим встретил меня в Кабуле, веселый такой. Сразу спросил: “А ты помнишь, какой сегодня день?”

Это был день нашей серебряной свадьбы.

Вадим повез меня в гостиницу, пришли его товарищи, я достала из чемодана две бутылки водки, которые тогда разрешалось с собой провозить. Посидели спокойно, в тот день обстрелов не было. Потом мы улетели в Кандагар.

Поселили нас в городке, рядом с аэропортом, который когда-то строили американцы. Аэропорт не достроили, но остались домики строителей. Кто-то из наших прозвал их “виллами”. С юмором народ, там много таких, особенно молодые ребята — офицеры...

Начались будни, обстрелы. Мужики все время на операциях — когда на неделю, когда на две. Возвращаются — не узнать. По вечерам ждать в одиночку было не-

возможно, собирались женщины вместе. Они меня вязать научили – сказали, успокаивает. Белой шерсти там много, мы ее сами красили в разные цвета, говорили на “посиделках” о том, о чем везде говорят женщины – о детях, семье, доме. Как будто нет никакой войны. Первое время не могли представить, что вот мужья уедут, а вернутся не все...

Вологда, июль 1986 года

Весь тот “афганский” год Ирина Сергеевна была с мужем. А в начале лета уехала в Вологду – дочка сдавала сессию и нужно было кому-то посидеть с малышом.

Однажды позвонили в дверь. Ирина Сергеевна открыла – на пороге стоял симпатичный офицер. Поздоровался, приятно улыбнулся: “Вы жена военного? А муж где служит? Писем от него давно не было? Вы знаете, нам позвонили из Ленинграда, что погиб ваш муж. Вы не получили извещения?”

Ирина Сергеевна всю ночь не спала. Ей казалось, что если она поверит этому офицеру, то с Вадимом и впрямь может случиться что-то нехорошее. А утром пошла в военкомат. “Ничего не знаем, – сказали там, – сведений пока не поступало”.

Так она прожила семь дней в полной неизвестности. На восьмой приехал “сопровождающий”, товарищ мужа. Когда он увидел Ирину Сергеевну, понял, что ничего объяснять ей не надо...

Кандагар, ноябрь 1985 года

– Мимо наших “вилл” часто шли колонны. Долго шли – тридцать, пятьдесят, сто машин, танков, бронетранспортеров. Смотришь им вслед, думаешь, господи, жара под 60 градусов, как же там ребята под броней? И нечем помочь. Перед перевалом колонны всегда делали остановку, солдатики выбирались из машин на дорогу. Сядут в пыль, к колесу привалются, вот и отдых.

Вадим, когда уезжал на операции, всегда брал автомат, а мне оставлял пистолет. Обстрелов я уже не боялась, но с пистолетом под подушкой было спокойнее. Хотя сейчас понимаю: мы были почти беззащитными – женщины, пятнадцать солдат, четыре пушки по углам городка. Долго ли смогли бы продержаться, если что?

Когда встречаю в Вологде знакомых, а они поздравляют меня с квартирой и спрашивают, кто помог, отвечаю: “Афганцы”. “Не может быть! Что они могут?” “Все могут”, – говорю.

Вологда, август 1986 года

Накануне похорон представитель военкомата сообщил Ирине Сергеевне, что прощание состоится на призывном пункте. Почему не в Доме офицеров? Товарищ замялся: нельзя... Почему? Просто нельзя, понимаете? Она не захотела понять. К двум часам дня площадь перед Домом офицеров оцепила милиция. Собралось неожиданно много людей. Первый раз за шесть лет афганской войны погибшего хоронили открыто, прилюдно отдавая воинские почести. Впервые человеческое горе было *разрешено*...

Месяца через два Ирине Сергеевне позвонили из военкомата: "Вашего мужа наградили орденом, придите получите". Она даже растерялась: "Как это "придите – получите"? "А что бы вы хотели?", – поинтересовались в трубке.

Потом военкоматовские все-таки сами пришли на работу к Ирине Сергеевне и вручили ей орден в присутствии ее коллег. Оказалось, что Адинамина Сергеевича наградили посмертно двумя орденами – советским и афганским. Теперь нужно было сделать на памятнике новую гравировку, в дополнение к уже обозначенным там двум орденам, которые Ершов получил при жизни. Кроме того, в надписи не хватало одного важного слова – "полковник". Там было просто – "Ершов" ... Кто-то из военного руководства сильно опасался, что люди узнают: в Афганистане гибнут не только рядовые. Такая вот "военная тайна".

Кандагар, март 1986 года

– В Афганистан я привезла открытки с видами Вологды. Бывало, сядем рядом, разложим открытки, и начинается: "Помнишь, вот здесь, а вот за тем углом... а вот тут..." Так было и шестого марта, в день рождения Вадима.

Судьба военного редко бывает счастливой, если понимать счастье как спокойное благополучие. В судьбе Вадима такого счастья не было, но в своем последнем письме он написал: "Если со мной что-то случится, я знаю, что жизнь прожил не зря".

Он с детства мечтал стать летчиком, и обязательно военным. Поступил в летное училище, но за три месяца до выпуска был списан с "белым билетом" – врачи нашли порок сердца. Оказался на улице со справкой об инвалидности, дающей право на пенсию в 30 рублей. Вернулся в Вологду, устроился грузчиком на завод. Через несколько месяцев его как передового рабочего направили служить в милицию. Он получил военный билет, работал

участковым, потом писарем в воинской части, оттуда был направлен на курсы младших лейтенантов, экстерном сдал выпускные экзамены в Ленинградском артиллерийском училище. Почти все на "отлично". Через несколько лет отлично закончил военную академию.

А познакомились мы, когда Вадим работал грузчиком на заводе. С тех пор вместе.

Вологда, сентябрь 1986 года

После похорон мужа она осталась в Вологде без работы, без квартиры. Свою трехкомнатную Ершovy сдали государству, уезжая с Дальнего Востока в Афганистан. Ей сказали, что встать на очередь без вологодской прописки нельзя. Прописалась в семье у дочери – четвертой на семнадцати квадратных метрах... Оказалось, что теперь ее смогут поставить в очередь на улучшение. "По списку инвалидов Великой Отечественной войны и семей погибших воинов номер вашей очереди 348-й..." Сколько ждать? Десять – двадцать лет... Я же могу не дожить... Ничего, проживете.

Собравшись с силами, она неделями обивала пороги, просиживала дни в приемных. Никогда не плакала на людях. Может быть, поэтому чиновники не утруждали себя излишним тактом с этой деловой на вид женщиной, а она никак не хотела принять условия игры в начальников и просительницу.

Кандагар, май 1986 года

– Были, конечно, у нас и праздники. Готовили что-нибудь для наших мужчин. Даже торты пекли. Напечешь на плиточке что-то вроде блинов, намажешь сгущенкой – вот и торт. Приходили в гости афганские офицеры. Мы знали, что они живут труднее нашего, семьи у них большие, вот и старались подарить им сгущенку для ребятшек. Они возьмут баночку как драгоценность и тысячу раз спасибо скажут. Как они там, живы ли?

А праздники были в том, что мы сидели все рядом. Кто-то рассказывает веселую историю, кто-то слушает музыку – мы привезли с собой кассеты с записями Новикова, Высоцкого, "одесситов". Кто-то разглядывает фотоснимки детей, внуков, присланные из дома. У нас в то время уже рос внук Женя. Кто-то просто сидит со своими ста граммами, думает о своем. Когда произносился третий тост, смолкали и музыка, и шутки. Это был тост "за тех, кого с нами нет". Говорят, еще с той войны это повелось...

Вологда, декабрь 1986 года

Ирину Сергеевну вызвали в обком партии: “Зачем вы писали Горбачеву?” А она-то, после многомесячной квартирной волокиты, приходила сюда уже как в последнюю инстанцию. И вот впервые не сдержалась, заплакала...

Она продолжала писать и получала безнадежные отписки. Однажды к ней пришли двое ребят из только что созданного клуба воинов-“афганцев” – Олег Завьялов и Григорий Мастюгин. Посмотрели все бумаги, некоторые взяли с собой. Уходя сказали: “Будет вам квартира”. Ирина Сергеевна улыбнулась им вслед: какие же они еще наивные, ребята, видевшие смерть, но не знающие толком жизнь.

А через три дня пришел военный и сообщил, что есть распоряжение предоставить ей квартиру. Объяснил, что был звонок по “прямому проводу”. Потом она узнала, что ребята-“афганцы” подняли на ноги командование Ленинградского военного округа, и там немедленно выделили квартиру из резерва.

Ключи в руках, новая забота – ни сесть, ни лечь не на что, одежда в узлах. Знакомая подсказала: нужно пораньше поехать к Дому мебели и занять очередь. Оказалось, что в той очереди особый список – отмечают каждую среду. И все же Ирина Сергеевна отстояла свое с семи утра до открытия магазина. Перед самой дверью “чужака” оттеснили в сторону, единогласно заявив: “Эта женщина не стояла”. Тогда она зашла к директору магазина и попросила продать хоть что-нибудь вроде гардероба. Директор неожиданно предложила “стенку”: “Я только сейчас в торге согласую”. Позвонила и развела руками: “Вот если бы вы были участницей войны, а вы только вдова...”

Кавдагар, июль 1986 года

– Мы были соседями с Валерой и Таней Светленко. Их домик рядом стоял. Это случилось уже после моего отъезда. Мне потом рассказали. Однажды мужики как всегда вернулись с операции, а Валеры с ними нет. Таня смотрит на них, а они ей что-то врут: задержался, мол, придет утром. Женщины сразу догадались, бросились успокаивать ее, занимать своими разговорами. Утром говорят Тане: “Что-то вид у тебя неважный, давай мы тебе укольчик сделаем...” Она всю ночь не спала, трясло ее, она согласилась. Сделали ей успокоительный укол и только тогда вошли мужчины и сказали правду... Это было 19 июля.

А через пять дней погибли Вадим и Анатолий Цеприус. Их бронетранспортер шел впереди колонны афганских войск и подорвался на мощном фугасе.

Вологда, июль 1987 года

“Председателю Вологодского горисполкома тов. Любимову Н. М.

Выполняя интернациональный долг в ДРА, 24 июля 1986 года погиб полковник Ершов А. С., уроженец г. Вологды, который похоронен на Пошехонском кладбище, и установлено надгробие за счет средств местного бюджета.

Для облагораживания могилки вместе с надгробием выдали вдове Ершовой И. С. мраморную плитку, которая имеет разновидную форму по размерам. Для укладки плитки требуется придать ей прямоугольную форму определенных размеров. Для положительного решения данного вопроса наши изыскания возможностей не дали результатов за исключением специальных научно-реставрационных мастерских, которые могут выполнить как исключение данный заказ только при наличии разрешения горисполкома...

На основании вышеизложенного прошу вас оказать содействие в решении данного вопроса. Райвоенком. 2 июля 1987 года”.

Это итоговый документ очередной многомесячный волокиты. Разрешение обтесать несколько каменных плиток было получено на самом высоком городском уровне...

— Однажды на работе меня спросили: “А почему ты носишь кольцо?” Я не могу его снять, не сниму никогда. Это же предательство... Вадим мне сказал перед расставанием: “Скоро свидимся”. Я так и ответила той женщине. А она удивляется: “Так ты что, там была с ним? Не может быть! Женщин в Афганистане не было” И все, кто стояли рядом, согласно закивали: не было женщин в Афганистане, мы-то знаем...

Д. Шеваров

ПОЛЕ БОЯ НЕ ПОКИНУЛ

В о п р о с: Когда и где лучше нападать на колонну?

О т в е т: Самые удобные места — у входа и выхода из тоннелей, у мостов, в местах крутых поворотов, подъемов и спусков, сужений дорог...

Из памятки для душманов по тактике ведения партизанской войны

Черная весть пришла в дом Журавлевых в осенний день.

“2 октября 1983 года, находясь в составе группы сопровождения, ваш сын попал в организованную мятежниками засаду. Находясь в зоне обстрела, не растерялся, занял удобную позицию и вел прицельный огонь по противнику. В этом бою он был смертельно ранен, но не покинул поле боя и продолжал вести огонь в сторону мятежников...”

Накануне у мамы, Ираиды Федоровны, все валилось из рук и душа рвалась на части. Материнское сердце сжималось в предчувствии беды.

Все бесконечно долгие месяцы с той поры, как стали приходить письма из Афгана, мать жила ожиданием. Одно... Второе... Десятое... И в них был весь Гена — заботливый, уверенный, родной.

23 мая 1983 года

“...Мама, как дела у нас на даче? Почему-то долго от вас нет писем. Как у тебя здоровье? Береги себя, ведь здоровье — это самое главное... Очень охота увидеть всех вас. Ну да ничего, полтора года пролетят незаметно. И обязательно наступит день, когда мы опять будем вместе... Гена”.

“Здравствуй, мой дорогой братик Сережа!

Получил от тебя письмо и вот даю ответ.

Погода у нас хорошая, даже слишком. Я уже успел загореть. А у тебя еще все впереди. Сергей, ты пока один мужик дома остался, так что все дела по хозяйству ложатся на тебя. Мама мне писала, что ты помогаешь ей. Это очень хорошо... Да, как же ты умудрился поймать карасей в пруду руками? Вот потерпи немного, мы с тобой еще

походим на рыбалку. А за котенка, что выбрали для меня, большое спасибо...

Слушай, мама мне писала, что у нее болит рука. Ты береги ее, не расстраивай. Ей ведь и так тяжело.

Гена".

31 августа 1983 года.

"Здравствуй, дорогой мой братишка Сережа!

С огромным солдатским приветом к тебе твой брат Гена. <...>

Смотри, братишка, ты ведь уже пошел в 5-й класс, будь серьезным. Для тебя сейчас самое главное – учеба. Не позорь брата. Ведь я служу не где-нибудь, а в Афганистане. Приходится защищать моих друзьям таких же вот ребят, как ты. Так что постарайся учиться хорошо. А то ведь через год я приеду и посмотрю, как ты учился. И знаешь, если ты будешь плохо учиться, мне будет обидно. Не забывай своих обязанностей по хозяйству, ведь ты второй мужик дома, так что помогай маме.

Сначала тебе будет трудно. Но и мне ведь тоже очень трудно было в армии, и жару переносить тоже было трудно сначала. Ну а сейчас уже привык, так что и ты не отступай от трудностей. Упорно пробивайся вперед. Уже с этих лет нужно готовить себя к дальнейшей жизни и к армии тоже.

Твой брат Гена".

Таким он был – простой паренек Гена Журавлев: нежный сын, добрый и заботливый брат, хороший настоящий человек. Всегда в нем ощущалась какая-то надежность. Кто знал его, говорили: "На него можно было положиться".

Учительница Гены Маргарита Николаевна Щукина вспоминает: "Однажды пахнет табаком. У нас тогда в разгаре была борьба с курением. Я ему потихоньку сделала замечание. Он обернулся ко мне, неожиданно улыбнулся как-то заговорщицки: "Больше не будет". И – все на этом, сдержал слово".

После школы Гена хотел поступить в высшее пожарное училище в Ленинграде, но не прошел медкомиссию. Неисповедимы пути, по которым идут медкомиссии в своих заключениях: в пожарные – нельзя, а в Афганистан – можно...

Гена поступил в ПТУ N 1. Окончил его и начал работать на Станкозаводе оператором станков с программным управлением. Потом – призыв, армейская учебка и – вот уже

Над горами, цепляя вершины, кружат вертолеты.
Где-то эхом вдали прогремели последние взрывы.
Только изредка ночью прорвут тишину пулеметы,
Проверяя, а все ли мы живы...

А ф г а н и с т а н...

В его письмах не было строк о выстрелах и боях, да, впрочем, мало у кого из ребят тогда, в восемьдесят третьем, это могло быть. Ведь в Союзе в это время большими тиражами выходили убаюкивающие общественное мнение книжки, в которых рассказывалось о том, что воины-интернационалисты “помогают дружественному афганскому народу строить социализм”. В те самые октябрьские дни 1983 года, когда в дом Журавлевых катилась из Афгана беда, а общие потери приближались к шести тысячам человек, в одном из центральных издательств подписывалось к печати очередное подобное издание. К каким только ухищрениям не прибегают авторы, чтобы спрятать войну. Учебный процесс, учебный марш, учебный полигон... Противник – только условный, а бой – непременно в кавычках.

Грех винить журналистов, работавших в условиях жесточайшей политической и военной цензуры. Но ведь никто и не заставлял писать такие, скажем, строки: “Не всегда удается, например, возвратиться с гор к обеду или к ужину. А солдат должен принимать горячую пищу. Поэтому нередко находящимся на занятиях воинам обед доставляют вертолетом...”

Такие вот тактические учения...

И лишь цинковые гробы, приходящие в российские деревни и города, подтверждали, что наши парни там воюют. Воюют и погибают, честно выполняя свой воинский долг, проявляя отвагу и личное мужество. И как же не хватало этого мужества гражданам великой державы. В лучшем случае – молчали. В худшем – сеяли ложь...

* * *

Указом Президиума Верховного Совета СССР за успешное выполнение задания по оказанию интернациональной помощи ДРА Журавлев Геннадий Владимирович награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

О. Завьялов.
Д. Шеваров

ГВАРДЕЙСКИЙ ХАРАКТЕР

Спустились по тропам
на горное плато.
Легко нам загадывать,
нечет ли чет:
Один из нас в небо
взметнется крылато,
Другого навеки
земля привлечет.

*Виктор Верстаков.
Из "афганской" песни*

Жил-был в деревне Денисовской веселый и трудолюбивый мальчик Володя Завьялов. Помогал маме на ферме. Ходил с родителями на сенокос. Собирал старательно березовые почки и ольховые шишки – задание такое было от школы. В 1978 году Володя вступил в комсомол. Учителя отмечали в нем логическое мышление, способности в математике, интерес к истории и английскому языку. В 1979 году педсовет Шелотской восьмилетней школы Верховажского района выразил благодарность Ангелине Ивановне и Валерию Александровичу Завьяловым за хорошее воспитание сына.

После восьмого класса Володя решил поступить в Ленинградское суворовское училище. В этом сказалось явное влияние семейных традиций. В роду Завьяловых по материнской линии были профессиональные военные. Отец Ангелины Ивановны, Иван Кузьмич Житков, работал когда-то в губернском военном комиссариате, прошел три войны, на кителе места не хватало для наград. Ее двоюродные братья также связали свою жизнь с армией: И. А. Загоскин – танкист, полковник; Н. А. Загоскин был летчиком, он погиб в Великую Отечественную. Рассказы родных и близких о минувшей войне, об армейской жизни не прошли для Володи бесследно, и он с детства начал готовить себя к суровой армейской службе: воспитывал силу воли, усиленно занимался спортом.

Поступить в училище с ходу ему не удалось. Отличного здоровья, спортивной закалки и желания стать офицером оказалось недостаточно: Володя не смог пройти по конкурсу.

Что делать? Признать поражение, вернуться домой и продолжать учебу в средней школе? Как бы не так!

Владимир сделал резкий поворот в судьбе и, тая в душе мечту об армии, поступил в московское ГПТУ: в столице, что ни говори, возможностей повысить знания, развить себя физически побольше, чем в деревне. Учился он на слесаря. Учился хорошо, помогал товарищам. Его избрали секретарем комсомольской организации училища.

В Москве он увлекся боксом и в 1980 году занял третье место на соревнованиях районов столицы по боксу среди юношей 1963–1964 года рождения, за что комитет по физической культуре и спорту при исполкоме Моссовета наградил его Почетной грамотой.

Окончив училище, Володя остался работать в Москве, на Карагаровском заводе. Помогал поддерживать порядок на улицах Белокаменной, активно участвуя в рейдах народной дружины. Занился парашютным спортом.

Приближалось время призыва в армию. Он мечтал о десантных войсках – войсках для настоящих мужчин, где нужны смелость, риск, физическая закалка и смекалка. Мечта сбылась. В ноябре 1983 года Володю направили в гвардейские десантные войска в роту разведки.

В одном из первых писем родным он рассказывает, что такое “войска для настоящих мужчин”: “Служба проходит в условиях, приближенных к боевой обстановке; приходится бегать по 10 км, заниматься на перекладине, постигать навыки рукопашного боя”.

Володя знал, что по окончании сержантских курсов ему предстоит служить в Афганистане. 12 апреля 1984 года он пишет родителям: “Наверное, 15 числа улетим. <...> Не надо переживать и плакать, все будет нормально, а если что и случится, то так оно и должно быть. Но пока я жив – ни слезинки! Так что не думайте ни о чем плохом, а ждите писем, хотя письма оттуда придется писать нечасто”.

В Афганистан он прибыл в июне 1984 года. Там было жарко в прямом и переносном смысле. В первые же три месяца Владимир трижды выходил в составе разведгруппы в засады на перехват больших отрядов мятежников и восемь раз участвовал в боевых операциях. Судьба недолго берегла его...

23 августа 1984 года отделению разведроты десантников, которым командовал гвардии младший сержант В. В. Завьялов, была поставлена задача высадиться с вертолета на одной из “высоток” в провинции Вардак и закрепиться на ней. Это задание было частью крупной боевой операции.

Летели минут тридцать. Благополучно приземлились, огляделись. Впереди и слева были горы, справа “зеленка” и кишлак. Выпрыгнув из “вертушки”, заняли позицию. Сначала противник не давал о себе знать, но минут через двадцать после приземления с гор ударило безоткатное орудие. Одновременно духи открыли огонь со стороны кишлака. Ребята вели бой умело, расчетливо и дерзко, понимая своего командира с полуслова, а он, командир, во многом способствовал успешному исходу боя личным мужеством и отвагой. Этот бой оказался для него последним...

Перевал весь в огне,
а нам надо идти лишь вперед,
И комбат посылает в прорыв
наш отчаянный взвод.
Этот взвод, где солдаты
смотрели злой смерти в лицо,
Нет, не дрогнул в горах,
но оставил там лучших бойцов...

Эту песню сложили о таких ребятах, как Володя Завьялов.

Мальчишки, мальчишки! Если так отчаянно они дрались на чужой земле, то уж Россию-мать, в случае чего, вытащили бы из любой смертельной беды. Они доказали это своей пролитой кровью.

* * *

Указом Президиума Верховного Совета СССР Завьялов Владимир Валерьевич за отвагу, стойкость и мужество награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Г. Буданов

ЗА ДЕНЬ ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ

Но только пустынная дорога,
И в шуме холодных ветров
Не слышно за старым порогом
Знакомых сыновних шагов.

Леонид Молчанов

На краю деревни Демино, что в Никольском районе, стоит дом, к которому через поле ведет небольшая тропинка. Здесь живет Анастасия Матвеевна Залесова, мать воина-«афганца» Михаила Залесова.

Детство у Михаила было трудное. Родился в семье колхозников, вырос без отца. Очень рано познал тяжесть крестьянского труда. Окончил в Демине начальную школу, затем Нижнекемскую семилетку. А восьмилетнее образование получил в Никольске заочно. Очень хотел стать механизатором, окончил курсы трактористов.

В мечтах он уже видел, как управляет стальной машиной на своей первой посевной в родном колхозе «Дружба», но не часто такое бывает, чтобы молодому механизатору вот так сразу доверили трактор. Оформили его на работу разнорабочим.

Старший брат Михаила Василий в то время был в армии, и вся мужская работа по домашнему хозяйству легла на семнадцатилетнего Михаила. А в деревне работы хватает круглый год. Весной – огород вспахать, летом – сено заготовить, да разве все перечислишь... Мать жалел и во всем старался подставить ей свое юное плечо.

В 1972 году Михаила призвали на действительную воинскую службу, которую он проходил в Западной группе советских войск в Германии. Прослужив установленный срок, Михаил остался в Советской Армии, продолжил службу в звании прапорщика.

– Со службой у Миши было все нормально, давалась она ему легко. Наверное, здесь большую роль сыграла мужская закалка, которую он получил дома. По сути, он не боялся никакой работы. За хорошую, добросовестную службу Михаил награжден многими почетными грамота-

ми, а в адрес матери, бывало, приходили благодарственные письма от командования части за безупречную службу Михаила. Он был награжден и юбилейной медалью “60 лет Вооруженных Сил СССР”, – рассказывал Василий Залесов.

Воинский долг привел Михаила в Афганистан. Бог войны хранил его до последнего дня “командировки”.

Он уже собрался в дорогу, к прежнему месту службы, но, оказалось, не судьба... За день до отъезда Михаил заменил в рейде своего товарища. И из рейда уже не вернулся.

В документе написано: “Прапорщик Залесов действовал в составе отряда обеспечения боевого движения. <...> Движение колонны батальона было остановлено водной преградой. Получив задачу навести мост, прапорщик Залесов выдвинул к преграде отделение мостоукладчиков. Противник, препятствуя наведению моста, открыл сильный огонь. Под огнем противника расчет приступил к работе. Один из мостоукладчиков был подбит. Прапорщик Залесов выдвинул к мосту другой мостоукладчик и продолжил работу по наведению моста. Когда был ранен командир отделения, прапорщик Залесов оказал ему помощь и сам продолжил выполнение поставленной задачи. При окончании наведения моста был смертельно ранен. Ценой своей жизни прапорщик Залесов обеспечил дальнейшее продвижение войск”.

Случилось это 28 августа 1980 года северо-восточнее города Чарикара.

Указом Президиума Верховного Совета СССР прапорщик Залесов Михаил Егорович награжден орденом Красного Знамени (посмертно).

Похоронен Михаил Залесов у себя на родине, в деревне Демино.

В. Рыжков

“Я БЫЛ ПРОСТО МАЛЬЧИШКА...”

Сквозь прицел автомата
я два года смотрел.
И, поверь, не по блату
я туда залетел.
И не льготная книжка
меня привела.
Я был просто мальчишка,
а там шла война.

Михаил Замуракин. 1985

Древний городок Тотьма – один из красивейших на Русском Севере. Стройные высокие белые церкви на фоне деревянных строений... Алые закаты над Сухоной... Тихие улочки... Никогда уже не пройдет по ним стройный, красивый, приветливый парень Женя Зимакин. Не остановится в восхищении перед храмом Рождества Христова. Не освежится в жаркий день прохладной сухонской водой. Не забежит в родную школу N 1...

Юность тотемского паренька Жени Зимакина протекала в рамках обычных жизненных стандартов большинства парней его поколения: учеба – школа и техникум (ПТУ), увлечения – техника и спорт (музыка). Если добавить к этому, что Женя не был обделен любовью и заботой мамы, Клавдии Александровны, дружбой с сестрой Валентиной, верностью друзей, то можно сказать, что судьба его складывалась благополучно. И кто знает, может, не было бы сегодня счастливей человека, чем этот плечистый парень в ладно сидящей форме рядового воздушно-десантных войск, не вмешайся в его жизнь война.

В Вяземском электромашиностроительном техникуме Женя всерьез увлекся спортом: штангой, легкой атлетикой, самбо и дзюдо, каратэ. Дома около дверей всегда стояла 32-килограммовая гиря...

И вот – призыв в армию. Тревожный Афганистан. Десантные войска.

В письмах домой он успокаивал мать: “Очень дружные ребята, все трудности переносим вместе, иной службы – не желаю”.

Перед армией Евгений получил водительские права, хорошо водил машину. Командир удивлялся: “Можно

подумать, что Зимакин в горах родился, так за баранкой себя уверенно чувствует”.

Шел к концу шестой год войны.

...До Кабула оставалось совсем немного, когда одна из машин вышла из строя. Колонна задержалась. Внезапно из-за скал раздались выстрелы. Взорвалась первая машина. Командир всегда ездил с Женей, но в этот раз он сел к неопытному водителю. Евгений успел прикрыть своей машиной командира и ребят. Разрывная пуля попала ему в голову...

Родным Евгения пришло письмо от его друга Александра Семененко, ныне проживающего в Ленинграде: “Мы с Женей после учебки попали в Афганистан, хотя у него была возможность остаться в Союзе, но у него и мысли такой не было. В Афгане он за короткий срок завоевал уважение не только среди солдат, но и офицеров. <...> У него было немало положительных качеств, таких как доброта, скромность, но в то же время настойчивость, решительность, смелость. Он всегда был готов помочь во всем ребятам.

Мы вернулись, а Жени нет среди нас. Но он остался в памяти моей живым, энергичным, со своей притягательной улыбкой.

Машина, на которой ездил Женя, теперь будет передаваться из рук в руки лучшим водителям”.

Подвиг Евгения Зимакина отмечен орденом Красной Звезды.

Следопыты тотемской школы N 1 оформили альбом о его жизни под названием “Дневник героя”.

Школьники пишут сочинения о своем отважном земляке.

На высоком правом берегу Сухоны расположены два кладбища. Старое укрылось под сенью разросшихся елей, берез, тополей. Новое – пронизано солнечным светом. Последний приют Жени Зимакина...

В. Дуров

ЕЩЕ ДО ВВОДА ОГРАНИЧЕННОГО КОНТИНГЕНТА...

Меня спросили о состоянии афганской армии. Армия, сказал я, учится, набирается опыта. Уровень ее несколько повысился, хотя есть и большие проблемы. Скажем, офицерами она укомплектована лишь наполовину...

*Л. Н. Горелов, генерал-лейтенант,
бывший Главный военный совет-
ник в ДРА*

Мытищи Московской области. Нажимаю кнопку звонка, дверь открывает Марина. Вхожу в квартиру. По полу, еще не уверенно и робко, делает свои первые шаги десятимесячный Василек. Малыша называли в честь деда, Игнашева Василия Васильевича – военного советника, погибшего в Афганистане.

Маленький исторический экскурс. Правители Афганистана прибегали к знаниям советских военных советников с давних пор. За время десятилетнего правления в Афганистане эмира Амануллы (1919–1929), проводившего независимую внешнюю политику, с помощью советских военных специалистов там создали авиационную школу. Дружественно настроенному “южному соседу” было безвозмездно передано несколько самолетов и несколько тысяч винтовок. В те же годы построен завод по изготовлению пороха. “С 1928 года на службе у афганского эмира появились советские военные летчики, а в 1927 году советский военный атташе в Кабуле В. М. Примаков (1897–1937) стал военным советником афганского монарха”*.

Советские военные советники были в Афганистане и при короле Мухаммаде Захир-шахе, низложенном его двоюродным братом принцем Даудом, и при самом Дауде, провозгласившем республиканский строй, ставшем президентом Афганистана и погибшем в перестрелке в момент свершения Саурской (Апрельской) революции. В середине семидесятых годов около трехсот на-

* Умнов А. Цена догмы // Архивы раскрывают тайны. М.: Политиздат, 1991. С. 197.

ших офицеров были советниками в Афганских вооруженных силах.

Саурская революция (а по сути, обычный военный переворот) произошла 27 апреля 1978 года. В некоторых провинциях Афганистана начали вспыхивать контрреволюционные мятежи. Верные правительству войска были плохо обучены, не укомплектованы, особенно офицерским составом, армию раздирали партийные противоречия, словом, боеспособность ее была низка. По просьбе правительства ДРА число наших военных советников в армии увеличилось в четыре раза*. В апреле 1978 года прибыл в Афганистан и В. В. Игнашев.

На военный советнический аппарат в целом возлагались большие и разнообразные задачи – от помощи при оборудовании сторожевой заставы до участия в выработке военной доктрины Афганистана. Рекомендации наших военных советников учитывались Вооруженными силами ДРА при подготовке командных кадров, проведении тактических учений, строительстве оборонительных сооружений и т. д. Никто из них не предполагал, что работать придется в условиях войны, засекреченной и длительной.

Василий Васильевич оформляет вызов в Афганистан жене, Нине Михайловне. В письмах к ней в это время идут обычные мужские сетования по поводу того, что “готовить приходится самому, да и не все продукты есть”. Напоминает, чтобы обязательно взяла электроплитку и запасные элементы к ней; и, если будет не тяжело, чтобы прихватила камин – жить придется в провинции Пактия, в Гардезе, а “полы здесь цементные, и зимой бывает холодно”.

Нина Михайловна привезла мужу вязанные носки и теплые тапочки. Как и другие женщины, она делила по ровну с мужем жизнь в далекой и бедной стране. Но вновь пришла разлука, и связь – только в письмах.

Он писал каждую неделю. Очень переживал за судьбу дочерей – Валентины и Марины. Семья переехала на новое место жительства, и... “беспокоюсь за Мариночку, как-то она там, но новом месте, в новой школе приживется...”

Наступила весна 79-го. Военно-политическая обстановка в Афганистане была накалена. Антиправительственные вооруженные выступления прокатились почти в половине провинций ДРА. Крупный мятеж населения вспых-

* Тайны афганской войны. С. 20.

нул в Герате – третьем по величине городе Афганистана. В ряде гарнизонов Народной армии ДРА были раскрыты заговоры...

Василий Васильевич в те дни повествовал в письмах жене: “Погода стоит сейчас чудесная: и не так жарко, и солнце. А вечером и дождик иногда бывает”. И, как всегда, заботливо добавлял: “За нас не беспокойся, все идет нормально”.

С апреля 1979 года глава афганского государства Нур Мухаммад Тараки и премьер-министр Хафизулла Амин начали регулярно направлять в Советский Союз (через советских представителей) просьбы о помощи войсками.

Сейчас уже известно, что некоторые руководители Генштаба во главе с маршалом Н. В. Огарковым, а также ряд военных советников, включая Главного военного советника генерал-лейтенанта Л. Н. Горелова, были против введения в Афганистан советских войск.

Надеялся и Василий Васильевич на то, что “все обойдется, хотя племена и бузят потихоньку”. Письмо домой со словами надежды было последним.

31 мая 1979 года В. В. Игнашев получил приказ выехать в Сити-Кандау. Боевые действия складывались там не в пользу правительственных войск. Необходимо было на месте разобраться в причинах неудач.

Далее приведу строки из документа, направленного из Кабула в Генштаб: “Обстановка в стране, особенно в провинциях Пактика, Газни и Пактия, остается сложной и напряженной. В Пактии продолжают боевые действия с отрядами мятежных племен. <... >

31 мая с. г. на полевом КП Пактийского корпуса (20 км юго-вост. Гардез) прорвавшейся группой мятежников из пулемета с большого расстояния были убиты советник при начальнике политотдела корпуса полковник Игнашев Василий Васильевич и подполковник Рыков Виктор Иванович – советник при командире корпусного артиллерийского полка.

В других провинциях обстановка внешне спокойная”*.

Нина Михайловна Игнашева получила письмо со словами соболезнования, подписанное Х. Амином, министром обороны А. Ватанджаром и начальником Главного политического управления Вооруженных сил ДРА Э. Вазири.

* Война в Афганистане. Воениздат, 1991. С. 200.

“Локальный афганский конфликт” оборачивался все новыми и новыми жертвами. Не пройдет и четырех месяцев после получения Ниной Михайловной упомянутого письма, как по приказу Амина будет уничтожен и тайно похоронен председатель Ревсовета Н. М. Тараки. В этом преступлении примет участие М. Эжбаль. Через сто с небольшим дней своего правления от осколков гранат погибнет Амин. Вечером 27 декабря советские десантники и группы спецназа “Гром” (“Альфа”. – *Ред.*) и “Зенит”* штурмом возьмут резиденцию Амина, и Бабрак Кармаль, новый глава правительства ДРА, обратится по радио с просьбой о советской военной помощи.

В Афганистане полыхало пламя гражданской войны, в которую втянулась и Советская Армия.

* * *

Сын тотемской земли полковник Василий Васильевич Игнашев награжден орденом Красного Знамени (посмертно).

Похоронен он в Москве, на Кунцевском кладбище. Пусть земля ему будет пухом.

В. Пресников

* Ошибки резидента // Московские новости. 1991. 10 нояб. С. 10.
“Альфа” как она есть” // Российская газета. 1992, 11 июля.

САМЫЙ ОБЫКНОВЕННЫЙ

Если бы меня серьезно спросили, за что мы воюем, я не смог бы ответить. Что мы защищаем? От кого? Кому нужна эта война? Кто и когда ее закончит?..

М. М. Пашкевич.

Афганистан: война глазами комбата

Не дано человеку знать, что с ним будет завтра. Он лишь может размышлять о прошлом, радоваться настоящему или грустить о нем и непременно верить в будущее. Вася Ильин на войне, наверное, тоже верил в свое завтра. В девятнадцать лет трудно себе представить, что будущего может просто не быть, что жизнь, возможно, кончится настоящим – сегодня утром, днем или вот прямо сейчас. Пролетит пуля, разорвется граната, и все останется позади – короткая жизнь и трагическая смерть.

Вася Ильин ничего не успел совершить. Рыжий, незаметный мальчик... Самый обыкновенный – таким он остался в памяти тех, кто знал его при жизни. Им трудно вспомнить что-то особенное в короткой биографии этого паренька. Да и не мудрено. Обыкновенный мальчик родился в обыкновенном рабочем поселке нашей огромной страны, где не лишка возможностей, чтобы увидеть и познать мир, проявить себя. Вырос в обыкновенной многодетной семье, где *жить* означало *трудиться*. Так бы, наверное, и жил Вася Ильин, работал на пользу себе и людям.

Между тем раскручивался огромный, страшный жернов афганской войны, порожденный бездушной, антинародной системой. Перемолов за девять лет тысячи людей, не пощадил и этого мальчика. Что ему еще одна песчинка в общем океане жертв, еще одна несбывшаяся жизнь, еще одна нелепая, бессмысленная смерть...

Трудно писать о Васе. О русском солдате, еще мальчишке, взявшем на свои плечи самое тяжелое, что существует в этой жизни. Такие не спрашивают: “За что?”, “Кто виноват?”, “Кому это нужно?” Они идут туда, куда их посылают. И погибают. Погибают в девятнадцать не

потому, что столько им отмерили богини судьбы Мойры, а потому, что так решили облеченные властью люди, умеющие складно говорить о долге.

Вряд ли много счастливых минут было в короткой жизни Василия Ильина, гораздо больше трудностей и безрадостных серых дней.

Родился Вася 20 сентября 1960 года в рабочем поселке Суда Череповецкого района. Природа этого местечка, казалось бы, идеальна для человеческого счастья. Великолепные сосны, песчаный берег реки, здоровый воздух – живи да радуйся. Но жилось Васе нелегко. Кроме него в семье было еще трое детей – два брата и сестра. Родители детьми особенно не занимались, ребяташки были предоставлены сами себе. Может быть, поэтому Вася рос замкнутым, молчаливым. К учебе интереса не проявлял, общественной активностью не отличался, в комсомол не вступал. В общем, был не то чтобы трудным подростком, но уж и не из тех, о ком учителя говорят с гордостью. Тем более что и забот с ним хватало: то дома навестить, то позаниматься дополнительно. Однако все учителя очень по-доброму вспоминают Васю Ильина. Ведь в отличие от так называемых “трудных подростков” был он спокойным, скромным, никогда не грубил, не обижал малышей.

После уроков его чаще видели у дома в огороде. А летом Вася пропадал с друзьями на речке, в лесу. Еще о Васе говорили, что был он очень трудолюбив. Он не чурался никакой работы. Летом подростков устроивали работать на местный домостроительный комбинат, и отзывы о Василии были всегда похвальные.

В 1976 году Василий окончил восемь классов и пошел работать электромонтером на ДСК. Одновременно учился в вечерней школе. Из-за учебы получил отсрочку от службы в армии. В военкомате предлагали Ильину окончить курсы водителей, но он отказался. До самого призыва в армию работал на комбинате.

В апреле 1979 года Василий Ильин стал солдатом. Отнесся к этому спокойно: армия – дело мужское. Сначала все шло как обычно: учеба, присяга, служба в составе Северной группы советских войск в Польше. Декабрь 1979 года круто изменил судьбу многих ребят, в том числе и Васину.

Часть, в которой служил Ильин, одной из первых была переброшена в Афганистан, в район Кабула. Тяжело

пришлось молодым солдатам. Механику эскадрильи Ильину, как и другим ребятам, приходилось не только готовить вертолеты к вылету, но и содержать в порядке аэродром, нести боевое охранение. Домой писал редко и скупо: много работы, сильная жара, на днях опять предстоит командировка. Мало кто знал тогда толком, что означают эти странные “командировки” на неизвестной в то время войне. Школьники изучали Апрельскую революцию, путаясь, кто же “хороший” – Амин или Тараки, а в это время в горах Афгана гибли русские парни. В 1980 году далекий Афганистан еще не вошел в нашу жизнь, но у многих молодых ребят жизнь уже отобрал.

6 сентября 1980 года. Обычный рабочий день в поселке Суда. Взрослые спешили на работу, дети в школу. А в горах Афганистана шел бой, и были раненые, и нужно было помочь им... Несмотря на сильный огонь душманов, вертолет, в котором находился рядовой Ильин, благополучно приземлился. Из вертолета выскочили трое солдат. И в ту же секунду раздался взрыв...

Так погиб Вася Ильин.

Бедная Россия! Чем ты богата, так это людьми. Они все вытерпят, все перенесут, пойдут умирать, когда им скажут, что так надо...

В родном поселке о Васе помнят. Помнят на ДСК, где он работал, помнят в школе, где он учился, ухаживают за его могилой. Но лучше бы он жил!

С. Карпов

МАТЕРИНСКАЯ ТРОПА

Вот пройдет два года, приеду
домой и, наверное, мама, останусь
дома. Не знаю, почему-то так ре-
шил...

Из письма Александра Илюшина

Веселый, общительный, доверчивый, Саша умел со всеми ладить. Младшие ребята к нему прямо липли. Никогда не обижал девчонок. Был приветлив со всеми и почтителен к старшим. Любил свою семью. Понравились сестре Сашины модные джинсы, предмет его давних мечтаний, — расстался с ними без колебаний.

Про умерших говорят только хорошее или ничего — это непреложное жизненное правило к Саше Илюшину не относится. Никто в селе не скажет, что кому-то он сделал плохое. В родном селе Колкач все запомнили Сашу именно таким.

Вернувшись из школы, он сбрасывал пальто — и за уроки. И ведь не сядет за стол обедать, пока все не выучит. Такой уж у него характер: что потруднее — делать в первую очередь. И ни минутки у него свободной, все при каком-нибудь занятии. Он легко запоминал песни, обладал хорошим голосом и охотно участвовал в школьной самодеятельности. В детстве особенно любил песню про юного барабанщика. Повзрослев, все чаще стал напевать: “Не плачь, девчонка! Пройдут дожди...” Научился играть на гитаре, любил поплясать в праздники и вообще умел быть душой компании. Маму свою любил веселой. Бывало, заиграет “Вологду” и командует: “Ну-ка, мама, пой!” А если Зоя Алексеевна начнет отмахиваться, мол, уж годы не те, обижался: “Нет, мамочка, ты не старая, я не хочу, чтобы ты старела!”

Чего не любил Саша, так это ныть, плакаться в жилетку. Он был открытым и прямодушным, всеми нехитрыми мальчишескими секретами делился с матерью, но жалоб она никогда от него не слышала. Уже будучи студентом Молочного института, упал с мотоцикла так, что

шлем вдребезги разлетелся, но знала об этом только сестра. Травмы сказались, когда работал в стройотряде; голова и спина болели так, что даже друзья заметили, но он не бросил работу. Это было как раз перед призывом в армию, можно было отсрочить его на полгода по состоянию здоровья, но Саша скрыл недомогание от медицинской комиссии.

Единственное, что огорчило Зою Алексеевну в сыне, — он рано начал курить, класса с девятого. Она пыталась ругать его, грозилась сказать отцу.

— Папа меня поймет, — возразил он.

И верно, Юрий Модестович отнесся к поступку сына по-житейски мудро:

— Чего строжишь? — сказал он жене. — Будет тайком курить — еще хуже, окурок заронит.

Больше к этой теме в семье не возвращались.

Перед армией Саша закончил в Белозерске курсы шоферов. В день призыва был сдержан. Прощался, по-мужски серьезно наказывая отцу: “Живите с мамой дружно, береги ее, не обижай”. И потом в каждом из немногих писем, которые успел прислать из Афгана, делал непременную приписку: “Береги, мама, себя”. Он очень любил мать, знал, что у нее слабое здоровье, и как мог оберегал ее даже издалека.

— Как взяли его, я все плакала, — рассказывает Зоя Алексеевна.

Тревожно было на материнском сердце. Немного успокоения принесла короткая весточка из Выборга. “Чтобы знали, где я”, — писал Саша из воинской части. А потом новая весточка, уже из Туркменистана. И опять заняло у Зои Алексеевны сердце: такая даль, что и на присяге у сына не побывать.

В первом письме из Афганистана Саша ни словечком не обмолвился о месте службы, но чуткое сердце матери замерло в страшной догадке: “оттуда”. Даже про себя Зоя Алексеевна не смела выговорить это жутковатое слово — Афганистан. А Саша писал, что служба проходит нормально, “...трудности, если и будут, то мой долг — справиться с ними”.

Каждое письмо его пронизано нежностью и заботой о семье, о друзьях. “Как там учится Николай? — спрашивал он о брате. — Наверное, опять нахватал двоек? Вот приеду из армии, покажу ему, где раки зимуют...”

Но не суждено было Саше вернуться домой живым.

26 февраля 1984 года четыре душманские пули подстерегли его на чужой земле.

Накануне было 8 Марта, но Зоя Алексеевна в гости не пошла и к себе никого не приглашала. Болела. Не первый день ей нездоровилось, томилось сердце в неясном предчувствии, все вспоминала сына. Но плохих мыслей не держала в голове, уж больно светлые, обнадеживающие писал он письма. А в сельском Совете уже все знали, но не спешили со страшным известием, все-таки праздник. Решились только на другое утро: "Крепись, Зоя..." К дому уже подъезжал катафалк. И еще не осознав услышанного, Зоя Алексеевна шестым чувством поняла: случилось непоправимое.

Последующие дни она почти не помнит, хорошо, что рядом все время были люди. Первое время часто заходили, заезжали к ней Сашины друзья, одноклассники. Вместе ходили на кладбище, подолгу молча стояли у могилы. Потом эти визиты стали все реже и реже, и Зоя Алексеевна не обижалась, понимая, что жизнь берет свое и у ребят свои заботы. Никогда не зарастет к дорогой могиле лишь материнская тропа...

Т. Погодина

“ТИХИЙ ОН БЫЛ...”

Советский воин! Находясь на территории дружественного Афганистана, помни, что ты являешься представителем армии, которая протянула руку помощи народам этой страны в их борьбе против империализма и внутренней реакции.

Из “Памятки воину-интернационалисту”

Никогда не забыть мне лицо Анны Александровны Кабановой – заплаканное, горестное, усталое. И очень доброе. Встретила меня, захлопотала, чайник – на плиту.

Надо начать разговор, спросить о Мише, каким был, как рос, как в армию пошел. И не могу. Такое горе запечатлено в глазах матери. Из нашей тихой и неспешной беседы больше всего запало в душу: “Тихий был он, смирный”.

Родился Миша 14 января 1962 года в деревне Верхний Липовик Грязовецкого района. Он был пятым ребенком в большой семье Кабановых. Отец через год после рождения сына умер, и все заботы о детях, о доме легли на плечи Анны Александровны.

Жили трудно, лиха хватили через край. Потому Миша, окончив восемь классов, пошел работать. Он стал механизатором в совхозе “Ростиловский”. Трудился честно. Был человеком добрым и бескорыстным. Всю зарплату приносил матери. А однажды вместе с деньгами протянул белый лист бумаги – повестку в армию. Случилось это в осенний призыв 1981 года.

Сначала служил в Средней Азии, а последние восемь месяцев в Афганистане. С этого времени и начались для матери тревожные дни. Ни днем ни ночью покоя не знала. Измаялось сердце материнское в ожидании весточки.

Старшие дети забегали под материнский кров, в глазах – вечный вопрос: “Есть ли весточка от Миши?” Но по грустному лицу Анны Александровны без слов было видно: пока нет.

Писал сын домой редко и мало. Не потому, что не помнил маму, родной дом. Боевыми тревогами, боями были заполнены дни солдата. Письма удавалось писать лишь в редкие часы затишья.

Как-то прислал Миша фотографию. Невысокий парнишка, рука на плече друга, а выражение лица и правда какое-то застенчивое. И все-таки показалось мне, что это человек упорный. И еще надежный. Есть такие люди на Руси, — тихие, незаметные вроде, в глаза не бросаются. Но коль прикажет Родина — подставят спину под любую ношу...

Анна Александровна показала мне два скорбных документа, которые остались на память о Мише.

В похоронке сообщается, что сын, верный воинской присяге, при исполнении интернационального долга во время боевого задания по уничтожению банд мятежников погиб 24 июля 1982 года. В этом бою он проявил преданность социалистической Родине, мужество и отвагу.

Исторически сложилось — нет для солдата выше доблести, нежели выполнить свой долг, даже ценою жизни. Разумом понимаю, что главное для солдата приказ. Но сердце не принимает гибели ребят наших, которые и жить-то еще не жили.

Второй документ вызывает недоумение, горечь и обиду.

“Акт. Опись собственных вещей, ценностей, личных документов погибшего военнослужащего Кабанова”.

Сразу царапнуло по сердцу слово “ценностей”. Это у Миши-то Кабанова — ценности? Понимаю, что военные ведомства обязаны были рассылать такие бумаги. Не понимаю, как могли их оформлять по какому-то единому образцу. Не соотнесла чья-то чернильная душа казенную бумагу с конкретной человеческой судьбой. Не захотела вникнуть, что всего-то “ценностей”: наличные деньги — 9 руб., письмо — одно, фотографии — две. Итого — четыре предмета.

Невольно возвращаюсь к процитированной выше “Памятке воину-интернационалисту”, подготовленной политуправлением ТуркВО накануне ввода наших войск в Афганистан: “Не приобретай разного рода вещи и ценности у афганцев за советские деньги. Не выменивай ничего и не продавай”.

Может, кому-то и нужны были подобные наставления, но только не таким нашим мальчишкам, как Миша Кабанов. Для них имели значение иные ценности: работать не халтуря, любить своих родных, свой край, а если Родина прикажет — честно выполнить свой воинский долг. Другое

дело, что эти простые человеческие истины они не облекали в научные одежды...

Хранится у Анны Александровны и Грамота Президиума Верховного Совета СССР, которой Кабанов Михаил награжден в 1988 году (посмертно).

Прожил он двадцать лет. К сожалению, знаем мы о жизни этого парня до обидного немного. Школьники из Верхнего Липовика через районную газету обратились ко всем, кто знал Мишу, с просьбой откликнуться и рассказать о нем все, что помнят. Я присоединяюсь к этой просьбе. Это надо нам — живым.

Т. Сычева

НАГРАЖДЕН ПОСМЕРТНО

Лишь на рассвете
найдут погибших
среди камней,
И люди стихнут,
считая гибель
виной своей...
Из "афганской" песни

Добравшись до деревни Юшково, что в Никольском районе, у первой же встречной женщины поинтересовался, как пройти к дому Федора Федоровича Карачева. Показав дорогу, она спросила: "А ты случайно не с Юриком служил?" И я понял, что Юрий Карачев живет в памяти односельчан – в памяти народной, а это самое главное.

Родился Юра в семье колхозников. С малых лет получил трудовую закалку, рос крепким парнем. Закончил восьмилетнюю школу. Школа находилась поблизости, на центральной усадьбе колхоза имени Пушкина в деревне Вахнево.

Учебу Юрий решил продолжить в Кирилловском культпросветучилище. Уж очень хорошо умел играть на гармошке. Занимался и спортом, и техникой увлекался. К Юрику тянулась сельская молодежь, ни один вечер не обходился без него.

После окончания училища Юрий два месяца проработал в Вахневском доме культуры, а осенью 1983 года был призван в армию.

Сначала служил в Ленинграде, а через несколько месяцев письма от него стали приходить из Афганистана. Служил на совесть, о чем свидетельствуют многочисленные благодарственные письма в адрес родителей Юры – Федора Федоровича и Анны Ивановны Карачевых от командования части. В своих последних письмах осенью 1985 года Юра, решив остаться на сверхсрочную службу, обещал родителям приехать в отпуск на ноябрьские праздники. Но 25 октября ни Юра, ни тринадцать его товарищей по службе не вернулись с боевого задания. Их вертолет был сбит мятежниками.

В памяти учителей Вахневской восьмилетней школы С. П. Ботвина, С. А. Карачева, А. Ф. Карачевой и других Юра остался жизнерадостным, смешливым и отзывчивым мальчишкой. Он не забыт в школе. Ежегодно первого сентября учащиеся возлагают на его могилу цветы. Родители Юры каждый год приглашаются на торжественные линейки.

В пионерском лагере деревни Вахнево проходила однажды практику Л. В. Леонтьева, в то время студентка 3-го курса Вологодского государственного педагогического института.

– Обратила внимание на него сразу. Волосы русые, торчком, лицо круглое, глаза такие доверчивые, но хитрые. Юра тогда три класса закончил. И я очень к нему привязалась.

Все ребята работали в лагере на дренаже, подбирали сучья. Ходить до работы надо было три километра. Всегда Юре говорила, чтобы не ходил с нами на работу, но не было случая, чтобы он остался в лагере. Идет вместе со всеми. Работает сколько сил хватит. А на обратном пути вижу: выбился мой Юрасик из сил. Уцепился за мою руку и бредет, но никогда не жаловался, что трудно. Пообедаем в лагере, вижу, опять Юрка веселый, бегаёт – только пятки сверкают. Таким и запомнила его: маленьким, неугомонным. “Запал в душу” – так это называется. А больше я его не видела. Слышала, что поступил в училище, знала, что в армию пошел. И вдруг – погиб....

Не хотела верить в это. Нет, думала, не он, другой, в деревне много однофамильцев. А потом побывала на его могиле. С гранита смотрел на меня серьезный мужчина с седыми висками.

Стояла и никак не могла соединить их: того Юрку, маленького, неугомонного, и этого, возмужавшего. Так и вспоминаю того, прежнего, а вспоминаю очень часто.

Похоронен Юра у себя на родине, на кладбище в деревне Юшково. В похоронах участвовала вся молодежь. Уж очень ребята любили и уважали своего Юрку, не верилось им, что они никогда больше не увидят его.

Юрий Карачев посмертно награжден орденом Красной Звезды.

В. Рыжков

“ПРОСТИ, ЧТО ТЫ ПОГИБ...”

Я не знаю, будет ли свиданье.
Знаю только, что не кончен бой.
Оба мы песчинки в мирозданье.
Больше мы не встретимся с тобой...

Из “афганской” песни

Когда они проходили по фойе, им уступали дорогу, их провожали взглядами. Они были героями дня, и это как-то само собой проявлялось в особом к ним внимании. А они, конечно, замечали это. Одни чувствовали себя явно неловко от непривычного этого внимания, держались несколько скованно, солидно проходя мимо взглядов и старательно не замечая их. Другие, похоже, словно наслаждались необычностью своего положения. Они сновали по фойе и вестибюлям, появляясь то тут, то там, окликая друзей, шумно здороваясь, обнимаясь, словно демонстрируя и себя, и свои блестящие на груди награды. “Да, мы такие,— словно говорил весь их внешний вид,— мы и обыкновенные, как все, и необыкновенные, потому что были там, в Афганистане, где, как известно, на каждом шагу подстерегала смерть, где наши ребята проявили лучшие свои качества: стойкость, верность, самоотверженность”.

Вечер памяти воинов, погибших в Афганистане, проходил в череповецком Дворце культуры строителей в ветреный непогожий день декабря. Как раз исполнилась десятая годовщина ввода наших войск в соседнее суверенное государство. Шел во дворец и думал: попаду на небольшое торжественно-траурное мероприятие, соберутся бывшие воины-“афганцы”, их родные, близкие, друзья, придут родители тех, кто погиб, прозвучат слова скорби и благодарности погибшим, вернувшиеся расскажут о том, что пришлось испытать.

Мероприятие далеко не увеселительное. Думалось, многие ли захотят принять в нем участие? А оказалось, многие. До начала оставалось еще добрых полчаса, а просторные вестибюли и фойе дворца уже были заполнены людьми. Вечер проводили в большом зале,

а он вмещает чуть ли не тысячу человек. Были здесь и люди солидного возраста — видимо, отцы и матери тех, кто воевал, и совсем еще молодые парни и девушки — их большинство.

Члены городского клуба воинов-интернационалистов решили провести не официальное торжественно-траурное мероприятие, а своеобразный театрализованный вечер. В программе его и “минута молчания”, и проецируемые на экран портреты погибших, и кадры военной кинохроники, и выступления художественной самодеятельности — в основном самодеятельные “афганские” песни под гитару, исполнителями которых стали сами же воины.

Вот на экране — кадры военной кинохроники. Участок горной дороги. Голые камни. Лишь изредка среди камней мелькнет что-то похожее то ли на куст, то ли на какое-то растение. Врага не видно. Но ясно передается ощущение, что он где-то здесь, рядом. Наш танк идет по дороге, на секунду останавливается, открывает огонь...

Наверно, многие присутствующие в зале родители “афганцев”, глядя на эти кадры, смогли зримо представить, почувствовать обстановку, в которой находился их сын.

А на экране уже портреты тех парней, что погибли. Такие живые, такие нашенские лица. И трудно поверить, что их уже нет и не будет никогда. Торжественный и скорбный голос называет их звания и имена. В их числе командир танка младший сержант Андрей Катайков.

“Мы склоняем головы перед вашим подвигом”, — звучит голос за кадром.

Объявляется минута молчания. Все встают. В наступившей тишине гулко отсчитывает свои удары метроном.

А потом звучат песни. Может быть, не очень уж профессионально сделанные, зато наполненные такими конкретными деталями, которые вряд ли смог бы придумать не побывавший там поэт-профессионал. И столько в них мужества, суровой гордости за свою причастность к верному военному братству, где “каждого каждый хранил и берег”, где в трудную минуту подставляли товарищу не только плечо — готовы были отдать жизнь.

Вот так, спасая товарища, погиб и Андрей Катайков.

Прости, что ты погиб,
А я всего лишь ранен,

— словно обращаясь именно к нему, пел одетый в форму десантника воин.

Родные и близкие Катайкова, видимо, уже никогда не узнают подробностей того, как погиб их Андрей. Скупые строчки пришедшего из части официального сообщения почти не содержат подробностей: “16 января,— говорится в нем,— в ходе операции обеспечивал выполнение боевой задачи мотострелкового батальона. Умело командуя экипажем, огнем из танка уничтожил вражескую засаду. Продвигаясь по указанному маршруту, танк подвергся гранатометному обстрелу и упал в реку Лога. Спасая механика-водителя, младший сержант Катайков погиб”.

Почти ничего не сообщил и сопровождавший гроб с телом Андрея солдат из той же воинской части. Сказал только, что Андрей погиб рано утром, часа в четыре, уже 17 января.

Было это в 1983 году. Всего только четвертый год пошел, как наши войска были введены в Афганистан. Первые пришедшие оттуда похоронки воспринимались еще как весточки о случайной гибели солдат. Ведь по бытовавшей тогда версии они не воевали, только несли службу по охране дорог. О подробностях, масштабах потерь старались не говорить. Может быть, и Андрей погиб не совсем так, как написано в официальном сообщении. Но во всяком случае — достойно. Потому что посмертно награжден орденом Красной Звезды. А ордена на войне так просто не раздают.

Татьяна Николаевна, вдова Андрея, нашла на карте Афганистана провинцию Пактия, где он погиб. Населенный пункт Дожа и речка Лога, конечно, не обозначены. Да что смотреть на карту! Смотри, не смотри — не вернешь.

Всего только месяц пробыл Андрей в Афганистане. Всего одно письмо оттуда получила от него Татьяна Николаевна. Андрей писал о том, какие красивые горы, как по утрам от земли поднимается густой туман, и просил не беспокоиться, не верить слухам о боях. Еще просил прислать фотографию Анечки — пятимесячной дочери, которую он так ни разу и не увидел.

Письмо Таня получила 28 января. 29 января послала ответ. Выходит, писала уже мертвому. 31 января гроб с телом Андрея привезли в Череповец.

Татьяна Николаевна перебирает фотографии. Их много, в нескольких альбомах. Группы молодых людей на

сельхозработках, где-то на отдыхе на берегу реки. Но Андрея на них почти нигде нет. Потому что фотографировал он сам, а его сфотографировать почти всегда было некому.

Таня и Андрей учились вместе в пединституте. Подружились на втором курсе. Одной компанией – сами себя называли городищенской группой – ездили в свободное время на Рыбинское водохранилище, на реку Суду, в другие места. Поженились после окончания института. Но прожили вместе всего семь месяцев. В августе была свадьба, а в марте Андрея призвали в армию.

Короткая жизнь...

Андрей не любил ничегонеделанья, пустой болтовни. Любил такие занятия, где требовалось кропотливо поработать, поломать голову, прежде чем найти решение. Мог отремонтировать телевизор, собрать радиоприемник, усилитель, какую-нибудь приставку к магнитофону.

– Андрей за всю жизнь ни разу не закурил, не выпил ни капли спиртного, – рассказывает Таня.

– А на свадьбе?

– И на свадьбе, и после нее, когда мы объезжали родню, для нас подавали только лимонад.

Татьяна Николаевна раскрывает альбом свадебных фотографий. Тут, естественно, Андрей почти везде. Улыбчивое, открытое лицо, пышные, чуть вьющиеся волосы, усы, без которых в наше время, кажется, и мужчина не мужчина.

Ничего особенного, как все, как те, чьи фотографии промелькнули на вечере памяти, как и те, что пели об Афгане, о войне.

Прости, что ты погиб,
А я всего лишь ранен...

Это просто случай, что в той трагической ситуации оказался именно Андрей Катайков.

Б. Ромодин

“ВИДНО, СУДЬБА МНЕ ТАКАЯ...”

Я тоскую по родной стране,
По ее рассветам и закатам...

*Юрий Кирсанов.
Из “афганской” песни*

Иногда в свободную минуту я люблю стоять у окна и смотреть, как внизу шумными ручейками бегут в 32-ю среднюю школу девчонки и мальчишки. Ребятчи ручейки огибают тесно посаженные вокруг здания березки, тополя, молодые рябины – школа прячется за деревьями словно в маленьком лесу. Лесок этот ярко зеленеет ранней весной, шумит под дождями летом, а там, смотришь, осенний ветер уже срывает с деревьев последние листья, и вот – зима. Как быстро летит время...

Недавно на фасаде школы появилась мемориальная доска: “Киселев Владимир Вилорович. 1964–1985 гг. За мужество и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга в Республике Афганистан, награжден орденом Красной Звезды, посмертно”.

А перед Новым годом чьи-то добрые руки положили к ней красивую еловую ветвь, как знак – мы тебя помним, Володя.

“Здравствуйте, мои дорогие мама и папа! Вот и началась моя служба. 8 октября нас отправили из Выборга самолетом в Ашхабад, там мы пробыли сутки и дальше поездом в город Иолотань Туркменской ССР. Здесь я живу уже третий день. Мамочка, ты только не расстраивайся, нас отправят в Афганистан в середине декабря, числа 20... Как видно, судьба мне такая, но ты не расстраивайся. <...>”

Володя очень любил своих родителей, помогал им во всем, заботился. Очень часто писал письма домой, и в каждом Нонна Ивановна и Вилор Валерьевич читали: не скучайте... не расстраивайтесь... все будет нормально...

Любил, мечтал, жил... Как горько писать в прошедшем времени о человеке, которому едва исполнился двадцать один год, о высоком, стройном, красивом парне с большими добрыми глазами.

У него было много друзей. В доме, где жил. В школе, в Вологодском техникуме железнодорожного транспорта, где учился. И в армии.

Татьяна Александровна Володина, преподаватель иностранного языка, классный руководитель, рассказывала о Володе: "Он был всегда среди ребят, обладал удивительной способностью сплотить всех, увлечь каким-то делом. Очень любил природу, очень любил лес". Перечитывая его письма, я тоже остро ощутила эту любовь, огромное желание Володи побродить по лесу, услышать шелест листьев, пенье птиц, отдохнуть душой, истосковавшейся по дому: "Да, вот уже и осень... Мама, как дела дома? Наверное, уже есть клюква, да и грибов много, а мне так хочется в лес, подышать нашим русским северным воздухом, но увы..."

И, наверное, не раз там, в Афганистане, снилось Володе, как он, мальчишкой, едет с друзьями на поезде в Борзово, в лес. Как они долго бродят среди берез и осин, залезают под колючие ветви елок, собирая грибы, и, как всегда, он самый удачливый. И еще ему, наверное, снилась река, и то, как плывут они с ребятами — Володей Шаньковым, Александром Шишигиным и Сергеем Гавриловым на лодке за Прилуки, на свой "золотой берег", и теплым летним вечером ловят рыбу, варят уху, а потом долго-долго болтают у костра. И может быть, желая продлить эти тающие в жестокой яви остатки сновидений, Володя и пишет: "Да, папа, мой мотор лодочный жив или нет? Да, там надо сделать редуктор, заменить шестерню переднего хода и муфту; если он еще на месте, то куда его не девайте, приеду — буду кататься".

И часто, очень часто он вспоминает родной город: "Так на Вологду хочется посмотреть хоть бы одним глазом, домой хочется страсть"; "Мама, пришлите мне в письме нашу "Вологодскую неделю", мне так хочется почитать ее. Договорились?"; "Открытки с Вологдой нашей я получил, спасибо. Очень понравились, ведь я так давно не видел Вологду".

Дом, родители, друзья...

— У меня уже больше никогда не будет такого друга, каким был Володя, — сказал как-то Сергей Гаврилов. — Был

он очень простым человеком, не держал на людей зла, очень добрый. Я не помню случая, чтобы мы из-за чего-то всерьез поругались. Квартира Володьки была как бы штабом, а генералом в нем – Нонна Ивановна. Здесь мы собирались, очень весело проводили праздники, устраивали домашние концерты. Наш оркестр – три гитары, стиральная доска, таз и кастрюли разных калибров. Извлекаемые таким способом “мелодии” записывали на магнитофон и, когда прослушивали, хохотали до упаду.

А еще он очень любил читать сказки и был сладкоежкой. Разве могли мы подумать, что пройдет время и о Володе напишут в книге, что на нашей школе появится такая мемориальная доска...

У Сергея Гаврилова растет сын – Володька...

– Обыкновенный был парень, веселый, заводной, – вспоминает Александр Шишигин. – Как-то летом он уехал с родителями на юг, так мы без него ходили как неприкаянные, нам его очень не хватало. Он мне был как брат, которому ничего не надо объяснять, достаточно только взгляда.

На призывной комиссии Володя познакомился с Николаем Ерофеевым. Тот парень потом писал родителям Володи: “Мы... прибыли в Выборг, где жили как братья. Кроватей не хватало, и мы с Володией спали на одной койке, делились всем, что у кого было. Да, у вас отличный сын, но, видать, не судьба нам служить вместе. Его отправили, а я остался в Выборге”.

Держу в руках записную книжку Володи. Я не знаю, когда он переписал это стихотворение “Новый, 82-й год”, не знаю, кто его автор и не знаю, что он думал в те минуты.

А утром ранним на рассвете
Летели молча за кордон,
И каждый думал в этот час,
Вернется ли в родимый дом?
А сколько их, парней хороших,
Уж не вернется в край родной.
А сердце матери не верит,
И сына ждет она домой.

Но я знаю точно, что он не хотел в Афганистан. Он не хотел убивать людей, не хотел умирать. “Мамочка, так не хочется в Афганистан...” Но судьба распорядилась по-своему.

“Здравствуйте, мои родные папа и мама! Привет с нового места, а точнее из ДРА. Уехали мы из Иолотани 20 декабря, вначале на машинах в Мары, а потом поездом в Ашхабад. Там мы пробыли двое суток, ночевали в палатках возле аэродрома. Палатки, правда, одно название, ветер гуляет. Ну мы там и намерзлились. Дальше из Ашхабада самолетом в Кабул. В Кабуле переночевали ночь, а потом нас отдельной командой, на вертолете, отправили в другое место, провинция Газни. Здесь пока на сборах... Живем в палатках, тепло. Местность кругом – одни горы, лежит снег, почти как у нас, на зиму похоже, хоть Новый год со снегом”.

И опять летят домой родителям и друзьям письма о том, что у него все замечательно, ко всему привык, но о себе мало, скупое... “Живу нормально, служба идет тоже нормально, здоровье хорошее. Недавно сдавал кровь, так срочно нужна была, а у меня группа как раз подходит – II, резус положительный. Да, давно ли был Новый год, а уже прошло полмесяца, время идет быстро”. Он торопит время, каждый прожитый день зачеркивая в календарике. “Уже всю чувствую весна; весна – такое прекрасное время года, правда?”

Володя, оберегая родителей от тревоги, сумел убедить их в том, что там, где он служит, – не стреляют, что он топит печи, ходит в наряд по столовой, стоит в карауле. И только однажды, извиняясь перед родителями за долгое молчание, обмолвился: “...ездил первый раз на операцию. На операции, конечно, очень тяжело, но зато интересно лазить по горам, хотя очень тяжело на них залезать по 3,5 тысячи метров, да еще нагружен по горло. Ну а больше об этом ничего писать нельзя, сами знаете, ведь это учения!”

И только по выписке из наградного листа, полученной в облвоенкомате, можно судить о том, что Володя называл “учениями”.

“Киселев Владимир Вилорович. Сапер, рядовой. В ДРА с декабря 1983 года. Принимал участие в 12 боевых операциях и в 16 реализациях разведанных по уничтожению бандформирований мятежников. Так, 21 июля 1985 года при ведении боевых действий в ущелье Панджшер действовал в составе роты, которая попала под интенсивный обстрел мятежников. Один из солдат, следовавший впереди дозора, был ранен и находился на открытой местности под огнем противника. Рядовой Киселев В. В., рискуя

жизнью, бросился вперед, умело используя складки местности, подполз к раненому и эвакуировал его в безопасное место. Оказав раненому первую медицинскую помощь, он занял позицию и метким огнем из автомата уничтожил трех мятежников”.

“Привет с Афгана! Здравствуйте, мои родные мама, папа! Только что приехал с учений... Я жив, здоров, служба идет нормально. Ну вот наконец наступила долгожданная золотая осень, которую так долго ждали, но домой я приеду месяцев через пять, где-то в феврале. Но это ничего, ждали больше. Дослужим и переслужим сполна...”

“Мама, мне так хочется домой, когда же я буду дома?”

Выполняя боевое задание, Владимир Киселев погиб 18 сентября 1985 года.

Н. Леонова

“Я ЖЕ КОМАНДИР...”

Среди офицеров принято: дал слово, так надо его держать.

А. В. Руцкой

Самолет летел к афганской границе, разлучая с Родиной очередное нежнощекое и ясноглазое пополнение для сороковой армии, взятое из нового призыва. На борту самолета была также группа офицеров-“заменщиков”, которым предстояло занять должности погибших или отслуживших свое офицеров,— война в Афганистане шла не первый год. Двадцатитрехлетний старший лейтенант Владимир Киселев с детства очень любил читать военно-исторические книги, профессионально изучал военное дело. И все же, какая она, война, не книжная, не газетная, не из учебников? Насколько достоверно все то, что приходилось уже слышать от парней, вернувшихся оттуда? И скоро ли он снова увидится с мамой, “мамулечкой”, как нежно он всегда ее называл?..

Маленьким он часто болел. Сквозь дрему видел склоненное над ним встревоженное мамино лицо, ощущал, как прохладная мамина рука перебирала его светлые волосы и ложилась на горячий лоб. Вот, вложив свою ручку в мамину ладонь, он идет в детский сад. Мама посматривает на Вову и с улыбкой спрашивает: “И кем ты только у меня будешь?” Тоненьким голоском он отвечает: “Солдатом”,— и тоже улыбается в ответ. На нем не по размеру военная фуражка со звездой, а курточка стянута широким армейским ремнем. Это подарки дяди Миши.

У Александры Андреевны и Дмитрия Павловича Киселевых Володя был единственным ребенком. С детства он чувствовал заботливость родителей, нежность мамы и строгую любовь отца — Дмитрий Павлович, железнодорожник, знал, как куется характер настоящего

мужчины, и не потакал сыну в слабостях. В семье царила атмосфера сердечной привязанности друг к другу, доверия, доброты, и Володя рос добрым мальчиком. Другьям, которых в доме всегда было много, любил дарить игрушки, книжки. Не мог пройти без сострадания мимо бездомных кошек и собак, ласкал их и подкармливал.

Он подрастал, и детское желание стать военным не только не исчезало, а, напротив, укреплялось. То ли живые, интересные рассказы отца увлекли, то ли подтянутый, бравый вид военных с орденами на груди, как знать. Может быть, — все вместе взятое. Во всяком случае, он выбрал свою дорогу в жизни — стать офицером, защитником Родины — и шел по этому пути твердо и прямо: закончил сначала Ленинградское суворовское, а затем — Ташкентское общевоинское командное училище.

Восемнадцатилетний мальчик, он поступил в училище, будучи человеком со сложившимися взглядами, твердыми убеждениями, крепким нравственным стержнем. О таких людях говорят: это — Личность.

Мне рассказывали об эпизодах школьной Володиной жизни, и, выстраивая их в цепочку, я видела, как формировался его характер.

В третьем классе возникло у Володи первое мальчишеское чувство. После уроков он написал на асфальте: “Володя плюс Света равняется любовь”. Заметив встречающую его маму, закрыл своим телом надпись и лежал на асфальте маленький, в клетчатом пальтишке и зеленой шапочке с белым помпоном.

А в четвертом классе что-то не поладили мальчишки с девочками, стали их обижать, даже поколачивать. На мужской разговор были приглашены отцы девочек и драчуны. Тогда Володя сказал: “Да мы сами разберемся: я больше никогда ни одну девочку не трону, и не потому, что боюсь, что меня родители поколотят. Но, в самом деле, зачем же обижать слабого?”

Другие мальчишки были того же мнения, что и лучший командир лучшего юнармейского отряда, — ведь в четвертом классе заслужить это звание было очень нелегко. Но Володя его заслужил, вот тогда-то, видимо, ребята и поверили в него. А для Володи тот урок стал уроком на всю жизнь.

В пятом классе на смотре художественной самодеятельности девочки решили танцевать бальный танец "Разрешите пригласить!". Мальчики заотказывались: "Вот еще!" Но как только Володя сказал: "Будем танцевать", — все согласились. Что ж такого было в Володе, что к его мнению прислушивались, что он стал признанным лидером в классе? Ия Ивановна Попенко, классный руководитель, говорит: "Он никогда в жизни не соврал". "Володя был очень порядочным парнем, с большим чувством ответственности. А прислушивались к его мнению потому, что у него всегда было собственное мнение" — так считает Л. К. Зайцева, преподаватель литературы.

...Были литературно-исторические вечера. И были роли. И это тоже не проходило бесследно: формировались убеждения, позиция. Вот двадцатилетний подпоручик декабрист Якушкин — Володя Киселев — клянется, что не отступит от своих взглядов. Вот Володя в роли ведущего рассказывает об утонченно-подлых гонениях на Пушкина.

И мне становятся понятными строки его письма из Ташкентского училища, адресованные однокласснице. "<...> Знаешь, Марина, я помню твои слова: "Не будь солдафоном". Вот я и стараюсь им не быть. Я не привык подчиняться тупым приказам. Я не стараюсь одевать маску пай-мальчика, когда есть командиры, а когда их нет, быть другим. Мне кажется, надо быть всегда самим собой. Он (ротный) пугает тем, что испортит мне диплом, не пустит в отпуск, но даже под этими угрозами я не изменяюсь. Я молчу, когда могу, срываюсь, когда не могу вынести этой армейской тупости. Я прекрасно понимаю, что не смогу их переубедить, но и отходить от своего мнения не собираюсь. Я не хочу ходить в увольнение за то, что буду докладывать ему о разговорах друзей, кланяться ему в ноги, говорить "да", когда нужно сказать "нет"!".

Это письмо человека с редкостно высоким чувством собственного достоинства.

...Крепла дружба с одноклассниками. Общие интересы, мечты. Вместе уехали поступать и учились в Ленинградском суворовском училище Олег Михеев и два Володи — Киселев и Медведев. Дружба с Олегом переросла в братство, судьбы их совпали — оба оказались в Афганистане.

Страна гор, раскаленных пустынь и цветущих зеленых долин. Разрушенные кишлаки, сожженные мечети и школы, дети-сироты. Таким увидел Володя Афганистан.

Володины родители показывали мне его письма. Хотя Володя писал из южной "командировки" и много, и часто, по письмам было трудно составить более или менее полное представление о его службе. Но Александра Андреевна показала еще одно письмо, написанное боевым командиром Володи Героем Советского Союза Русланом Аушевым. Об этом письме я скажу позже. А тогда мелькнула мысль встретиться с ним и попросить рассказать о Володе. Мне помогли в организации встречи, и в цейтнотной ситуации своей работы на съезде народных депутатов Р. С. Аушев выкроил для разговора несколько минут.

"Володя Киселев прибыл к нам в конце 1985 года командиром взвода и сразу попал в одну из застав, которая охраняла дорогу в Кабул. В ноябре месяце был назначен командиром роты и сразу принял участие в боевых действиях. Чем он отличался? Скромностью. У него был свой метод работы: без крика. Его простота и тянула за собой солдат". А вот как об этом пишет сам Володя:

"...Теперь у меня работы прибавилось: я получил роту, так что теперь и ответственности побольше, да и требуют больше. Постепенно привыкаю к людям, к новым офицерам. Не все, конечно, сразу получается, как того хочет начальство, но стараемся, и Москва ведь не сразу строилась".

Отдыхали редко: рейд следовал за рейдом. Старший лейтенант В. Киселев приобретал опыт и, по словам Р. С. Аушева, вел себя в бою уверенно, "мог предвидеть обстановку. У него было мало потерь. Нужно отметить сплоченность в самой роте, а это его труд, повседневный, командирский".

Эти воспоминания созвучны описанию боя, данного в наградном листе В. Киселева, когда рота его действовала на самом тяжелом участке: "...В районе ведения боевых действий на колонну было совершено нападение мятежников. Быстро сориентировавшись, ст. лейтенант Киселев смело организовал отражение нападения мятежников силами двух БМП-2, грамотно руководя огнем личного состава и боевых машин. <...> При этом было уничтожено три закрытых огневых точки и два гранатометчика. В ходе перестрелки ст. лейтенант Киселев получил ранение, но поля боя не покинул, продолжая руководить действиями личного состава".

Ранение оказалось тяжелым. В кабульском госпитале Володя был в состоянии клинической смерти, долго ле-

чился, тщательно скрывая от родных свое ранение. Домой из госпиталя писал: "Рейд был не очень трудным. Наелись вдоволь всего: винограда, дынь, арбузов, персиков, слив. В общем, был "фруктовый рейд"!". И, желая порадовать родителей, сообщает: "Моя рота заняла первое место в дивизии. Вручили вымпел, все как положено".

И вот Володе предоставили отпуск. Была у него возможность остаться в Союзе, но Володя родителям сказал: "Ведь я военный специалист, кадровый военный. Шесть лет меня этому учили". Перед отъездом Володя зашел проститься к своей учительнице И. И. Попенко и на ее слова: "Володенька, береги себя", — ответил: "Я, конечно, берегу себя, Ия Ивановна, но я же командир, на меня солдаты смотрят". Иначе Володя и не мог поступить.

Сейчас, когда слышишь о том, как некоторые офицеры дважды принимали присягу, я даже не задаюсь вопросом, а мог ли поступить так Володя Киселев? Да никогда в жизни! Понятия *честь* офицера, *слово* офицера он обеспечивал золотым запасом высшей пробы — своим собственным достоинством.

...Снова Афганистан. Снова рейды, бои. За храбрость Владимир Киселев представлен к ордену Красной Звезды.

Снова часто пишет домой. Письма обычно бодрые и сердечные: "Здравствуйте, мои дорогие папа и мама! Получил ваше письмо прямо на боевых действиях. Было очень приятно. Прилетел к нам в горы самолет, а там, оказалось, и письма есть. Редко у нас такое бывает, так что вдвойне приятно. Прибыли мы 27 сентября, а уже 2 октября — в готовности опять уйти. На этот раз, наверное, уйдем надолго, где-то на месяц. <...> Смотрите телевизор, читайте газеты. Писем, может быть, долго не будет. <...> Со всеми командирами живу сейчас отлично. Сам чувствую, работа идет. <...>

...Особое внимание командования было обращено на охрану афганской "дороги жизни", что вела с севера страны на Кабуд через туннель перевала Саланг. День и ночь шли по ней машины с топливом, продовольствием и медикаментами. Мятажники знали: будет уничтожена дорога — прекратится снабжение Кабула и других городов.

В ночь на 16 октября 1986 года хорошо вооруженный отряд из нескольких сот моджахедов занял удобные позиции у перевала Саланг. И вот на дороге показалась длинная колонна машин. Мятажники повели прицельный огонь. Столбы черного дыма поднялись в небо, слышался

непрерывный грохот. Старший лейтенант Киселев доложил по рации: "Наблюдаю горящие машины в квадрате... Духи бьют из засад по голове колонны и ее замыканию. Резервная группа поста готова ударить с тыла..."

"Действуйте по обстановке",— ответили в штабе. За изгибом дороги, в узком месте, две горящие машины создали огненную баррикаду, встав поперек шоссе, а за этой преградой стояли наливники, по которым били с гор. Душманы, потеряв пулеметные точки под прицельным огнем мотострелков, пятились в горы. Вот тогда рота Киселева ударила в тыла, приняв весь огонь на себя.

В ходе боя Володя заметил мятежника, целившегося в рядового А. Смирнова. Не раздумывая, В. Киселев оттолкнул его, тем самым ценой собственной жизни спас жизнь солдата. Его положили в бронетранспортер. Бой продолжался...

Солдаты любили и помнили своего командира. После его гибели они называли экипаж боевой машины, на которой Володя выполнял задания, его именем и сделали надпись: "Экипаж имени кавалера орденов Красного Знамени и Красной Звезды старшего лейтенанта Киселева В. Д."

Однажды, выступая с концертом в Афганистане перед полком, в котором служил Володя, певица Э. Пьеха услышала просьбу солдат: "Пожалуйста, передайте поклон семьям погибших старших лейтенантов Акрамова из Сибири и Володи Киселева и привет бывшему начальнику штаба полка Аушеву Руслану, он сейчас на Дальнем Востоке".

Снежные вершины гор, тяжелые бои, ушедших из жизни солдат и их командиров Р. Аушев вспомнит не раз, но с особым чувством волнения — Володю Киселева. Вот строки письма родителям. Кажется, не рукой оно написано, а сердцем, всеми его чувствами: "Здравствуйте, Дмитрий Павлович! Примите мое соболезнование по поводу гибели Владимира. <...> Я не буду все описывать, единственно скажу, что Володя — мужчина с большой буквы и в этом бою он еще раз это доказал. Никакие слова не утешат Вашу боль, но я уверен, что Вы понимаете, что из-за таких ребят, как Володя, и стоит наша страна, растут дети, живут все люди нормальной жизнью в стране и в мире..."

Никакие слова не могут утешить родителей, в доме которых все дышит памятью о дорогом сыне. Никто те-

перь не в силах что-либо изменить. И день 16 октября навсегда останется траурной датой родительского календаря. До последнего дыхания будут жечь сердца родителей строки писем Володи, наполненные сыновней любовью к ним. Поздравляя отца с днем рождения, Володя подписался: "Очень любящий тебя сын Вова". Из письма маме: "Для меня ты всегда останешься самой любимой женщиной на свете, любимой мамочкой, а со своей стороны я приложу все усилия, чтобы ты за меня никогда не волновалась... Спасибо за все, что ты дала мне. Вечно любящий тебя Вова".

Е. Супакова

“ЧЕСТИ НЕ УРОНИЛ”

Их судьбы походили друг на друга как две капли воды, их жизни копировались, как газетный тираж. Да и жизни-то, судьбы еще не было, все только начиналось.

*А. Житков.
Жизнь и смерть
сержанта Шеломова*

16 февраля 1984 года группа саперов, в составе которой был Юрий Копытов, получила задание разминировать открытый участок местности для обеспечения вывода бронегруппы на подступы к северо-восточной окраине населенного пункта Чарикар. Внезапно группа подверглась сильному обстрелу мятежников. Используя складки местности, рядовой Копытов занял выгодную позицию и огнем из личного оружия подавил две огневые точки противника, уничтожил один гранатометный расчет, захватил четыре единицы стрелкового оружия. Благодаря смелым и решительным действиям рядового Копытова задача, поставленная саперам, была выполнена. В бою, от близко разорвавшейся гранаты, рядовой Копытов был тяжело ранен.

Так свидетельствует официальное сообщение из воинской части, в которой служил Юрий Копытов.

Он скончался 20 февраля 1984 года, не дожив недели до своего двадцатилетия.

Родители Юрия – Галина Андреевна и Петр Алексеевич – вырастили и воспитали пятерых сыновей. Всю свою жизнь они добросовестно трудились. Галина Андреевна наряду с “Медалью материнства” II степени имеет и множество трудовых наград. За успехи, достигнутые в развитии сельского хозяйства, она была награждена бронзовой медалью ВДНХ, орденом “Знак Почета”, отмечалась почетными грамотами. С ранних лет работал в совхозе скотником и Петр Алексеевич.

Сыновья, воспитанные в атмосфере уважения к труду и ответственности за порученное дело, ни в чем не

посрамили родителей. Юрий был третьим сыном в этой большой семье. Он родился 27 февраля 1964 года в деревне Запольная Медведевского сельсовета Тотемского района. Здесь окончил восемь классов Камчугской средней школы. “Юра рос добрым мальчиком,— вспоминает Галина Андреевна.— Нельзя сказать, что всегда был послушным, бывало, и наозорничает, но грубости по отношению к родителям не позволял себе никогда”.

В 1979 году семья переехала в поселок Лесково Вологодского района, а Юрий после окончания восьмого класса поступил в СПТУ-5 г. Вологды. Появилось много новых друзей, которые считали его надежным парнем, готовым всегда помочь и советом, и делом. Между собой его шутливо, но не без уважения называли по отчеству: Петрович.

Профессия речника заинтересовала Юрия. Хотя учился, в общем, не блестяще, но по предметам, необходимым для будущей специальности: физике, астрономии, устройству судов, электрооборудованию судов, чтению чертежей — в дипломе только хорошие оценки. Особое старание, даже больше — рвение проявлял в практических занятиях. Был награжден Почетной грамотой за добросовестное отношение к работе на производственной практике. “Очень скромен и трудолюбив”, — так отзывался о Юре старший мастер училища В. В. Цалит. Недаром две навигации во время практики Юрий провел на одном и том же теплоходе у одного капитана. А такое бывало не часто. Чаще капитан, намучавшись с практикантом, отказывается от него после первой же навигации. И далеко не все учащиеся получали после практики такие характеристики, какую дал Юре капитан теплохода “Ока” Барановский. В ней отмечалось, что Юрий, работая на теплоходе в течение 5 месяцев, “показал себя грамотным, хорошо знающим свою специальность мотористом. Хорошо разбирался в судовых системах, при обслуживании главного и вспомогательного механизмов действовал самостоятельно, без подсказки. Управление судном освоил, за штурвалом стоит уверенно, соблюдая все правила.

За период практики не имел ни одного нарушения трудовой дисциплины, проявлял инициативу при проведении судовых работ. Активно участвовал в общественной жизни экипажа, являлся членом редколлегии стенной газеты”.

А в Лесково дирекция училища направила родителям Юры благодарственное письмо:

“Уважаемые родители!

Ваш сын, Копытов Юрий, при прохождении плавательной практики на судах Сухонского речного пароходства зарекомендовал себя дисциплинированным и трудолюбивым. Администрация училища, комсомольская и профсоюзная организации, а также мастера группы, в которой обучается ваш сын, благодарят вас за хорошее воспитание сына и надеются, что он не уронит чести училища и группы, а также чести работника речного флота”.

Юрий не уронил чести училища, чести солдата, чести человека. Он мог бы стать прекрасным штурманом, но жизнь сложилась иначе. Проработав лишь три месяца после окончания училища, 1 апреля 1983 года он был призван в ряды Советской Армии. В конце июня их часть направили в Афганистан. В письмах домой он так описывал это событие: “...Переехали из Термеза сюда нормально. До Самарканда ехали на поезде, там переночевали две ночи, а утром на самолете отправили нас в Кабул. 4 июля в 5 часов 30 мин. по московскому времени пересекли границу. Живем здесь тоже в палатках, а кругом все горы. Правда, здесь не так жарко, как в Термезе... Выдали новую форму, а вместо сапог — ботинки. С Колькой Котоминым мы ехали сюда вместе, а здесь нас распределили, может, он где-то и рядом”.

Николай Котомин — земляк из Лескова — действительно был рядом, служил всего в 6 километрах от места службы Юрия, но встретиться им пришлось всего один раз. И какой же радостной была эта встреча! Об этом — в письме Н. Котомина родным: “<...> Мне сегодня так повезло, я нашел Юрку Копытова! Мы с ним сначала у них в модуле* поговорили, потом я его к себе в машину пригласил, еще минут 20 посидели... Узнал, что Юрка лежал в госпитале, болел брюшным тифом, ему делали операцию. Неделю назад пришел только из госпиталя. Если бы я знал, так стал бы к нему каждый день заезжать. Ну, ничего, вот в полк почаще будем ездить, так и встречаться будем чаще... Теперь я знаю, где он, искать не надо...”

О службе в Афганистане Юрий писал домой очень скупое. Судя по специальности (сапер-пулеметчик), служба была сложной и опасной, а письма домой были спокойными.

* Жилое или служебное помещение, обычно в виде барака, с цементным полом.— *Примеч. сост.*

“У меня все нормально, служба потихоньку движется. Наша рота через день ходит в наряды...”

“Погода стоит днем теплая, только ночью холодно. 21 декабря выпал первый снег и не весь еще растаял. 8 декабря мы стоим в боевом охранении, наверно, и Новый год придется здесь встречать...”

В письмах другу Вадиму Любимову обстановку описывает немного подробнее:

“Рядом с нами находится 177-й полк и КПП дивизии. В начале декабря КПП был обстрелян душманами и на 177-й полк выпустили 47 снарядов...”

“Вертолет недавно разбился. Отказал задний винт, и все трое погибли. Вот такие у нас дела...”

О доме, конечно, очень скучал. В каждом письме расспросы, расспросы... О родных, о друзьях.

“Ходите ли в лес за грибами, за ягодами? Наверно, построили уже тот кирпичный дом, может, и вам дадут в нем квартиру”.

“Какие изменения в Лескове? Много ли народу ходит в клуб?”

Последний в своей жизни Новый год Юрий встретил все-таки не в наряде. Из письма бабушке:

“Новый год справили нормально, конечно, не как дома. Встречали в столовой всем батальоном... Пили чай и сок с печеньем и пирожными, ели яблоки и конфеты, смотрели телевизор...”

Загадывая желание, мечтал, чтобы новый год был счастливым и удачным. Но не прошло и двух месяцев, как жизнь его оборвалась.

Погиб Юрий Копытов достойно, до конца выполнив солдатский долг, доказав верность воинской присяге.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за успешное выполнение задания по оказанию международной помощи Демократической Республике Афганистан и проявленное при этом мужество Юрий Копытов награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

В память о нем на фасаде здания СПТУ-5 г. Вологды установлена мемориальная доска. Его памяти посвящена специальная экспозиция в музее профтехобразования.

Т. Зайцева

ВДАЛИ, ПОД ГЕРАТОМ

И залпы башенных орудий
Проводят нас в последний путь...

*Из солдатского песенного
фольклора*

Очередная волна ударила лодку в правую скулу, приподняла и потащила за собой. Весла выгнулись, казалось, еще секунда – и они разлетятся на щепки. Мотор отказал на подходе к акватории промпорта металлургического комбината – место широкое, есть где разгуляться ветру и набрать скорость волне.

Виталий Павлович сразу понял, что на воде движок не отремонтировать, надо как-то пробиваться к берегу. За себя он не боялся, но с тревогой поглядывал на побледневшее лицо жены. И дернула же их нелегкая накануне праздника плыть в Кривец, посиживал бы сейчас с мужиками – любо-дорого.

Восьмого мая с утра жена начала уговаривать: поплывем да поплывем. Уж больно не хочется... В праздник у мужика одна забота: в гости сходить, самому гостей встретить, выпить да закусить... Позднее, вспоминая этот день, спрашивал себя: уж не предчувствие ли страшной беды гнало Алевтину из дома, не давало покоя в родных стенах? А тогда пожалел жену, согласился...

* * *

К утру дивизион выполнил задание. Несколько суток, перебираясь с места на место, гаубицы глухо ухали и посылали снаряд за снарядом в сторону гор. Где рвались снаряды – артиллеристы не видели: они били по целям, координаты которых сообщали корректировщики.

Наступившая тишина давила на уши, ощущалась физически.

– Коробов! Коробов! – комбат наклонился над люком бронетранспортера.

Радиотелеграфист поднял глаза, увидев командира, сдвинул наушники.

— Передай, что начинаем движение к дому,— прокричал комбат и широко улыбнулся.

Коровов подстроил волну, передал сообщение. “К дому,— усмехнулся про себя.— Дома сейчас самое хорошее время — начало мая, завтра День Победы будут отмечать. На реке благодать...” У берез первый листок проклеывается. А здесь домом называют военный городок южнее Герата, в котором стоит их полк.

— Димка, вода осталась? Давай сюда, нечего экономить, скоро дома будем,— несколько рук протянулись в люк.

Коровов взял канистру, встряхнул ее, воды оставалось самая малость.

— Дотерпите, вдруг задержаться где придется.

Вверху раздавались недовольные голоса, но никто не настаивал. Ругались по привычке, хорошо сознавая, что Коровов прав: свят закон — последний глоток воды должен оставаться во фляжке, он может еще как пригодиться.

Солдаты устраивались на броне. Потянуло дымком от сигарет — верный признак, что дело сделано, теперь и расслабиться можно. Двигатель БТРа работал на полуоборотах, казалось, нетерпеливая дрожь пробегает по броне... Через минуту колонна двинулась к Герату, спускаясь на зеленеющее вдали плоскогорье.

* * *

Холодный порыв ветра принес снежный заряд. Вода потемнела. Виталий Павлович держал лодку носом к волне, и ее медленно тащило к берегу. Руки замерзли, но он боялся хоть на миг оторваться от весел, знал, что лодку сразу же поставит бортом к водяным валам. Алевтина Яковлевна вцепилась в банку, которую по-сухопутному называла доской: она, как загипнотизированная, смотрела на свинцовые волны, боясь повернуться назад и не увидеть спасительного берега. Не видел его и Виталий Павлович: густая пелена снега, словно огромный занавес, ограничила видимость двумя-тремя десятками метров.

Алевтина Яковлевна почувствовала, как сердце вдруг замерло: позади мужа, который сидел спиной к волне, возник крутолобый водяной вал и стал быстро расти. Он

стеной надвигался на лодку. Хотела крикнуть, но не успела. Лодку резко приподняло и поставило почти вертикально...

* * *

Впереди колонны шли танки с катками. Если дорога заминирована, удар приходился по этим машинам. Когда каток наезжал на мину, взрыв был не очень заметен, просто каток подбрасывало вверх, словно и не было в нем огромного веса.

Но в последнее время душманы стали получать и мины-ловушки, которые не реагировали на разовое давление. Пройдет, например, танк, мина не сработает, просто взрыватель чуть-чуть опустится, пройдет БТР – взрыватель опустится еще на несколько миллиметров, и так до критической точки, когда достаточно давления человеческой ноги, чтобы произошел взрыв. Вначале, пока не разобрались, считали, что душманы ставят радиоуправляемые мины, но потом поняли что к чему.

Через час с небольшим, когда уже выходили на плоскогорье, колонна остановилась, пропуская несколько грузовиков. Кузова на КАМАЗах были зачехлены, впереди и сзади грузовиков пылили БТРы с солдатами на броне. До расположения полка оставалось рукой подать, и напряжение помаленьку спадало.

– Димка, дай канистру, – кто-то нетерпеливо протягивал в люк бронетранспортера загорелую руку. Коробов взял канистру и вылез на броню. Появился пластмассовый стаканчик. Пили воду, теплую, горьковатую, припахивающую лекарствами и металлом, по-разному. Одни разом выплескивали ее в рот и делали два крупных глотка, другие цедили по капле, создавая иллюзию, что в стаканчике много, по крайней мере, не меньше литра живой влаги.

Дима придерживал канистру. Сам так пока и не попил. Но ни у кого из солдат не возникло подозрения, что он там, внутри БТРа, напился вволю. Слишком хорошо они знали друг друга, чтобы подозревать в подлости.

А Коробову стали воду доверять после одного случая. В тот день дивизион подняли по тревоге сразу после обеда. Только успели канистру под завязку водой залить, как прозвучала команда: “На выезд!”.

Так случилось, что с мятежниками пришлось провозиться больше суток, и около своего БТРа солдаты ока-

зались лишь под вечер следующего дня. Губы от жары потрескались, слова едва проталкивались сквозь зубы, от жажды лица заострились. Когда Коробов — а ему все это время пришлось поддерживать связь, не отойдешь от радиостанции, что установлена в комбатовском БТРе, — открыл канистру, то солдаты увидели, что ни грамма ее не выпито. Сидел рядом с водой и не дотронулся. И как ни хотелось тогда пить, первую порцию сержант налил Коробову.

* * *

Почему лодка не перевернулась, они так и не поняли. Минут через пятнадцать очередная волна вынесла ее на островок. Какая ни есть, но все суша. Виталий Павлович колдовал над движком, а Алевтина Яковлевна мелкими глотками пила горячий чай, который залила в термос перед самым отплытием. Ее била мелкая дрожь, не столько от холода, сколько от только что пережитого страха.

— Виталий, попей чаю, согреешься, — Алевтина Яковлевна протянула мужу пластмассовый стакан, над которым вился парок.

Обжигаясь, Виталий Павлович мелкими глотками пил крепко заваренный чай. Алевтина Яковлевна молча поглядывала на него, но было заметно, что о чем-то хочет спросить. Виталий Павлович знал о чем: с того дня, как поняла, что сын воюет в Афганистане, каждую минутку думала о Димке, искала успокоения в разговорах о нем, в воспоминаниях. А тут еще сон. Приснилось, что пришел Димка домой, а есть отказывается, идти, говорит, надо. Посидел в комнате да и ушел. Что там об этом сне товарищи Алевтине наговорили, но стал замечать, что чаще заглядывает жена в альбом, разглядывает сына на фотокарточках.

Допил чай, протянул стаканчик жене:

— Еще полчасика, и поплывем. Наверное, письмо пришло. У них там теплынь, не то что у нас. Зелень кругом, — говорил, искоса поглядывая на жену и замечая, как разглаживаются морщинки на ее лице.

* * *

— Димка, а ты что, пить не будешь? — сержант подставил стаканчик и, когда тот наполнился водой, протянул его Коробову. Дима молча взял, выпил. Закрыв канистру

и спустился в люк. Там снова ее открыл, плеснул в кружку, меньше половины, и протянул ее водителю.

Надел наушники, в которых слышалось лишь тихое потрескивание. Если закрыть глаза и забыться, то можно подумать, что трещат сухие ветки в костре, который разложили они с отцом на берегу реки.

БТР вздрогнул и, рыкнув мотором, резко взял с места. Снова за клубилась бронзовая пыль, оседая на броне и на лицах солдат. Разве передаст этот цвет фотография? Помнится, вначале, когда только прибыли в полк, с удивлением смотрели на тех, кто возвращался из рейдов. Загоревшие до черноты лица с бронзовым отливом. Только через несколько дней поняли, с каким трудом смывается с пропотевшего тела афганская пыль.

Поселили их тогда отдельно от старослужащих. В палатках — человек сорок. Кровати — в два яруса. И с первого дня — занятия на полигоне. Воевать учились все: от санинструктора и повара до командиров с большими звездами на погонах. Никто не знал, в какую переделку может попасть каждый, когда начнут ходить в рейды.

Не только свое оружие изучали, знакомились и с тем, что на вооружении у душманов. С интересом разглядывали буры — английские винтовки старого образца, египетские, западногерманские автоматы, английские минометы, американские автоматические винтовки с пластиковыми прикладами, мины — итальянские в пластмассовом ребристом корпусе и английские — в металлическом, гранаты с меткой “Сделано в США”.

Тем, кто до армии кроме ложки никакого инструмента в руках не держал, было трудно. Дима же с детства с железом возился: велосипед из выброшенного хлама мог собрать; потом радиоделом увлекся; в лесомеханическом техникуме специальность электрика получил.

Армейским порядком тоже не тяготился, дома многое сам делал, даже брюки перешивать научился...

В наушниках послышался хриплый голос старшего лейтенанта с головного бронетранспортера: — Внимание, входим в “зеленку”. Всем внимание, входим в “зеленку”.

Слышно, как удобнее устраиваются солдаты на броне — от “зеленки” любого сюрприза ждать можно. Нередко в густых зарослях поджидают в засаде не только одиночки, но и целые банды. Не успеешь вовремя заметить опасность, промедлишь с ответным огнем, проглядишь, откуда стреляют, — быть беде.

БТР прибавил ходу. Проскакивая рытвины, образовавшиеся от разрывов гранат, подскакивая на камнях, грозная машина мчалась вперед. Зеленая лента зарослей то убегала в сторону, то почти вплотную приближалась к дороге.

* * *

Обещал, что через полчаса будет все готово, а пришлось провозиться с движком без малого два часа. Уже стемнело, когда отплыли от острова. Ветер стих, небо очистилось от туч, вдали тысячами огней переливался Череповец.

Пока ставили на место лодку да добирались до квартиры, наступил поздний вечер. Дочки дома не было, опять у подруг пропадает. Сбросив сапоги, Алевтина Яковлевна прошла в комнату. Включила свет и замерла. В центре стола лежала телеграмма.

* * *

“Зеленка” кончилась неожиданно: только что по сторонам дороги были заросли, и вдруг опять пустыня.

В наушниках снова слышался голос. На этот раз сообщали с замыкающего бронетранспортера, что колонна прошла “зеленку”.

Солдаты расслабились. Еще полчаса, и видны будут их палатки. А там обед, душ, там вдосталь воды. И наверняка там ждут письма.

Подумав о письмах, Димка улыбнулся. От мамы точно есть, может, и от нее пришло. Так-мама и не узнала, что познакомился он незадолго до призыва с хорошей девушкой. Правда, наверное, догадывалась, раз всегда с улыбкой спрашивала, когда он собирался в кино:

— Дима, тебе денег на одну серию или на две?

Какие две, если она сама это кино смотрела. Конечно, догадывалась. Но так и не рассказал матери ничего; даже когда в армию провожали и собрались друзья, специально ни одной девчонки не пригласил; а с ней накануне простился. Ничего друг другу не обещали, но по письмам видно, что скучает девчонка, переживает за него и ждет.

И сейчас, когда за плечами почти год войны, не может понять Дима, как у него духу хватило познакомиться. Друзья и те порой подзуживали, что к девчонкам подойти боится. А он лишь отмалчивался. Не в страхе дело. Сам порой не мог понять, почему так стесняется незнакомых

людей. Иной раз на автобусе лишнюю остановку проедет, лишь бы не протискиваться к выходу. Да и не говорун. Поглядишь на других – первое дело для них – с девчонками потрепаться. А он так не мог. Не мог-то не мог, а вот ее встретил и разговорился. Если бы только разговорился. Песни запел. На гитаре играть научился. Запрется в комнате и напевает тихо-тихо, чтобы мама или сестра не услышали...

Дима снял наушники, прикрыл глаза. Мотив легко всплыл в памяти. Вначале шепотом, а потом громче – кто услышит, когда ревет двигатель, – солдат пел:

...Плачет где-то иволга,
Схоронясь в дупло,
Только мне не плачется,
На душе...

Взрыв ударил снизу. Бронетранспортер подбросило вверх и развернуло поперек дороги. Солдаты, что сидели на броне, отделались легкими ушибами. Дмитрий Коробов скончался на пути в госпиталь. Случилось это 8 мая 1984 года.

* * *

Телеграмму прочитал Виталий Павлович. Родные сообщали, что умерла его мать. Горе открыло дверь в квартиру Коробовых. Не знали они, что через неделю найдет их на пристани, когда уже собирались садиться на “Метеор”, чтобы ехать в Вытегру, начальник мужа В. А. Ильин, проведет в зал ожидания, где представитель горвоенкомата сообщит страшную весть.

21 мая придут на похороны друзья Димы, рабочие из цехов аммиака и разделения газа азотнотукового завода, где работали родители погибшего воина. Будет плакать военный оркестр, разорвут тишину кладбища выстрелы автоматов, замрут в почетном карауле военные курсанты.

* * *

Сейчас Виталий Павлович и Алевтина Яковлевна на пенсии. Дочь Лена закончила лесотехнический техникум и работает в Шексне.

Горе меняет людей. Изменило оно и Коробовых. Алевтина Яковлевна частенько прихварывает, Дмитрий

Павлович хоть и держится бодро, но затаилась в его глазах тоска, которую не вытравит и время. Если раньше он не отказывался от застолий, то теперь не берет и капли спиртного, бросил курить.

Когда Коробовы приходят к сыну, то всегда на мраморной плите видят гвоздики. Кто их приносит, они не знают.

Вик. Смирнов

“ЖИВУ Я ХОРОШО...”

Я писать не стану
 о баграмской пыли,
Тряске в бэтээрэах
 в горных кишлаках,
Что во время рейда
 в перестрелке были,
И ложились пули
 рядом в двух шагах.
Из "афганской" песни

Ежегодно 30 ноября в Сосновской средней школе Вологодского района проходит День памяти. Фотография ясноглазого симпатичного паренька в черной траурной рамке, в окружении гирлянды цветов – что может быть страшнее и горше? Даже самые шумные и непоседливые озорники смолкают, входя в этот день в вестибюль школы. А после уроков школьники обязательно придут на небольшое сельское кладбище близ Лескова, чтобы возложить цветы на могилу выпускника своей школы Николая Котомина.

Родился Коля в 1964 году в деревне Ивановское Вологодского района. Был предпоследним сыном в большой и дружной семье. Родители с детства старались воспитать в детях трудолюбие, честность, ответственность — хотели видеть их такими, какими были сами. Более четверти века отдала сельскому хозяйству Галина Александровна, заслужив многочисленные благодарности. К сорока годам идет трудовой стаж Герольда Александровича, большую часть жизни добросовестно проработавшего конюхом в совхозе. И свое главное, родительское, дело они тоже выполнили на совесть.

“Все дети этой семьи отличались воспитанностью, вежливостью в обращении со старшими, большим трудолюбием” – вот мнение учительницы Сосновской школы Н. Н. Криичевой. Учился Коля средне, а, как известно, в памяти учителей остаются либо наиболее талантливые, либо закоренелые двоечники, но этого скромного юношу с замечательной открытой улыбкой помнят многие. С большой теплотой рассказывает о Коле его бывший

классный руководитель Зинаида Борисовна Смирнова: “Выделялся из всех парней в классе застенчивостью, но при всей своей скромности никогда не отлынивал от художественной самодеятельности: лихо отплясывал с одноклассниками на смотрах, а на выпускном вечере великолепный концерт организовали. Пел в хоре, правда, не совсем добровольно, но отказаться не мог. Не раз завоевывал первые места на лыжных гонках, в легкоатлетических кроссах. А руки какие у него были золотые! Что ни попросишь – все сделает. Особенно любил копаться в радиотехнике: в классе починил проигрыватель, учительнице отремонтировал радиоприемник, который та уже собиралась выбрасывать”.

После окончания школы Коля сразу объявил родителям, что остается работать в совхозе. Почти год работал помощником комбайнера, потом трактористом. Одновременно учился на водителя, окончил Вологодскую автошколу ДОСААФ.

В совхозе хорошо отзывались о молодом рабочем, уважали за честное, добросовестное отношение к делу. Совестьливость его проявлялась во всем. Был случай: вернулся с работы домой чуть не ночью, ремонтировал застрявший в дороге трактор. А обеспокоенной маме объяснил: не мог он оставить телят без воды, которую вез на ферму.

Руководство совхоза собиралось отметить хорошую работу Николая Котомина, но вручить ценный подарок – электрическую бритву – не успели. 1 апреля 1983 года Николай был призван в ряды Советской Армии.

Классный руководитель, провожая своих мальчишек из школы, две самые лучшие характеристики выдала Николаю и его однокласснику Валерию Сняткову. И Афганистан без этих парнишек ну прямо никак не мог обойтись! Для Валерия судьба, к счастью, оказалась милостивой: он вернулся домой. “Курс молодого бойца” прошли в Термезе, были в одном взводе, даже кровати рядом стояли. В Афгане служить пришлось в разных районах.

Николай 26 июня был направлен в Баграм. Домой писал часто. Письма – большая стопа – пронумерованы заботливой маминной рукой, разложены по датам. Они, конечно, не дают полного представления о Колиной службе. И писать можно было далеко не все, да и без запрета Николай вряд ли стал бы сообщать родителям то, что могло их расстроить. Он писал о том, что порадовало бы

их, погасило их неутрачивающую тревогу о нем. Вот строчки из писем: “Живу я хорошо, здоровье у меня тоже хорошее, служба идет нормально. <...> Платят нам здесь прилично – 9 руб. 20 коп*. В магазинах сладостей много, есть чем полакомиться. Вот сейчас сижу в машине и жую печенье. Сгущенка уже надоела. <...> Праздник 7 ноября мы здесь отметили нормально. Вечером был праздничный ужин, и торт был, и конфеты были, и арбуз”.

Лишь изредка промелькнет то, что было в действительности: “Вот с завтрашнего дня снова сажусь на машину. Но, правда, прежде чем за нее сесть, ее нужно еще отремонтировать. А то в рейс ездили, так ее немного покучило”.

Больше откровенности, пожалуй, в письмах другу Сергею Пестереву: “С 3-го июля я еду за рулем... В основном моя работа – обеспечить батарею водой, машина большая, как-никак ЗИЛ-131, ездить приходится по 3-4 раза. <...> Все не могу привыкнуть к этому климату... скучаю по дому. Да, никому не пожелаю попасть сюда. Здесь такая тоска...”

Письма домой полны заботой о близких: “Мама и папа, только берегите свое здоровье. Вам вообще-то сейчас трудновато, ведь у нас в семье было 6 человек и все чем-то занимались, а сейчас вас осталось трое. Ведь Шурик учится и дома, наверно, не находится... Но ничего, ведь Сергей у нас уже большой и пускай он делает все, чтобы маме было легче... Вы Сергея не балуйте, заставляйте его по дому помогать. Ему по дому вся работа под силу. И пусть он вас слушается”.

Наказы младшему брату Сергею во многих письмах Коли: “Сергей: ты сейчас в 8 классе, весной экзамены... учи уроки с первого дня, чтобы потом было легче сдавать. <...> Помогай по дому маме и папе. Как-никак Шурик учится, да ему и некогда будет. Вся надежда, Сергей, на тебя. Пришел из школы, уроки выучил, по дому помоги: воды натаškai, в магазин сходи... помоги овечек обрядить и можешь со спокойной душой погулять. А вечером, если все уроки выучил, возьми книжку, почитай...”

В этом он весь: добрый, заботливый, человечный. Но война требует от человека проявления других качеств:

* Здесь трудно удержаться от небольшого комментария: чтобы привлечь людей в Вооруженные Силы ДРА, афганским солдатам и сержантам в процессе армейских реформ повысили денежное содержание в 7-25 раз (Тайны афганской войны. С. 99). – *Примеч. авт.*

храбрости, мужества, умения стойко переносить трудности.

Как-то еще в школе одноклассницы, давая напутствия уходящим в скором времени в армию мальчишкам, посвятили Николаю незатейливую частушку:

Коля – парень хоть куда,
Спортом занимается,
Побеждает без труда,
Скромностью он славится.
Посмелее, Коля, будь,
Наставленье не забудь!

Николай не забыл наставления. За пять месяцев его службы в Афганистане родители получили от командования части два благодарственных письма. В последнем, отправленном незадолго до гибели, говорилось, что “Котомин Н. Г. показывает образец служения нашему социалистическому Отечеству, добросовестно выполняет свой воинский долг по защите южных рубежей нашей Родины. За усердие в службе, высокую дисциплину и отличные результаты в боевой и политической подготовке был не однажды поощрен командованием”.

Достоинство проявил себя Николай и в последнем бою. Официальное сообщение свидетельствует: “...Колонна машин, в составе которой находился Николай, следовала по маршруту Баграм – Кабул – Баграм для подвоза военного имущества. У населенного пункта Карабаг на колонну было совершено нападение крупной банды мятежников. Действуя грамотно и смело, Николай занял удобную позицию и стал отражать вместе со своими товарищами атаки мятежников. Проявляя беспримерное мужество и отвагу, рядовой Котомин вел меткий и уничтожающий огонь по противнику, лично подавил две огневые точки. Мятежники усилили огонь из стрелкового оружия и гранатометов. Внезапно выстрелом одного из гранатометов Николай был смертельно ранен в область живота. Не приходя в сознание, он умер на руках у товарищей”. Это случилось 30 ноября 1983 года. А ровно две недели назад, 16 ноября, Коле исполнилось 19 лет.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Котомин Николай Герольдович за мужество, стойкость и отвагу награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Т. Зайцева

ДВА АЛЬБОМА

Ах, тюльпаны прожженной земли...
Вы как память
тех огненных дней,
Алым пламенем вы проросли,
Словно кровь наших
русских парней...
Виктор Верстаков.
Из "афганской" песни

Несколько лет скрыто за темно-синим переплетом этого старого доброго альбома. Любовно и с надеждой вклеивались сюда фотографии – с самых первых дней жизни Андрея. Но последние страницы останутся пустыми. Навсегда.

Не думать об этом невозможно. И я преклоняюсь перед мужеством Тамары Николаевны и Николая Тимофеевича Красовитовых, согласившихся рассказать о сыне. Вместе мы отправляемся в детство и юность Андрея.

...Команда мальчишек в хоккейной форме расположилась на льду череповецкого зрелищно-спортивного зала "Алмаз". Среди них во вратарских доспехах Андрей. Хоккей – его привязанность, его трудная любовь, которой он остался верен многие годы, до самого призыва в армию.

– Мама, я хочу ходить на хоккей, – заявил третьекласником с порога. – В "Алмазе" в секцию набирают.

И началось... Тренировки, игры, усталость, синяки и шишки – несладко приходилось вратарю. А ворота Андрейка защищал отчаянно, себя не жалел.

Пришел однажды с забинтованной головой – шайба прямо в лоб угодила.

– Ну, Андрюшка, – сказала тогда Тамара Николаевна, – больше не встанешь в ворота?

Он удивился, даже не понял:

– Что ты, мама?!

А ведь он был совсем маленьким. Уезжала команда на первые свои сборы, надел он рюкзак со всеми хоккейными доспехами – так самого и не видно, одни ноги торчат...

В 1977 году в школе N 12 был сформирован спортивный класс. В нем стали учиться девочки, занимавшиеся баскет-

болом, и мальчишки-хоккеисты. Перешел туда из 14-й школы и семиклассник Андрей.

И свободного времени стало еще меньше. Утром — зарядка, иногда изволь быть в “Алмазе” уже в 6 утра, после уроков — тренировка; случалось, зал освобождался только к 11 вечера.

Андрея даже не будили по утрам. Унес будильник к себе в комнату и вставал всегда сам.

С детства была в нем эта самостоятельность. Может быть, оттого, что рос старшим братом? Сестренку Лену нередко приходилось оставлять на него, и родители были спокойны: Андрей присмотрит.

За учебу сына Красовитовы особенно не волновались и за оценками не следили, доверяли: его настойчивый характер, умение доводить дело до конца проявлялись и здесь. К тому же его способности, прекрасную память отмечали многие учителя. Один “сюрприз”, правда, был. Андрей тогда только перешел в спортивный класс, и то ли новый режим был непривычен, то ли общий настрой в классе оказался не на учебу, — короче говоря, на классном собрании родители с удивлением узнали, что грозят Андрею сразу несколько троек за четверть. А до каникул — всего две недели.

Спортивное же увлечение ему и помогло.

— Вот что, Красовитов, — сказал тогда тренер Дмитрий Васильевич Слободин, — если до конца четверти тройки свои не исправишь — на тренировки можешь не приходить.

Чего стоили те две недели Андрею, знал только он один. Но тренировки продолжались, и срывов таких больше не было. А когда в девятый класс вечерней школы поступил отец (так уж случилось, что не довелось Николаю Тимофеевичу в юности кончить десятилетку), Андрей стал его помощником в учебе.

— Он все делал от души, — это качество Андрея считает главным его классный руководитель Галина Ивановна Овсянкина. — Простой, открытый мальчишка. И всегда на лице улыбка, веселая, доброжелательная.

Ох, сколько неприятностей доставляла порой Андрею эта улыбка, его всегдашняя готовность хохотать, да так, что следом заливался и весь класс! Порой и с урока выгоняли, и отца вызывали: “Ваш сын своим смехом мешает вести урок”. А он таким был и характер свой менять не собирался.

...Вот еще снимок: шестиклассник Андрей с барабаном на каком-то пионерском празднике. Не с этого ли барабана началось его сильное увлечение музыкой? В десятом он играл в школьном ВИА, выступал на всех вечерах; в кругу друзей – гитара, играть на которой его научил отец.

Как его хватало на все? Тренировки, спортивные сборы, учеба, друзья, репетиции, книги...

– Он торопился жить, – заключила свой рассказ об Андрее мастер череповецкого ПТУ № 27 В. А. Дорбидонтова.

Он торопился. Вот уже и последний школьный снимок, выпускной бал...

Три записи в трудовой книжке: об учебе в ПТУ, о работе в обжимном цехе Череповецкого металлургического комбината машинистом крана на горячем участке работ по 3-му разряду и об увольнении с комбината в связи с призывом в Советскую Армию.

Последняя запись – 21 сентября 1982 года.

Вот он, такой непохожий на себя, остриженный наголо. Рядом пытается улыбаться мама.

Последние напутствия отца, шумные проводы друзей, обещания писать, где бы ни оказался.

Он оказался в Афганистане. Сообщил об этом домой буднично и просто: “Направляют в 40-ю армию”.

– Мне уже потом объяснили, что это за 40-я армия, – возвращается памятью в те дни Тамара Николаевна. – Слез было.

Но была и надежда. Тем более что письма от Андрея приходили спокойные, ласковые, очень подробные. Он замечал красивые горы Афганистана, любовался морем весенних тюльпанов – и обо всем спешил рассказать родным. “У меня все хорошо. Не беспокойтесь за меня”, – это он писал постоянно. Как здоровье бабушки Таси? Как привыкает к училищу Лена? Какие новости у друзей по двору, у бывших одноклассников? Все его интересовало, обо всех он помнил, и оттого, что спрашивал он о самых обыкновенных, житейских подробностях, сейчас особенно щемит сердце.

Дом этот всегда был открыт для друзей Лены и Андрея. Они прибегали сюда совсем маленькими, приходили старшеклассниками. Они были рядом с родителями и те два “афганских” года, наполненных тревогами и болью. И потом...

Тамара Николаевна признается:

– Если б не ребята, не знаю, как бы мы с отцом и выжили тогда. Андриюшины друзья помогли нам выстоять.

...Но пока служба шла своим чередом. Из фотографий в конце альбома одна особенно врезается в память. “Июнь 1984. 100 дней до приказа”, – написано на ней рукой Андрея. Веселые лица, озорные позы перед объективом – словно и нет войны. Однако за плечами уже были сопровождения колонн, охрана маршрутов. И бои. За 21 месяц, что Андрей служил в Афганистане, он участвовал в восьми крупных и одиннадцати частных операциях. Среди фотографий – цветная картинка из журнала – солдаты с оружием. “Еще посылаю маленькую вырезку, где изображена моя “пушечка” под названием СПГ-9*. Вот из такой я и стреляю. Только вместо касок надеваем шлемофон, чтобы перепонки не лопнули, так как грохоту от моей “пушечки” побольше, чем от любой хорошей гаубицы”. (Из письма Андрея от 5 октября 1983 года).

Дни службы бежали дальше и дальше. И вот уже о смелых и грамотных действиях рядового Красовитова рассказала газета “Фрунзевец” Краснознаменного Туркестанского военного округа. Одному из первых в полку вручили Андрею удостоверение о том, что он удостоен права нести боевое дежурство за Героя Советского Союза рядового Николая Яковлевича Афиногенова – паренька, который погиб в бою, спасая жизнь своих товарищей. Удостоверение это хранится сейчас в Вологодском областном музее истории молодежного движения.

Случались на афганской земле и неожиданные встречи. Увидеть земляка всегда было радостью, а встретить после тяжелого марш-броска выпускника твоей же школы, парня, которого хорошо знал?

Наверное, от этой неожиданности, от осознания мимолетности встречи и сказал Андрей Геннадия Яковлеву то, о чем обычно молчал – не привык жаловаться.

– Оказывается, у него было плоскостопие, – говорил позднее Геннадий, словно заново переживая ту встречу. – А он молчал и таскал свой гранатомет – вы только представьте себе, каково ему приходилось... Я говорю: “Да как же ты, Андрюха?” А он: “Кому-то надо и с “пушечкой” ходить”, шутит опять, смеется, как раньше.

Да, он и там, в Афганистане, оставался таким, каким был: не искал легких путей.

* Станковый противотанковый гранатомет. – *Примеч. сост.*

“Пришел в палатку, сел на кровать, а у самого слезы на глазах выступили, ничего сказать не могу от обиды”. Это строки из письма Андрея. Что же случилось в тот день, что даже он заплакал? “Почти весь взвод ушел на крупную операцию. А мне из-за комсомольской работы пришлось остаться. Когда ребята ушли, так вообще места себе не находил. И главное, за какие-то полчаса до выхода, главное, все уже приготовлено, а тут на тебе: “Красовитов, не идешь!” Но что теперь поделаешь – ребята-то ушли. Приходится смириться с таким поворотом дел. Хорошо хоть, гитара у нас есть, хоть она немного успокаивает”.

Какие песни он пел в те тяжелые для него минуты, один в пустой палатке? “Вершину” Высоцкого? Что-то из репертуара “Машины времени”, любимого своего ансамбля? Или вот эту, об Афгане?

Он какого цвета?
Он на карте пестрый.
Алые ракеты
Мерят наши версты.
Он какого цвета?
Он на карте рыжий.
За Кабулом где-то
Гром Панджшера слышен.
Тельник – полосатый,
Улицы – опасны,
Черны автоматы,
Пули темно-красны...

Мы не узнаем, какими аккордами утишила гитара его обиду и боль. Но знаем, что комсорг Андрей Красовитов хотел быть вместе с ребятами в том труднейшем рейде.

20 августа 1984 года он сообщил родителям: “Сейчас отдыхаем и готовимся идти на Саланг. Выходим завтра”. И как обычно: “Но вы за меня не беспокойтесь. У меня все будет хорошо”. Все было хорошо чуть меньше трех недель...

* * *

Два года ни семья Красовитовых, ни одноклассники и друзья Андрея не знали, как он погиб. Завеса молчания, укрывшая афганскую войну куда надежнее, чем Гиндукуш, – сколько лишнего страданий родным доставила она! Сделать надпись на памятнике о том, что сын погиб, выполняя воинский долг в Афганистане, – нельзя. Занес-

ти домой гроб с телом – нельзя, с трудом уговорили. Даже написать некролог и повесить в черной рамке портрет Андрея в цехе, где много лет работают его отец и мать, где сам он успел поработать два месяца до армии и куда очень хотел вернуться, – нельзя!.. Похоронка со словами соболезнования и орден Красной Звезды, которым Андрей был награжден посмертно, – вот и все, что было тогда можно.

И только в 86-м узнали отец и мать, каким был последний бой их сына.

...Рота, выполнявшая боевую задачу 7 сентября 1984 года в районе Панджшера, была замечена мятежниками. Наши ребята оказались под обстрелом. О дальнейшем пусть скажут строки документа: "...Рядовой Красовитов открыл огонь по противнику, своим метким попаданием он заставил замолчать огневую точку, уничтожив при этом трех мятежников, но и сам был ранен. Раненный, рядовой Красовитов все еще вел огонь по мятежникам, сознавая, что и от него зависит успех выполнения боевой задачи. Благодаря его решительным действиям боевая задача была выполнена, но сам он погиб во время боя".

...Есть в этом доме особый альбом. Цвета тюльпанов, которыми любовался в Афганистане Андрей. Цвета пролившейся крови. В нем – минута за минутой – застывшие черно-белые мгновения прощания с Андреем. Бесконечное горе в глазах родных, одноклассников, друзей. И вот застучали комья земли об оцинкованную крышку гроба. Все. Конец.

Но подрастают уже три мальчугана, имена свои получившие в честь Андрея Красовитова: Андрюша Бобков, сын офицера Михаила Бобкова и Иры Вихаревой, одноклассников Андрея; Андрюша Ковалев, сын металлурга Эдуарда Ковалева, одноклассника Андрея; Андрюша Дунаев, сын Лены, сестры Андрея, внук Тамары Николаевны и Николая Тимофеевича Красовитовых.

Пионерский отряд 12-й школы, где учился Андрей Красовитов, выбрал его своим отрядным героем. И выбор этот оказался не просто данью зарождавшейся тогда, в 1987-м, традиции: дружба школьников и родителей Андрея не распалась и после того, как ребята вышли из пионерского возраста, и когда не стало даже самих пионерских отрядов.

9 августа и 7 сентября – в день рождения и день гибели Андрея, 20 декабря, в день памяти воинов-«афганцев»,

и 9 мая Красовитовы не остаются одни. В эти дни рядом с ними – друзья сына по школе и по военной службе.

Забегают они и коротко рассказать о своих новостях, о малышах, о работе.

Тамара Николаевна и Николай Тимофеевич со свойственной им душевной щедростью радуются их счастью. Радуются просто тому, что они есть. Иногда друзья просят:

– Тетя Тамара, а можно еще раз послушать, как смеется Андрей?

Тамара Николаевна включит магнитофон. И в комнате опять, как когда-то, раздастся безудержный, заразительный смех Андрея...

И. Ромина

“СЛАВИК, СЫНОЧЕК...”

В гости являются смуглые мысли.
Стынет в глазах затаенная грусть.
Ленточкой стянуты старые письма.
Каждое знает она наизусть.

Юрий Леднев

Живут Крыловы теперь на проспекте Победы, рядом с Красноармейской площадью. Из окна их дома хорошо виден силуэт зенитного орудия, поставленного здесь в память о череповчанах, погибших в годы Великой Отечественной войны. Слава Крылов тоже погиб на войне. Только на другой. В 1982-м, в Афганистане. Было ему всего восемнадцать.

В квартире Крыловых все напоминает о сыне. Большой портрет в рамке. “Это Слава специально сфотографировался для школьного альбома”, — рассказывает Надежда Ивановна, его мама.

На другой стене много снимков, где Слава с друзьями, с сестренкой. А рядом висит его гитара. Последний раз он играл на ней, когда его провожали в армию.

Надежда Ивановна приносит черный “дипломат”.

— Здесь самое сокровенное. Вообще-то я чужим его не показываю. Но раз вам интересно, раз вы хотите о нашем Славике написать, может быть, это поможет. Вот школьный альбом. Вот Славин друг Осипов Слава, стихи ему пишет. А это Колесова Света. Он ее в школе несерьезной считал. Когда у нее сын родился, назвала Славиком. Вообще класс у них дружный был. Они и до сих пор нас не забывают, навещают. Он в восемнадцатой школе учился.

Среди дорогих для Крыловых реликвий — заметка о Славике в городской газете “Коммунист” за 5 ноября 1987 года. Привожу из нее несколько строк:

“— Слава был немного застенчивым, добрым и честным,— вспоминает его первая учительница А. М. Калалкова.

— Друзей у него было много, к нему тянулись одноклассники. Любили его за увлеченность, с ним везде

и всегда было интересно,— продолжает разговор Е. В. Селедкина, классный руководитель выпускного класса.— Любимым предметом в школе у Славы была начальная военная подготовка... Учеба в ДОСААФ, дежурство в ГАИ, работа в совете Ленинской комнаты, баскетбол, походы — все это готовило к службе в рядах Советской Армии”.

— А еще он очень добрым был,— продолжает Надежда Ивановна.— О сестренке Свете заботился, никогда не обижал. Она младше его была. Так мы с отцом всегда были за них спокойны. Где бы он ни был, но к четырем часам обязательно домой приведет из детсада. В это время мультики для детишек начинались...

Славика в армию в ноябре забрали. Он учился в учкомбинате ЧерМК, на шофера. Сказал, институт подождет. А в армию надо со специальностью идти. Они вместе с Андреем Колюшкиным из его класса пошли. Я думала, может, отсрочку дадут, ему ведь только второго ноября восемнадцать исполнилось. Вдруг звонят мне на работу из военкомата. Говорят, надо срочно найти сына. Пусть явится в военкомат за повесткой. Я сразу к отцу. Он все бросает, бежит в учкомбинат. Забирает Славу, и с ним в военкомат. Там говорят: пусть готовится, через три дня заберем.

Я уж потом думала, как-то все не по-людски получилось. Другим две недели дают на сборы, а тут как пожарная команда. Я теперь и себя корю, и отца, что уж больно привыкли все точно исполнять. Сказали — сделали. А ведь не сделали бы, может, все по-другому сложилось.

Надежда Ивановна смахнула ладонью нахлынувшие вместе с воспоминаниями слезы, помолчала и продолжала:

— На отправку собралось много одноклассников. Помню, Славик много фотографировал. Потом снимки сделал, и его почти нигде нет. Вот только на этом снимке он есть. Видите, и взгляд у него какой-то грустный. У меня тогда что-то сердце защемило. Подошла, спрашиваю: “Что, сыночек, случилось?” А он говорит: “Ничего, мама, просто из дома не хочется уезжать”. А еще потом они пели песни разные. Славик на гитаре играл...

Кто думал, что все так получится.

Попал он сначала в учебку. Сержантская школа их была в Ашхабаде. Писал, что служба продвигается нормально. Правда, очень жарко и по горам приходится много бегать. В последнем письме из Союза писал: “Скоро нас отправляют в Афганистан. Надо же помогать раз-

вивающимся странам". Присвоили ему младшего сержанта. А в апреле он попал в Афганистан...

Только одно письмо успел Славик отправить из Афгана.

"Здравствуйте, мои родные и дорогие мамочка, папа, Светлана и, конечно, мой любимый Кутя! (Кличка собаки.— М. К.). Вот пишу вам письмо из Демократической Республики Афганистан. Извините, что долго не писал вам. Все не было конвертов, а они здесь дефицит. Вот, наконец, и определился я на постоянную службу. Местечко называется Газни. 45 минут вертолетом до Кабула. В Кабуле мы просидели три дня на пересыльном пункте. Вот были четкие денечки. И вот попал я в роту <...> С офицерами контакт отличный. <...> Уже был два раза на операции. Нас уже обстреливали несколько раз. Стреляли по БТР из миномета. Кто не был в Афгане, тот службы не видел. Это как в песне:

А когда пойдешь в рейд,
за плечами автомат,
Вот тогда ты поймешь,
что такое солдат.

Послезавтра уходим в рейд, на 10 дней, говорят. Но, наверное, больше. Попали мы, почти вся рота, в одно место. Только здесь распределили по разным местам, то куда. Юрка, тоже из Череповца, уже подорвался на БТР. Лежит в санчасти, сломана нога. Вот такие дела.

А как это страшно стрелять в людей. Правда, если не ты его, то он тебя. Вот так-то. Домой бы скорее. Живем в палатках. В общем, жить можно. Наши ребята, наверное, тоже служат. Валера Кузнецов, Колюшкин. Если знаете, напишите их адреса. Они сейчас еще "чижики", а я сержант. Вот вроде бы у меня и все. Пишите, мои дорогие. Ваш Славик".

Письмо пришло в Череповец 24 мая. А его к тому времени уже не было в живых.

Из справки военкомата:

"19 мая 1982 года отделение под командованием младшего сержанта Крылова получило задачу прочесать и осмотреть прилегающие высоты. Под огнем противника отделение младшего сержанта Крылова пробилось к высоте и захватило склад боеприпасов и продовольствия. 20.05.82 года, участвуя в боевых действиях в районе Н. П. Баладех провинции Парван, рота встретила засаду

бандитов. Младший сержант Крылов, быстро оценив обстановку, выдвинул отделение на выгодный рубеж и вел прицельный огонь по противнику, не позволяя мятежникам выйти во фланг роты. Выполняя задачу, младший сержант был тяжело ранен и скончался на поле боя”.

Я решил больше не искать никаких дополнительных сведений о жизни Славика Крылова. В своем единственном письме, в рассказе матери он весь как на ладони — добрый, заботливый сын, светлый человек. И тем тяжелее, тем невыносимее слушать самую трагическую часть материнского рассказа.

— Привезли его в цинковом гробу. Это был в Череповце второй цинковый гроб. Первым погиб Мальцев Юра. Сопровождающего мы так и не увидели. В военкомате нам сказали, что лучше не надо с ним встречаться. Почему — не сказали. А мы были в таком состоянии, что уже ничего не спрашивали. Только потом спохватились. Написала я письмо командиру части, где Славик служил. Долго мы с ним переписывались. Вот посмотрите, это последние фотографии, с похорон. Людей было много. Похоронили мы Славика на воинском мемориале.

Первое время там, можно сказать, и жили. Жизнь потеряла смысл. Время идет, а боль не утихает. Все равно почти каждый день бываем на могилке. Отец, он шофер, если мимо проезжает, на дню не один раз останавливается. Кто же, кроме нас, родителей, ухаживать за могилками будет. Они ведь все рядом лежат. Все. Мы друг для друга как родные стали.

Ну, что вам еще показать. Вот награды его. Орден Красной Звезды. Это уже посмертно присвоили. Медаль афганская. Вот тетрадь, в ней он песни записывал. Вот книги его. Это я по ночам, когда все уснут, сажусь и его вещи перебираю. Он у нас очень аккуратный был. Все по полочкам, по коробочкам разложит. Все вот и сохранилось, а Славика нет...”

Из книги выпал листок бумаги. На нем несколько строк:

“Славик, сыночек дорогой! Поздравляем тебя с высокой наградой Родины. В 18 лет ты удостоился такой высокой награды. Ты всегда был примером для всех и останешься на всю жизнь”.

— Это я потом писала, — устало говорит Надежда Ивановна.

М. Кузьмицкий

В КАНДАГАРСКОЙ “ЗЕЛЕНКЕ”

Шли сегодня танки без привала
С грохотом осколков по броне.
Здесь учений нет, и радуг мало
В этой необъявленной войне.

Из “афганской” песни

Саша был единственным сыном у Людмилы Владимировны и Виктора Владимировича Кузнецовых.

Он родился 4 февраля 1963 года в деревне Деревецина Череповецкого района. Вскоре семья переехала в Череповец.

Саша пошел учиться в школу № 13. Учителя и одноклассники любили его и уважали. За что? Об этом рассказывает его друг Николай Демин: “Саня был скромным. Всегда мог помочь в трудную минуту. Занимался спортом, много читал, был очень ответственным. А попросту был добрым, простым, сильным парнем.

Мы дружили с первого класса и после школы решили поступать в одно училище. Выбрали СПТУ № 2 им. академика И. П. Бардина, профессию крановщика. Попали в одну группу, за одну парту. Практику в мартеновском цехе тоже проходили вместе. В училище Саня оставался таким же веселым, общительным, трудолюбивым...”

До призыва в армию Саша успел немного поработать в мартеновском цехе ЧерМК.

28 сентября 1982 года его призвали в армию. Три месяца – учебка в городе Иолотань, в танковой части. Присяга. 17 декабря ступил на пропитанный кровью наших ребят афганский песок. Рядовой А. Кузнецов служил заряжающим.

Смерть настигла Сашу, когда ему только-только исполнился двадцать один год. Это случилось в провинции Кандагар, в одном из самых тяжелых и опасных районов страны. Город Кандагар, расположенный менее чем в ста километрах от пакистанской границы, сравнивали с Волгоградом конца сорок второго года.

Пройти зеленую зону провинции Кандагар без потерь считалось для автоколонны большой удачей.

6 февраля 1984 года войсковая колонна на этом маршруте подверглась обстрелу мятежников. Александр обнаружил пулемет противника, ведущий прицельный огонь по нашим подразделениям. После четкой наводки танкового орудия огневая точка противника была уничтожена.

А через несколько минут выстрелом из гранатомета Саша Кузнецов был смертельно ранен в голову.

Командир войсковой части, в которой служил Саша, отметил в письме, что он был стойким и мужественным воином.

Александр Кузнецов посмертно награжден орденом Красной Звезды.

Н. Пальтешева.

Литобработка Ю. Леднева

УЛЫБКА СОЛДАТА

Берегите себя, а приеду, во всем помощником вам буду. Потрудились вы за свою жизнь немало, пора и отдохнуть...

Прощальные слова Валерия Кузнецова, сказанные им родителям перед отправкой в армию

Письмо было обычным по содержанию и коротким, как и два десятка других.

“Здравствуйте, дорогие папа и мама! У меня все нормально. А как живете вы? <...> Берегите свое здоровье, ведь оно дороже всего, да его если потеряешь, то уже обратно не вернешь...”

Раиса Алексеевна отложила в сторону вязанье, задумалась.

“Какой ты у меня заботливый, сыночек. Себя-то береги. Только что же который уж день больно жмет сердце? Да и сны ночами странные снятся. Заболела? Или несчастье какое?”

Порывом апрельского ветра вдруг распахнуло неплотно притворенные двери. “Господи! И крючка нет закрыть”. Нашла веревку, приставила ухват – удержит. А мысли вновь вернулись к неприятному давнишнему сну: Валерий на пороге родного дома – и вцепившийся в него рыжий кот. “К добру ли? Дети вроде все устроены, да и от Валеры письмо было совсем недавно. Что же так неможется?”

В деревне о гибели младшего сына Кузнецовых знали уже все. Не знала пока только мать. Прибегавшая поутру за каким-то делом соседка столь страшную весть сообщить не решилась: Александр Федорович только что из больницы, да и сама Раиса Алексеевна недомогает, а оба сердцем плохи. Да надолго ли скроешь?

“...Ваш сын, старший разведчик рядовой Кузнецов Валерий Александрович, выполняя боевое задание, верный воинской присяге, проявив стойкость и мужество, был тяжело ранен и умер 13 апреля 1984 года”.

Прошло уже почти восемь лет, но до сих пор воспоминание о том страшном дне, когда она читала похо-

ронку, заставляет болезненно сжиматься сердце Раисы Алексеевны. А память вновь и вновь воскрешает далекие дни.

Рос он прямо-таки не по дням, а по часам. Необидчивый, веселый, все поет что-то да насвистывает, да бегом бежит. А рожала его тяжело, через шесть лет после младшенькой дочери. Всех пятерых дома рожала, а тут в больницу пришлось. Не думали уж врачи, что живой останется, а вот спасли. А уж каким сын помощником стал, как подрос. Из школы — да прямо к матери, на ферму.

Два километра до школы ребята пробегали быстро. Это если дорогой — далеко, а напрямую, лесом по тропинке — рукой подать. Шли когда вдвоем-втроем, а иногда и целой компанией. Почти четыре десятка учеников было в Студенцове. Из каждой семьи по нескольку детей сразу в школу ходили. Кузнецовских ребятшек по этой тропинке бегало шестеро.

Учился Валера посредственно, да и нелегко было парню: семья большая, много приходилось помогать родителям. Мать всю жизнь работала в животноводстве. Как ей без сыновней поддержки?

Были в школе и занятия по труду, связанные с животноводством. Так Валера во все глаза смотрел, во все уши слушал, чтобы не упустить ничего из того, что объяснял учитель. Видимо, уже тогда решил, что останется дома, будет работать в сельском хозяйстве, и заранее готовил себя к этому.

На ферме все ему было знакомо. С малолетства чуть ли не ежедневно приходил сюда с матерью. Всех коров по кличкам знал. Помогая матери грузить и вывозить навоз, Валерий скороговоркой пересказывал школьные новости: “По литературе вот — опять тройка, зато по трудам — пять”. А сам уже был мыслями возле тракторов, что пахали за ближним леском. Сколько раз он представлял себя в кабине железной машины! Как завидовал трактористам, по-хозяйски чувствовавшим себя за рычагами! Нет, старшие не отказывают, бывает, дают и борозду пройти, и в моторе покопаться, но совсем другое дело, когда ты трактору полный хозяин. “Ничего,— думалось,— вот закончу школу, тогда посмотрим! И председатель обещает трактор дать...”

Мало кто из его одноклассников еще всерьез задумывался о своем будущем, а Валерий уже твердо знал: останется дома и будет работать в колхозе. Торопился

парень взрослеть, спешил стать нужным людям. Да и точила мысль: "Сколько на шею родителей сидеть можно?"

В Кадников уезжал радостный: СПТУ-3 дает профессию механизатора широкого профиля. Именно то, к чему он и стремился. Годы учебы пролетели незаметно, и вот снова он дома, теперь уже "дипломированный специалист", полноправный член колхозного коллектива, поддержка и опора отца с матерью.

Отсрочка от армии была вынужденной, в колхозе "Красносибирском" хронически не хватало механизаторов. Председатель упросил дать возможность отработать парню в хозяйстве два года.

Повестка пришла в сентябре. Самое напряженное время в колхозе: страда, каждый человек на счету. С сожалением отпускали Валерия: "После армии — опять к нам. Обязательно!"

Мог бы и не говорить этого председатель. Уезжал Валерий, не сомневаясь, что, отслужив положенные два года, вновь вернется сюда, где родился и вырос, где начал самостоятельную жизнь.

Всякие слухи ходили тогда об Афганистане, не было только точной и достоверной информации. Это потом, чуть позже, когда и до Верховажья дошли похоронки, когда люди своими глазами увидели запаянные намертво гробы, в Афган стали провожать со слезами и причитаниями. А в 1983-м отцы и матери еще даже и не предполагали, какая опасность грозит там их детям. Поэтому, обрадовавшись письмам сына из Ленинграда, из Туркмении и встревожившись, когда пришел солдатский прямоугольник из Кабула, Кузнецовы быстро успокоились, регулярно получая бодрые и оптимистичные весты от Валерия.

"Здравствуйте, мои дорогие папа и мама! Служба моя идет нормально, здоровье тоже. Коллектив хороший, земляков много. <...> Погода стоит здесь теплая, и снег увидели только в Кабуле. А из Кабула поехали в Джелалабад. И службу буду здесь проходить до конца. За меня, пожалуйста, не беспокойтесь, все будет нормально, берегите свое здоровье..."

Откуда могли знать родители, что если Кабул считался "тылом", то Джелалабад был настоящей передовой. А в письмах сын лишь изредка и очень скупой рассказывал о своей службе.

“<...> Сейчас занимаемся, идут тактические учения, лазим по горам. Так нормально, только жарко, температура под 30 тепла, а летом еще жарче будет, но ничего, потихоньку привыкнем...”

“...Немного о себе. Служба и здоровье – нормально. Занимаемся своим делом, ходим на задания. Погода стоит теплая, правда, ночью похолодней. Но в палатках топим печки, так спать тепло. С гражданским населением не общаемся, да их почти и не видим...”

Это уже потом, от других людей родители узнают, что значит “нормально”. Ранние подъемы, марш-броски, рейды, длившиеся по несколько суток подряд, ночевки где придется, после которых многоместные солдатские палатки казались родным домом; постоянное напряжение в ожидании выстрела неизвестно откуда; перестрелки, потеря товарищей, с которыми жили бок о бок. А кругом – враждебные незнакомые горы и жаркий ветер среди зимы.

Одно из “заданий” (Валерий почему-то любил это выражение, часто употреблял его в письмах) закончилось для него трагически. Засада!.. Он еще жил, когда его на себе выносили товарищи из-под огня мятежников, он еще жил, когда его положили на госпитальную койку, он еще жил, когда врачи уже потеряли надежду спасти его. Он жил еще сутки.

Двенадцать гробов доставил в Вологду выполнивший дальний рейс самолет, двенадцать похожих как близнецы гробов. И только сопровождавшие могли сказать, в каком кто лежит.

Сотни верховажцев шли в тот день за машиной с гробом погибшего земляка, шли, вместе с его родными и друзьями переживая горе. А с фотографии на могильном памятнике улыбался симпатичный парень в лихо сдвинутой набок панаме с красной звездочкой. Эту его улыбку видят теперь школьники Рогновской восьмилетней школы, когда приходят в класс, где когда-то учился он.

У Александра Федоровича теперь два ордена Красной Звезды. Один свой, заслуженный во время Великой Отечественной войны, другой – сына, которым тот награжден посмертно за мужество и стойкость. Две почти одинаковые эмалевые звездочки. Только между ними сорок лет пролегло.

В. Басов

УШЕЛ НА МИННОЕ ПОЛЕ

Не осудят знакомые нас
И угрюмостью не попрекнут,
Мы с тобой выполняли приказ,
На земле, где тюльпаны цветут.

*Виктор Верстаков.
Из "афганской" песни*

У Олега была мечта – построить в родном поселке сказочный городок для детей. Виделась резная избушка на курьих ножках, из которой выглядывают счастливые детские мордашки. Рядом – теремок. Он и впрямь “не низок, не высок”, в самый раз, чтоб вошли и Таня, и Ваня, и Оля, и Галя. Приходите, кто желает с горки прокатиться, песочного пирожка отведайте!

Олег очень любил детей. И не только потому, что сам вырос в многодетной семье, просто был он человеком не только добрым, но и чрезвычайно деятельным. Любить означало для него заботиться, помогать, защищать.

Немало трудностей выпало на долю семьи Кулаковых. У Галины Яковлевны было пятеро детей. Она старалась воспитать их работающими и добрыми. Олег был третьим ребенком в семье. Родился он 18 июня 1966 года в далеком селе Джанг-Джоль Ошской области Киргизской ССР. В 1975 году семья Кулаковых переехала на Вологодчину, в поселок Ботово Череповецкого района. Нелегко было устроиться, обжиться на новом, незнакомом месте. На первое время сняли квартиру в частном доме. Галина Яковлевна пошла работать в совхоз. Жили бедно, но дружно, сообща решали все житейские проблемы, никогда не унывали. Понемногу жизнь устраивалась: получили квартиру в отдельном доме, стали обзаводиться всем необходимым. Галина Яковлевна вспоминает, как, взяв в совхозе денежную ссуду, она собрала “семейный совет” и спросила детей, на что и на кого потратить деньги в первую очередь. И хотя ребятам не хватало тогда самого необходимого, решили сначала купить телевизор, чтобы всем вместе смотреть интересные передачи.

Многим людям судьба готовит нелегкий путь. Одни ломаются под ее ударами и весь свой век стонут и жалуются на тяжелую участь. Других же беды и невзгоды закаляют, укрепляют их волю. Олег принадлежал именно к такой категории людей. Семилетним мальчиком он тяжело заболел. Надежды на выздоровление было очень мало. Болезнь тянулась долго и наконец отступила. Мальчик поправился, но был очень слаб. Казалось, таким хилым и болезненным он останется на всю жизнь. Однако здесь-то и проявился характер. Не желая мириться со своей слабостью, Олег стал упорно заниматься спортом, часами гонял с ребятами в футбол, подтягивался на перекладине, а зимой бегал на лыжах. Потом пришло новое увлечение — бокс. Результат оказался удивительным. Медицинская комиссия на призывном пункте не только отметила прекрасное физическое состояние юноши, она была поражена объемом его легких.

Сейчас его близким приходит в голову такая грешная мысль: а что, если бы Олег не занимался спортом, не закалял себя, не готовил бы к трудной мужской жизни? Может быть, “забраковала” бы его тогда медицинская комиссия, остался бы он живым, а вместо него какой-то другой парень шагнул в вечность... Те, кто знал Олега хотя бы немного, с уверенностью скажут — такого не могло быть! За спины других он никогда не прятался и предпочел выполнить свой долг до конца.

В последние дни перед отправкой в Афганистан Олег писал сестре Тане: “<...> Сейчас под конец стали еще больше гонять, не высыпаюсь, болят зубы. Но ты не подумай, что я жалуюсь. Ты, наверное, помнишь, я дома говорил, что суровая жизнь делает человека сильным и заставляет думать. Со мной так и происходит. И я еще стараюсь помочь своим друзьям. Но есть у нас, как я их называл и называю, “бараны” и “сопляки”. Чуть трудность, так сразу же заблеяли и растеклись зеленой жижей. Но крепких ребят больше. Как говорит наш ротный про этих б. и с., это первые, кто в бою поднимут руки и ноги. Но вот что плохо — многие из этих б. и с. не поедут в ДРА по разным причинам”.

Может быть, чью-то нежную душу покоробят эти грубые строки. А на мой взгляд, в них нет ничего отталкивающего. Такова нещадящая грубость военной жизни — мальчишки ведь уходили в афганские горы не тюльпаны собирать. Но в жестоких буднях Афгана они знали цену

и настоящей дружбе, и взаимовыручке, и даже нежности. А по характеру он был совсем не грубым, Олег Кулаков. Нежно любил мать, сестер, брата, маленьких племянников. Бережно хранит Галина Яковлевна еще не вполне умелые поделки и рисунки, подаренные ей сыном. Вспоминает, как принес домой Олег свою первую рабочую зарплату. Веселый и довольный пришел он тогда. Всем купил подарки, часть денег отдал матери, а остальные раздал сестрам.

У Олега была мирная профессия. Он окончил техническое училище № 8 в Череповце, стал строителем. Выбор был не случаен, это своего рода семейная традиция. Там же училась чуть раньше и старшая сестра Елена. Поступив в училище, Олег остался жить дома, по-прежнему помогал матери, брал на себя многие семейные обязанности. Чтобы успеть на занятия, каждый день вставал в шесть утра и спешил на автобус, а вечером возвращался домой.

Поработать Олегу почти не пришлось. Его трудовой стаж в строительном управлении Жилгражданстрой-2 насчитывает всего несколько месяцев. В октябре 1985 года Олег Кулаков был призван в армию. Недолгое время находился под Ленинградом, а затем был переведен в город Октемберян. Это означало подготовку для службы в Афганистане.

Его предположения оправдались. Через несколько дней рядовой Кулаков Олег Сергеевич отбыл в Афганистан, в район города Газни. Там его направили во взвод управления батальоном. Для Олега и ребят, прибывших вместе с ним, началась война. Думал ли он о возможности смерти? Наверное, да. Но верить в это не хотел. Тяжелые мысли гнал прочь, по-прежнему не унывал. Приближался 1987 год, последний год службы Олега. "У меня все хорошо, — писал он матери и брату, — за меня не волнуйтесь. Сегодня 26-е, осталось совсем ничего до долгожданного нового года, и останется совсем чуть-чуть до той осени, когда я приду домой. Сейчас на радость нам, назло врагам, выпал снег, а по ночам морозы. Настроение предновогоднее". Но мечтам Олега о доме, о скорой встрече с родными и друзьями не суждено было сбыться. Ночью 28 декабря 1986 года он ушел проверить минное поле и трагически погиб.

Через три дня весь мир встречал новый, 1987 год. Люди желали друг другу счастья, дарили подарки. А в Аф-

ганистане шла война, ставшая за долгие годы почти обыкновенной. Война, уносившая все новые и новые жизни. И очень часто это были лучшие жизни.

Грустно смотреть на фотографию человека, которого уже нет. Особенно, если он был молод, полон сил, надежд и хотел жить. На снимках Олег всегда с друзьями. У него была мечта – построить в родном поселке сказочный городок для детей.

С. Карпов

АЛЕША

Простершись ниц на пажитях кровавых,
Они уснули в гордых мавзолеях:
В долинах, убранных пшеницей и цветами,
В высоких травах, в сумрачных траншеях.
В веках останутся их раны,
Апрелями и маями покрыты...

Мигель Эрнандес
(перевод В. Карповой)

Узкая белая дверь больничной палаты медленно открылась, и в комнату вошла пожилая женщина в синем костюмчике, в легком черном шарфике и в черном свитере, высоко закрывающем шею. Сделав несколько шагов по палате, она тихо проговорила: “Меня к вам поселили. Где здесь свободная койка?” Пустая кровать стояла рядом с моей. Спокойно и безмолвно женщина разложила свои вещи в тумбочке и, окончив это необходимое дело, повернулась ко всем: “Ну что ж, надо знакомиться. Меня зовут Нина Антоновна”.

Так началось мое знакомство с мамой погибшего в Афганистане лейтенанта Куланова. Стояли длинные июльские вечера. Ближе к ночи палата затихала, растворив в тишине последние звуки женских разговоров. Наша новая соседка обычно молчала, но порой, когда все спали, она тихо говорила мне: “Расскажи что-нибудь о прошлом”, — и мы шептались, вспоминая историю Вологодчины, Русской земли, иных стран.

И только года через два, уже в 1986-м, я услышала от нее рассказ о сыне...

В год и четыре месяца Алеша пошел в детские ясли, а затем в детсад. Часто болел, но рос подвижным и любознательным. Он наизусть знал “Доктора Айболита”, множество стихов и часто выступал на садиковских утренниках. В 60-е годы в Вологде работала балетная студия при Дворце культуры железнодорожников, которой руководил прекрасный балетмейстер Макс Миксер (впрочем, студия эта работает и поныне). Леше Куланову было пять лет, когда мама отвела его в студию в первый раз. Первым номе-

ром, с которым он выступил, был танец “полька”. А потом были и роли, и даже в любимом “Докторе Айболите”.

Алеша одновременно учился в двух школах – в общеобразовательной и музыкальной. С четвертого класса пошел в среднюю школу № 1, где велось углубленное изучение английского языка, и Алеша старательно занимался английским. Живой и общительный, Алеша везде успевал. Можно диву даваться, как этого мальчика хватало на занятия плаванием и шахматы, на серьезную работу юнкора в областной радиогазете “Салют” и другие пионерские дела. В 4–6 классах Алексей был председателем совета отряда. Он не числился активистом на бумаге, а действительно активно работал: его отряду было присвоено имя Зои Космодемьянской. В седьмом классе Алешу избрали в городской штаб пионеров. Наградами за успехи в школьной и пионерской работе были билет на новогоднюю елку в Кремль и путевка в пионерлагерь “Орленок”.

Странные чувства испытываешь, когда перебираешь книги с особыми, поощрительными надписями – награды за призовые места в конкурсах, состязаниях; многочисленные грамоты, полученные в пионерлагере “Дзержинец”, где Алеша бывал почти ежегодно.

Говорят, талант никогда не бывает односторонним. Наверное, Алеша был очень талантлив. За что бы он ни брался, все у него получалось. В 1972 году “Красный Север” проводил краеведческую викторину – Алеша был участником и одним из призеров. Организовали математическую олимпиаду – и там он отличился.

Его разносторонние интересы счастливо уживались с заботой о маме и бабушке – самых дорогих ему людях.

В 1976 году Алексей Куланов поступил в Ленинградское суворовское училище. Как и в Вологде, он продолжал там заниматься спортом. Одаренный от природы, он успешно осваивал сложную учебную программу. В ряду памятных дней “суворовских” лет остался у Алеши день 60-летия Октябрьской революции, когда он в роте барабанщиков училища торжественным маршем прошел на параде по легендарной Дворцовой площади Ленинграда.

По окончании Ленинградского суворовского А. Куланов поступил в Бакинское высшее военно-командное училище. Быстро летели дни, до предела заполненные учебой и ученьями, складывались в годы, и чем труднее были будни, тем радостнее были короткие минуты отдыха. Курсантские каникулы (как прежде – суворовские)

Алексей проводил на родине с мамой и бабушкой, к которым был очень внимателен.

Служить молодому офицеру предстояло в Ашхабаде. В служебной характеристике на выпускника значилось: "За образцовую строевую выправку и выучку имел благодарность от командующего Краснознаменным Закавказским военным округом. В совершенстве знает оружие и технику. Хороший спортсмен. Неоднократно принимал участие в первенстве училища по боксу. При проведении стрельб все цели поражал с первого выстрела". Подготовка к жизни закончилась, начиналась трудная жизнь...

Алексей Федорович приступил к подготовке и тренировке солдат, уезжавших в Афганистан. Чем дальше, тем труднее было ему отправлять новобранцев туда, где шли бои, а самому оставаться в Союзе. Алексей продолжал изучать языки, получил удостоверение военного переводчика. Он писал рапорт за рапортом и добился своего.

5 мая 1984 года он прибыл в Кабул. Его встретил "салют" из желто-красных огней – наши "Грады" вели обстрел душманских позиций. Не успевшего вобрать в себя даже первые впечатления, Куланова на вертолете перебросили дальше – в Баграм. С аэродрома до штаба дивизии добирался на попутном бронетранспортере, примечая на ходу, в какую попал обстановку. Танки, лежавшие в кюветах, обгоревшие остовы КАМАЗов, израненная дорога – как это все было далеко от того, что он видел и читал в теле- и газетных репортажах из Афганистана!

Алексей получил назначение в 177-й мотострелковый полк, штаб которого дислоцировался в Джабаль-Уссарадже. Этот небольшой городок пререзала автомагистраль Кабул – Хайратон, названная афганской "дорогой жизни". В зону ответственности полка входила дорога от кишлака Доши (в районе Северного Саланга) до Баграма. На прилегающих территориях укреплял свое влияние Ахмад-Шах Масуд, командовавший крупными силами моджахедов. Бои шли жестокие и, казалось, нескончаемые.

Командир полка А. Ф. Кошкин, который все окрестные горы и "зеленку" излазил лично, не обещал спокойных дней. Он сухо вводил в обстановку, словно прикидывая, стоит или нет в этом аду молодой лейтенант. Полк ежедневно нес потери в личном составе, но продолжал стойко охранять дорогу от Баграма до Саланга, отражая постоянные атаки душманов.

Алексея направили в батальон, который стоял в Гульбахаре. Этот населенный пункт всего-то в пяти километрах от Джабала, но — дорога открыта со всех сторон, ее старались проскочить на максимальной скорости. (Один из авторов этих строк 5 мая 1984 года чудом уцелел, попав в засаду: душман-гранатометчик промахнулся, граната попала в колесо машины, а бронежилет спас от осколков. Дружным огнем из пулеметов и автоматов воины подавили душманов).

Батальон в Гульбахаре тремя заставами оборонял мосты, ткацкую фабрику и, самое главное, вход в ущелье Панджшер. Здесь же стояло подразделение Царандоя*.

В Гульбахаре Алексей познакомился с А. В. Галуниным, замполитом пятой роты. Оба радовались встрече — ведь земляки-вологжане!

Куланов принял первый мотострелковый взвод. Солдаты смотрели на нового взводного изучающе: дескать, посмотрим, кто ты есть, когда в горы пойдем или в “зеленку”. А лейтенанта радовало то, что среди них были еще земляки: Сергей Кабанов, Сергей Бабкин, Михаил Баков.

Алешин взвод поставили на охрану фабрики. Каждый командир, принимая роту, взвод, должен сам убедиться в боевой готовности и исправности того, за что он отвечает. Так Куланов и поступил. Взвод занимал “опорный пункт” — старый разбитый глиняный дом. Из-за множества обстрелов оборона на этом участке была никуда не годной. Первым делом необходимо было отрыть в полный рост траншеи — не бегать же к дзотам и на КП под открытым огнем. Затем — превратить два бэтээра с неисправными двигателями в огневые точки. И еще — проверить оружие боем: ведь это значило для ребят их жизнь или смерть в бою. И для Алексея здесь не было мелочей — все своими пальцами перебрал. Службу, солдатскую честь — это каждый понимает по-своему. Ротный В. Дмитриев срочно запросил документацию, будто в бумажной работе главная живучесть обороны.

А тут Баков давно физподготовкой не занимался. И взводный должен сам заниматься с ним: “Миша, ты думаешь, мы в бою будем ползать? Мы бегать будем, быстро и много, только тогда увидишь свою маму в Союзе”.

* Царандой — афганская народная милиция.— *Примеч. сост.*

Старослужащие сначала без энтузиазма выполняли требования взводного: "Нам скоро домой, награды есть, пусть первогодки землю роют". Кому охота в пятидесятиградусную жару глину и гальку долбить? Но когда увидели, как командир первым берется за кайло, лопату, лом, подтянулись с дисциплиной.

Правильно поется: "Мгновения спрессованы в года..." Вроде бы недавно прибыл, а сколько всего уже случилось: и обстрел машины, на которой он возвращался из полкового городка, и праздник Победы. И футбольный матч между афганцами и советскими солдатами. Куланов забил первый гол, и ему вручили приз — коробку конфет. Алексей Федорович тотчас же раздал конфеты афганским ребятишкам, которые бегали по футбольному полю. Он участвовал в соревнованиях по боксу и волейболу. На стадионе царил веселье. Казалось, война ушла. А потом были песни, и командир взял гитару:

Что с тобою, скажи,
Мне так тревожно...

Май, жаркий и зеленый, шел к концу. 25-го, в шестом часу, звонок поднял взводного, и Куланов услышал приказ срочно прибыть к комбату. Наспех умывшись в арыке, на ходу поправляя портупею, он побежал в штаб.

А произошло вот что.

Два дня назад из Баграма в расположение батальона прибыли разведчики. Сутки вели наблюдение за многочисленным и хорошо вооруженным формированием Фарида. 24-го вечером они снялись и якобы ушли обратно в Баграм, на самом же деле ночью 25-го скрытно вернулись. Никто об этом не знал, кроме комбата, чтобы информация не просочилась к душманам. Разведчики ушли в рейд с заданием взять штаб этого душманского формирования. В те же дни в Панджшерском ущелье шли бои с отрядом Ахмад-Шаха, который рассчитывал, что Фарид оттянет на себя из ущелья часть наших сил. Но, лишенное управления, руководства, бандформирование Фарида сделать бы этого не смогло.

В лагерь моджахедов разведчики шли, оставляя на пути к вражескому кишлаку посты по два-три человека, чтобы выйти назад по этой же живой цепочке. Когда штаб был уничтожен, захвачены документы и "языки", один из постов себя обнаружил. И тут наступил ад кромешный.

Разведчики не растерялись. Они сумели собраться в три группы и, ведя бой, стали организованно, без паники отходить. Духи проворонили разведку и теперь делали все, чтобы ее захватить.

Капитан, прибывший от разведчиков за помощью, торопил: бой шел неравный, есть убитые и раненые.

На выручку разведке бросили три роты, подразделение царандоя. Начала работать артиллерия, были подняты вертолеты...

Чтобы вплотную сблизиться с врагом, Алешиному взводу нужно было проскочить 700–800 метров мимо постов царандоя, которые уже вели бой с душманами с крыш своих крепостей* и домов.

Третья рота уже установила коридор, по которому разведчики могли выйти из окружения, но у нее не хватало сил держать этот коридор. Тут и подоспел взвод Куланова. За спинами Алешиных солдат разведка выносила своих убитых и раненых, переправляла пленных и ценные документы. Но позиция взвода была крайне невыгодной, простреливалась со всех сторон, и Алексей решил сменить ее: неизвестно, сколько времени пришлось бы драться, бой есть бой. К тому же вертолетчики торопили – ведь они видели, как бегут свежие силы душманов, которые того и гляди зайдут в тыл и вновь замкнут кольцо. Ситуация была критической. Не смени Алексей позицию, они всей группой могли бы погибнуть. Нужны были стены, чтобы укрыть людей. Куланов прикинул: через пшеничное поле можно перебежать к старому разрушенному строению, которое виднелось невдалеке.

В круговерти боя он заметил, что вертолетчики поливают огнем так, что вот-вот своих накроют. Алексей распорядился: “Аветян, ракету!” Духи тоже бьют так плотно, что Байрамалиев и Баков закрыли голову автоматами.

Строение совсем рядом. Но замолчал пулемет сержанта Бондаренко – заклинило. Куланов открыл огонь из автомата. Замолчал и второй пулемет.

В перебежке к развалинам дома Алексей первым открыл огонь. Расстрелял один магазин, другой. Ответный огонь душманов рвет воздух, совсем рядом срезает колосья. По Алексею бьют уже с двух сторон. Он ведь был

* В Афганистане глинобитные дома с их башнеобразной мужской половиной, узкими, как бойницы, окнами, крытыми дувалами напоминают старинные крепости. – *Примеч. сост.*

в обычном солдатском хэбэ, ремне-портупее, панаме с кокардой, тогда как бойцы – в маскхалатах. За спиной послышался короткий вскрик – это ранило Колю Бондаренко. Алексей обернулся – и в следующее мгновение пуля снайпера оборвала его жизнь.

Все случилось так молниеносно, что в первую секунду ребята оцепенели. Увидев, что душманы наседают на них, Аветян открыл огонь из подствольного гранатомета.

Бойцы бросились к взводному – думали, он еще жив.

Боль, горе, гнев – все смешалось в эти минуты в сердцах его ребят. Рядовые Олег Костенко, Каштан, Фридон Ашотия под пулями, передавая один другому, выносили своего командира и сержанта Бондаренко с поля боя. Рванул пулемет Сергей Кабанов, череповчанин, отходил в полный рост, прикрывая огнем товарищей, и, казалось, пулемет вырвется из рук – так силен был огонь...

Вот и все. Остальные солдаты из Алешиной группы живы – на последних метрах хадовцы* помогли.

Всего один бой, а семь человек погибли, пятнадцать получили тяжелые ранения.

Для лейтенанта Куланова это был первый и единственный бой. И он выложился в нем до конца.

“Он был мужественным парнем, верным офицером, доброжелательным. <...> Алексей Федорович всегда был с офицерами – офицер, а с солдатами он был всегда солдат, зато он заслужил уважение и любовь от товарищей. <...> С таким офицером можно было в любое задание идти и никого не бояться, он был нашим братом и нашей душой” – так написал о своем взводном Ф. Ашотия.

Бегут годы, весны проходят одна за другой, но нет мира на земле. И уже не в далеком Афгане, а в Грузии, Карабахе и даже в границах России смерть собирает свою обильную жатву. Отказывается мозг понять, что дружба народов – это миф, что солдатское братство – легенда...

Но ведь там, под пулями, были Аветян из Армении, Ашотия из Грузии, Каштан с Украины, наш земляк Кабанов. Они были вместе и не высчитывали, кто из них какой национальности, они вместе выносили погибшего командира – русского, вологодского парня. Неужели это великое братство народов навсегда уйдет в прошлое?..

Бывшие сослуживцы Алеши пишут его маме письма, и

* ХАД – служба безопасности ДРА. – *Примеч. сост.*

в одном из них я прочитала такие строки: "Он был скромный в личных вопросах своей жизни, но чувствовалось, что имеет немалый запас жизненных знаний и навыков, это проявлялось в постоянной его самостоятельности, инициативе, не дожидаясь, когда кто-то подскажет. Он все организует сам, и сделает сам, причем доведет все до конца".

А как нужны такие яркие личности сегодня, в трудный для Родины час...

Добавлю немного. Гроб с телом лейтенанта А. Ф. Куланова на "черном тюльпане" доставили в Союз. Похоронили Алешу на гражданском кладбище в Вологде, рядом с его любимой бабушкой. На надгробной плите мама попросила написать:

Ты Родину любил, как мать родную,
Но жизнь прожил короткую, как сон,
За мужество, за честь святую
Тебе, мой сын, большой земной поклон!

И смотрят прямо в душу с гранита, из-под армейской фуражки, такие молодые глаза!..

В. Карпова

НАВЕКИ ДЕВЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ

Сказать, что это была ошибка, значит ничего не сказать: как известно, найти ошибку значительно легче, чем истину.

*Артем Боровик.
Спрятанная война*

На моем письменном столе – портрет семнадцатилетнего Саши Курочкина. Он сфотографировался в те дни, когда после окончания десятого класса поступил на работу. И потому немного важничает: в кресле сидит как-то повзрослому основательно, взрослая одежда, аккуратная прическа...

Мне дали этот большой портрет в 19-й школе, где Саша учился десять лет. Узнали, что буду о нем писать для этой книги, и сразу предложили: “Возьмите фотографию, для такого дела – не жалко”. Но оказалось, что большие фотографии для книги не подходят. И вернуть ее не могу...

Сейчас Александру было бы почти тридцать. Наверняка, был бы уже женат. И какой-нибудь шустрый белоголовый (весь в папу!) мальчишка приставал бы к нему: “Ну давай самбо позанимаемся!” А папа, поворачивая для вида, – мол, “спать тебе пора, да и устал я после работы”, – показывал бы ему приемы рукопашного боя. Они возились бы на полу и хохотали...

А может быть, он учил бы сынишку играть на гитаре – ведь сам-то гитару любил не меньше самбо.

А может быть, показывал бы сыну азбуку, тот бы крутился у него на коленях, а Саша сердился: “В школу скоро, а букв не знаешь. Будешь, как папаша твой – самбо да гитара на уме, а сейчас совсем другие времена, учиться надо хорошо...”

А может быть... Да ничего больше не может быть. Вот уже десятый год Саша Курочкин лежит в сырой земле. Привезли из Афганистана цинковый гроб, и военный, сопровождавший этот страшный груз, наверное, долго стоял у дверей квартиры N 56 дома N 1 на улице Красной, не в силах открыть эту дверь... Я тоже так и не смогла переступить

порог квартиры, где живут Алексей Сергеевич и Елизавета Александровна Курочкины, 23 ноября 1982 года потерявшие своего единственного сына.

Саша был поздним ребенком. Он появился, когда у родителей уже и надежд на такое счастье не осталось. Правда, здоровье матери после этого совсем сдало. Она даже несколько лет не могла работать. А сейчас – инвалид.

Я не знаю, как говорить с Алексеем Сергеевичем и Елизаветой Александровной? Где найти нужные слова? Я могу только плакать вместе с ними. Но слез на их долю с лихвой хватило.

...Обычный альбом в бархатном переплете – такие есть в каждой семье. Только у этого альбома – название особое: “Наш отрядный герой”. Его оформили следопыты 19-й школы. Среди материалов о Саше Курочкине – его короткая биография, написанная рукой отца.

“Александр Алексеевич Курочкин родился 3 июля 1963 года в городе Череповце (ул. Заягорбская, 3) в семье рабочих <... > В 1970 году поступил в первый класс средней школы № 19. 23 декабря 1977 года вступил в комсомол. В 1980 году закончил школу. 26 июня выдан аттестат № 150978. 1 сентября 1980 года поступил на Череповецкий металлургический завод. Прошел курсы обучения, получил удостоверение слесаря-электрика третьего разряда. Работал в отделе оборудования УКСа до 6 ноября 1981 года. 6 ноября призван в Советскую Армию.

Саша очень любил спорт, начал им заниматься в шестом классе в секции самбо, а затем в спортклубе “Шексна”. Имел пять наград за спортивные успехи...

До ухода в армию Саша подготовился и в августе 1981 года сдал экзамены в Ленинградский техникум физкультуры и спорта, но был не зачислен ввиду ухода в армию. Ему дали справку, что все экзамены сданы хорошо. Он мечтал после службы поступить в Ленинградский институт физкультуры и спорта.

С 6 ноября 1981 года по 4 марта 1982 года Саша служил в Белорусском военном округе в гвардейской ордена Ленина воздушно-десантной дивизии. 27 декабря 1981 года принял воинскую присягу. Он всегда мечтал попасть служить только в воздушно-десантные войска и в письмах писал: “Я уже десантник, прыгал не один раз из

транспортного самолета и спускался, как птица, на парашюте”.

С 4 марта 1982 года Саша служил в Афганистане (в провинции Кабул). С 4 мая 1982 года и до дня гибели был в разведроте, которая принимала активное участие во всех операциях. Операция в ночь с 22 на 23 ноября была последней в его жизни. После тяжелого ранения Саша скончался в госпитале, не приходя в сознание. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1983 года он награжден орденом Красной Звезды (посмертно). Фамилия Саши занесена в Книгу почета разведывательной роты части (так сообщил нам командир). Тело доставлено на Родину и захоронено на воинском кладбище-мемориале, где в День Победы народ отдает дань памяти героям, павшим за наше счастье жить на земле и мир во всем мире. Вечная слава тебе, дорогой наш сын Саша...”

В альбоме – воспоминания, стихи, фотографии. Четвертый “Г” постарался, борясь за то, чтобы отряду присвоили имя Саши Курочкина. И всегда вместе с ребятами был Алексей Сергеевич. Мужественно преодолевая боль, он приходил на пионерские сборы, напутствовал ребят, когда они вступали в комсомол.

Сейчас эти четвероклассники уже закончили школу, и каждый нашел свою дорогу в жизни. Но память о Сахе в них живет. Школьники и учителя ухаживают за могилой Саши, приносят цветы. И когда бы ни пришли, встречают там Алексея Сергеевича.

В осиротевшем доме бережно хранится все, что осталось от Саши. Фотографии, начиная с самых-самых первых. Школьная сумка, гитара, гантели, гири, штанга, боксерские перчатки, спортивные награды. Стол, за которым он десять лет учил уроки. Книжки, альбомы, письма. Десантская форма...

Саша живет в памяти тех, кто его знал. Г. П. Журавлева, его классный руководитель, вспоминает:

– Он был хозяином своему слову. Если что пообещает – сделает. Не скажу, что хорошо учился, – так, в основном на троечки. Уж больно спортом увлекался. Особенно в десятом классе подзапустил уроки. Помню, на каком-то выпускном экзамене высказывает весь потный, взволнованный. “Ну как, Саша?” – “Да троечка!” Мы за него все болели. Уж очень душа у парня хорошая. На редкость доброжелатель-

ный, веселый. Где Саша, там скуки нет, это все знали. На гитаре чудесно играл, пел. А как трогательно к родителям относился, особенно к маме! У нее здоровье слабое, так он старался лишний раз не огорчать ее. Бывало, сделаешь замечание, пожуришь, а он в ответ: “Галина Петровна, только маме не говорите”. 32-й год в школе работаю – честно признаюсь, такое не часто встретишь.

Память о Саше хранят не только те, кто знал его хорошо. Руководитель школьного литературно-краеведческого клуба Г. А. Третьякова пришла работать в 19-ю школу в 1980-м, когда Саша уже работал на заводе. 1 сентября он не выдержал – прибежал в школу на линейку. Кто-то сфотографировал это событие, и на фотокарточке он стоит как раз сзади Галины Александровны.

– А сейчас у меня такое чувство, что я его давно знаю, – столько о нем услышала, передумала, – делится она. – И ребят из творческой секции нашего клуба Сашина судьба затронула – появились стихи, песни, ему посвященные.

Слова одной из песен написала сама Галина Александровна, а музыку – тогдашние десятиклассники Володя Крупник и Саша Пешехонов. Они сами и поют ее, аккомпанируя себе на гитарах.

Осень в город к нам пришла, Саша.
Роша в золоте горит наша.
Одноклассники твои – уже папы,
Только ты один средь них неженатый.
С фотографии глядишь строго,
До обидного прожил ты немного.
А когда седой отец в школе,
Не могу сдержать в душе боли.
Вас учили жить всегда честно,
Позвала страна на бой, – встали тесно.
Честь солдата берегли свято,
Полегли в чужой стране вы, ребята.
Ах, как быстро ты летишь, время,
Нам истории нести бремя.
Что несет нам перемен ветер?
За свою страну теперь мы в ответе...

* * *

...Второй год на моем письменном столе – портрет Саши Курочкина. Вхожу в комнату и каждый раз спазма в горле – натыкаюсь на его взгляд. Его глаза смотрят так

требовательно, словно спрашивают: “А ты сделала хоть что-нибудь, чтобы этой войны не было? Ты хоть как-то пыталась протестовать? Ты хотя бы чувствуешь свою вину?..”

Мне нечего ему ответить. Я могу только просить прощения. У Саши. У Алексея Сергеевича. У Елизаветы Александровны. У всех, кто пострадал от этой проклятой войны. И эта книга, на мой взгляд, должна стать не только Книгой Памяти, а и Книгой Покаяния. Тогда, может быть, подобное не повторится.

Л. Гагарина

“ТЫ МОЯ СОВЕСТЬ...”

Прости, что я не добежал
До вражеского дзота,
За сто шагов в прицел попал
Чужого пулемета...

*Игорь Морозов.
Из “афганской” песни*

Весна в тот год на нашей древней великоустюгской земле не была затяжной. Апрельское солнце ласково, но и настойчиво старалось разбудить отдохнувшую после зимней спячки северную природу, однако люди еще поеживались от утреннего холодка. А древняя земля Афгана источала жар, который она вобрала, казалось, не только от пылающего солнца, но и от всех боев восемьдесят четвертого.

Подразделение, в котором служил Валерий Лаптев, вместе с бойцами афганской армии вело многочасовой неравный бой с превосходящими силами мятежников. Возникла угроза окружения, и решено было отходить. В группу прикрытия Валерий Лаптев шагнул одним из первых. Когда его товарищи покинули опасную зону, он с другими солдатами отражал натиск душманов. Смертоносный свинец попал ему в голову...

Наша земля славна боевыми традициями своих сыновей, таких как Герой Советского Союза Николай Иванович Меркурьев. Валерий не раз бывал у обелиска сельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. А сейчас молодые сельчане приходят на могилу Валерия.

Его имя в Усть-Алексееве знает, наверное, каждый. Помнят его и в школе, где он учился. Я встречался с его учителями, классной руководительницей Н. В. Журавлевой.

— Обычный был парень, — рассказывала мне Нина Васильевна. — К урокам всегда готовился добросовестно. А как книги любил, технику!.. Мы в школе альбом с ребятами оформили о Валере, там хранится его библиотечный формуляр — весь испещрен записями. Интересовался буквально всем: от произведений Конан Дойла до серьезных публика-

ций в журнале “Наука и техника”. Но самое главное — у него стремление учиться было. Радиотехническое училище в Ленинграде закончил с отличием.

— Помню, когда первый раз на каникулы зимой приехал, то к нам в школу зашел,— продолжает Н. В. Журавлева.— Так я его даже сразу и не признала. “Ой, Валера,— говорю,— волосы-то состриг, так сам на себя не похож стал. Только глаза все те же — чуть удивленные и озорные”. А он улыбнулся и ответил, что серьезнее, мол, стал к себе, требовательнее. Повторись, говорит, все сначала, еще раз бы в школе поучился. Да я и не удивилась этому. Уж больно класс у них дружный был, друг за друга все горой стояли...

* * *

С Александрой Андреевной Лаптевой, матерью Валерия, я долго не решался встретиться. Хоть и прошло уже со дня гибели ее сына довольно много времени, но не зарубцевалась страшная рана. Говорят, что время лечит. Но не всегда и не все.

— Для меня Валера всегда живой. Незримо он каждый день с нами.

Валера — второй в нашей семье. Всегда тихий, молчаливый был. Книги очень любил. В шесть лет уже свободно читал. Считаю, до восьмого класса без троек учился. Все что-то мастерил. Радио вот самодельное сделал, электробритвы, утюги чинил. Даже выдавший виды телевизор сам отремонтировал.

Помню, встала как-то ночью, а он не спит — на небо в какую-то трубу смотрит. “Это подзорная труба,— говорит мне.— Смотри, мама, как здорово! Там луна, звезды, там бесконечность...”

Валера рос музыкальным парнем. Умел на баяне, на гитаре играть. В музыкальной школе про него говорили — способный ученик. И все же техника пересилила другие его увлечения. Приехав из училища на каникулы, Валерий сказал своим домашним: “Вот отслужу в армии и обязательно в радиотехнический институт поступлю”.

Но не суждено было сбыться мечте. Он погиб, как герой, спасая жизнь своих товарищей.

Александра Андреевна дрожащими от волнения руками перелистывает альбом с фотографиями Валерия. Вот он вместе с друзьями в летнем лагере труда и отдыха, вот во время занятий в музыкальной школе, вот портрет его, а вот

и снимок, сделанный сослуживцами Валерия в день принятия присяги... Дольше других взгляд А. А. Лаптевой задерживается на этой фотографии. “Валера, Валерочка”, — тихо говорит она сквозь непослушно набегающие соленые слезы. Чем же измерить материнское горе?

Когда подходило время призыва на воинскую службу, на душе у Александры Андреевны было очень беспокойно. Не выдержала тогда, сказала сыну: “Чувствую я, Валера, придется в Афганистане тебе служить, интернациональный долг исполнять”.

“Ну и что, мама? — как-то даже весело ответил он. — Помирать так с музыкой. А если серьезно, если случится такое, то я буду этим гордиться”.

Говорят, что никогда не обманывает материнское сердце. И тут правду сказало. Пророческими оказались и слова сына. Действительно, хоронили его на Усть-Алексеевском кладбище с духовым оркестром. Все село — и стар и млад — пришло отдать последние почести своему земляку. Каждый в тот день оставил там, на кладбище, частичку своего сердца. И это не преувеличение. Так было...

* * *

Валерий очень любил жизнь, близких ему людей. Он любил Родину. В тех десятках писем, что он написал из армии за полгода (пусть они были простые и до предела сжатые), можно найти многое — гордость за свою страну, за свой русский народ, за все то, что понимается под словом Отчизна.

Он никогда не жаловался на тяготы армейских будней: “Ходил в наряд, немного приболел, но это пустяки. Главное, чтобы у вас, мои родные, все было в полном порядке...”; “Со службой у меня нормально. Я вам не писал еще, что по должности гранатометчик. Зверская штука, скажу я вам. Только тяжелая...”

Нет, не думал он, что его жизнь оборвется так скоро, еще, по сути, и не успев по-настоящему начаться. В одном из последних своих писем Валерий писал:

“Здравствуйте, дорогие мама, папа, бабушка и Ни-нулька! Жив-здоров. Недавно у меня был юбилей (небольшой). Четыре месяца службы. А ведь, кажется, совсем недавно меня призвали. Так и два года пролетят, и со мной здесь ничего не случится. Так что не переживайте за меня сильно. Все будет в порядке. Будьте уверены. <... >”

Самая младшая в семье Лаптевых – Нина, сестра Валерия. Еще до службы в армии очень он любил с ней возиться. Да и она отвечала ему самой нежной дружбой, его, Валерия, считала всегда своим первым товарищем. Уже потом, после гибели брата, когда ее принимали в ряды Ленинского комсомола и спросили, на кого бы она хотела походить, Нина взволнованно ответила: “На Валерия Лаптева”. А когда поступила в педагогический институт и поехала на учебу, портрет его взяла. “Теперь мы с ним вместе учиться будем”, – сказала она маме.

Те, кто прошел через Афган, хорошо знают цену настоящей мужской дружбе. Когда Валерия не стало, на имя его родителей из части пришло письмо от комсомольцев подразделения:

“Уважаемые Александра Андреевна и Василий Дмитриевич! Мы целиком разделяем вашу скорбь и горе и испытываем душевную боль от того, что потеряли в этом бою своих товарищей. Валера был хорошим и верным другом, отзывчивым товарищем, чутким к чужой беде, готовым прийти на помощь тому, кто слабее, кто нуждается в поддержке. Мы и командиры уважали его как отличного специалиста своего дела и как человека. Валера до конца выполнял свой долг – долг воина-интернационалиста, прикрывая отход своих товарищей. <...> Память о нем вечно будет жить в наших сердцах. О его подвиге мы будем рассказывать молодым воинам, приходящим служить в наше подразделение...”

* * *

У каждого из нас была первая любовь. Была она и у Валерия. Светлая, чистая, как родник. Он любил хорошую девушку. С ней можно было говорить обо всем. Они встречались у “кривой березы”, и об этом заветном уголке никто кроме них не знал. Валерий в своих письмах часто вспоминал его: “...Это было мое последнее лето перед армией, и оно было самым счастливым, потому что ты была со мной. Повторится ли оно когда-нибудь?! Не знаю. Я думаю, что это будет зависеть от нас обоих. Перед армией я поеду домой. Там я обязательно схожу к нашей кривой березе. Интересно посмотреть, какой она стала...”

Было бы у них в будущем все хорошо? Несомненно. Вот как писала девушка Валерию:

Они любили сниматься и снимать — перед «боевыми», после боя, в часы отдыха, просто — на память. Видимо, ребята владели фотокамерой не столь умело, как боевым оружием, да и условия для проявления фотомастерства были неподходящими. Поэтому и «афганские» снимки здесь, мягко говоря, — любительского качества: иногда размытые, неконтрастные, с недопроявленного негатива, надломленные. Зато они искренни и правдивы.

Этому красивому плечистому парню и минуты раздумий не потребовалось, чтобы принять решение заслонить собой командира и товарищей от душманских пуль. И может быть, предчувствие скорой гибели не дает Евгению Зимакину чуть-чуть расслабиться перед объективом фотоаппарата, чуть-чуть улыбнуться...





А вообще-то они были веселыми, жизнерадостными, улыбчивыми ребятами — офицеры и рядовые, командиры и подчиненные.

Для курсанта Ташкентского общевойскового командного училища Владимира Киселева (вверху в центре) способы планирования, подготовки и ведения боя существуют пока только в учебниках, а настоящая война — еще впереди

А бравый вид этих ребят говорит о том, что это не те необстрелянные новобранцы, которые под внешней удалью скрывают робость и томительное чувство неизвестности. Кое-что они уже повидали. Справа — Михаил Кабанов





Быстро пролетел отпуск на родине. Через несколько минут поезд тронется. Прощальная улыбка Олега Михеева — всем, кто остался ждать его на родной земле.

Молодой специалист, выпускник Череповецкого лесомеханического техникума Александр Погодин — пока еще человек гражданский...



А для Александра Попкова уже наступил «отпуск бессрочный...»





И Андрей Голубцов — пока еще студент Вологодского политехнического института, и землепашец Николай Котомин (на верхнем снимке справа) еще встречает тихие росные рассветы над родными вологодскими нивами. Если им и приходилось раньше держать

в руках автомат, то разве что на занятиях начальной военной подготовки или, как Валерий Лаптев, на посту у памятника землякам, павшим в Великую Отечественную



А Андрей Амосов — потомственный военный, «военная косточка». Он не намного старше этих ребят, и тоже навсегда останется в памяти молодым



Им бы, нашим ребятам, ходить по глухим улочкам старого Кабула в составе туристической группы, удивляться неповторимой восточной экзотике с фотокамерой на груди, а если и выполнять чьи-либо распоряжения — только экскурсовода.

Может быть, так когда-нибудь и будет...



А тогда, в 1979-м, наши парни получили приказ прибыть в Афганистан в ином качестве — в составе Ограниченного контингента

советских войск. Оказалось, что это — надолго. Гарнизоны обустраивались, налаживали свой быт...



Они были искренне убеждены в том, что принесут на эту древнюю землю счастье и мир. Но советское военное присутствие только добавило огня в гражданскую войну в Афганистане.

А интернациональная миссия «ограниченного контингента» была встречена со стороны вооруженной оппозиции трассерами ДШК, выс-

трелами гранатометов и минометов, ракетами «Стингеров» и «Блоупайпов»

Это оружие захвачено у моджахедов после успешного проведения одной из операций

Наши ребята пытались устанавливать с местным населением дружеские контакты. На снимке: Владимир Шуганников





Новый театр боевых действий... Незнакомая горно-пустынная местность... Непривычный климат... Тактика партизанской войны, применяемая моджахедами...

В этих условиях наши военачальники искали и находили и новые способы ведения войны. Длительные рейды, засады, налеты требовали от воинов большой физической выносливости. И на тренировках они не теряли времени даром...

Подразделение сороковой
армии выступает на боевую
операцию.

Всего за время войны в
Афганистане советские вой-
ска совместно с армией
ДРА—РА провели более че-
тырехсот крупных операций



И хотя по мере развития бое-
вых действий накапливался
опыт, счет погибшим совет-
ским воинам не кончался



Война пошла не так, как хотелось, приобретая все более затяжной характер.

Видный афганский государственный деятель, полководец и классик афганской поэзии Ахмед-шах Дурани писал: «Пусть против нас весь белый свет пойдет, не покорится гордый мой народ...»

Это было написано во второй половине восемнадцатого века и оказалось истинным для конца двадцатого...





В похоронках часто повторялись эти слова: погиб, верный военной присяге. Наши ребята честно сдержали данную ими воинскую клятву.

На снимках: Иван Филиппов (слева), Юрий Карачев



До Виктора Емельянова война добралась уже на родной земле.

На нижнем снимке — Сергей Смыслов.





Девятнадцатилетние-двадцатилетние мальчики отважно вели себя в тяжелейших боях.

На снимках: Николай Рожков, Юрий Копытов (справа), Вениамин Тимошенко (в центре), Владимир Басков, Николай Чашин в торжественный момент принятия присяги





Первоначальная военная форма — с пилоткой или фуражкой, ремнем, сапогами, подобием гимнастерки — показала в Афганистане свою непригодность для современной войны, — пишет В. Верстаков. — Лишь со временем в войсках начали



появляться новые виды полевой формы. Но за все девять лет войны ребята так и не получили надежного медицинского обеспечения, нормальных условий для жизни и отдыха, удобной экипировки для боевых действий в горах.

На снимках: Олег Тихов (слева), Игорь Роцин (вверху), Александр Попов





«Домой напишет: все нормально. Я жив-здоров. Целую. Твой...» Письма воинов полны нежности и любви к своим родным и близким, заботы о них, надежды на скорую встречу.

На снимках: Сергей Виноградов, Александр Александров (справа), Виталий Головчин (в центре), Иван Яблоков, Алексей Пономарев (справа)





Хороший парень Владимир Некрасов (на первом плане верхнего снимка) стал хорошим солдатом. Все он умел: метко бить по врагу, руководить операцией, строить

надежные укрепления и секреты. Но... верх взяла война.

На снимке внизу: укрытие, построенное В. Некрасовым



Кандагар — древняя столица Афганистана. Сюда, к месту службы, прибыл в январе 1987 года майор Анатолий Тихомиров. Машина, на которой он возвращался с боевого задания, была обстреляна моджахедами. А. Тихомиров получил смертельное ранение



Подбитая техника — обычная принадлежность афганских пейзажей.





Какими же детьми они еще были! Хотя оружие в руках, а так хочется поиграть со щенками, полакомиться чем-нибудь вкусным в дукане.

На верхнем снимке — Владимир Смирнов

Афганские дети...

Рядом с отцом и любимым
осликом чувствуешь себя
увереннее и веселее.



А в глазах этих ребяташек
не может быть радости:
десантный автомат — слиш-
ком уж серьезная «игрушка»



В наш процесс превращает
 Лейтенант Мухоморов и
 доктор Карлов Вени
 Ноги Вени Вени
 И парочка от этого
 И все же несут ахилес
 И вблиз наводнит
 Выставка М-18
 На это они не сломат
 Ахилес Веди прощай



Чтобы служить
 в Афганистане,
 нужно

иметь: стальные нервы,
 крепкий
 желудок,
 железную
 дисциплину
 и... никакой
 жалости!



Директор Веди экспедицию
 Он за душой запис
 И тут уж мне покажет
 Родным ОКС
 Веди он с плеча не слезит
 Оравшись он славен
 Тот от меня попишет
 Что к нам пришла
 о нем

Записные книжки «афганцев» доносили до мирного Союза суровое дыхание войны



Генералы, как всегда, учат солдат воевать...

Боевой смотр проводят генерал армии Д. Сухоруков, генерал А. Е. Слюсарь, полковники С. М. Кудинов, П. С. Грачев

А назавтра был бой...





Полковник Василий Игнашев погиб в Афганистане еще до ввода Ограниченного контингента



Александр Невский и Александр Суворов были непоколебимыми авторитетами для Александра Силинского.

Получив тяжелое ранение в бою, он продолжал командовать ротой...

Об Александре Курочкине (снимок внизу) ребята из его школы сложили песню





На любом участке дороги, в «зеленке», в горах, на подходе к мирному кишлаку колонны с хозяйственными и военными грузами могли нарваться на засаду мятежников. И разгорался бой. В таких боях погибли Сергей Смирнов, Сергей Парыгин (на снимке справа), Юрий Мальцев. Извещение о гибели Юрия Мальцева было первым в Череповце

Откуда силы-то взялись?
 Казалось, нет нас —
 только пепел...
 Но мы из этих смертных
 петель,
 Как птица Феникс, поднялись...

Александр Карпенко

Поднялись... И начали не-
 легкое возвращение в мир-
 ную жизнь. Объединились
 Сначала в Вологде — в го-
 родской клуб воинов-интер-
 националистов. Постепенно
 он перерос в Ассоциацию
 воинов-интернационалистов

(и воинов запаса) Вологод-
 ской области.

Они стали решать свои
 трудные проблемы, не ог-
 лядываясь на постановления
 о льготах. Оставшиеся в
 живых считают святым, кров-
 ным долгом увековечение
 памяти павших.



И появляются на фасадах
 учебных заведений, в кото-
 рых учились павшие земляки,
 мемориальные доски. Их
 именами называют улицы,
 на которых они жили.

Вологжанам, погибшим в
 Афганистане, посвящается
 экспозиция зала «Помяните
 и помните», открытого в

Музее истории молодежно-
 го движения; память о них
 запечатлена в этой книге;
 их имена — на граните ме-
 мориала, установленного в
 Октябрьском сквере г. Во-
 логды.

А память, материализован-
 ная в красках ли, в слове
 или камне — вечна...





В действиях народной армии ДРА — РА проявлялись все те изломы и настроения, что свойственны любой гражданской войне.

Некоторые части правительственных войск получили за храбрость звания «героических», а их бойцы ценой своей жизни спасали советских воинов. Другие подраз-

деления в полном составе и с полным вооружением переходили на сторону оппозиции. Третьи в совместно проводимых с нашими войсками операциях предпочитали идти во втором эшелоне наступающих...

На снимке внизу — пленные моджахеды





Во множестве боевых действий, проводимых совместно с афганской народной армией, советским воинам приходилось главный удар принимать на себя. Тяжелейшие испытания, выпавшие на долю наших парней, оказа-

лись им по плечу. И едва ли не после каждого боя шли на Родину похоронки...

На снимках:
Владимир Киселев
Сергей Скороходов
(с п р а в а)

Александр Ястребов
Олег Кулаков (с п р а в а)





История афганской войны еще не написана, но уже обросла легендами о стойкости, мужестве и отваге «афганцев». Судьбы многих павших воинов-вологжан говорят о том, что эти легенды выросли из зерен реальности, правды.

На снимках:
Василий Большаков
Сергей Окулов (справа)
Игорь Румянцев
Андрей Красовитов
(справа)





Обстоятельства гибели некоторых героев этой книги до сих пор неизвестны. Но их жизнь на гражданке, их характеры, их письма из Афганистана ни на минуту не позволяют усомниться в том, что они достойно встретили свой смертный час.

На с н и м к а х:

Сергей Егоров, Михаил Залесов (с п р а в а), Вячеслав Крылов (в ц е н т р е), Александр Муравьев, Леонид Горчаков (с п р а в а)





Командиров и подчиненных объединяло в бою общее стремление выполнить задачу, не подвести товарищей и самому остаться живым. Не всем удалось уцелеть...

В верхнем ряду: Валерий Попов, Алексей Куланов, Андрей Талашов, Геннадий Журавлев

В нижнем ряду: Георгий Егоров, Александр Кузнецов, Николай Сумароков, Вадим Артамонов







Ребята, вы навеки с нами.

24 июня 1989 года в Волгоде открыт памятник воинам-интернационалистам, погибшим в Афганистане



“УШЕЛ СОЛДАТ В ЧУЖУЮ ЗЕМЛЮ...”

Получше, парень,
в прищел смотри,
Беда идет по пятам.
Здесь горы злые
и пули злы,
И зол как черт ураган...

*Валерий Ковалев.
Из “афганской” песни*

Было воскресное апрельское утро, когда Нина Николаевна с дочерью Людмилой сидели на кухне и толковали о домашних делах, среди которых главным было подготовиться к скорому празднику – возвращению Юрия из Афганистана. Что-то говорили еще, обсуждали напоследок, чем бы таким Юрика порадовать, – и увидели подъехавшую к подъезду “скорую помощь”. И девушку с какой-то бумажкой. Жаром в сердце полыхнула надежда: не может быть... не к нам... Но все оборвалось... Не стало ни весны, ни жизни, ни сына, ни брата.

В этот апрельский день, когда скорбная весть передавалась от квартиры к квартире, от дома к дому, в семью Мальцевых приходили друзья и знакомые Юры и как-то неловко произносили слова сочувствия, словно сами-то еще не верили в Юрину смерть. Потом кто-то инструктировал, что не надо “афишировать” (чиновничья лексика вполне соответствовала нравственной глухоте “властей”), что *все* должно быть скромно. И вот эти-то распоряжения чужих людей сильнее всего заставили ребят осознать: действительно пришла в дом беда – их друг Юра Мальцев, их ровесник погиб, исполняя воинский долг.

Но почему, давая свои жестокие рекомендации, они отводят глаза? Разве не старшие товарищи любят иногда упрекнуть: вот мы в ваши годы! Так почему же Юре Мальцеву не дали свершить то, что ему было на роду написано сделать в свои двадцать? Почему и от кого должны таить горе его родители? Почему, за что погиб Юра Мальцев?

Ребята задавали друг другу эти вопросы и не находили на них ответа...

Юра Мальцев родился в 1959 году, жил в Череповце. Учился в 18-й и 24-й школах, — как говорится, “нормально”. Радовал родителей Нину Николаевну и Михаила Семеновича благодарностями за хорошее воспитание сына. Бился с математикой, но не отступал. Радовался каждому приходящему дню, друзьям, что окружали его постоянно. Во всяком случае никто не видел его расстроенным, омраченным чем-то. Бывало, и злился, например, на то, что не брали в секцию хоккея. Но быстро остывал, хватал клюшку и гонял шайбу до позднего вечера. Чем-то особенным и надолго увлечься не мог, будь то фотография или гитара, потому что было интересно все. Может, оттого и не планировал ничего на будущее, знал: жизнь — долгая и интересная, а планы — они ограничивают.

Когда после восьмого класса друзья решили поступать в лесомеханический техникум, не долго думая объявил родителям: “Я тоже поступаю”. Ну и поступил. И учился.

Сокурсники запомнили его общительным и жизнерадостным. Вообще, все, кто знал Юру, считают, что он жил чувством товарищества. И пусть эти слова никому не покажутся громкими — он действительно и мысли не мог допустить, чтоб пожертвовать дружбой ради своих каких-то интересов.

Я мысленно сравниваю заботы сегодняшних парней и Юрины.

— Что вы, — словно угадывает мои мысли Нина Николаевна, — никакого сравнения. Ничего ему не надо было. Мы, конечно, радовались с отцом, что не потребителем наш сын растет, но и удивлялись. Джинсы тогда очень модны были. Замечаю, вроде как тоже хочет, но молчит. Устроился с ребятами летом на рыбохолодильнике работать. Работа тяжелая — соль разгружали, но терпел. Думаю, на джинсы зарабатывает. А он деньги получил, домой приносит и говорит: “Обойдусь без штанов заморских, деньги вам нужнее!” И самому радостно, что в дом зарплату принес.

Слушаю родителей, всматриваюсь в фотографии Юры и никак не могу представить его делающим деньги в “комке” или на весьма прибыльной звукозаписи, популярной как вид бизнеса среди нынешней деловой молодежи. Не могу разглядеть в нем деловой хватки. Напротив, что-то неуловимое в облике Юры как бы отделяет его от нас сегодняшних. Пытаюсь понять, что это “неуловимое” — и

словно спотыкаюсь о его *светлый взгляд*. Пройдите по улицам родного города и посмотрите в глаза первой сотне прохожих – много ли среди них вы увидите людей со светлым взглядом, словно бы отражающим, как у Юры, какой-то, ведомый ему одному, праздник в душе?

И, встречаясь с ним взглядом, невольно задаю себе вопросы: а что изменилось в нас за это десятилетие, умнее ли стали, практичнее, смелее? Наверное, так. А может, что-то и растеряли, озлобились, обособились в своих стремлениях быть сильными и практичными. Не знаю. Но каждый раз, когда гляжу на фотографии этого парня, меня не отпускают эти вопросы...

На проводах в армию квартира Мальцевых всех вместить не могла. А молодежь все приходила и приходила. Все было празднично, весело. Лишь “именинник” иногда бурчал: “Придумали! Отсрочку из-за практики. Уже июнь, а только повестку прислали”. Смущало его, что призывали его как-то наособицу, не со всеми вместе. Но веселье увлекало... И словно сама судьба дарила ему этот месяц-другой отсрочки. Дарила в самый последний раз общение друзей, радость, молодость – все, с чем он прощался навсегда.

Он еще встретился с родителями в городе Пушкине Ленинградской области, где седьмого июля принял присягу. И, кажется, успокоилось родительское сердце – сын будет служить в окрестностях Питера, обслуживая аэродромную технику.

Но – успокоилось ненадолго. Вскоре письма от сына стали приходить из Ташкента, из других неизвестных городов Средней Азии, и за бодрыми солдатскими строками чувствовало материнское сердце что-то неладное... Теперь уж Нина Николаевна не помнит, когда и что именно заронило в душу тревогу, только не было покоя, хоть и сама себя успокаивала.

В феврале 1980 года Юра писал: “Я знаю, что у вас возникает много вопросов, из-за чего нас сюда перебросили, зачем? Ну что я могу вам написать кроме этих двух слов: так надо”.

И началось мучительное ожидание любой весточки, любой информации. Как же это страшно – каждый день, неделю, месяцы ждать. Ждать и бояться.

А сын всякий раз слал бодрые письма: “У меня все нормально. Служба идет помаленьку. Сейчас строим свой

кинотеатр, натянули большую палатку, будем каждый день смотреть фильмы. Жара здесь лечит все радикулиты, вот бы тебя сюда, маманя”.

А в это время обстреливали его аэродром. И было еще ох как далеко до боевого опыта, до более или менее нормального тылового обеспечения, и не было еще подходящей к жаркому климату формы, многого еще не было, но была война.

Летом 1980 года промелькнула неожиданная радость возможной встречи. Сын писал, что находится в Фергане, приехал за молодым пополнением, возможно, навестит. Но убедительно просит “не рваться” к нему, он напишет подробнее.

А следующее письмо принесло сплошные огорчения:

“Придется вас, мои родные, разочаровать. По стечению обстоятельств отпуск отменяется. В Фергану я приехал не за молодыми, как я писал в том письме, а заболел желтухой. Не хотел вас расстраивать. Домой приехал бы, все сам рассказал. Но вышел приказ: в отпуск никого не отпускать. Так что возвращаюсь в свою часть. Ну ничего, в общем служить осталось немного. Здоровье сейчас отличное”.

Но как бы ни бодрился Юра, как бы ни призывал родителей и бабушку держаться, брать с него пример, в письмах угадывается тоска и печаль по родным и близким, по ребятам, что справляют свадьбы, по жизни, что осталась так далеко, “за рыже-черными горами”.

Приближался конец его службы. Начался солдатский отсчет ста заветных дней до приказа. Пометки в письмах все сокращали и сокращали разрыв: 100, 60, 50 дней. Родители тоже чаще, чем обычно, бросали взгляды на календарь, покупали сыну новую одежду, несмотря на его протесты. Вроде и тревога уходила: Юрий писал уже о “дембельской” работе. И хотя Нина Николаевна не совсем понимала, в чем суть, но радовалась непривычному слову, производному от “демобилизации”. И сын укреплял в радости: “Погода стоит отличная, градусов 20. Уже начинаем понемножку загорать. Домой приеду, как с курорта”.

15 апреля 1981 года Юрий, в составе группы из четырнадцати человек, на бортовом ЗИЛе сопровождал груз со стройматериалами. Машина приближалась к кишлаку. Навстречу двигалась группа женщин и детей. Опущенные головы, покорные плечи, скорбное молчание. Что бы могла значить эта процессия? Машина притормозила. Но на вопросы никто ничего не отвечал. Что ж, может, траур какой?

Допытываться не стали. Въехали по узкой улице в кишлак. Не успели удивиться необычайной тишине, как с обеих сторон из укрытий за дувалами раздались пулеметные и автоматные очереди. Водителя ЗИЛа сразу же ранило. Машина остановилась. От перекрестного града пуль не спрячешься. Кто не погиб сразу, отстреливались, пытались укрыться под машиной. Когда подошел на выручку БТР, двенадцать человек уже погибли. Среди них – рядовой Юрий Михайлович Мальцев.

* * *

Когда вернулись с кладбища, и молодые, здоровые ребята терялись и не знали, что говорить, как поминать (какой у молодежи опыт), кто-то, сильно зажав гитару в руках, перебрав аккорды, хрипловатым, но еще мальчишеским голосом запел Юрину любимую песню: “Ушел солдат в чужую землю...”

С. Сыров

ОДИН ИЗ НИХ...

А мы не исповедовали зло,
Хотя порою зло мы наступали.
Погибли те, кому не повезло,
Но смерть друзей врагу мы не прощали.

*Николай Кирженко.
Из "афганской" песни*

Он кончал ту же вологодскую школу, что и я, — двадцать девятую. Школа с самого основания славилась отчаянными ребятами. Потому ли, что располагалась в непосредственной близости к вокзалу и сама обстановка заставляла нас быть шустрыми и быстро реагирующими, не терпела полоротых и несообразительных; а может, преподавательский состав подбирался особый — устойчивый и умевший не только хорошо излагать материал, но и активно влиять на ребят. Хотя, безусловно, "привокзальные" дети не меньше влияли на своих воспитателей. Скорей всего, процесс был обоюдный. Но, по странности, школа отличалась, во всяком случае в мои времена, отсутствием текучести кадров. Нельзя не вспомнить добрым словом ее бессменного директора Николая Степановича Быкова, который за сорок лет неустанного и неусыпного директорства получил заслуженный орден.

В Олеге Михееве рано проснулись черты защитника Отечества. Рано проявилась и самостоятельность характера. Он научился принимать нужные решения без посторонней помощи и подсказки. Сам решил после восьмого класса поступить в Ленинградское суворовское училище, этим определив собственную судьбу навсегда, ни разу не пожалел о своем выборе. Танкистом решил стать — тоже сам.

Разумеется, долгое пребывание в бывшей столице Российской империи, архитектурно пышной, насыщенной музеями, картинными галереями, театрами и концертными залами, не прошло даром для впечатлительного мальчика. Он еще острее и осознаннее почувствовал и полюбил свою Родину, ее богатую и трудную историю. А еще он научился дружить. Дружить верно и взыскательно, всецело доверяя

этому чувству и требуя от него не только горячих слов и признаний, но и решительных, бескомпромиссных поступков.

Когда в Афганистане сложил голову его ближайший и незаменимый друг Володя Киселев, Олег поклялся отомстить за него. И действительно мстил, как полагается во фронтовых условиях, не жалея себя, не ища поблажек и офицерских привилегий. Он выработал кодекс личного поведения на войне, лез в пекло первым, не прикрываясь, как щитом, своими подчиненными.

Не раз вразумлял старшего лейтенанта Михеева земляк и товарищ по службе Александр Николаевич Васильев – в то время майор, советник в Афганистане. Они познакомились в октябре 1986 г. на вилле Виталия Максимовича Потапова, тоже советника и тоже земляка.

Вечерами собирались вместе, чтоб поговорить, спеть песню под гитару, на которой Олег охотно играл, – снять напряжение было необходимо, душой отмякнуть хотя бы на время – тоже требовалось. Ведь в “горячих точках” о развлечениях не думали, хотя там клокотала: изнь людей преимущественно молодых. Одно кино! Ну, ожет быть, видеомагнитофон. А телевидение Кабула глало только индийские фильмы, так не вязавшиеся при их пышности и сентиментальности с фронтовыми буднями наших ребят. Ведь опасность подстерегала везде. Отойдут солдатики в виноградник или захотят полакомиться ягодами тутовника, – а потом их находят с перерезанным горлом... Жертв было много. И официальная цифра погибших в той войне, исчисляемая пятнадцатью тысячами, вызывает сомнение*. Стрельба в Афганистане длилась больше девяти лет. По словам А. Н. Васильева, в дневное время трех минут не выдавалось таких, чтобы прошли без единого выстрела. Где-нибудь да палят! А уж если душманы начинали обстрел наших позиций, – тут гремела такая канонада!.. И кто в этой канонаде уцелеет – бог весть...

Не случайно выбравшиеся из “афганского дела” боялись звонить родным сослуживцев, тем более к ним заявляться: а что если тот, с кем рядом служил, уже не жив... Пока доберешься до дому, всякое может случиться.

Так и произошло с одним из однополчан Олега Михеева. Благополучно отгуляв отпуск, он наконец собрался позво-

* Потери личного состава ОКСВ в Республике Афганистан, а также потери специалистов, переводчиков, вольнонаемных приводятся в книге “Тайны афганской войны”. С. 213–216. – *Примеч. сост.*

нить родителям Олега. Трубку взял отец, Владимир Иванович. Молодой офицер принялся уверенно говорить, что сын их здоров и жизнедеятелен, передавал приветы... Отец, перемаывая слезы, вынужден был остановить незадачливого почтальона, сообщив, что Олега среди живых больше не значится.

Цинковые гробы, которые нельзя открывать... А так хочется на прощание еще раз взглянуть в дорогие черты. Но столько было непоправимых трагедий, обезумевших от горя матерей, свалившихся с инфарктами отцов, что начальство решило больше не показывать родным останки погибших. Да и что можно показать, если человек убит из гранатомета прямым попаданием в голову? Лучше пусть останется таким, каким запомнился в последнюю встречу. Лучше пусть живет в письмах, которые бережно хранятся в семейном архиве. В них он весь, заботливый и беспокойный, смелый и непримиримый, верный и бесстрашный. И начинаются они почти всегда с нежных слов: "Милые мама и папа..."

"...В отпуск поеду в гражданке. Не хочу париться. Сейчас стало легче летать. Два раза в неделю от нас летает АН-12 – отпускник. А в Ташкенте сейчас "афганцев" отправляют в первую очередь. Такое указание им дали, чтобы сильно не бузили. Вы только представьте, какими мы обалдевшими прилетаем в Союз. Одно то, что женщины без чадры ходят, – чего стоит. Главное, границу пересечь. А там уж как-нибудь люди помогут. Теперь много знакомых в Ташкенте".

"Представляю, как первые дни трудно будет сидеть за рулем. Тут ведь как: с дороги съезжать – ни в коем случае нельзя – подлетишь на mine. От каждого выстрела из выхлопной трубы шарахаться буду"

"...Вчера я выписался из госпиталя. Дали 10 дней отпуска при части. Теперь уже стало все нормально. Только голова под вечер трещит. Говорят, было сильное сотрясение мозга. А я ничего не чувствовал, когда меня привезли. Был без сознания. Рана заросла полностью. Хожу сейчас лысым. Маскировочный костюм пришлось выбросить. Весь рваный и в крови. Но вы сильно не расстраивайтесь. Медицина здесь очень сильная. Последствий не будет..." (Так он успокаивал родителей. А врать все равно не мог).

"...Вы писали про полковника Ершова. О его смерти я знаю. И даже видел последствия! Он ведь служил в Кандагаре. Их погибло сразу четверо – подорвались на фугасе,

когда ехали на БТре...” (Это о товарищах. Сам он служил также в Кандагаре).

“...Пишу лежа в постели. Пока вставать разрешают только до туалета. Все волнения уже позади. Лежу в госпитале. В первом же выходе получил ранение легкое. Плохо, что в голову. Но переломов нет, и мозг цел. Дней через 10 уже должен выйти. Сильно не переживайте. Зарастает все как на собаке...”

“...Духи притихли немного. Правда, позавчера обстреляли. Прилетело около 35 снарядов. Это не страшно. Они ведь воюют-то только после того, как накаются наркотиков. А какая может быть меткость после этого...”

“...Духи позавчера (18 января) попробовали на прочность мой танк. Идиоты. Отделались небольшой дыркой. (Да и то не сквозной). Правда, все осветительные приборы буквально снесло. Самим – ничего. Голова только вчера болела. Немного контузило. Теперь буду бить по необходимости, а не по разрешению”.

И наконец прорывается: “Воюю, честно говоря, много”.

И опять усыпляет родительскую бдительность: “Распорядок у меня очень интересный. Спать ложусь в 5 часов утра и отдыхаю до 12. А так почти всю ночь втроем ходим и проверяем точки. Ребята отличные. Уже битые-перебитые. Многому учат. По ночам страшно воют шакалы. Отгоняем их только очередями из автомата...”

Олег Михеев пришел в Афганистан добровольцем. Ему было всего 23 года. Он недавно женился, не успел даже обзавестись ребенком. Но когда был брошен клич об интернациональном долге и братской помощи дружественной и соседней стране, для него альтернативы не возникло. Он – солдат, и его место там, где труднее всего. Откуда было знать этим молодым и верным воинской присяге ребятам, что творится за их спиной, о чем думают Брежнев, Андропов, Устинов и Громыко. Их дело исполнять приказ. Это извечная обязанность любой армии. Совесть солдата всегда чиста, и никто не в праве бросить в него камень. Пусть переворачиваются в гробах те, кто волонтеристски решил вводить войска в Афганистан, наплевав на мнение и судьбу народа. Они же посылали не своих сыновей...

А дело таких, как Олег Михеев, исправно и грамотно воевать. Он уже полтора года отдал своей молодой и неповторимой жизни этому проклятому делу и вполне мог бы

отсидеться. Вот-вот должна была прийти замена. Он успел столько раз проявить свое личное мужество, что совесть его не должна бы болеть. Только один совершенный Олегом подвиг – когда под огнем вытащил БТР с товарищами, которые без него неминуемо бы погибли, – давал ему право поберечь себя. Но он был испечен из другого теста.

Все они, в принципе, из другого теста. Даже те парни, о которых почти не пишут. И я не случайно столь подробно описываю одну судьбу. Уверен, что в ней – вольно или невольно – отражаются и другие, менее известные и высвеченные, от которых подчас не осталось следа ни в письмах, ни в фотографиях. Так пусть же в характере Олега, его поведении, системе взглядов читатели увидят черты и других “афганцев”. Дело не в конкретной судьбе, а в общей печали и боли.

Последнее письмо к родителям Олег Михеев написал 22.12.87 г.

“Здравствуйте, мои дорогие мама, папа, Сергей и Ирина! Пишу одно письмо всем, т. к. нет времени. Позавчера пришли с боевых. Водили мирную колонну афганцам за 200 километров в г. Таринкот. Но мирного не получилось. <...> Пришлось поволноваться в Детканарском ущелье. Но все кончилось более-менее благополучно. Сейчас дали три дня на обслуживание, и опять уходим на неизвестный срок. И все это перед Новым годом. Что-то “духи” начинают нагнать. Значит, подходит время переговоров. Это, видимо, будет у меня последний рейс. Хватит уже. Пора готовиться к замене. А замена так и остается: мой Дальний Восток. Никуда я не пойду и ничего просить не буду. Раз надо – значит надо.

Дела идут нормально. Кажется, после этого рейда представят ко второму ордену.

Погода у нас становится холодная, хотя и всю светит солнце. В танке по ночам уже прохладно. Хочется вас попросить достать какую-нибудь путевку дней на 12 на середину июня в Прибалтику.

До замены осталось четыре месяца. Как их прожить? Хорошо хоть езжу очень много. Время летит невероятно быстро. Ну, вот и все. До свидания. Целую – Олег”.

Свиданий больше не было. Родителям остались на память от этого страшного времени лишь письма, фотографии сына и два ордена Красной Звезды.

Много и подробно мы говорили с отцом Олега, Владимиром Ивановичем. Встреч с матерью, Людмилой Михайловной, я не искал, это выше моих сил: слишком хорошо помнятся слова Н. А. Некрасова:

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей ниве
Своих поникнувших ветвей...

В. Коротаяев

И я иду в безмолвье ада,
Раз надо Родине – мне надо.

Николай Кирженко

...А письма все шли и шли. Восьмого июня, девятого... Лена вынимала их из почтового ящика, и ненадолго отпускала тревога: жив, здоров. Все так же заботлив и нежен ее Саша. И двенадцатого, в субботу, вскрывая конверт, опять улыбнулась трехлетнему сынишке: "От папы".

Тринадцатого ей сообщили, что ее муж, старший лейтенант Александр Александрович Муравьев, погиб, исполняя интернациональный долг.

Шел 1982 год.

* * *

– Тетя Оля, расскажи мне про папу маленького!

Большие глаза – отцовские! – смотрят с нетерпеливым ожиданием.

В роду Муравьевых он, Саша, младший. Александрями были и дед и прадед. Александром звали отца. Саша-младший удивительно похож на него. Отец был высок, широкоплеч, прекрасно сложен (все школьные годы занимался спортом). На открытом, улыбчивом лице – необыкновенные ("не забыть их!") глаза. И теперь друзья, родные узнают в Саше-младшем отца.

Во внешности, в походке, в манерах, даже в характере. Может, еще и поэтому малыш так любил слушать рассказы тети Оли "про папу маленького".

В сердце Ольги Александровны свежи воспоминания детства.

...Вот Саша готовится идти в первый класс школы N 5, и она тоже вертится перед зеркалом, пытаясь завязать огромный бант. Саша посмеивается:

– Рано тебе еще, через два года в школу возьмут!

Учиться он сразу стал хорошо, был почти отличником, и учителя говорили маме: “Смышленный мальчик”. Потом, правда, оценки стали хуже, как нередко бывает, но тяга к учению осталась.

...— Да где же Саша-то?! — мама очень взволнована. Отправила сына в магазин, а его все нет и нет. Оля поминутно выглядывает в окошко.

— Мама, смотри скорее!

Не спеша по улице идет Саша. Рядом огромная собака... несет в зубах его сетку.

Животных Саша очень любил. Не мог пройти мимо кошки или собаки, не погладив, не приласкав. И нередко незнакомые псы преданно провожали его до самого дома. Об этой его страсти знали все — родители, друзья, одноклассники.

Наконец и в их квартире появился щенок. Маленький черный Дикарь. До чего с ним весело было играть! Брат с сестрой росли шумные, шаловливые, случалось, и дрались. Вот уж этого Дикарь не любил. Лаял, бегал вокруг, хватал Олю за платье, Сашу за штаны. И — прекращал потасовку.

Через полгода Дикаря не стало. Спасти не смогли. Плакали всей семьей. И мама после этого сказала:

— Все, собак в доме больше не будет.

Саша отводил душу с собаками чужими, а в деревне у бабушки, куда они ездили каждое лето, его страстью становились лошади.

... — Оля, есть ведь в доме конфеты!

— Точно есть! Давай найдем? — Оля с готовностью вскакивает.

— Давай!

Приближался какой-то праздник, а это значило, что мама уже купила самых-самых вкусных конфет и где-то спрятала... Но не от острых глаз догадливых своих “следопытов”.

— В шкафу?

— Было.

— А где не было?

— Давай заглянем в электропечь! *

Конфеты найдены и уплетаются с восторгом: победа! А потом, конечно, — расплата: в праздник — без конфет.

Выходной. Мама хлопочет у духовки, печет пироги: как обычно, сегодня придут родные. Будет многолюдно и весело.

Многолюдно у Муравьевых бывало нередко. И в Сашины школьные годы, и позднее, когда он стал курсантом Череповецкого высшего военного училища радиоэлектроники. По словам однокурсника Александра Г. С. Бойцева, ныне майора, все они для Сашиной матери были родные.

К Муравьевым можно было прийти независимо от того, дома Саша или нет: Зоя Александровна всегда накормит, напоит, расспросит, какие новости, пишут ли из дома. Отец поинтересуется делами в училище.

Вечерами семья собиралась на кухне. Обсуждали, что у кого случилось – в школе и на работе. Сашин отец работал на Череповецком металлургическом комбинате, сначала начальником группы композиционной наплавки, а затем, когда стало сдавать здоровье, – сварщиком на стане “2000”. Мама заведовала магазином N 7 горпищеторга.

Если бывали неприятности, вместе искали выход, если радость – тоже делили на всех. Вместе решали и что купить из вещей. Дети, кстати, всегда знали, где родители хранят деньги, но ни разу ни один не взял без спроса ни копейки. Видно, урок с конфетами запомнился.

...Воспоминания детства. Обычно они вызывают улыбку, согревают своим давним теплом, но у Сашиной сестры заставляют сжиматься сердце в щемящей боли.

В добром и открытом доме Муравьевых и дети росли открытыми и добрыми. “Мухи не обидит”, – говорили о Саше. В классе ласково звали Ванечкой – за душевность, доброжелательность, так свойственные Иванам из русских сказок.

А профессию выбрал военную. Жестокую, по нашим понятиям. Но, может быть, потому и выбрал, что по-настоящему любил людей. Когда вводили в Афганистан войска, объясняя всем, что это делается “для защиты южных границ Родины и наших друзей”, – Саша подал рапорт с просьбой направить его туда.

– Это было не просто желание испытать себя, не жажда романтики, – не столько утверждает, сколько размышляет майор А. В. Гайтанов, однокурсник Александра. – Нечто большее движет военными в такой ситуации.

Быть может, доля объяснения – в словах классного руководителя Л. Г. Шишкаревой: “В ребятах Сашиного класса очень сильно было чувство долга”.

Долг перед Родиной. Воинский долг.

Эти слова приходилось слышать каждый раз, как только заходил разговор об Александре Муравьеве. Его друзья,

родные, педагоги произносили их очень естественно, без всякого пафоса: это чувство, сильное и гордое, жило и в них. Это понятие было из системы ценностей, принятой в их кругу, ценностей, которые исповедовал Саша.

Курс, на котором учился Александр, был сильным. Немало доброго осталось в училище благодаря этому курсу. Появился туристский клуб, курсанты прошли по “дороге жизни”, видели Закарпатье, Кавказ, Карелию. Увлеклись гребным и парусным спортом, стали призерами Северо-Западной зоны в гребле на ялах. Много было и других начинаний у десятой роты, где учился Александр Муравьев. Нет, не во всех делах оказывался заводилой именно он. Но запомнился однокашникам причастным ко всему.

“Он был самым интересным среди нас” – считают друзья.

– А главное – это был человек колоссальной надежности, – добавляет майор В. Л. Тамп, ныне преподаватель Череповецкого высшего военного училища радиоэлектроники. – Я помню далеко не всех, с кем учился, но Сашу помню очень хорошо.

Проявлялась надежность во всем. И во время учений. И в наряде (“С ним хорошо было дежурить: никогда не переключивал работу на плечи другого, скорее сам поможет”). И просто в дружбе.

...Они были в училище как четыре мушкетера: Иван Горбунов и три Александра – Муравьев, Гайтанов и Смолич. Спаяла их любовь к армии. Все отслужили “срочную”, знали трудности армейской доли, но выбрали армию своей профессией, делом жизни.

Увлекались практически всем, жили очень наполненно. Саша Муравьев таскал товарищей на хоккей, на занятия парашютным спортом, боксом – на все, чем увлекался сам. После хоккея, где кричали до сумасшествия, они могли пойти на серьезный фильм, требующий внимания и раздумий. Саша Смолич возглавлял училищный ВИА, возлагая на друзей “ответственную” роль носильщиков аппаратуры. Им и это было интересно. Организовывали вечера, приглашали студенток из соседнего пединститута. А потом у всех трех Александров появились (бывают же совпадения!) невесты Елены. К концу учебы сыграли три свадьбы и шутили: “Будут в нашей компании три Сан Саныча!” Почти в одно время у всех троих родились сыновья...

Военная служба разбросала друзей. Александр Муравьев получил направление в Подмоскovie, в воздушно-

десантные войска. Он сам хотел в десантные. Почему? Этого мы уже не узнаем. Может быть, это была дань юношеской мечте о летном училище, желание прийти к той цели, на полпути к которой остановился отец. (Старший Муравьев училище не закончил – не прошел очередную медкомиссию). Может, просто хотел продолжить традицию, ведь в армии Саша служил десанником. А может, все-таки надеялся, что так скорее попадет в Афганистан? Сестре на расспросы он коротко сказал: “Так надо...”

В Афганистан его направили в 1981-м.

Письма приходили сдержанные и успокаивающие.

“Что говорят, то больше слухи”, – писал Саша.

Через несколько месяцев он, как и многие наши ребята, переболел гепатитом и получил направление в санаторий. Но у Саши были дела поважнее, чем укрепление собственного здоровья. Взяв с собой Лену, он поехал на место прежней службы, в Подмоскovie: в Афганистане погиб Володя Ступицкий, и Саша не мог, находясь в Союзе, хотя бы в сороковой день не прийти к его жене. Тем более что на операцию Володя ходил с его, Сашиной, ротой...

А в Череповце его ждали друзья. У Саши Смолича был день рождения, и празднование его откладывалось до приезда Муравьевых.

В этот приезд он был не похож на себя. Так говорили все, кто видел его. В этот приезд он даже в школу не пришел.

Людмила Георгиевна Шишкарева, встретив его с сыном у магазина, удивленно спросила:

– Что же ты не заходишь, Саша?

– Мне не с чем к вам идти, Людмила Георгиевна.

– Как не с чем? – она не поняла сразу. – Разве раньше ты приходил с чем-то?

– С душой, – сказал он очень серьезно. – А сейчас она не на месте... Успокойся – приду.

Перед ней стоял взрослый, возмужавший человек. Жестче стали черты лица, и глаза, всегда полные света (“Удивительные глаза!” – говорят все, кто знал его), стали, казалось, темнее и глубже, словно прятал он от людей большую боль.

Душа его не успокоилась.

Он видел кровь и смерть. На его глазах – в какие-то мгновения – стал седым девятнадцатилетний мальчишка, когда увидел, что сделали с его товарищем душманы. Он знал, что для афганцев, объединившихся под зеленым знаменем “джихада” – “священной войны с неверными”, все

они были врагами, независимо от того, пришел ли ты в кишлак с автоматом или с грузом продовольствия и медикаментов. Он, привыкший любить и ласкать все живое, должен был посылать людей на смерть...

— Может быть, он раньше нас, тех, кто оставался здесь, понял правду об Афганистане — правду, которую мы начинаем узнавать только сейчас, — задумчиво говорит начальник курса, где учился Саша, подполковник в отставке Э. П. Амилявичус.

Друзья-военные не досаждали ему вопросами, чувствуя, как тяжело Александру.

И только с женой и сыном он сумел остаться прежним.

Как он любил их! На руках носил. Лена перебирает в памяти часы, дни, проведенные вместе, и вдруг вспоминает, как в первые дни их семейной жизни сварила суп. Саша ел, как ни в чем не бывало, только задумчиво и мягко сказал:

— Знаешь, по-моему, здесь чего-то не хватает...

Лена попробовала — и не смогла проглотить ни ложки (“Ничего-то я тогда не умела”). Зато Саша умел делать все. И обед приготовить, и уборку сделать. (“За ним мы были как за каменной стеной”). Он очень терпеливо ждал, когда Лена станет прекрасной хозяйкой.

Нежным и терпеливым он был и в свой последний отпуск.

— Только ночью, во сне, вдруг закричит: “Я тебе приказываю, стреляй!” — вспоминает Лена. — Разбужу его: “Саша, ты дома...”

А он всегда нервы в кулаке держал. Какие же потрясения пришлось ему испытать, если при его-то хладнокровии они не отпускали его даже ночью, прорываясь из глубин подсознания страшными видениями?! Он никогда не перекладывал груз своих переживаний на плечи друзей и близких. Наоборот, старался ободрить.

Это в нем было от мамы. Зоя Алексеевна даже после смерти сына была такой же приветливой к людям, всегда на лице ее видели улыбку. И поражались выдержке. Друзья знали, что Саша был для нее всем в жизни, она просто боготворила его. Однажды он с женой приехал в отпуск без предупреждения, сюрпризом. Она упала в обморок: “Не прислали телеграмму — значит, что-то случилось”.

— Это была какая-то неземная любовь, — говорит Лена, — и Саша отвечал ей тем же.

С детства для него было так: что мама сказала — то и закон. Став постарше, заботился о ней, оберегал. И не сте-

снялся, как бывает, своей сыновней любви. Многие помнят, как на школьном выпускном при первых звуках вальса Саша пошел приглашать на танец маму. А позднее, в училище, выкраивал из курсантской стипендии деньги, чтобы сделать ей подарок ко дню рождения: изящный сервиз, красивый платок...

— Он умел любить так, как сейчас не любят, — волнуясь, говорит Лена. — Мы с Сашкой тоже были для него всем.

Из отпуска Александр уезжал трудно. Возьмет билеты — и сдаст. Возьмет — и сдаст. Это было настолько несвойственно ему, человеку долга, что казалось фантастическим. Знал, что уходит туда, откуда не возвращаются? Предчувствовал смерть? Не станем гадать.

* * *

Лучшие ребята из ребят
Первыми уходят, как ни странно.
Но не будем плакать неустанно,
Мертвые нам это не простят...

После смерти мужа Лена завела блокнот, куда стала записывать стихи — те, что помогали выстоять. Строчки, которые вы прочитали, стали в том блокноте эпиграфом.

Сашу помнят. В школе № 20 бережно хранят в музее его личные вещи и документы. А у входа над школой — мемориальная доска: “Здесь с 1964 по 1972 год учился старший лейтенант Александр Александрович Муравьев”. Сохранить память о Саше помогли его классный руководитель Л. Г. Шишкарева и его одноклассники.

Он жив в памяти многих людей. Проезжая мимо воинского кладбища, всегда посигналит А. В. Гайтанов. Его дети, сидящие рядом в машине, понимающе спросят: “Дяде Саше?”

Да, это важно, чтобы мы помнили. Чтобы создавались Книги Памяти, Книги Скорби — как предостережение, как вечно звучащий колокол. Ведь за каждой похоронкой — чья-то судьба. Чья-то оборвавшаяся жизнь.

А кто измерит, чем стал Афганистан для друзей погибших, для их близких, родных? Для их отцов и матерей, для жен, ставших вдовами в двадцать с небольшим лет? Для детей, оставшихся сиротами?

Зоя Алексеевна Муравьева смогла прожить после смерти сына только два года. Ей было 52, когда сердце остановилось. Отец продержался еще два года...

7 июня придите на воинское кладбище Череповца. Там могила старшего лейтенанта Александра Александровича Муравьева. Рядом похоронены его родители. Вы обязательно встретите там его родных, однокурсников, друзей. Туда приходят и ученики школы N 20.

7 июня — день, когда его не стало. День его памяти.

* * *

Через пять лет А. А. Муравьев был награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

И. Ромина

ВОЛОДИНА ВЫСОТА

Если бы меня спросили, что самое главное я вынес с этой войны, я бы не задумываясь ответил: "Уверенность в нынешнем поколении наших мальчишек..."

М. М. Паишевич.

Афганистан: война глазами комбата

"Вова рос всеобщим любимцем. Чувствуя доброту и любовь к себе, он тоже был добрым с самого раннего детства. Дружелюбие, заботливость о других, стремление поделиться с друзьями доставляло ему радость, лучше сказать, это было потребностью его души" – так начинается рукопись Ангелины Владимировны с воспоминаниями о сыне.

В садике и первые школьные годы мама во всем была его верным помощником, учила читать стихи, петь песни, репетировала с ним номера художественной самодеятельности. В семейном альбоме есть фото: центральная площадь поселка Молочное, митинг в честь 25-летия Победы, на котором шестилетний Вова читает стихи.

Куда б ни шел, ни ехал ты,
Но здесь остановись,
Могиле этой дорогой
Всем сердцем поклонись...

После митинга возлагали цветы к памятнику землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Среди имен на обелиске имя и Вовиногу дедушки – Владимира Николаевича Волкова, и мальчик, счастливый от успешного выступления на митинге, сразу посерьезнел, словно бы повзрослел. Не это ли детское воспоминание стало причиной того, что с первой рабочей полочки Владимир купил маленькую копию памятника погибшим защитникам страны, поставил ее на своем письменном столе и наказал маме: "Пусть всегда тут стоит". Возможно, это была его память о деде, которого он никогда не видел.

Очерк написан совместно с А. В. Галуниным.

Учился Володя так себе, был обычным школьником, ничем особенным не выделялся. Рос крепким и здоровым, любил спорт и труд, умел дружить с одноклассниками, был честным и справедливым.

Он любил походы всей семьей в лес за грибами и ягодами; красота природы могла привести его в восхищение. А еще его друзьями были книги. Ангелина Владимировна бережет любимые книжки из детской библиотечки сына — “Зеленый фургон” Казачинского и “Оштинскую тетрадь” Спивак, “Ханский ярлык” Изюмского, “Прорыв” Азарова. Одно время вместе с братом он увлекался выжиганием по дереву, коллекционированием марок. Среди его увлечений была музыка. Володя любил свою гитару, пробовал играть на баяне. Как большинству мальчишек, ему хотелось выбрать для себя “мужскую профессию”, “стать машинистом”, чтобы проехать по всей стране и все увидеть своими глазами. А то вдруг хотелось работать с животными...

Зимой 1978 года Ангелина Владимировна присутствовала на совещании завучей средних специальных учебных заведений, которое проводилось в ГПТУ N 28. Дома она рассказала сыновьям, как ей понравились учебные комнаты, мастерские, порядок в училище. А через год, окончив восемь классов, Володя подал документы в это училище, решив стать наладчиком шлифовальных станков. На мамин удивление ответил: “А помнишь, ты же сама это училище нахваливала?”

Во время учебы в ГПТУ Володиной страстью стал конный спорт. В Молочном институте для студентов зоофака организовали конноспортивную секцию; он добился зачисления в нее. Вскоре Володя стал конником-спортсменом 3-го разряда. Особенно маме и сыну запомнились конноспортивные выступления на стадионе “Динамо” в Вологде, когда праздновали День города. Из Молочного ребята выехали в проливной дождь. “Может, плащ или зонт принести?” — спросила Ангелина Владимировна. А сын ответил: “Что ты, мама, мы же “буденовцы”! Не положено!”

Возвратясь с выступления, Володя радостно рассказывал: “Мама, знаешь, как красиво стучали подковы по асфальту... Выступили хорошо, а вот никто из организаторов не предусмотрел, чтоб коням сена дать”.

В июле 1982-го, досрочно защитив диплом в ГПТУ N 28, Володя поехал в г. Мелеуз сдавать экзамены в СПТУ-33 на вновь открываемое отделение тренеров по верховой езде.

Успешно сдал экзамены и был принят при конкурсе тридцать человек на место. Но общежития училище не предоставляло, а позволить себе жить на частной квартире Володя не мог, так как знал, что средств на это у мамы нет. И он вернулся в Вологду.

Армейская служба началась для Володи добровольно и досрочно. В сентябре 1982 года он со своей просьбой явился в горвоенкомат, но ему ответили, что на досрочный призыв требуется согласие родителей. С неделю Володя уговаривал маму, чтобы она поехала в военкомат...

30 сентября родные и друзья проводили Володю на службу. Со всеми он простился на вокзале. Только бабушке не позволил ехать в город, зная, что ей, вдове солдата Великой Отечественной, будет очень тяжела эта вокзальная сцена с командами, погрузкой, "Прощанием славянки" – символом слез и потерь 41-го года.

В квартиру с тихими окнами на излучину Вологды и заречные дали стали приходить письма. Вот строки из них.

"Нахожусь в 280 км от афганской границы в подразделении позаброске в ДРА. Мама, не расстраивайся, все будет нормально, я жив, здоров, устаю очень..." (12 октября).

"Целыми днями занимаемся строевыми подготовками и марш-бросками, по 6 км в песках, изматываемся до изнеможения. Некоторые даже падают, но опять встают и бегут. А бегаем каждый день, да не налегке, а в полном снаряжении. Шинель, рюкзак (с НЗ – 9 кг). Автомат, штык-нож и 4 рожка с патронами. <...> Но, мама, дорогая, это ничего, ведь, как сказал нам комбат, "солдатский труд самый тяжелый". Ты за меня не расстраивайся. Я все смогу, все выдержу, я же должен отдать долг Родине, верно?" (18 октября).

"...Вчера, т. е. 1-го числа, был марш-бросок на 35 км. Подняли утром в 5 часов по тревоге. Взяли с собой паек, который уже сложен в рюкзаках. Шинель, автомат, противогаз, подсумок, плащ химзащиты. Если я вешу 70 кг, то со всем этим, наверное, кг 90 будет. Вернулись только вечером. <...> Очень трудно писать, все кости ломит, бока, ноги болят, весь как выжатый лимон. А все другие – тоже. А в основном все нормально. Из 6 мишеней сбил 4. На разводе объявили благодарность. <...> Мама, с 15 декабря будут отправлять. Все будет нормально. Осталось 23 месяца..."

В его письмах родным – суровая правда солдатской жизни в Афганистане.

“Здравствуй, братишка! Хочу сообщить тебе, что сейчас я нахожусь в госпитале, только об этом никто не должен знать. Получилось это так: когда заступил на пост, то был дождь, а где-то часа в 4 ночи он кончился, и я вышел из дзота на улицу, чтобы проветриться, а то в дзоте такая духота от печки, что не продохнешь. Только я взял сигарету в рот и зажег спичку, раздался выстрел из долины. Это был снайпер... Повезло мне, попал в правую ногу, чуть ниже колена. Сразу резанула меня такая боль, что я чуть не бухнулся, но с трудом вытерпел и, передернув автомат, всадил в то место, откуда стреляли... Наутро часов в 7 пошли туда и принесли басмача со снайперкой пакистанского изготовления. Пуля такая маленькая, а сделала такую дыру, как 5 копеек, но мне сразу завязали ногу и кровотечение перестало... Вот лежу и ничего не делаю, уже надоело за 5 дней... Маме скажи, чтобы не волновалась за меня, что обстановка тихая, а на самом деле не бывает дня, чтобы где-нибудь не обстреляли пост. Ну, братишка, сам понимаешь, служба у меня не из легких выпала, но служить надо, я ведь принимал присягу и это мой долг...” (15 марта 1983 года).

После лечения Володя возвратился в свой взвод, который в самом конце марта был переброшен на знаменитый перевал Саланг. Взвод участвовал в засадах, организуемых против душманов Ахмад-Шаха – одного из лидеров вооруженной оппозиции, проводил патрулирование, охраняя трубы нефтепровода и тоннель, прочесывал кишлаки по тревоге. В довершение ко всему в части шло строительство казармы, столовой, бани – всего и не перечислить, что приходилось выполнять и уметь молодому солдату.

Несмотря на огромные нервные и физические перегрузки, ему по-прежнему не изменяют наблюдательность, легкий юмор, спокойствие, суровая требовательность.

“Здравствуй, Коля! <...> Собираемся на операцию... которая будет проходить в ущелье, туда из долины прошло много банд, и когда из Союза приходят колонны с продуктами и боеприпасами, то они обстреливают их и наносят нам большие потери. <...> Локоть немного болит. Когда вытаскивали из лавины снега танк тягачом, то лопнул трос и кусок попал в локоть, разрубило, как топором, ну ничего, уже заживает. Только вот одно плохо, что здесь всякие раны начинают гнить, и получается пятнистое место. Нога уже полностью зажила...”

“Здравствуй, моя дорогая, любимая бабушка! <...> Я жив, здоров, ничем не болею, и вообще у меня все хорошо,

вот уже подходит к концу 10-й месяц моей службы, а там, смотришь, и год пройдет, а за ним и еще один, а потом я всех вас увижу и будет о чем поговорить с вами. Очень соскучился по тебе и по всем остальным, но служба есть служба...

Володя не был "военной косточкой" и так же, как другие солдаты срочной службы, считал не только месяцы, но и дни своего пребывания на службе. Вместе с тем он пишет в своей записной книжке: "Служба – это долг".

Из письма: "Прибыло к нам пополнение, но все сейчас лежат в санчасти, ни одного нет во взводе. Один прострелил себе ногу очередью, сейчас его посадят за членовредительство, потому что прострелил нарочно. Просто некоторым служба показалась сильно тяжелой и невыносимой, вот и стреляют по ногам и взрывают пальцы. Они думают, что комиссуют, но это не так. Боятся, что убьют их, и из-за этого тоже занимаются членовредительством..."

Как другие солдаты, Володя радуется каждому письму, очень ждет их, он любит, когда в праздничном обеде есть конфеты или когда можно, придя с мороза, с поста, "попить кофе со сгущенкой вволю".

Володя был умелым солдатом, может быть потому, что был готов к трудностям, ответственности, и, наверное, потому еще, что все делал с желанием, не смотрел на армию как на жизненное наказание.

"...Я не жалею, что попал сюда служить, здесь я многое пережил, испытал себя на выносливость и понял цену человека, цену жизни".

Сознание постоянной опасности входило в плоть и кровь. В письме к брату, радуясь его счастью и поздравляя его со свадьбой, Володя пишет: "...Жалко только одного, что не погуляю я на твоей свадьбе, а может быть, и ты на моей не погуляешь..."

Это письмо было написано после тяжелого боя, когда 25 машин-наливников попали в засаду. Многие машины горели, удушающий запах гари, копоти забивал глаза, рот, легкие, под ногами хрустел фарфор, видимо, в одной из машин везли для продажи населению посуду. Лишь один КАМАЗ прорвался в кишлак Калатак. Там был опорный пункт 6-й роты 177-го полка, которая на БТР вышла навстречу горячей колонне. С другой стороны спешила 4-я рота, спустившаяся с Саланга. Группу из восемнадцати человек возглавлял старший сержант В. Некрасов. Три часа шел бой, чтоб сбросить с гор засевших там душманов. В развалинах

кишлака обе роты встретились, взяв в кольцо большую группу мятежников. Некрасов подошел доложить комбату Кузыченко о выполнении задания. Здесь и познакомились земляки – замполит А. В. Галунин и старший сержант В. Некрасов.

Боевые операции следовали одна за другой. Декабрьским днем прочесывали кишлак Базарак. Здесь бой с душманами вели афганские студенты (они месяц учились и по две-три недели воевали) совместно с 4-й ротой. Мятежники оказывали яростное сопротивление. Наша сторона несла большие потери. Володя со своей группой проходил дувал за дувалом. После короткого сна снова предстоял бой – ночью командир 177-го полка подполковник Кошкин поставил задачу прочесать кишлак Офьяни-Шариф. На окраинах кишлака группа Некрасова завязала бой с душманами. В ходе боя штаб полка оторвался от основных сил. Разведчики вместе с группой Некрасова пробивались к окруженным, вынесли убитых и раненых, а потом продолжали прочесывание, пока не стемнело.

Неподалеку от 177-го полка стоял афганский полк, охранявший Джабаль-Уссарадж. Духи захватили часть его окраин. У многих солдат-афганцев семьи оказались заложниками душманов, поэтому они первыми бросились на штурм своих же домов, но под сильным огнем застряли, заняли оборону. Группе старшего сержанта Некрасова удалось захватить пару крепостей и обеспечить наступление наших групп. Душманы прятались в сараях, погребах, даже на женской половине домов. После боя местные жители со счастливыми лицами, а многие и с заплаканными глазами выносили солдатам хлеб, плов, приглашали в дома.

Но батальон отходил назад, к дороге. Парни несли до брони своих убитых товарищей, угрюмо молчали и, прощаясь с ними, каждый думал: когда же конец стычкам, боям?

Затем была большая Чарикарская операция. Увязая в мокрой глине, батальон Кузыченко совместно с афганскими солдатами вел наступление на Тибазар, где располагались исламский комитет и штаб формирования банд. Бой шел уже час, когда рота афганцев была отрезана от нашей роты, отстала и, имея потери, не могла продолжать движение. У афганцев был ранен командир, и спасти его получил задачу сержант Некрасов. Вдоль арыка удалось подползти к окруженным. Некрасов пустил дымы, взвалил на себя раненого и пошел. Сам Володя нес командира, у которого

были перебиты ноги. Их прикрывали сзади и спереди свободные бойцы из его группы. Как только оторвались от дувала, огонь стал таким плотным, что ребятам пришлось ползти. Весь батальон сосредоточил отвлекающий огонь на душманах и как мог помогал спасать афганцев. До ближайшей крепости, занятой нашими бойцами, оставалось совсем немного, и Некрасов, с раненым на спине, пошел, встав в полный рост, но тут же снайпер попал ему в левую ногу. Кость была цела, в горячке боя он не сразу почувствовал свое ранение и продолжал двигаться вперед. Наконец вот он — дувал. Все попадали без сил, глотая мокрый воздух вместе с дождем.

На вертолете Володю доставили в Баграм. Некрасов долечивался в Ташкенте. По состоянию здоровья Володя мог остаться до конца срока службы в учебном полку инструктором. Но он вернулся.

Долгих три месяца замкомвзвода Некрасов укреплял оборону и позиции двух секретов “Крест” и “Красная горка”. Это была адская работа под палящим солнцем. Обливаясь потом, солдаты таскали на себе с полковых складов боеприпасы, продукты, воду. Наезжал комбат Кузыченко, интересовался, как идут дела, и исчезал в Гульбахоре, где батальон круглосуточно вел неравные бои.

Володя с молодыми солдатами ломами, кирками долбил скалистый грунт, словно чувствовал, что здесь ему предстоит смертельный бой, так как душманы проводили рядом караваны с оружием, и Володин взвод мешал им как кость в горле.

2 сентября 1984 года раздалось несколько взрывов на склонах горы. После проверки постов Володя с товарищами был в землянке. Все бросились к оружию. Душманы стреляли со всех сторон. Пулеметчик, дежуривший на тропе, был убит. Некрасов по связи доложил о нападении в полк. На соседнем секрете тоже шел бой. Один за другим гибли ребята, удерживая важную в стратегическом отношении высоту.

В это время внизу, под секретом, лежали в санчасти больные гепатитом ребята, и если бы Володя не устоял, всех их духи прикончили бы. Через два-три часа подошла на броне разведроты. Уничтожив душманов, окружавших секрет “Крест”, разведка поднялась на разбитые позиции. Володя Некрасов был еще жив. Патроны у него кончились. В одной руке он сжимал гранату, словно не веря, что помощь

придет. В другой руке было несколько мелких камешков – горсточка афганской земли.

Пуля пробила каску и сорвала лобно-височную часть черепной кости. Когда его несли, даже стонов не было слышно. Володя просил об одном – нести его потише. Глубокой ночью он был доставлен в баграмский госпиталь, где врачи во время операции пытались спасти его жизнь. Но рана была смертельной.

До приказа об увольнении ему оставалось 29 дней.

Привез Владимира Некрасова на родину А. В. Галунин. На траурном митинге замполит сказал лишь несколько слов – спазмы перехватили горло.

Уходит в историю афганская война. Ее признали ошибкой. И в спину “афганцев” подуло холодком. Но, лишая их, павших и живых, права на отвагу и мужество, забывая о солдатской смекалке и взаимовыручке, мы зачеркиваем не только кровь и пот, страдания и раны солдат-“афганцев”. Мы лишаем себя еще одной частицы памяти народной, пусть и очень горькой. Великая благодарность матерям, родным и близким погибших, которые передают на хранение в музей дорогие для них реликвии.

Ангелина Владимировна вместе с фотографиями и документами передала в Музей истории молодежного движения и те, святые для нее, камешки...

На сельском кладбище поселка Молочное, на открытом взгорке, – могила Владимира Ивановича Некрасова. И зиму и лето мамыны заботливые руки украшают ее цветами...

В. Карпова

СТАЛ БЫ МАСТЕРОВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

А солнце печет нас — немислимым зноем,
А мне бы напиться, да нет здесь ручья.
А небо большое — такое чужое,
Чужой горизонт и чужая земля.

*Валерий Петряев.
Из "афганской" песни*

Жизнь Сережи Нифонтова складывалась во многом схоже с жизнью таких же, как и он, сельских ребят: учеба в школе, курсы автоводителей, а затем — служба в рядах Советской Армии.

В деревнях Чебаково и Непотягово Вологодского района прошли детские годы Сережи. Весь уклад сельской жизни и обстановка в семье по-своему сказались на формировании его характера.

У Галины Васильевны Нифонтовой Сережа был третьим, младшим ребенком. Случилось так, что матери пришлось одной растить и воспитывать детей. Работа на животноводческой ферме забирала у нее уйму времени, и Сережа был просто незаменимым помощником маме в домашнем хозяйстве. Заготовить дрова, истопить печь, принести воды — все эти дела лежали на нем. Помогал Сережа и на ферме. Если мама по делам уезжала в город, непременно встречал ее у автобуса. Летом частенько баловал ее то грибами, то карасями — на рыбалку на зорьке убегал. Вот так и подрастал в доме мужчина — добрый и заботливый.

Дорога в школу от деревни Чебаково до деревни Спас для четвероклашки была неблизкой — восемь километров туда и восемь обратно. Но не было случая, чтобы мальчик опоздал на уроки.

Учился Сережа не блестяще, как говорится, звезд с неба не хватал, зато в работе был безотказен. Мебель школьную починить, "на картошку" в поле выйти (редкий колхоз-совхоз без помощи школьников обходится по осени) — на любую просьбу Сережа откликался. И в памяти одноклассников он "обычный парень, отзывчивый, дружелюбный, надежный". Вот и получается, что очень важными качест-

вами, в представлении сельских мальчишек 80-х, надо было обладать, чтобы назвали тебя “обычным парнем”.

Лучше других, конечно, знал Сергея его закадычный друг Саша Исаков. “Сергея был каким-то неумным человеком. Всегда что-то придумывал, все в его руках спорилось. Все делал легко, как бы с шуткой-прибауткой. То из разных частей смастерит велосипед (мама не имела возможности купить), то возится с разной техникой, которую очень любил. Однажды, когда уже самостоятельно работал, у них сломался трактор. Всю ночь Сергей провозился с ним в мастерской; пока не отремонтировал, домой не пошел...”

Не случайно по окончании Спасской средней школы вместе с аттестатом Сергей получил и удостоверение тракториста.

Сразу же после выпускного вечера он пошел работать в совхоз “Пригородный”. В октябре 1982 года уже занимался по линии военкомата на курсах автоводителей в школе ДОСААФ, а 1 апреля 1983 был призван в ряды Советской Армии. В письмах маме и друзьям, адресованных из г. Термеза, скупые строки о курсе молодого бойца и грусть по родному дому.

В июле письма стали приходить из Афганистана, из Файзабада. О себе в письмах – почти ничего. Служит водителем-электромехаником зенитной батареи... Почаще пишите... Побольше присылайте фотографий. В восточке домой не сообщишь о том, о чем складывали песни, которые, несмотря на запреты, просачивались “из-за речки”.

Наш путь сейчас лежит до Файзабада.
Кундуз, Кишим остались позади.
Но ты поверь, любовь сильнее ада,
Еще немного друга обожди.

А басмачи ущелье заложили,
Но мы пройдем: солдату не впервой.
Опять на нас с гор мины полетели,
Опять в ущелье завязался бой...

В начале октября мама и друзья получили от Сергея последние письма, а 22 октября стало для молодого солдата роковым днем.

30 октября цинковый гроб был доставлен в Непотягово. Жители поселка пришли проводить Сережу в последний путь.

В доме остались от него немногие поделки, среди них – деревянные веретешки. “Уж очень любил мастерить по дереву, – вспоминает Галина Васильевна. – Думаю, что стал бы он мастеровым человеком... Если бы подольше пожил...”

Написал эти слова и подумал вот о чем. Афганская война повыбила и покалечила не просто молодые жизни, а жизни ребят работающих, по-своему в чем-то одаренных, мастеровых в широком смысле слова. Мастерство этих парней не окрепло, не расцвело, не украсило родную землю плодами их физического ли, интеллектуального ли труда...

А что же на афганской стороне? Вспомнилась годичной давности статья из “Комсомольской правды”. Называлась – “Россия уходит из Афганистана”. В ней приводились интересные высказывания афганцев о том, что при Бабраке Кармале квалифицированных рабочих призывали в армию аж на пять лет! И это в феодальной стране! Такая политика оттолкнула многие слои населения от кабульского режима. Ведь еще с античных времен мудрые правители поощряли развитие ремесел, видя в этом залог процветания государства...

* * *

Сельское кладбище у деревни Харачево Вологодского района, принявшее прах Сергея, полно тишины и покоя.

Только спокойно ли у нас на душе?

В. Смирнов

ЛУЧШЕ МАЛЕНЬКИЙ КАДУЙ, ЧЕМ БОЛЬШОЙ КАБУЛ

Но не верь в спокойствие ты вечное —
Вот уже к тебе под облака
Тянутся прерывистые встречные
Огненные трассы ДШК...

*Игорь Морозов.
Из "афганской" песни*

Бездонное южное небо опрокинулось над долиной. Редкие белые облака, словно вата, цепляются за хребты афганских гор. Палатки, автомашины, вертолеты, бронетранспортеры и пушки — все в маскировочных пятнах желто-землистого цвета. Кое-где возле каменных брустверов алеют каплями крови маки и тюльпаны. Легкий ветерок едва колышет их, разнося вокруг запахи солянки и керосина. Раскаленный воздух дрожит возле боевых машин. На одной из них загорелые молодые бойцы, перебрасываясь изредка шутками, производят замену несущего винта. Возле вертолета в рабочем беспорядке блестят на солнце огнетушители, ведра, банки, гаечные ключи и автоматы.

Бортовой техник лейтенант Сергей Окулов — зеленоглазый, высокий, атлетического телосложения — уплотняя втулку вала винта, говорил своим товарищам:

— Откуда только не шлют вооружение духам: гранатометы — и швейцарские, и израильские, и немецкие, ракетные комплексы — и американские...

— ...И английские. Мины — итальянские, — подхватил товарищ. — А без помощи империалистов разве долго бы продержалась оппозиция?

— Дак это дело ясное, — отозвался Окулов.

Со стороны кабульского аэродрома донесся гул самолета. Куском миткаля Окулов вытер соленый пот с лица, посмотрел на вершины гор, на светлое майское небо. Может быть, с Родины доставил тот самолет почту, продукты, медикаменты, кровь для раненых бойцов. А может быть, "черный тюльпан" снова понес в Россию свинцовый печальный груз. Скольких друзей-товарищей проводил Окулов в последний путь за те шесть месяцев, что он здесь. Недавно погиб его сослуживец и друг, с которым вместе

учились в Кировском военном авиационно-техническом училище. Он поклялся отомстить за него и клятву свою сдержит...

— У нас на Вологодчине такие сосновые боры заповедные! — оживился Окулов. — А реки! Озера!

— А комары — по воробышу! — улыбнулся, поддерживая настроение, земляк.

— Комары — ерунда. Вот, живы будем, после войны приежай ко мне в Кадуй, я тебя на Суду свожу. Окунь, леши там!.. Во такие лапти, — развел он руками. — К нам на рыбалку даже из Москвы и Ленинграда приезжают. Кадуй наш как раз где-то между Ленинградом и Москвой.

— Так там же Бологое, — возразил кто-то из бойцов. И все повеселели. Кто-то вполголоса напевал припев популярной лирической песенки. А к вертолету прихрамывающей походкой подходил старший механик, майор.

— Ну зачем? У нас же другая железка, Октябрьская, а Бологое — южнее, — пояснил Окулов и попросил. — Саша, дай-ка мне фляжку попить. Чертово пекло! Нет, мужики, лучше маленький Кадуй, чем большой Кабул...

— Я вижу, вы уже закругляетесь, — доставая пачку сигарет, сказал майор.

— Осталось заменить масло и опробовать в работе, — ответил Окулов. Заметив, что бойцы потянулись к майору на перекур, он тоже быстро спустился с фюзеляжа на площадку.

— На восемнадцатом борту стрелок приболел, — не спеша говорил майор. — В пяти километрах от Балабага духи атаковали колонну. Засада... Стреляют из трех гранатометов...

— Разрешите, товарищ майор, — обратился Окулов. — Мне там засады душманские известны...

Майор пристально посмотрел на осунувшееся, обветренное лицо лейтенанта, на его атлетическую фигуру, глубоко затянувшись сигаретным дымом и, словно раздумывая, сказал:

— Тебе, Сережа, отпуск объявлен, не сегодня-завтра домой полетишь. Вот замену пришлю — и полетишь, отдохнешь в санатории...

— Товарищ майор, так тем паче, — подался к нему Окулов.

Майор по-отцовски потрепал его черные волосы, вздохнув, улыбнулся. Он хорошо знал этого двадцатидвухлетнего лейтенанта, справедливого в отношениях с товарищами, мужественно переносившего все трудности военной жизни, комсомольца, добросовестного механика, мечтающего

после войны поступить в военную академию. Он знал, что Окулов мечтал летать, чтобы чувствовать себя счастливым от сознания того, что он летает, как пилот из “Последнего дюйма” Джеймса Олдриджа. Знал майор и о том, что, единственный сын у родителей, Окулов, неся службу в Германии, мог бы и не писать рапорт с просьбой направить его в Афганистан.

– Хорошо, Сергей Анатольевич, – вздохнув, сказал майор, – закончите ремонт, приведите себя в порядок, я доложу командиру...

Обкатав машину после ремонта, бойцы живо убрали инструмент и ремонтную оснастку, освежились водичкой и, балагурия, пошли в палаточный городок, обнесенный каменной стеной в рост человека. Похожий на форт для долгой самостоятельной обороны, городок с его чистотой и порядком, посыпанными песком дорожками, декорированными клумбами, спортплощадкой, лозунгами был для них словно краешек Родины.

В короткие часы передышки Сергей все чаще вспоминал не знавшую в домашних и школьных хлопотах усталость мать. Анна Николаевна работала в кадуйской средней школе № 2. Сергей не числился в самых старательных учениках, и это немного огорчало ее. Зато у него всегда были хорошие друзья и товарищи, плохой компании он избегал, и это ее радовало. Любознательный, он тянулся к отцу-механизатору. Анатолий Михайлович пробудил в сыне интерес к технике, который и определил его выбор пути – пойти по стопам отца, стать механизатором. Успешно закончив кадуйское СПТУ № 45, он решил учиться дальше. Любовь к технике и счастливый брак с милой и ласковой Нелей помогли Сергею закончить курс обучения без троек.

После обеда был дан отбой. Посмотрев свежий номер “Красной звезды”, прикрывшись от назойливых мух простыней, Окулов, словно далекий сон, вспоминал те четыре счастливых месяца, когда Неля с сынишкой приехали к нему в Германию. Усталый, измотанный, грязный от пыли и масел, пропахший керосином, он, возвращаясь домой, иногда ворчал на свою грязную работу. Но при виде Дениски улыбался, отходил, теплел, с радостью бегал в магазин, помогал жене готовить и стирать. А утром, как ни в чем не бывало, уходил летать и прыгать с парашютом, “чинить” вертолеты.

После подъема на построении был зачитан приказ об очередном боевом задании, не суливший легкой жизни. Кому-то предстояло подвергнуть обстрелу крупную базу противника в уезде Сурхуд, кому-то – уничтожить круглосуточную душманскую засаду у шоссе вблизи кишлака Балабаг. Экипажу борта N 18, куда стрелком был зачислен и лейтенант Окулов, было приказано “встретить иностранных гостей” с сопредельной стороны, тайком пробиравшихся в глубь Афганистана.

Почему-то вдруг вспомнилось, как в Германии, вот на таком же построении, командир вызвал его выйти перед строем. От неожиданности он напрягся, приготовился к худшему. Когда командир зачитал телеграмму и поздравил его с рождением сына, он не мог сдержать слез радости. Товарищи жали ему руку, похлопывали по плечу, поздравляли, а он улыбался и плакал...

Поздней ночью 6 мая 1987 года, выполнив боевую задачу, экипаж вертолета Ми-24 возвращался к месту дислокации своего подразделения. Они летели без сигнальных огней вдоль ущелья. Вдруг машину несколько раз подбросило... Радист тут же сообщил на базу: “Попал под обстрел ДШК*... Один из двигателей отказал, пробуем перевалить через хребет”. Сквозь шум мотора и радиопомехи бойцы слышали команду: “Прыгать!” Но в этот миг машина ударилась о скалу и с большой высоты рухнула в ущелье. На место падения утром были заброшены наши десантники. Спустя восемь часов они обнаружили разбитый вертолет с бортовым номером “восемнадцать” и погибших членов экипажа.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество, проявленное при выполнении интернационального долга в Афганистане, Окулов Сергей Анатольевич награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

В. Борисов

* Пулемет (Дегтярева–Шпагина крупнокалиберный). – *Примеч. сост.*

“СЛИШКОМ МНОГО ПОТЕРЬ...”

Идут в атаку молча, стиснув зубы.
Призыва нет: “За Родину, вперед!”
Лишь матернута запекшиеся губы
С горы в упор хлестнувший пулемет...

Виктор Куценко

Саша Орлов был призван в ряды Советской Армии в июле 1983 года. Сначала служил в Средней Азии, а 10 июня 1984 года родные получили его первое письмо из Афганистана. Он сообщил, что прибыл туда в конце марта, что два месяца провели в горах и дни были горячие. И с этого дня в семье Орловых поселилась тревога.

Каждый день ждали писем, а приходили они не часто. Всего их двенадцать. Читаю одно за другим. Читаю с болью душевной и думаю, какими же они были совсем мальчишками, как нежны были к своим родителям, стараясь ничем не огорчить, и как свят был для них воинский долг. Вот строчки из Сашиных писем.

“Жив, здоров, а это не так уж и мало. Плохо, что нечего почитать, о книгах только мечтать приходится”.

“Внизу, т. е. в ущелье, уже поспели абрикосы, персики, яблоки. Когда спускаемся вниз... набираем фрукты и варим компот. Короче, живем нормально”.

Все в этом письме рассчитано на то, чтобы успокоить родных, особенно маму. Саша даже жалеет, что нельзя послать домой посылку с фруктами. Вот так: юг, солнце, фрукты, горы! А кругом война. Но об этом родным писать много не стоит, чтобы не очень-то волновались: “Скоро, наверное, придется прекратить спуск в ущелье, т. к. душманы борзеют на глазах. Обстреливают полк из миномета. К счастью, никого даже не задело”.

Когда Саша попал в госпиталь после контузии, он сообщил домой: “У меня небольшие изменения. Только не пугайтесь. Попал в госпиталь. Можно было и не ехать, но решил вылечить уши (у меня лопнула и вторая перепонка). Так что слышу очень плохо”. И в самом конце письма: “Я в отпуске от войны”.

Сколько же пришлось перенести нашим мальчишкам, попавшим в Афганистан, какая же боль, какой ужас выпали на их долю. А мы несколько лет и не знали ничего об этой войне! А оттуда, с той войны, наши сыновья, наши мальчишки слали редкие письма, в которых старались, как могли, успокоить родных.

Последнее письмо Саша написал 14 октября. "...Служба идет нормально. Но честно признаться, за этот месяц в роте уж слишком много потерь. <...> Сегодня ночью уходим на операцию. Кажется, надолго... До свидания. Надеюсь, что все будет хорошо".

А 16 октября 1984 года около восьми утра у одного из населенных пунктов завязался бой между мятежниками и мирным населением. Подразделение, в котором находился младший сержант Орлов, вышло на помощь мирному населению. Быстро и грамотно оценив обстановку, Александр вместе со своим подразделением занял удобную позицию и стал отражать нападение. В течение всего боя он вел себя мужественно и отважно. Когда противник стал отступать, младший сержант Орлов вместе со своим отделением выдвинулся для окружения оставшейся банды. Внезапно одна из вражеских пуль оборвала жизнь Александра. Обо всем этом я прочитала в извещении, написанном на имя родителей Саши Владимира Ивановича и Александры Ивановны Орловых.

С магнитофонной пленки звучит в сопровождении гитары мягкий мальчишеский голос.

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю в нашу легли когда-то,
А превратились в белых журавлей...

Саши Орлова нет среди нас, а голос его, чуть грустный, но в то же время словно бы не сомневающийся в том, что вся жизнь еще впереди, — голос этот живет. Мы слушаем, и слезы стоят на глазах, а на столе — альбом с его фотографиями. Очень открытое русское лицо, волевой взгляд и ослепительная "гагаринская" улыбка. Вот он среди друзей по музыкальному ансамблю в обнимку с гитарой, а вот на мотоцикле, и опять среди ребят. У него было много друзей. Он умел дружить. К нему тянулись. Привлекало его доброе отношение к людям, справедливость.

И еще одна фотография – выпуск 1982 года, бывший десятый класс 2-й грязовецкой школы. Саша выглядит очень сосредоточенным, а взгляд задумчивый, устремленный куда-то в себя.

После окончания школы Саша поступил в политехнический институт на гидротехнический факультет. Быстро вошел в студенческий коллектив, как и все, занимался в лабораториях, читалке, готовясь к занятиям. А в свободное время пел в кругу друзей. Очень любил Владимира Высоцкого. Сочинял сам песни о любви, дружбе, жизни. Наверное, Саша запал в душу многим, если и сейчас, спустя уже годы после его гибели, ребята по-прежнему приезжают в дом к его родителям, на могилу к нему.

Саша Орлов живет в памяти своих родных, друзей, земляков. О том, чтобы грязовчане, и не только они, помнили о ребятах, погибших в Афганистане, заботятся учащиеся школы, где он учился. Святое дело – воспитание у ребят чувства патриотизма, исторической памяти о сынах земли Русской, сложивших голову на чужбине, выполняя свой воинский долг, возглавила бывшая одноклассница Саши, классный руководитель Любовь Павловна Пинькова. Первыми, кого я попросила рассказать мне о Саше, были ребята из этого класса. Слушала их и видела Сашу – высокого, статного, улыбчивого, увлекающегося спортом, любящего книги.

Каждый год 16 октября в школе проводится день памяти А. Орлова. А в 1989 году здесь два дня работал маленький музей, в котором размещалась временная экспозиция, посвященная Саше. Для каждого класса была проведена экскурсия. Девочки-экскурсоводы очень волновались, как примут их рассказ старшеклассники. А увидели перед собой во время экскурсии серьезные глаза и очень внимательные лица.

Школьники провели выездные экскурсии и на предприятиях города. Пусть живут в памяти народной имена наших мальчишек, не вернувшихся с кровавых полей Афганистана.

* * *

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июня 1985 г. Александр Орлов награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Т. Сычева

ЕМУ ВСЮ ЖИЗНЬ НЕ ВЕЗЛО

Мы дети необъявленной войны,
Всех ваших неудач и преступлений...

Валерий Горбачев

Вова Павленко был бы, наверное, самым счастливым человеком, если бы даже мама постоянно поругивала за порванные штанишки и озорные выходки, а отец награждал бы ощутимыми шлепками за частокол единиц в дневнике. Но Вова был лишен и такого счастья. Родившая Вову женщина отказалась от него. Не знал он и отца. Они украли у него детство, а значит, и юность не сулила Володе ничего хорошего.

Какой-то злой рок преследовал этого парнишку. Воспитывался Володя в школе-интернате города Сокола. Отсюда и в армию его провожали.

И солдатом он побыл совсем немного: меньше шести месяцев. В конце этого срока выпало ему участвовать в Афганистане в тяжелой операции по ликвидации крупной группировки мятежников.

Кто знаком с военным делом, тот знает, что в бою прежде всего стараются подавить огневые точки противника.

А рядовой Павленко был пулеметчиком. Это его шквальный огонь не давал поднять голову зажатым в кольцо духам. Единственное, что им оставалось, — это попытаться зайти к пулеметчику в тыл...

Увлеченный боем, Володя не заметил, как несколько мятежников обошли его с флангов. Прикрывая огнем товарищей, сам он был ничем не прикрыт. Когда заметил опасность, было уже поздно. Правда, Владимир еще успел развернуть пулемет на 180 градусов и полоснуть очередью по мятежникам. Пятеро из них поплатились жизнью. Но шестой выстрелил раньше, чем нащупал его среди камней юный пулеметчик.

Володя был еще жив, когда товарищи вынесли его из-под огня. Но рана оказалась смертельной. Спасти солдата не удалось.

4 июля 1982 года ему исполнилось бы 19 лет. Он не дожил до дня рождения ровно одного месяца. 4 июня Володи Павленко не стало. Кто-то горько сказал на могиле героя: "Ему опять не повезло".

Похоронен Володя в городе Череповце. Почему не в Соколе? Да потому, что в личном деле война значилось, что в Череповце проживает та самая женщина. Мы умолчим об ее имени, потому что она сама лишила себя права называться Володиной мамой. Да, видно, и в Соколе не нашлось близких друзей у Владимира. Возможно, вновь сказалось невезение, преследовавшее его всю жизнь. Во всяком случае, на просьбу написать очерк о Володе Павленко для этого сборника никто из интернатовских не откликнулся.

Ю. Леднев

В ЧАРИКАРСКОЙ ДОЛИНЕ

Мне не забыть
 палящий жар Афгана,
Ребят погибших,
 не вернувшихся домой...

Вадим Матвеев

Почти шесть месяцев и почти каждое утро Сергей Парыгин шел со своей овчаркой-миноискателем Эрмой проверять дорогу, соединяющую 45-й инженерно-саперный Чарикарский полк с основной магистралью, где на каждом метре из тысячи могла поджидать смерть.

Каждый день – работа, тяжелая, постоянно связанная с риском.

*“Душманами минируются все тропы, дороги, огневые точки, места, где удобно отдохнуть, оставленные жителями кишлаки, родники, реки, – пишет в своих воспоминаниях генерал В. П. Куценко, инженер-сапер, художник и поэт. – Поэтому впереди всегда идут саперы. Кто эти люди? Ведь никто не мечтает в детстве быть сапером. Вы видели, чтобы дети играли в сапера? Все они мечтают о профессиях романтических. Профессия же сапера – тяжелая, крайне опасная, не украшенная ореолом романтики, но требующая от воина стальной выдержки, быстрого ума, глубоких профессиональных знаний, бесстрашия и решительности. <...> Не каждый может стать сапером. Не зря на работу с миноискателем подбираются воины с музыкальным слухом. Тональность сигнала миноискателя может подсказать многое. Но различить ее может не каждый”**

Сергей тоже не мечтал в детстве стать сапером, но качеств, необходимых для такой профессии, ему было не занимать. Он сам попросился в Афганистан, и одно это говорит о многом...

* Куценко В. П. Дорога на Барикот / Афганистан болит в моей душе. М: Молодая гвардия, 1990. С. 117.

Сергей Парыгин родился в селе Нюксеница Вологодской области. Раскинулось село на берегу Сухоны, да еще на две части разделяет его светлая Нюксенка. Часто вспоминал Сергей ее журчание и прохладу под раскаленным солнцем Афганистана, когда казалось, что оно испепелит даже камни. Трудно было привыкать после холодных зим и звонких от капели весен к сухому обжигающему "афганцу", резким сменам суточной температуры... Помогала физическая закалка.

В школе любимым предметом Сергея была физкультура, а учителям Виталию Александровичу и Галине Евгеньевне Паневым, которые вели этот предмет, он слал открытки из Афганистана. С пятого класса занимался в лыжной секции, десятилетку закончил с первым взрослым разрядом по лыжам. О его спортивных успехах напоминают десятки Почетных грамот, хранящихся в доме родителей. Из школы младших специалистов по кинологии (собаководству) в Подмоскowie, где он учился после призыва в армию, Сергей писал: "По лыжам были эстафеты 4 человека по 2 километра, я бежал первым и пришел первым, самый лучший результат у меня. Наша рота среди других рот заняла первое место по лыжам... И по физподготовке я всегда в числе первых, вы только не подумайте, что я хвастаюсь перед вами, но это правда, большинство ребят не могут подтянуться один раз".

У Сергея было много друзей. В родительском доме, на улице Заречной, собирались большие компании ребят. Все любили спорт и с удовольствием занимались различными его видами. У дома был сооружен целый комплекс различных спортивных снарядов. Кстати, друзья договорились, что они не будут курить. И сдержали свое слово. А Сергей был единственным некурящим во всем взводе. Увлекались и музыкой. Позже, когда у некоторых парней, в том числе и у Сергея, появились мотоциклы, уезжали на выходные и праздники в другие села и деревни района к друзьям и знакомым, летом — на природу.

К Сергею притягивало словно магнитом. И это понятно. Его верность и преданность по отношению к близким ему людям были очевидны. В любую минуту мог прийти на помощь. Это не красивые слова, он никогда не поступал по-другому. Его друг, тоже Сергей, рассказывал, что если Парыгин заставлял его дома за делами, то без слов вклю-

чался в работу. Только закончив дело, друзья отправлялись гулять. Сергей умел чувствовать и понимать другого человека, и это укрепляло за ним негласное, но явное лидерство среди парней. Он нравился девушкам, и не только внешностью, но чуть заметной ироничностью, самоуверенностью. Следил за собой. И на работу в ЖЭУ, куда Сергей пришел после окончания ухтинского ПТУ-5, получив специальность слесаря контрольно-измерительных приборов 3-го разряда, всегда видели его аккуратным.

В 16-17 лет жизнь течет беззаботно, а небо кажется всегда безоблачным независимо от погоды.

В армии Сергей начинает переосмысливать, анализировать свою жизнь на гражданке. В последнем письме, датированном 15 октября 1988 года, он писал: “Приду из армии, буду совсем другим человеком, с положительной стороны буду смотреть на жизнь”. Это было взросление. Он собирался поступить на заочное отделение Вологодского строительного техникума. Дома у него оставалась любимая девушка, и родителям он сообщал, что сразу после армии женится. У него были большие планы на будущее...

А в Афганистане по-прежнему стреляли... К 15 августа 1988 года уже половина советских войск была выведена оттуда в Союз, но в шести провинциях еще стояли наши части.

И Сергей по-прежнему обезвреживал мины и боеприпасы, выезжал на боевые операции.

“Папа, ты не переживай, твой сын достойно отслужит и вернется к себе на Родину”, – писал Сергей в июле 1988 года.

Утром 20 октября 1988 года парни отдельного разведвзвода 45-го инженерно-саперного Чарикарского полка получили приказ сопровождать секретный груз в Кабул. В сопровождении был и Сергей Парыгин. Выехали из расположения полка на трех бэтэрах, но по дороге один сломался. Две машины прибыли в Кабул в назначенное время. За несколько часов ожидания сопровождавшие отдохнули, позагорали. В обратный путь отправились в хорошем настроении. По дороге шутили, смеялись. Во втором БТР прибавилось пассажиров – медсестра и продавец, а между боевыми машинами шел КАМАЗ, груженный товарами.

Зеленая зона, прилегающая к автотрассе Кабул–Чарикар, была излюбленным местом душманских

засад. Здесь мятежники очень часто нападали на колонны машин. Особенно опасным был участок “зеленки”, прозванный “аминовкой” за свой коварный характер.

Возвращаясь в полк, десантники увидели впереди по дороге клубы черного дыма – горела колонна наливников (бензовозов), которая вышла из Кабула минут на 20 раньше. Старший бронегруппы принял решение проскочить опасное место, но путь головной машине перекрыл душман с гранатометом. Снаряд угодил в переднее колесо. Взрывной волной сбило на землю Володю Милещенко – прямо под колеса КАМАЗа. Водитель успел затормозить. Колонна остановилась, и душманы усилили огонь. Услышав команду занять круговую оборону, парни попрыгали с бэтээров и, отстреливаясь, залегли.

Участник боя Саша Серов рассказывал: “Скоро мы услышали команду укрыться за бронемашинами. Последними оставались я и Сергей, лежавший впереди меня. Я окликнул его, но он молчал. Тогда я крикнул ребятам, чтобы прикрывали меня, и пополз к нему. Позвал, затем толкнул. Когда я перевернул его, рука стала мокрая и липкая. Это была кровь. А Сергей был мертв”.

* * *

В промозглый осенний день 25 октября у дома Парыгиных собралось почти все население Ньюксеницы. Многие плакали. Даже те, кто не знал его. Скорбели о прерванной войной юной жизни. Смерть не щадит, она выбирает лучших, тех, которые первыми оказываются на линии огня, которые никогда и никому не откажут в помощи. Даже незнакомым людям. Так и Сергей Парыгин рванулся на помощь афганцам защитить их революцию...

В центре Ньюксеницы, на высоком угоре, есть полузаросшее кладбище. Недалеко от входа – могила с мраморным надгробием и небольшим обелиском, на котором выбит портрет Сергея. Мрамор изменил черты красивого юношеского лица. Бывая на кладбище в дни поминовения, я всегда прихожу к ухоженной могиле в общем-то незнакомом, но ставшего мне до боли дорогим и близким парня. И думаю о его матери, Зинаиде Павловне, рабочей пищекомбината. Об отце, Виталии Григорьевиче, инвалиде первой группы. О войне, которая отобрала их сына в девятнадцать с половиной лет...

Думаю о том, что время все расставит на свои места; что Сергея будут помнить все, кто склоняет голову перед парнями восьмидесятых, ушедших в Афган и не вернувшихся домой. Не вернувшихся с войны, которая оставила родителям Сергея на память о нем военную форму младшего сержанта, орден Красной Звезды, медаль “За боевые заслуги” (обе награды – посмертно), афганский орден “Воину-интернационалисту”, две медали “Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа”, юбилейную медаль “70 лет Вооруженных сил СССР”, Почетную грамоту Президиума Верховного Совета СССР. За мужество и воинскую доблесть.

Т. Богословская

“А БЫЛ ОН ЛИШЬ СОЛДАТ...”

Я помню их, ты запомни меня, а тебя
запомнят, кто после тебя народится, те
будут неизвестные – еще лучше тебя. Так и
будет жить один в другом, как один свет.

Андрей Платонов.

Свет жизни

Вот уже восемь лет земной шар живет без Славика Петрова. Без неизвестного ему череповецкого парня, встретившего свой смертный час на чужой земле двадцати лет от роду.

Командование воинской части сообщило матери солдата:

“Уважаемая Алевтина Ивановна!

С глубоким прискорбием к Вам обращается командование части, где проходил службу Ваш сын, рядовой Вячеслав Петров.

Выполняя свой служебный и интернациональный долг на территории ДРА, 17 июня 1984 года, проявив стойкость и мужество, Вячеслав погиб в бою с мятежниками...”

Хоронили Славу в Череповце, хоронили весьма скромно, без официальных речей, без митинга, как хоронили тогда сотни, тысячи убиенных вдали от Родины наших ребят, словно бы и не с полей сражения привозили этих парней в цинковых “бушлатах” их матерям во все города и веси российские, а с какой-нибудь пьяной скандальной драчки, о которой на миру и говорить-то совестно. И это останется нашим великим позором, который не замолить нам никакими молитвами во веки веков.

В восемьдесят третьем, кажется, году на городском кладбищенском мемориале шел митинг в честь Дня Победы. Отцы города много говорили с трибуны о памяти, о происках империализма, о поджигателях новой войны, о нейтронной бомбе. Но ни один из ораторов ни словом не обмолвился о том, что вот тут же, на краю мемориальной площади, уже появился ряд свежих могил, а в тех могилах – первые жертвы Афганистана. Никто не предложил многотысячной толпе участников митинга почтить наряду с на-

шедшими вечный покой в этой земле воинами Великой Отечественной и память этих так безвременно ушедших ребят. А над свежими захоронениями бились в рыданиях матери юных солдат, и эти рвущие душу рыдания заставили содрогнуться людей, оцепенеть в недоумении: как это можно — не разделить с ними их безутешного горя?

Что, не знали руководители горкома партии и горисполкома, кто лежит в этих могилах? Знать-то знали, да велено им было держать язык за зубами: Афганистан, по идеологическим установкам того времени, никого не убивал. И молчали.

Потом еще привозили в наш город цинковые гробы с погибшими “за речкой” ребятами, и их тоже закапывали наспех на разных кладбищах. Теперь спохватились: надо было создать общий “афганский” мемориал, да поди собери сейчас все косточки. Вот она, наша память!

А памяти достоин каждый “афганский” солдат. И слава Богу, что дожили мы все-таки до поры, когда пришел конец позорному умолчанию о суровой доле, выпавшей нашим мальчишкам, — доле фронтовиков, многие из которых стали жертвами той необъявленной войны. Наконец-то мы перешагнули через обветшавшую идею приоритета классовых интересов. Многие десятилетия нам внушали, что ради этой высокой идеи не жаль принести на жертвенный алтарь жизнь любого отдельно взятого человека. Помните, у Светлова:

Отряд не заметил
Потери бойца
И “Яблочко”-песню
Допел до конца...

Донезамечались. Лучший цвет армии в свое время угробили, теперь вот тысячи славных и умных ребят в Афгане положили! Нет, не светловская ура-революционная патетика ближе сегодня нам, а вот это платоновское: “...без меня народ неполный”.

Вот и без Славика Петрова народ тоже неполон.

Я пристально вглядываюсь в дорогие реликвии в квартире его матери, в квартире, в которой сам Слава никогда не бывал, потому что Алевтина Ивановна получила ее уже как мать погибшего воина. Одна из стен этой квартиры — своеобразный музей-мемориал. На ней любовно приклеены, приколоты, подвешены самые различные Славиковы вещи: школьные табеля успеваемости, боевые награды и грамоты

командования, картины-инкрустации, некогда подаренные ему друзьями, здесь же богатая коллекция собранных самим Славой значков и его увеличенный портрет – произведение еще “гражданских” дней (военных фотографий Вячеслава я не видел). Все в этой квартире напоминает о Славики, во всем живет неповторимый мир его души.

Алевтина Ивановна Петрова мало видела в жизни радости. Двоих детей, Славу и Свету, воспитывала в основном одна, работая дворником (а иначе – где жить?), и доходила соответственно этой должности. Уже потом сменила она место работы и сейчас трудится упаковщицей на сталепрокатном заводе. Но как бы ни приходилось трудно семье, дети никогда не чувствовали себя в чем-то ущемленными, а материнской любви и ласки получали, может, побольше других. “Слава у меня очень аккуратный мальчик был, – вспоминает Алевтина Ивановна, – любил рисовать, увлекался поделками, значки вот собирал. Не скажу, что во всем он был идеальным, не был отличником в школе или училище, характер свой имел, но очень он был добрый, внимательный паренек, дружить умел и с людьми был общительным”.

Да, Слава любил жизнь и думал, что этой жизни у него впереди еще ой как много. А между тем время подскочило и военкомат вручил ему повестку в армию. Кто уходил служить, помнит, как тревожен этот момент: не знаешь ведь, что ждет впереди, где будешь, да и по дому тоска смертная, по семье. А Славик в ту пору и вовсе мать донельзя расстроил, заявив, что его убьют, да не однажды эти слова повторил. А сам еще ни сном ни духом не ведал, что попадет в Афганистан. Вот и не верь после этого предчувствиям.

Однако с тоской новоиспеченный солдат, похоже, справился. Уже в первом письме из армии успокаивал маму: “...26.09.83 мы прибыли утром в Вологду, там пробыли на сборном пункте два дня и прошли комиссию, а 28 вечером выехали из Вологды и проездом через Череповец – прямо в Ленинград. Приехали в часть в г. Выборге 29-го часов в 12, а вечером уже переоделись в форму. Друг над другом смеялись, все висело, как балахон. <...> Уже натер мозоль, прихрамываю маленько, потому что не умею заматывать портянки”.

Знал ли молодой солдат, что первые трудности армейской службы – еще не трудности, что главное испытание – впереди? Может, и чувствовал это, но пока что привыкал, как и все новобранцы, к неудобствам и тяготам, неизбеж-

ным в солдатской жизни. Умел быть и серьезным, и веселым, и друзьям своим радовался. “Скучать некогда,— напишет он матери,— парни у нас отличные, с одним в 6-й школе учились, да два — из нашего училища”. Служба с земляками помогала ребятам переносить разлуку с родными, не раскисать, укреплять друг в друге надежду, и Славик охотно писал о своих друзьях: “Опять попали с Олегом Осиповым, что учились вместе в училище, в одну роту и один взвод, а из Череповца нас четверо, так что весело”; “Конечно, много уже повидал из военной службы. Есть и несправедливость, но хороших людей хватает везде, ребята во взводе очень хорошие, живем очень весело, дружно и интересно”; “Олега Осипов, мой друг, уже в Афганистане...”

Умел Славик Петров и любить по-настоящему и не жалел для любимой ласковых слов и нежности: “Наташе передайте сердечный привет, мое пожелание ей — поступить в институт. И передайте, что я люблю ее и скоро вернусь”. Потом в своих письмах Вячеслав еще не раз уверял, что его девушка — самая лучшая на земле и что он ее очень и очень любит. И все ждал заветной встречи.

Надежда жила в нем даже тогда, когда он точно знал, что его направят в Афганистан, что впереди жестокие бои. “В Афганистане год службы будет идти за три, но много и льгот после армии...” — писал он так, словно видел себя уже “на гражданке”. Трудно читать письма Славы, когда знаешь, что надежда его подвела, что не суждено ему было дожить до встречи с родными, с любимой девушкой. И все же читаю эти письма, то рассудительные, то смешливые.

“Я думаю: жизнь человека — это прекрасная штука, какая бы она ни была”. Оптимист он, Славик Петров, другого не скажешь.

Из туркменских краев Вячеслав пишет: “А здесь пустыня, пески, деревьев очень мало. <...> Кормят — на убой”. От последних слов — мурашки по коже. Лучше бы Слава не прибегал к такой метафоре...

Еще выдержки из последних его писем: “Можете спать спокойно, жить мирно, мы и наша техника не подведем”.

“Но я, конечно, как думаю, изменился, особенно характером. Мне кажется... да, я, конечно, исправился в лучшую сторону. <...> Каждый, конечно, знает, что армия меняет человека”.

Дыхание войны рядовой Петров ощущал уже совсем рядом и об этом доверительно писал матери из госпиталя,

где некоторое время лечился от желтухи: “Я узнал: все наши попали в Афган, и уже 15 человек — на том свете. Жаль, конечно, но что поделаешь, долг перед Родиной — прежде всего, ведь мы теперь защитники Отечества”. Последние слова Слава подчеркнул жирной линией. Выходит, многое значили эти слова для солдата, ко многому обязывали его. Он-то помнил про свой воинский долг, как помнили о нем и тысячи других наших воинов-“афганцев”.

А далеко от Кабула, на Большой земле, жили и такие люди, для которых эти слова были не более чем политической фразой. Жрецы-идеологи тех лет заклинали молодую ребятню поросль “до конца выполнить воинский долг”, призывали парней в солдатских шинелях свершить “историческую миссию”. Однако они, эти творцы ура-лозунгов и патриотических клише, великодушно прощали неисполненный долг своим чадам и внукам, а в пекло боев шли в основном ребята из рабоче-крестьянских семей да дети номенклатурной интеллигенции. Были, конечно, и в аппаратной среде, и в военном ведомстве совестливые люди, которым претила всяческая элитарщина. Помню, например, с каким сарказмом говорил с телеэкрана ныне покойный председатель Комитета ветеранов войны Кирилл Трофимович Мазуров о том, что из всего его большого дома, населенного высокопоставленными партийными и государственными чинами, только его внук служит в армии. Уводили номенклатурные чины своих сынков от солдатской лямки, от армейской службы вообще, не говоря уж о “горячем” Афгане.

После необходимой подготовки Вячеслав был направлен в Афганистан. Перед этим он написал матери: “Если буду писать “полевая почта”, значит, я в Афганистане. И главное — не обижайся, что мало буду писать”. Письмо было датировано 24 февраля 1984 года. Затем пришла еще одна весточка и Славик надолго замолчал. А потом это молчание взорвалось тем страшным “казенным” письмом, о котором было упомянуто вначале. Вот его продолжение: “...Это случилось около 4 часов утра. У одного из наших* пунктов завязался тяжелый бой между бандой мятежников и местным населением. Подразделение, в составе которого находился Ваш сын, вышло на помощь мирным жителям. Действуя смело и грамотно, рядовой Петров занял удобную позицию и открыл меткий и уничтожающий огонь по про-

* Так в тексте.— *Примеч. сост.*

тивнику. Своими умелыми действиями он неоднократно заставлял отступать мятежников. В течение всего боя Вячеслав вел себя мужественно и отважно, уничтожив в этом бою семерых мятежников и подавив 4 огневых точки противника. Одной из вражеских пуль он был убит...”

Славик Петров родился 7 января 1964 года. В день рождения Христа. А прожил на этой земле на тринадцать лет меньше. По-божески ли?

Тяжело читать строки о том, что в боях “между бандами мятежников и местным населением” нашим ребятам приходилось главный удар принимать на себя. Сейчас-то мы многое переосмысливаем в афганском десятилетии. Последние события в Афганистане еще больше убеждают, что большинство афганцев поддерживали именно оппозицию, а не кабульский режим. И, может быть, самая настоящая трагедия заключается в том, что своим вторжением в Афганистан мы спровоцировали там бесконечно долгую гражданскую войну.

А о Славике Петрове – что еще сказать? В письме командования части Алевтину Ивановну благодарят за воспитание сына – защитника Родины, не дрогнувшего перед лицом опасности и до конца исполнившего свой воинский долг.

Значит, от сердца шли те слова в письме Вячеслава, которые он подчеркнул жирной линией. Он погиб за дело, в которое свято верил.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Вячеслав Всеволодович Петров награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

К. Григорьев

ПОТЕРИ НЕ ОПРАВДАТЬ

Вы для нас подковы ковали,
А мы большую цену платили...

Александр Башлачев

Они призывались вместе. Про их ровесников говорят – прямо со школьной скамьи. Владимир Подоляка только что окончил Вологодское железнодорожное училище, Александр Погодин – выпускник Череповецкого лесомеханического техникума. Оказались в одной команде, которую направили сначала в Ленинград, а затем – “скорым ходом” – в Иолотань. Обкатывались на выжженном беспощадным солнцем плато, развивали навыки возможных жарких схваток с неведомым пока противником.

Они почувствовали, что противник обретает свои осязаемые черты, когда вместе с москвичами, ленинградцами, архангельскими и мурманскими парнями снялись и двинулись в Таджикистан. Их принял военный аэродром, и вскоре новобранцы оказались на территории южного и беспокойного соседа. Кто-то пошутил: “...знакомые вселица!” – имея в виду уже испытанную на себе природу и таджикский вроде бы ландшафт.

Первые впечатления обманчивы. Постепенно они наполнялись тревогой: новобранцы уже повидали результаты обстрела мятежниками большого города Кундуза – центра провинции Кундуз; они побывали в памятном местечке, в окрестностях Кабула, где в 1842 году афганцы полностью разгромили английский экспедиционный корпус численностью более 20 тысяч человек – в живых оставили только военного доктора. Гордый, свободолюбивый народ.

– И нас встречали без объятий, – рассказывал Владимир Подоляка. – Одно село поддерживало, другое – против... Когда мы вошли туда и немного во все вникли, увидели тринадцатый век. Там и граней-то между классами не обнаружишь. Для мусульман средневекового образа жизни и

капитализм – благо. И мы оказались как бы между двух огней. Как теперь стало известно, симпатии народа были на стороне оппозиции. За короткое время после нашего прихода она выросла с 30 до 200 с лишним тысяч. А с другой стороны, мы выполняли свой воинский долг. И, надо сказать, – честно.

Служба есть служба. День хороший, день плохой. И нет ценнее свидетельств о жарких афганских днях, чем рассказы самих “афганцев”. Ибо свидетельства эти оплачены самой страшной ценой – гибелью боевых товарищей и безутешными слезами их родителей и осиротевших детей.

Но “афганцы” очень неохотно делятся своими воспоминаниями, особенно о боевых действиях. Против кого воевали? Понимают: при Тараки и Амине отвергался любой компромисс с оппозицией. Но и потом, при Кармале, продолжал действовать силовой подход в решении внутренних проблем. Кармаль “свои расчеты строил на том, что советские войска будут бесконечно долго находиться в Афганистане и выполнять функции охраны режима. Он постоянно обращался к руководству Советского Союза с просьбами о проведении боевых операций в различных районах страны, считая военный путь основным в борьбе с мятежниками. Его просьбы удовлетворялись. В итоге наши части, по существу, превратились в решающую силу, обеспечивающую существование республиканской власти”*.

Конечно, благородное дело – помочь тому, кто слабее тебя. Другое дело – в какой форме. Но с оружием в руках?!

– Все дальше и дальше отодвигаются события, – с грустью размышляет Владимир, – как на киноплентке, которую прокручивают в обратную сторону. Мы знали одно: во что бы то ни стало доставить в столицу Афганистана продовольствие, товары первой необходимости. А в нас стреляли. Одно попадание артиллерийского снаряда или ракеты – и нет автомашины с мукой, хлебом или одеждой. Нас пытались уничтожить. Мы были начеку: при необходимости занимали огневую позицию, применяли имеющееся у нас оружие. Колонны достигали цели. Но в памяти остались не только мрачные воспоминания. В городе Пули-Хумри с помощью советских специалистов и воинов сооружались цементный завод, ГЭС, элеватор, новая школа.

* Тайны афганской войны. С. 78.

На открытии школы побывали и наши земляки. Вместе с учащимися оформляли классы, залы, сажали деревья. И тогда же Александра Погодина попросили помочь одному из местных старейшин в изучении русского языка.

В Афганистане Александр Погодин был наводчиком, как он выражался, “хороших штучек” – ракет ближнего боя. Приходилось ему участвовать и в обычных операциях. А обычными считались такие... Группа наших, уже бывалых, обстрелянных солдат вышла на заданный рубеж. Нужно было обезвредить группировку моджахедов. А это не так просто. Кругом бахчевые поля с дынями и арбузами – под прицелом душманов, фруктовые деревья, за которыми могли прятаться мятежники. Надо было провести визуальную разведку. Александр и его сослуживцы поползли в сторону предполагаемого противника. Осторожно. И вскоре услышали чужие голоса. Притаились. И в обратный путь. Ударили по цели неожиданно, засевшие в кишлаке душманы не успели опомниться. Все они оказались в плену. Обошлось без потерь. Наши не жаждали крови.

А сколько таких операций!

– Александр, как и все мы, прошел крещение огнем и кровью, – продолжает Владимир. – Я приехал домой в июле 1984 года. А Сашу почему-то задержали. Он пришел проводить меня. А сам так и не вернулся на Родину. Писал я своим однополчанам, расспрашивал, что с Александром. И никто ничего определенного не ответил. Спокойных районов в Афганистане не было. Любое патрулирование могло кончиться трагически. А какой он был доброжелательный, общительный... Потери наши оправдать нельзя.

На фото Саша – молодой, улыбающийся, веселые, ласковые глаза.

– Он сам был фотолюбителем, – замечает его мама Елизавета Андреевна.

– В техникуме ежегодно получал Почетные грамоты, – подсказывает отец, Виктор Семенович, – и за учебу, и за общественную работу. Иногда, бывало, спрошу его: “Куда, сынок, собираешься?” – “Пошел другу помочь”. Такой он. И в письмах из Афганистана ни на что не жаловался. Одно обидно – многие не понимают их, “афганцев”. Да и не хотят понимать.

– Когда наши уходили из Афганистана, в честь этого события мы назвали свою дочь Викторией, – вступил в разговор Владимир. – Вывод войск закончился 15-го числа, а дочь родилась 18 февраля.

— А вот как заходили в Афганистан — памяти не будет, — утверждает Виктор Семенович. — За девять лет ни одного фотодокумента не обнародовали. А теперь наши парни оказались еще и как бы виноватыми — зачем, мол, они туда входили. Эта мысль прозвучала даже в стихотворении Евтушенко “Афганский муравей”. Вот и сын с тревогой спрашивал в письме: “Наверное, там разное про нас говорят?” А конкретно, что его тревожит, не раскрыл, нельзя. Все в секрете. В какой-то мере понимаю. Самому довелось изведать фронтовой жизни. Знаю, что такое секретность.

Фронтовая жизнь у Виктора Семеновича началась с семнадцати лет; он охранял от фашистских налетов Мурманск. Демобилизовавшись, бригадирствовал в колхозе “Заветы Ильича”, потом сел за трактор и весной 1954 года вспахал 450 гектаров, перекрыв норму в полтора раза. По набору ушел монтажником на развернувшуюся стройку Череповецкого металлургического завода — в Коксохим-монтаж. Не жалел сил, возводя новые объекты. И все это сказалось на состоянии здоровья. В 1971 году его так согнуло, что два месяца провалялся в больнице и вышел инвалидом.

И все же по возможности трудился, гордился, что сын так и не познал ни горького вкуса спиртного, ни запаха сигарет. А вот как привезли его из Афганистана в гробу, сильно подтекавшем, Виктор Семенович слег в постель. Девять дней хлопотали над ним врачи, а поднять по-настоящему так и не смогли. На улицу долго не выходил, все думал: из-за чего наши “афганцы” в гробах лежат; осмысливал скудную информацию, да так и не мог разобраться, зачем помогать строительству социализма в стране, в которой, по рассказам знающих людей, общество носит общинно-повелительный характер, в стране, где сильны родоплеменные традиции. Не отсюда ли и секретность всего, что там происходило? И сын писал почти одно и то же: “Живем весело. Привет из Демократической Республики Афганистан!” А в его последних письмах — слова о скором возвращении: “Уже забрали военный билет, остается 61 день до приезда домой”; “Я уже почти гражданский человек”; “Жду коня до дома”.

А вместо коня — гроб.

Б. Андриюшанов

ЧЕЛОВЕК БЕЗ РУЖЬЯ

И все узнают,
что этой ночью
 пришла беда.
Ведь здесь стреляют,
Здесь, как и прежде,
 идет война...

Из "афганской" песни

В Верховажском СПТУ оформлен стенд, посвященный ребятам-"афганцам" из Верховажского района. Их более сорока человек. Особое место на стенде отведено бывшему преподавателю Верховажского СПТУ Полежаеву Валентину Николаевичу.

Он родился в 1955 году в деревне Чисть Терменьгского сельсовета Верховажского района.

После окончания Терменьгской восьмилетней школы Валентин поступил в Мурманское мореходное училище. Однако вскоре он разочаровался в морском деле и подал документы в Вельский сельскохозяйственный техникум. Такой поворот в его судьбе с одобрением был встречен родителями, чья жизнь тесно связана с сельским хозяйством. Мать В. Полежаева, Анна Евгеньевна, работала дояркой, неоднократно награждалась Почетными грамотами и ценными подарками. Отец, Николай Аркадьевич, несколько лет избирался председателем колхоза.

Учеба шла у Валентина хорошо. Правда, на стипендию жить было трудновато, поэтому приходилось подрабатывать. Характер не позволял просить помощи от родителей. Хотелось быть независимым. По окончании техникума он получил специальность техника-механика, до призыва в армию удалось немного поработать.

Служил он в ракетных войсках. Добросовестный и исполнительный паренек за хорошую службу был дважды поощрен отпуском на родину.

Отслужив "срочную", Валентин вернулся в Верховажье. Был принят в штат отдела капитального строительства управления сельского хозяйства на должность инспектора. Затем работал в районном отделении сельского хозяйства инженером по диагностированию материально-техничес-

кого парка. А с ноября 1979 года Валентин стал преподавателем в Верховажском СПТУ.

Работая в училище, Полежаев быстро завоевал уважение в коллективе. Да и неудивительно! Валентин умел делать все, что связано с техникой, легко осваивал любые марки машин и умело передавал свой опыт учащимся. Очень любил быструю езду, особенно на мотоцикле, имел великолепную реакцию. Очень хорошо знал лес и был удачлив в охоте на зайца и лису. Он очень любил цветы и много времени отдавал разведению самых прихотливых растений.

Вроде бы ничего не предвещало перемен в его судьбе. Поэтому земляки немало удивились, узнав, что он подал заявление в военкомат с просьбой зачислить вольнонаемным для выполнения интернационального долга в Афганистане. Сосед по деревне, теперь генерал в отставке Петр Степанович Савинский, вспоминал, что он отговаривал Валентина от поездки в Афганистан:

– Если тебя так потянуло за рубеж, то я могу помочь в устройстве на работу в другом месте, в другой стране.

Но Валентин от другой страны отказался:

– Хочу испытать себя в Афганистане!

В. Полежаева зачислили на должность машиниста двигателей внутреннего сгорания.

18 августа 1984 года он написал из Кабула первое письмо: "...Пишу письмо, когда обосновался, мне крупно повезло, попали в часть вчетвером из области. <...> Работаю дизелистом. Новая техника, так что пока не ломается. На станции стоит кондиционер, прохладно и афганская жара не страшна. Работа нравится, даже и не предполагал, что так будет. Дежури́м по сменам, свободного времени много. Начал заниматься спортом, по утрам бегаю, пить бросил, а курить – пока нет, но постараюсь. Занимаюсь читкой книг, за месяц прочитал примерно столько, сколько дома за год..."

Ему нравилось бывать в городе, знакомиться с местными обычаями. Очень удивляло Валентина, что в магазинах работают одни мужчины. Пусть ребенок двенадцати лет – но чтоб мужчина...

Павел Кузьминский, земляк Валентина и его сослуживец по работе в Афганистане, рассказывал, что они обслуживали электростанцию, которая удовлетворяла потребности в электроэнергии наших войск в Кабуле и мирных жителей афганской столицы.

С помощью Советского Союза в Афганистане за несколько лет был построен не один десяток крупных объек-

тов промышленного и гражданского назначения. Только в Кабуле был сооружен мощный современный хлебокомбинат, Центр матери и ребенка, Кабульский политехнический институт.

Производство электроэнергии в стране выросло на 30 процентов*...

Эти объекты строили советские специалисты, на них работали люди, которые, как Валентин Полежаев, пришли сюда без оружия. Но и их тоже “закружило в афганской метели...”

Его сразили из-за угла автоматной очередью недалеко от штаба воинской части.

Валентин Николаевич Полежаев похоронен на кладбище в с. Верховажье. Память о нем хранят родные, знакомые, преподаватели и учащиеся Верховажского СПТУ.

Г. Буданов.

Литобработка Ю. Леднева

* Тайны афганской войны. С. 202.

МАЛЬЧИШКЕ БЫЛО ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Мальчишек вырывали из обыкновенной жизни – училище, школа, музыка, танц-площадка – и бросали в ад, в грязь. Восемнадцатилетних мальчиков, десятиклассников, которым можно было внушить все.

Светлана Алексиевич.

Цинковые мальчики

Алеша Пономарев смотрит с портрета смело и чуть вопросительно – словно школьник, который только что держал ответ на экзамене и теперь безмолвно спрашивает учителя: правильно ли ответил, не ошибся ли в чем? Нет, не твоя ошибка, мальчик, на сей раз заставляет сжиматься сердце. Не твоя вина, что ты успел в своей жизни сделать слишком мало...

На стене под твоим портретом – треугольный кумачовый вымпел с десятком чемпионских значков и медалей. Среди них – медаль чемпиона Кадуйского района по легкой атлетике, золотой значок ГТО. Твоя мама, Александра Дмитриевна, бережно хранит десятки спортивных призов, сувениров, дипломов, которых ты был удостоен, еще когда учился в Кадуйской средней школе и ГПТУ N 33. Кто знает, может быть, ты оказался бы на вершине спортивной славы или из тебя получился бы заботливый тренер, если бы не случился в твоей жизни Афган.

Ты рвался туда, чтобы выполнить интернациональный долг. В тебе было развито это высокое чувство – чувство долга. И никто не объяснил тебе, что Афганистан – это не Испания...

В шестнадцать лет ты узнал соленый вкус настоящего, взрослого труда, работая в составе ССО на Уломском торфопредприятии. Тебя наградили “за добросовестный труд и высокие показатели в работе”. Много ли найдется твоих ровесников, кому вручали бы Почетные грамоты с такими словами? И кто знает, может быть, ты стал бы классным механизатором и собирал бы высокие урожаи на родном вологодском поле, если бы... Если бы не тот проклятый бой 18 июня 1988 года, когда душманы совершили нападение на заставу, где ты служил.

Отражая атаку врага, уничтожив в перестрелке нескольких духов, ты погиб, выполнив свой воинский долг до конца.

Твое первое письмо из Афганистана стало последней восточкой домой:

“Здравствуй, мама!

Пишу тебе первое письмо с нового места своей службы. День Победы встретил уже здесь. Из учебки мы уехали первыми. Сначала сели в вагоны и ехали 1,5 суток, затем на машине до аэродрома, потом на самолете, и 8 мая были уже на месте. С нашей роты нас всего четверо. Часть стоит недалеко от города. В части есть клуб, три раза в неделю (среда, суббота, воскресенье) показывают фильмы бесплатно, 9 мая уже ходили на фильм.

Сейчас у нас так называемый карантин (акклиматизация), продлится до 15 июня. Идут занятия, как в учебке (физподготовка, политзанятия, строевая подготовка). С водой здесь, конечно, плохо, пропадает довольно часто. Кормят лучше, чем в учебке, да в жару и есть не больно-то хочется...

Мама, письма пока не пиши, потому что нас отсюда “раскидают” через месяц. Передавай привет Валюше и Мише!

Мама, не расстраивайся, если месяц не будет писем. До свидания!

15.05.88. Алексей”.

Это был счастливый день – 15 мая 1988 года. Когда ты обдумывал свое письмо домой, ты, возможно, уже знал, что в Кундузе, Гардезе, Джелалабаде идут торжественные митинги, посвященные выводу советских войск из Афганистана, и первые части 40-й армии двинулись на Родину. Но ты ни словом не обмолвился об этом в письме. Ты щадил родных и даже не назвал места службы. Многие “афганцы” делали так, а то и вообще писали домой, что несут службу где-нибудь среди барханов Монголии. Те, кто знал твою тайну, тоже хранили ее. Читаю письмо твоего самого близкого друга Андрея Кекина:

“Я знал, конечно, с самого начала, что Лешка попал в Афган, мне об этом написала девочка, с которой Алеша дружил. Знали о его “секрете” лишь мы двое. От него оттуда писем не было, так как адресов мы еще не знали точных. Теперь уже нечего скрывать...

Еще до армии мы решили с ним, что если будет такая возможность, то постараемся попасть на службу именно туда. Алеша писал рапорт еще из Карелии. Да и из учебки у

него была возможность попасть служить в Среднюю Азию. И почему я, его лучший друг, узнаю о том, что случилось, в последнюю очередь? В голове никак не укладывается, не могу себе представить, как буду после армии жить без Алешки... Ведь последние 2-3 года мы все время были вместе. Такого друга у меня уже не будет...”

Ты был хорошим другом, Алеша. Твой младший братишка хочет быть похожим на тебя. Наверное, у него будет такое же хорошее, открытое лицо. И твоя мама, бросив ласковый взгляд на шестилетнего Мишу, тихо шепчет: “Сбереги их, сыночков наших, судьба...”

В. Борисов

ВСЕ, ЧТО ОСТАЛОСЬ...

Какие бы долги, включая интернациональный, ни брало на себя руководство, расплачивается за них народ.

Станислав Кондрашов

Саша погиб в середине декабря у небольшого селения Дех-Кидам, зажатого в предгорьях старого ущелья Панджшер.

А здесь, в белых снегах, неясные мрачные предчувствия вдруг охватили Марию Михеевну. "Господи, вот ведь какая страшная тоска..." Подошла к окну, замерла на миг, рассматривая застывшие на морозе деревья. Вспомнила, как Саша, собираясь с каникул в училище, смеясь, говорил: "Вот тоска!"

Повторила: "Какая тоска, как сказал бы Саша-упокойник..." И спохватилась, хлестнула себя с размаху по губам: что ты, мать, болтаешь!

30 декабря 1982 года в семью Попиковых принесли повестку: "С глубоким прискорбием извещаем вас, что ваш сын старший лейтенант Попиков Александр Анатольевич, верный воинской присяге и интернациональному долгу..." Померк свет, и не осталось в нем ничего, кроме офицерской фигуры в дверном проеме, с непривычной робостью переминавшейся с ноги на ногу и не знавшей, куда девать руку, только что протянувшую матери этот казенный листок.

Передо мной сидит уставшая от неизбывного горя женщина. Рассказывает. Сын родился в пятьдесят девятом, в городе Уварово Тамбовской области. Как и все дети, в семь лет пошел в школу, учился хорошо. Озорничал, конечно, но хулиганом, нет, не был, не врал никогда, не подличал. Семья военная: исколесили страну – вдоль и поперек. И в Европе жили, и в Азии. Наконец перебрались в Череповец. Саша уж в то время курсантом был, учился в Коломенском высшем артиллерийском училище; потому, наверное, в

Череповце у него – ни друзей, ни особо знакомых... А отец не хотел, чтобы Саша был военным...

Было все, но словно ничего и не было. Прогретая летним солнцем челка, да яблочно-розовая детская щека. Первый пушок на подбородке и мужской запах курсантского мундира, а потом – слезы, венки, соболезнования. Только память – скоро десять лет пройдет... И письма (посмотришь, нет, не сон!) – трагический дневник человеческого горя.

“...Ваш сын во время боя был тяжело ранен в голову в район височной кости. Скончался через два с половиной часа в госпитале. От места, где его ранили, везли 70 километров на БТР. Адрес госпиталя не знаем. Командир части (подпись)”.

“Номер войсковой части медицинского учреждения дать не можем, поскольку это нам не известно... О подробностях гибели вашего сына мы сообщали вам раньше в *дозволенной форме* (курсив мой. – Авт.). Командир части (подпись)”.

“Извините, что не знаю вашего имени и отчества. В ответ на ваше письмо сообщая, что ваш сын никогда не находился в нашем госпитале...”

“Я изложил все известное мне о гибели А. Попикова и дал ответы на вопросы. Больше, к сожалению, мне написать нет возможности, так как в связи с заменой офицеров, выслуживших установленный срок, очевидцев уже не осталось. Командир части (подпись)”.

“Ваш сын должен был убыть в отпуск в декабре 1982 года. Скончался он 16 декабря от пулевого ранения в голову на посту, где нес службу со своим подразделением... Еще будучи живым, Александр был представлен к награждению орденом Красной Звезды”.

Родители даже не знали сначала, что Саша в Афганистане. Он ничего не написал, не хотел волновать. Письма пересылал с оказией: кто ехал в отпуск, опускал конверты в Москве.

– Только через полгода все открылось, – вспоминает Мария Михеевна. – Я ночей тогда не спала, места себе найти не могла. Да... И девушка у него была. Теперь уже замужем, дети есть...

“Первое представление о награждении Александра было не реализовано, а в декабре 1982 года он был

представлен вторично и награжден орденом Красной Звезды посмертно...”

“Награда находится в Главном управлении кадров Министерства обороны СССР”.

“Командование части просит прощения за задержку с отправкой вещей вашего сына...”

“Сообщаю, что начальнику политотдела строго указано на недопустимость подобной волокиты с отправкой вещей вашего сына”.

“Извините за невольный обман, но так получилось, что буквально за несколько дней до отпуска капитан В. Самчин серьезно заболел. Я узнавал: он скоро выписывается и привезет вещи старшего лейтенанта А. Попикова...”

Мария Михеевна насчитала двадцать один официальный документ, полученный ею за два года переписки с “властями”. Зачем писала, нарываясь на равнодушие и казенный слог различных ведомств и организаций? Чего, к примеру, стоит получить такое:

“При сооружении надгробия на его лицевой стороне указываются: воинское звание, фамилия, имя, отчество, дата рождения и гибели. Ниже делается надпись: “Погиб при исполнении служебных обязанностей”. Или вот еще образец бездушия: “...Произведены следующие расходы: изготовление и установка временного надгробия – 237 рублей, изготовление и установка гранитной плиты – 250 рублей, изготовление подставки из цветного бетона – 32 рубля. Сюда не включены расходы на земляные работы...”

Но она писала, собирая по крупицам все, что только можно было узнать о сыне, добываясь правды. Как всплеск в тихом омуте бюрократических терминов звучит:

“Подставки уже установили. Вы, Мария Михеевна, не беспокойтесь, что они придут в негодность. Если что и случится, то исполком не позволит в таком священном месте допустить беспорядок. <...> Все должно быть в хорошем виде...”

Но Попиковы все-таки беспокоились. Не обращая внимания на “искренние” заверения, поставили памятник за свой счет, стоимость которого, кстати, “из средств местных бюджетов” им так и не возместили. Дождались личных вещей сына, которые привезли только через полтора года

после случившегося. В 1983 году получили орден, который Саша так и не увидел...

* * *

Мы сидим в очень тихой трехкомнатной квартире Марии Михеевны. Шуметь теперь некому. Вышла замуж и живет своим домом дочь. Не смог смириться с потерей сына муж Анатолий Иосифович, лежат теперь на одном кладбище с Александром.

В большой комнате – фотографии, гитара, небольшой чемодан, семейные альбомы, личные письма... И цветы...

Е. Бессараб

В АВГУСТЕ ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТОГО

Наши нервы снова на пределе,
Здесь для наших душ покоя нет.
Может, в этот раз в афганской колыбели
Засыпать я буду, покидая свет.

Из "афганской" песни

С Ниной Валентиновной Каменской, учительницей Полдарской школы, я шел по небольшой березовой аллее. Двадцать пять молодых деревьев. "В прошлом году сажали,— говорит Нина Валентиновна.— Прижились. Вот по-теплет скоро, и оденутся они в зеленый наряд. Красиво будет. Жаль только, что Саша этого никогда не увидит. А ведь березки наш класс в честь него посадил..."

Сразу четверо мальчишек из одного класса Полдарской школы были призваны для прохождения службы в ДРА: Александр Попов, Михаил Тетерин, Николай Ножнин и Александр Жерихин. Правда, все они попали в разные части. Саше и Коле повезло — вернулись невредимыми, но и на их долю выпало немало. Миша был ранен, а Саша... Горько сознавать, что его нет среди живых, ведь ему не было еще и двадцати.

— Учился Саша не ахти как,— рассказывает Нина Валентиновна.— Вот даже экзамены по истории и литературе в выпускном, десятом, заново пришлось пересдавать. Правда, по машиноведению у него всегда только отличная оценка была. Этот предмет он был готов часами изучать. И в спортивных соревнованиях равных ему не было, всегда побеждал. От природы сильный, да еще физически немало трудился. Ростом высоченный был.

...Душманы напали ночью. Саша в тот момент находился в карауле. Нападение было неожиданным, но все же он сумел предупредить своих товарищей об опасности. Духи были отброшены, а вот ему до утра уже дожить было не суждено...

— А еще он фотографией любил заниматься,— продолжает Н. В. Каменская.— Их у него куча осталась. И своих, и друзей. Есть они и у нас в школе. Когда о Саше мы альбом

оформляли, то его мама, Валентина Александровна, нам их и подарила.

Саша хоть и учился неровно, и общительным его, пожалуй, не назовешь, но человек настоящий был. Порядочный, честнейший парень, никогда не лгал.

Последнее письмо, которое я получила от него, было отправлено 24 июля 1984 года. А первого августа Саши не стало...

В поселке Полдарса Поповых все знают.

Валентина Александровна вот уже двадцать лет работает в местном продовольственном магазине продавцом. Не раз заведовать предлагали, но отказывалась от дополнительных забот. Да и сама она женщина скромная, не любит суеты, шума.

Таким же и Саша подрастал. Одевался всегда просто, модных тряпок не терпел, к танцам и дискотекам был равнодушен. На спиртное даже смотреть не мог. Когда на службу провозжали, так и заявил родителям: "Чтобы никакого вина на столе не было!"

В тот час, когда мы с Н. В. Каменской пришли к Валентине Александровне, она разглядывала (в который раз?!) альбом с фотографиями сына.

— Вот он на охоте, а вот с рыбалки пришел — видите, какую шуку поймал. А тут еще совсем маленьким был. Только это от него и осталось.

Прибежит, бывало, из школы, портфель под стол бросит, и на улицу. То ружье с собой возьмет, то удочку. Лес знал, как говорят, от и до. Удачливый был. С охоты без тетеревов и рябчиков не возвращался, да и рыбы всегда много домой приносил.

Видать, верно люди сказывают, что на кого рыба идет, тот несчастливый будет. Всегда ему говорила: "Сашка, хватит в лес да на реку бегать, а то опять двойку получишь". Да его разве удержишь...

Скажу иногда: "Посмотри, сынок, все твои ровесники уже дряхлеют, а ты..." Засмеется в ответ: "Ой, мама, да кто же на них смотреть-то будет..." — и опять на природу.

Не знаю, как это выразить, но чувствовало мое сердце, что его в Афганистан служить возьмут. Еще когда он медицинскую карту призывника заполнял, то годным по всем статьям оказался — парень здоровый был. Так вот, еще тогда

почему-то подумалось: когда заполнял эту карту, все равно что смертный приговор себе подписал.

Письма от Саши приходили спокойные, правда, коротенькие, на одной страничке умещались.

“Здравствуйте, мои дорогие мама, отец и бабушка! С горячим приветом к вам Саня. Я по-прежнему жив, здоров. У меня все нормально. В солдатскую жизнь уже втянулся. Читаем журналы, есть и своя библиотека...”

“...Все кругом спокойно. Нигде не стреляют. Весной посадили зеленую аллею. Сейчас уже деревья распустились, зазеленело вокруг...”

Только самое последнее письмо было немножко подлиннее.

В небольшой однокомнатной квартире, где живут Поповы, вся передняя стена увешана фотографиями. Два портрета Сашиних родителей – Валентина Ивановича и Валентины Александровны, а остальные – его. Так мать решила. Подолгу смотрит она на эти снимки. “Вот уже восемь годков будет, как ушел мой сынок из дому, а успокоиться никак не могу. Реву все”.

Первое время после гибели Саши совсем плоха была Валентина Александровна. Руки, ноги стали болеть, в больнице десять дней лежала. Нервы совсем расшатались.

Тогда, в восемьдесят четвертом, она никак не хотела верить в смерть сына. Только накануне получила от него письмо, в котором он поздравлял ее с днем рождения. Как ему хотелось хоть чем-нибудь порадовать маму – в письме были даже стихи.

...Написать тебе могу я много,
Только все не выразишь в стихах.
Вот вернусь, тогда, родная мама,
Все скажу не в письмах, а в словах.

Валентина Александровна читала эти строки, а слезы текли не переставая.

“Чего реवेशь-то, – говорили ей на работе. – Ведь смотри какое письмо хорошее от сына получила”.

И все же на душе у нее было беспокойно. А на другой день ее с работы вызвали в контору Великоустюгского леспромхоза, где и сказали, что Саша погиб, выполняя воинский долг.

“Это неправда! – закричала тогда Валентина Александровна. – Не может быть! Мне только вчера от него письмо было”. Потом, уже теряя сознание, упала на колени и очнулась тогда, когда рядом со шприцем в руках стоял врач...

Хоронили Александра Попова почти всем поселком. Были тут и те, кто знал его хорошо, и те, кто не очень. Но чувство скорби испытывали все.

Его могила на местном кладбище, пожалуй, наиболее ухоженная. Здесь почти всегда цветы. Первые два года мать ежедневно ходила навестить сына – и утром, и вечером. Да и сейчас ее нередко можно увидеть у могилки, окруженной белоствольными красавицами березами. Учащиеся школы тоже не забывают Сашу и приходят на его могилу и первого сентября, и девятого мая – сразу же после митинга, и в день рождения – второго декабря. Бывшая улица Коммунальная, на которой жил Александр Попов, носит теперь его имя.

* * *

У Валентины Александровны погиб на фронте отец, пал на поле брани и отец ее мужа. И уже в мирные восьмидесятые она не дождалась сына.

А. Анфимов

ЛУЧШЕЙ РОТЫ КОМАНДИР

Нам не всем ракетой алой высветят
Право на посадку и на жизнь.

*Игорь Морозов.
Из "афганской" песни*

“А у вас весна, настоящая русская весна с черемухой, сиренью, яблонями, русскими березами, как бы хотелось попасть в это время в Нюксеницу и походить по лесу. Что там новенького в Нюксенице? Все-таки Родина вспоминается часто, особенно здесь чувствуешь глубоко, что такое Родина и именно тот уголок земли, где родился и вырос” (Кандагар, 28.03.86 г.).

Как понятны чувства человека, написавшего эти строки! В тех краях, где родился и вырос Валерий Попов, весна незабываема своей неброской, но мощной северной красотой. А ласковые названия весей отчего края? Лесной поселок Озерки... или Нюксеница – райцентр... Валерий часто вспоминал свою малую родину, хотя после окончания десятилетки возвращался туда считанные разы. Семья Поповых в 1980 году переехала на постоянное место жительства в Вологду.

Вихрастый, с непослушным жестким ежиком густых черных волос, этот звонкоголосый мальчишка всегда был в окружении ребят. С любой бедой шли к нему соседские малыши – кто клюшку починить, кто велосипед. Родители, когда в шутку, а когда и всерьез, советовали сыну стать учителем начальных классов: хорошее дело воспитывать ребятишек, на что Володя с полной серьезностью отвечал, что пойдет их защищать.

Мечту стать военным подкрепляло и то, что его родители были в дружеских отношениях с В. В. Тербовым, работником военкомата. Тот часто бывал в их доме, а пятикласснику Валере подарил фуражку.

Но жизнь готовила мальчишке серьезные испытания. После восьмого класса, когда Валера поехал поступать в Ленинградское суворовское училище, он впервые столкнул-

ся с несправедливостью. С обидой говорил родителям, что если бы у него отец был генералом или полковником, то он бы, конечно, поступил — экзамены сдал на пятерки, а причину нашли в слабом здоровье.

Учился Валерий хорошо. Он был способным мальчиком. Одноклассники вспоминают его как одного из самых активных участников всех школьных дел. И не только. Он уже тогда умел организовать ребят, увлечь. Был такой случай. В старших классах готовился конкурс балльных танцев. А легко ли уговорить парней на всякие там польки и кадрили? Валера сразу же согласился, показав пример одноклассникам. Их танцевальный коллектив с успехом выступал два года.

Он всегда был на виду, в гуще дел. С увлечением играл на ударной установке в школьном ВИА. Дружил со спортом, закончил школу со вторым разрядом по лыжам. Словом, брался за многие дела и все у него получалось.

Неудача с суворовским училищем не притушила его мечту. В 1977 году, закончив десятилетку, Валерий по направлению Нюксенского военкомата едет поступать в Высшее Тюменское инженерно-командное училище, которое успешно закончил в 1981 году.

Его служба началась на Дальнем Востоке, в Уссурийске, по специальности, приобретенной в училище. В январе 1982 года он прошел в Москве трехмесячную переподготовку и получил назначение командиром взвода в воздушно-десантные войска.

Валерий долго не говорил родным о том, что свою дальнейшую судьбу связывает со службой в Афганистане. Но однажды его мама, Тамара Николаевна, получила письмо, в котором были такие строки: "Я должен туда ехать, мама..."

В сентябре 1985 года старший лейтенант Валерий Попов был направлен в Афганистан командиром роты особого назначения. Его избрали секретарем партийной организации батальона.

Однажды, во время одного из краткосрочных отпусков Валерия, Тамара Николаевна завела было разговор с сыном о том, что, может быть, он найдет возможность переменить свое решение, но услышала в ответ: "Если не я, то кто же? Притом я коммунист и секретарь партийной организации".

Грамотный офицер, умелый воспитатель, Валерий сумел вывести роту в передовые по части. Один из его сослуживцев писал впоследствии родителям Валерия: "У нас

была лучшая рота в части, а часть заняла первое место и, следовательно, рота являлась лучшей в армии и командовал ею Ваш сын Валера!"

Рота В. Попова получала сложные боевые задания по перехвату оружия и боеприпасов на караванных путях мятежников. В "афганской" биографии Валерия – 46 боевых операций. И каждая требовала смелости, решительности и высокого воинского профессионализма, чтобы выполнить задачу и сохранить людей.

1 марта 1986 года рота под командованием Валерия Попова участвовала в налете на укрепленный район мятежников. Это было в восьмидесяти километрах восточнее Кандагара. Во время продвижения по ущелью бойцы попали под сильный огонь душманов, но Валерий умело сориентировался в обстановке. Под прикрытием бронегруппы бойцы обошли мятежников, вышли к ним в тыл и, ударив с двух сторон, вынудили их оставить свои позиции. Расставив на господствующих высотах прикрытие, командир организовал вывоз захваченного оружия и боеприпасов. Попытки мятежников отбить склады были тщетными. Эта операция прошла успешно и без потерь. Старший лейтенант Попов был награжден орденом Красной Звезды. Ему досрочно присваивается звание капитана.

Валерий очень трогательно и нежно относился к своим близким. Он писал ласковые, полные любви письма, никогда не рассказывал о своей службе. Короткие отпуска старался проводить дома, разве что на недельку с женой Еленой и сыном Женей улетал на юг. Был очень дружен с сестрой Татьяной. Когда брат сообщил о своем намерении жениться, она даже расстроилась. С грустью вспоминает Татьяна о своей ревности...

В декабре 1986 года от Валерия пришло последнее письмо. "...Спасибо за поздравления, хотя я никого не успел поздравить этим госпиталем. Да и забыл вам написать, что я лежу в госпитале, только не пугайтесь, ничего страшного нет, были на выходе, подорвались на mine, все живы-здоровы, у меня небольшие ушибы и легкое сотрясение мозга, сейчас все прошло, через три дня в часть выпишут..."

А спустя две недели... Он мог не идти на эту операцию. Но побоялся отпустить своего заместителя одного, так как тот был еще не опытен. В этот раз Сергею Лежневу повезло. Но в мае того же года старший лейтенант, ставший командиром после гибели Валерия, погиб во время боевой операции.

Капитан Попов никогда не отделял себя от бойцов. “У меня надежные ребята и никогда не подведут”, — повторял он. Так не говорят о подчиненных, так говорят о друзьях. Ребята любили своего ротного. Друг Валерия, его заместитель по технической части Сергей Кривоколинский писал Тамаре Николаевне и Анатолию Павловичу Поповым: “Когда пришло сообщение, что погиб наш командир, то никто не хотел верить в это. Все, кто оставались в роте, вышли встречать возвращавшиеся группы в надежде увидеть своего ротного, но чуда не произошло...”

Чуда не произошло. 10 января капитан Попов принимал участие в налете* на базовый район мятежников севернее Кандагара. Там были сосредоточены крупные силы вооруженной оппозиции, которые держали под контролем прилегающую местность. Там находились также склады с оружием и боеприпасами.

Группа капитана Попова получила задание не допустить флангового обхода мятежниками основных сил отряда.

При высадке из вертолета Попов выпрыгнул первым, огнем из автомата уничтожил расчет ДШК, обеспечив тем самым успешную высадку всей группы. Завязалась ожесточенная перестрелка. Мятежники могли напасть с флангов и в случае удачи прорваться в тыл отряда и выйти из окружения. Валерий со своими парнями смело и решительно вступил в бой с превосходящими силами противника, выполняя поставленную задачу.

При эвакуации десантников с места боя вертолет на взлете был обстрелян с гор и совершил вынужденную посадку. На борту “вертушки” находились восемь рядовых, два сержанта и Валерий. Машина горела. Когда Валерий и один из сержантов переправляли в безопасное место последнего солдата, с сопки ударил крупнокалиберный пулемет... Ранение в грудь оказалось для Валерия смертельным.

Капитан В. А. Попов героически погиб, спасая жизнь своим подчиненным, до конца выполнив свой долг офицера и коммуниста. Посмертно он награжден орденом Красного Знамени.

Т. Богословская

* В тактике действий наших войск применялись такие виды боевых операций, как засады, налеты, маскированные тактические воздушные десанты и др. См.: Тайны афганской войны. С. 71.

ОСТАЛСЯ ПЛАТОК НА БЕРЕЗЕ

Здесь душманские буры
стерегут перевалы,
И в тревожных рассветах
рождается день...

*Игорь Морозов.
Из "афганской" песни*

Младший сержант Николай Рожков ступил на горячую землю Афганистана в первом эшелоне наших войск. 21 января 1980 года он писал родным: "Еду по собственной воле: писал рапорт, чтоб отправили. Сейчас уже точно знаем, что в Афганистан. Завтра получим оружие, боевые патроны, и послезавтра, наверное, переправят через границу. <...> Короче, как я уже писал, едем для защиты афганской революции".

Воевал Николай всего семь месяцев. В те годы печать молчания ложилась не только на средства массовой информации. Она давила и на содержание писем, что шли из Афгана в Союз. Неудивительно, что три четверти каждого письма от Николая отцу, матери, сестрам посвящены описанию погоды, афганской экзотики или многочисленным вопросам о житье-бытье в милых сердцу Нижних Слободах. А о воинских делах — две-три строчки, да и то иногда намеком.

"Почти весь июнь находились в рейде, 1 июля возвратились обратно. Прошел он нормально. 2 июля поставили на заставу. Ни занятий, ни каких работ — только служба по ночам. Пару часов отстоишь — вот и все. Короче — отдыхаем..."

Не правда ли — очень будничное повествование! А чуть дальше, отвечая на вопрос мамы о том, где они живут, Николай как бы походя замечает: "У нас есть большие палатки на 40 человек в среднем, а там койки поставлены. Но больше приходится жить под открытым небом, так как в лагере живем мало... в рейдах и на заставе большее время".

В одном из первых писем Коля признает: "Обстановка здесь напряженная. Находимся в военной или, можно ска-

зять, фронтовой обстановке. Спим с автоматами. Из этого можно сделать вывод без лишних слов, чем занимаемся... Много писать не буду, да и не все можно писать”.

О первых месяцах афганской войны еще и сегодня многое не известно. Еще и сегодня мы не знаем подробностей того последнего для Николая боя, в который вступила 23 августа группа разведчиков и в котором встретил смерть младший сержант Рожков, выполнивший свой солдатский долг до конца. Однополчанин и друг Николая Юрий, что сопровождал гроб с телом боевого товарища на родину, сам в том бою не участвовал и не смог что-либо рассказать. Но Юра свято чтит память павшего друга, поддерживает связь с его семьей. Уволившись в запас, он в первую очередь приехал на Вологодчину, чтобы побывать на сельском кладбище, поклониться знакомой могилке.

Какой бы скупой ни была информация, нет сомнения, что орденом Красной Звезды (посмертно) награжден человек достойный. Эта уверенность вытекает из писем сослуживцев Николая, воспоминаний его одноклассников, учителей. Боевые друзья Николая писали его родителям Сократу Гавриловичу и Ольге Федоровне: “...Мы потеряли отличного, смелого боевого товарища, преданного друга”. И письмо такого рода – не единственное.

На последнем школьном уроке, 26 мая 1978 года Коля написал трепетное письмо Марине... Слезы навертываются на глаза, когда сейчас читаешь строки ее воспоминаний.

“Он ушел из жизни девятнадцатилетним, встретившим всего девятнадцать весен, – пишет Марина Владимировна, ныне сама педагог, директор школы. – А ведь он любил жизнь. <...> Хотел, возвращаясь домой в жаркий полдень, умыться чистой родниковой водой, а глядя в бездонное голубое небо, мечтать и радоваться, смеяться и плакать, растить детей. <...> Озорные, распахнутые настежь глаза, открытое, доброе лицо, постоянная улыбка – таким запомнился мне Коля. И еще почему-то в памяти моей всегда его руки. Да-да, у него были такие гибкие, пластичные пальцы, руки были не грубые, а мягкие и нежные... Этим рукам дарить бы цветы любимой девушке, а не держать холодную сталь автомата. <...> Непоседливый, работающий, смелый – вот какой был наш Коля в детстве. А в отрочестве и ранней юности Коля был, если точнее выразиться, “негромким” парнем. Не пытался удивить мир чем-то сверхоригинальным...”

И в воспоминаниях классного руководителя Зинаиды Николаевны Розовой есть похожие строки: "Обыкновенный, как все... Учителя, как и других ребят, отчитывали его за шалости. Разве что ему побольше других попадало, потому что он не умел схитрить, не умел выкрутиться и всегда удар принимал на себя".

Обыкновенный-то, конечно... Но разве готовность всегда принимать удар на себя из числа обычных, рядовых, ординарных качеств человека? Значит, было в Николае и необыкновенное! А в том, последнем бою, может быть, и проявилась со всей силой его готовность принять удар на себя.

* * *

Родился Коля 25 февраля 1961 года в деревне Засухонской Нижне-Слободского сельского совета Вожегодского района. Родился и вырос в хорошей, крепкой трудовой семье Сократа Гавриловича Рожкова, ветеринарного работника колхоза им. Ленина, и Ольги Федоровны, медсестры Верхне-Кубенской больницы. Детские годы Николая пришлось на тот период, когда стал нарастать пагубный процесс обезлюдения, вымирания российского Нечерноземья, самоликвидации "неперспективных" деревень. Но Коля еще многое застал, увидел, почувствовал, прикипел к тому, что составляло богатство и красоту отчего края.

Еще хрустально чисты, холодны и богаты рыбой были струи речки Муж. Еще не заросли кустарником и дикой травой знаменитые сенокосы по реке Кубене, жемчужине Вологодчины. А сама Кубена доставляла громадное удовольствие сотням разновозрастных рыбаков, по-настоящему влюбленных в неброскую северную природу. Коля Рожков среди них был не последним.

Еще богаты были дичью, грибами и ягодами вожегодские леса. Много водилось в них медведей, лисиц, кабанов, волков. И Николай пристрастился к охоте. В отрочестве и юности не раз ходил с соседом, бывалым охотником М. М. Лаповым, на медведя, встречал на лабазах алую зарю.

Рос Николай работающим, трудолюбивым парнем. Много помогал по хозяйству родителям, носил воду и дрова бабушке, азартно косил траву и стоговал сено на кубенских покосах; с любовью, заботливо мастерил игрушки, ножи и ножички, ружья и наганчики. Его самодельный охотничий

нож экспонируется ныне в Музее истории молодежного движения.

1 сентября 1968 года Коля пошел в первый класс Верхне-Кубенской школы. Был, как и все, октябренком, в третьем классе вступил в пионеры. С девятого класса и до последнего дня жизни — комсомолец. Учился средне, больше тянулся к предметам гуманитарного цикла, хотя и в попытах на уроках физики участвовал с большим удовольствием.

Не лидируя в учебе, он в общественной работе, в делах трудовых всегда был впереди. “Интересный, веселый, жизнерадостный, — пишет классный руководитель, — среди ребят Коля был вожаком...” Не случайно в военно-спортивной игре “Зарница” он был заместителем командира отряда, а в игре “Орленок” — командиром, да каким! Сильный и авторитетный организатор! На областном финале в награду за успешное выступление отряда орлят получил спиннинг, чем Коля страшно гордился.

Николай будто специально готовился к трудностям предстоящей армейской службы. Обратимся снова к воспоминаниям Марины Владимировны: “Он был неотразим на уроках физкультуры! Весь как взвинченная пружина. Он так легко занимался на турнике, бегал на лыжах, прыгал, что весь класс вместе с учителем не переставали удивляться его рекордам”.

После окончания средней школы Николай по комсомольской путевке пошел работать в родной колхоз им. Ленина. Осенью его направили учиться в Вологодскую автошколу ДОСААФ, где он получил специальность шофера. Затем несколько месяцев, до призыва, поработал в колхозе трактористом. МТЗ знал как свои пять. Сказался большой опыт, приобретенный в ученической производственной бригаде. Ведь еще в девятом классе он прекрасно управлял трактором, самостоятельно пахал школьный участок. Но весной 79-го ему не довелось провести свою первую весеннюю борозду. 22 апреля Николая призвали в армию.

В тот памятный весенний день родные, друзья, близкие по традиции провожали его пешком до заветного серого камня и белой березы, что в поле за деревней Якунинской. Десятилетиями так сложилось, что призывники, уходя на службу, привязывают к березовым веткам носовой платок как память о себе. Так было и на этот раз. Николай ловко забрался на березу и повесил платок на самую высокую ветку. В ответ на добрые напутствия с веселой улыбкой

сказал провожающим, что через два года обязательно вернется. И никто не мог и мысли допустить, что видят Николая в последний раз.

Дальше будет учебная рота, короткая служба в Печенге, затем Афганистан, последний бой, небытие, вечность. И наша память, и память тех, кто вернулся живым из Афгана. Тех, о ком Коля писал 8 февраля 1980 года: "Взвод у нас подобрался хороший. Может быть, потому, что здесь нет ни молодых, ни стариков... Опять же неразлучная наша троица – вместе попали. С друзьями, короче. Хотя сделали много расформирований, но мы держимся вместе..."

Всегда будут помнить Николая его лучшие друзья-одноклассники: Владимир Лебедев, Владимир Мазанов, Леонид Ершов. Помнят его и сегодняшние верхнекубенские школьники. Ребята собрали и любовно оформили богатый материал о герое, ухаживают за его могилкой, ежегодно отмечают день рождения павшего земляка.

В. Гостинцев

ЗА НЕСКОЛЬКО МИНУТ ДО СМЕНЫ КАРАУЛА

Он обязательно живым
вернуться обещал...

Валерий Горбачев

Стройный, красивый мальчик...

А может, и не было в лице особой красоты. Но его очень украшали глаза: взгляд открытый, заинтересованный, как бы приглашающий к общению.

Дисциплинированный паренек. Не по годам серьезный. Увлекался резьбой по дереву, много мечтал...

Знал, зачем пришел в училище – за профессией. Всем он был нужен, очень дорожил мнением коллектива. Ребята любили его...

Вежливый, аккуратный, интеллигентный и очень воспитанный...

Все это об Игоре Рощине. Таким его запомнили те, кто знал его близко. Но главное человеческое качество, которое называют родные и друзья Игоря, – доброта. Он не мог обидеть ни одного человека, даже маленького. Чтобы доставить удовольствие малышам, боролся с ними, но “побеждали” всегда они. Он очень уважительно относился к старшим.

Вот несколько слов из рассказа об Игоре его мамы, Валентины Ивановны: “Игорь был ласковым сыном. Домой всегда приезжал с букетом цветов. С первой стипендии купил мне японский зонтик. И сколько радости было у него при этом! А для меня это до сих пор – самый дорогой подарок”.

Игорь родился в Череповце, в семье военнослужащего. Юношеские годы его прошли в подмосковном городе Можайске, куда перевели служить отца, Василия Алексеевича. В Череповце остались тетки Игоря, Екатерина Ивановна и Софья Ивановна, и летние каникулы он по-прежнему проводил в родном городе.

Игорь любил свой Череповец. Живя в Подмоскowie, школьное сочинение на тему “Достопримечательности родного края” писал о городе на Шексне, о том, как хорошеет Север с приходом весны, как буйно цветет сирень по берегам Ягорбы.

И учиться после школы он приехал тоже в Череповец. Поступил в ПТУ N 34, где выбрал самую сложную профессию – помощник машиниста тепловоза.

Учился Игорь с желанием. Досрочно выполнял “курсовики”, экзамены сдавал на “хорошо” и “отлично”, максимум полезного для своей профессии стремился освоить на производственной практике.

Обожал мастера производственного обучения Н. В. Смирнова. Впрочем, все мальчишки любили этого очень молодого, чуть постарше их, преподавателя за профессиональные знания, за доброту, требовательность, умение с ними дружить.

Зимой 1982 года областное телевидение делало передачу для подростков о тех ребятах, которые уже нашли свое призвание, нашли свою профессию. Передача называлась “Зажги свою звезду”. В ней участвовал Игорь со своим неразлучным другом Пашей Соколовым. Этот день Игорь не раз вспоминал и очень гордился тем, что представлял будущих помощников машинистов.

Весной 1982 года был выпуск. Игорь проработал только десять дней. Вечером привезли повестку из горвоенкомата: в шесть часов утра отправление. Больше всего расстроило Игоря то, что не было времени сообщить об этом в Можайск родителям. Все ребята собрались на квартире Танечки, с которой Игорь дружил второй год. Потом поехали к тете Кате.

“В тот день, когда Игорь уезжал из Череповца, погода была страшная: холод, ветер, дождь”, – вспоминает Екатерина Ивановна Чистякова. Но здесь, откуда он уходил, было тепло и весело. На проводы собралось много друзей. Пели, обещали писать друг другу. Таня дала слово ждать его из армии. Родители ездили на присягу в город с красивым названием Иолотань. Потом в Можайск и Череповец стали приходить письма из Афганистана. Домой он писал часто, сообщая, что у него все хорошо, здоровье нормальное, настроение отличное. Читали Василий Алексеевич и Валентина Ивановна дорогие странички и успокаивались: в письмах сына не было ничего такого, что давало бы повод для тревоги.

“ <...> Написал я вам письмо, а оно пролежало целую неделю. Оно не могло попасть в Союз, так как не было вертолетов, но в конце концов и оно улетело. Вчера получил от вас письмо, ответ написал тут же... Вчера вечером поднялся такой буран, песок летел сплошной стеной, ничего не было видно, еле стоял на ногах. Потом пошел ливень: стал закрывать окно в палатке, через три минуты насквозь мокрый, до нитки, ботинки полные воды. Хорошо, что старшина дал сухое х/б и бушлаты, так как мы дневальные и нам всю ночь стоять. Ветер, сильный, порывистый, с дождем, дул всю ночь. Столовую у нас снесло, умывальник тоже, песок был во всех палатках. Утром выгребли его из палаток, мыли целый час. Ну а письмо, которое я написал, унесло черт знает куда, вот и пишу новое. Только вот когда его отправлю, неизвестно”.

Часто писал Игорь и Танечке, невесте, — сначала в Череповец, а затем в Сокол, куда она поступила учиться в педучилище. Просил ждать. Красивых слов не писал, в любви не клялся, но читаешь эти листочки, написанные ровным красивым почерком, и понимаешь, как он любил свою Танюшу. Так любить может только человек с большим сердцем: о себе — с юмором, о ней и близких — с беспокойством, заботой. Очень переживал, что обиделся на нее однажды понапрасну. “Помню, как отмечали 23 февраля, обиделась ты на меня тогда, а я нет чтобы сразу подойти к тебе, стоял на кухне и переживал, ну и дурак же я был. Ребята старались нас помирить, а я боялся подойти к тебе, не хватало решительности. Вот когда ты Серегу Люмина пригласила на танец, я подумал, а не бросить ли мне всю эту компанию и пойти пошататься по городу. Представляю, каким я был тогда в твоих глазах”.

Она часто высылала фотографии, а Игорь снова просил: “Вышли фотографии, где мы с тобой вместе и с ребятами у тебя на дне рождения”.

В другом письме снова: “Сижу и вспоминаю 23 февраля 1982 года, и на душе становится грустно. Как много я тебе не сказал, а мог бы.

Играет магнитофон “Арабески”, и под эту музыку хорошо думается. Помнишь, эту кассету мы с ребятами слушали у тебя дома”.

В письмах к Тане он не скрывал, как опасна служба в Афганистане.

“Привет из ДРА.

Здравствуй, дорогая Танюшка.

Сегодня ночью с 13 на 14 у нас на посту ранили парня – 2 пули в живот, вызывали вертолет ночью, но не довезли до больницы, скончался. Так что здесь опасно. Уже три раза ходили на проческу. Нас обстреляли, но обошлось все без жертв, один парень исчез с поста утром. Весь день искали, с ног сбились, думали: все, пропал, а вечером объявился, спал в прицепе на ПХД (походная кухня), посадили его на “губу”, исключили из комсомола, т. к. оставил свой пост, а здесь это опасно, кругом душманы. Днем стреляют, а ночью тем более, такие фейерверки устраивают, любо-дорого глядеть, и из крупнокалиберных стреляют, и из гаубиц, трассерами... Около нас уже сдалось 5 афганских постов врагам, кольцо сжимается. У нас горы, но это голый камень: ни деревца, ни кустарника... даже травы и той нет. Красивые – это точно, только их красота мне уже надоела. Ну а так у меня все нормально. Служба в норме, здоровье тоже в норме”.

Последнее письмо родителям Игорь отправил 11 октября 1983 года. А через три дня, 14 октября, он погиб. Это случилось в пять часов утра за двадцать минут до смены караула.

Остались от него записная книжка с обугленной обложкой, пробитый пулей комсомольский билет и орден Красной Звезды, которым награжден Игорь Васильевич Рошин посмертно.

Г. Петрова

НЕСМОТРЯ НА ЗАВЕРЕНИЯ

И обязательные жертвоприношения,
Отцами нашими воспетые не раз,
Печать поставили на наше поколение —
Лишили разума, и памяти, и глаз.

Владимир Высоцкий. 1980

О том, что Игорь погиб, я узнал, вернувшись из Джелабада. В штабе полка служил наш с Игорем земляк и однопольчанин по ашхабадской учебе. В Ашхабаде они были в одной роте отдельного химватальона. После учебы не теряли связи друг с другом, переписывались. Он мне и сообщил о трагической гибели Румянцева.

Мы познакомились с Игорем в день призыва в Вологде, когда ждали отправку в часть. Наша группа состояла из десяти человек. Все ребята уже успели закончить институт, а я только школу, даже нигде толком не поработал.

Сержант, приехавший за нами, был не очень-то разговорчив и на наши вопросы, куда мы поедем, отвечал одно: “Увидите сами”. Его сдержанность была, наверно, оправданна. Ведь он вез призывников на границу, которая пролежала не только между странами, но и между жизнью и смертью...

К сожалению, когда прибыли в часть, в 1-й учебный городок, нам с Игорем пришлось расстаться. Бывших студентов распределили в одно подразделение, а я попал в другое.

Начались армейские будни, выезды на полигоны, маршброски, стрельбы, и я почти не видел своих земляков.

Но судьба свела нас еще раз. 23 февраля в части готовили концерт агитбригады. А я перед армией занимался в Вологде в народном театре, знал много стихов и не боялся сцены. Игорь тоже участвовал в агитбригаде. Он прекрасно пел и играл на гитаре.

Еще при первой встрече, на призывном пункте, Игорь запомнился мне своим красивым голосом. В свое время он на “отлично” закончил Сокольскую музыкальную школу по классу баяна. Самостоятельно научился играть на гитаре,

знал много стихов Байрона, Есенина, Блока, был постоянным участником художественной самодеятельности, вел концертные вечера в своем родном поселке. И в армии, в кругу друзей, Игорь был душой компании. Однако в последнее время улыбка на лице не могла скрыть грусти в его глазах. Игорь откровенно говорил, что считает себя лишним человеком в армии, что в гражданской жизни он мог бы принести гораздо больше пользы.

В последней декаде апреля 1984 года, после сдачи выпускных экзаменов и присвоения нам званий младших командиров, начались отправки в Афганистан. 20-го апреля я улетел в Кабул. Игоря отправили чуть позднее. А 1-го мая его уже не стало.

Родился Игорь 9 октября 1961 года в г. Вологде, но всю свою жизнь он прожил в Соколе. Его мама, Гертруда Борисовна Румянцева, в шестидесятые годы закончила педучилище и до сих пор работает в детском саду. Сейчас она говорит, что только работа с детьми помогает ей жить.

Отец Игоря, Юрий Алексеевич, выпускник лесотехнической академии, работал инженером.

Он умер незадолго до смерти сына, в декабре 1983. Оставшись без мужа, Гертруда Борисовна в своем письме к командиру батальона, в котором служил Игорь, слезно просила, чтобы сына оставили служить в Союзе. В ответе на ее просьбу комбат заверил, что, по возможности, не отправит Игоря в Афганистан. Но через несколько дней его рукой был подписан приказ на отправку очередной группы, в состав которой входил Игорь Юрьевич Румянцев.

М. Замуракин

“КАКИМ ОН ПАРНЕМ БЫЛ...”

Есть в русском офицере
обаянье..

Георгий Суворов

До сих пор не верится, что Саша уже не шагнет за порог родного дома, не обнимет мать, не поцелует жену, не возьмет на руки дочурку Оленьку, не пожурит своих “племяшек-гномиков”, как он их любовно называл.

В комнате у матери солдата Валентины Васильевны Силинской стоят два траурных портрета. День и ночь пристально смотрят с них два офицера, ушедших из жизни в один год, два Александра: муж Александр Иванович, изрешенный пулями, вынесший на своих плечах всю тяжесть судьбы фронтовика Великой Отечественной, хлебнувший послевоенного лихолетья, носивший в своем теле до последнего часа осколки металла, по воле нелепого случая скончался на операционном столе еще в полном расцвете сил; младший сын Саша, свято выполняя долг присяги, погиб на земле Афганистана.

Александр-младший в армию пришел далеко не случайно. Еще в начальных классах он интересовался мемуарами военачальников. В детской библиотеке перебрал всю литературу о подвигах и мужестве защитников Отечества. Уже в то время непоколебимым авторитетом для мальчика были полководцы Александр Невский и Александр Суворов. На его письменном столе часами разыгрывались военные баталии. Бумажные, оловянные, дюралевые, пластилиновые, пластмассовые солдатики, конники, пушки, танки, самолеты – все были задействованы в воображаемом сражении.

Саша был прилежным учеником, активным октябреном, пионером, комсомольцем. Свободные от школьных занятий часы посвящал своим увлечениям. Коллекционировал значки, почтовые марки. Любил рисовать и особенно лепить из пластилина сказочные таинственные замки, бо-

гатырей, витязей, гусаров и современных воинов. Пробовал писать стихи. Занимался конструированием и моделированием. Столярничал. Помогал родителям в огороде, ставил опыты с растениями.

Длительное время одним из сильнейших его увлечений были шахматы. Книжная этажерка ломилась от специальной шахматной литературы. Он скоро стал обыгрывать своих сверстников и искал достойных соперников среди взрослых.

Вторым спортивным увлечением стали лыжи. В шестом классе он поступил в детско-юношескую спортивную школу и в первый же год на районных лыжных соревнованиях занял призовое место. И так до конца десятого класса почти во всех районных лыжных соревнованиях и шахматных турнирах одерживал победы.

В девятом классе Саша заболел гепатитом. Учебу в школе пришлось на время оставить. Болезнь сильно ослабила мальчика, и он всерьез занялся укреплением своего здоровья. Ежедневно утром делал физзарядку, днем вставал, хотя это было и нелегко, на лыжи, вечером перед сном обтирался до пояса холодной водой. Прочитал роман Н. Г. Чернышевского "Что делать?" и решил подражать Рахметову — организовать свою жизнь так, чтобы не пропадало зря и пятнадцати минут в неделю. Юноша составил для себя жесткое расписание и строго соблюдал его.

Готовясь к военной профессии, он уже тогда тренировал волю, память. Развивал левую руку, считая, что у офицера обе руки должны быть одинаково сильными, поднимал ею гантели, без помощи правой вязал на веревке различные узлы. Увлёкся нумизматикой, изучал геральдику и другую символику различных стран, полагая, что современному офицеру и это обязательно надо знать.

Помогал Вале Романову, однокласснику с ослабленным зрением. Некоторые ребята подтрунивали над недугом Валентина, иногда даже зло обижали его. Силинский всегда вставал на защиту своего товарища, опекая и оберегая его. Когда Валентин из-за плохого зрения перестал посещать школу, верный друг ежедневно навещал его дома и пытался обучать. И позднее, когда Валентина определили в Грязовецкую спецшколу, а затем в мастерскую общества слепых, связи друзей не прервались. Саша был верным другом, потому и сам имел много верных друзей.

Пролетели годы учебы в Ленинградском дважды Краснознаменном высшем общевойсковом командном училище. Курсанту-отличнику дано было право выбора места работы. Он выбрал Н-скую часть на Дальнем Востоке вблизи от советско-китайской границы. В то время там еще было неспокойно.

Перед отъездом сыграли с Машенькой свадьбу. Женой стала девушка из Верховья, с которой дружил с детства. Через год у них родилась дочь. Он очень любил детей. Помню, как, словно девчонка, заботливо, бережно и ласково пестовал племяшек. И вот она радость – свое дите – Оленька.

Строчки из писем к старшей сестре:

“Я уже писал маме с папой обо всем, ну ладно, повторюсь: вес 3600, рост 57... Сегодня ей исполняется ровно три недели, уже подросла. Головку немножко держит. Стала похожа на мать. Волосы – длинные черные, глаза – синие. Проголодается или немного сырая – сразу голосит. А спит хорошо и днем, и ночью, молодец. Я-то опять на дежурстве, завтра сменюсь, как они там, интересно, пожили... 28.08.80 г.”

“Дочке завтра 3,5 месяца будет. Растет, развивается нормально. Ростом в меня пошла, а лицом то ли в меня, то ли в Машеньку, никак не поймем...”

Я бываю дома очень редко и очень мало. Что же делаешь. А как хочется понынчиться, поиграть. Так и вспоминаю все гномиков. 19.11.80 г.”

Александр Александрович мужал; чтобы проверить себя, подал рапорт командованию, выразив желание пойти в одну из частей Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Знания, опыт, навыки командования подразделением – все это у него уже было.

По многим горным дорогам незнакомой земли, где за каждым поворотом, каждой сопкой могла ждать смерть, прошел лейтенант, ведя за собой солдат разведроты. Не раз он с группами десантников поднимался над ущельями на винтокрылых машинах. Однополчане рассказывали, что он отказывался от привилегий, был наставником, товарищем, другом солдат. Спал вместе с ними в палатках, иной раз просто на открытой земле, а не в модулях, предназначавшихся в первое время только для офицеров. Вместе с ребятами

тами шел в бой. Предостерегал от роковых ошибок, оплошностей разных необстрелянных новичков, брал их под свое крыло, иной раз сам рискуя жизнью.

* * *

Да, опасность подстерегала. У него почти всегда на груди висел фотоаппарат, и он регулярно в письма домой вкладывал негативы. А тут вдруг поступление негативов прекратилось. Во время Сашиной побывки я спросил его, что, мол, случилось, почему перестал фотографировать? Не сразу, взяв слово, что я не скажу об этом никому из родственников, чтобы их не напугать, признался, что прямо в объектив, застряв где-то в затворе, влетела пуля. Домой он всегда писал письма-вопросы и никогда не рассказывал о трудностях, опасностях службы.

За разработку и проведение операции по обезвреживанию склада с боеприпасами и с драгоценными металлами в сложноступном районе А. А. Силинский был удостоен первой правительственной награды.

А войне не видно было конца. Моджахеды сражались яростно, причем их ожесточенность определялась и меркантильными интересами. Лидеры оппозиции платили за каждый уничтоженный танк сто тысяч афгани, за каждый сбитый вертолет — миллион. И “черные тюльпаны”^{*} уносили в Союз то одного, то другого товарища Александра...

Шел октябрь 1984 года, второй год службы молодого офицера в составе Ограниченного контингента наших войск в Афганистане. Он уже был представлен к ордену Красного Знамени и к очередному званию. Но носить капитанские погоны было не суждено.

О последней боевой операции Саши Силинского написал его товарищ по службе Алексей Александрович Сорокачан: “Когда мы с Сашей расстались в этот роковой день, я уехал на бронемашине, а он высаживал десант с вертолетов в намеченный квадрат. Прибыли вовремя, все шло хорошо по намеченному плану. Поступила команда снять с гор раненых и поднять воду в горы для солдат. Когда вертолет улетел и оставалось забрать бурдюки с водой, раздался

^{*} Транспортные самолеты, доставлявшие на родину гробы с телами погибших. Получили название от радиопозывного, которым они вызывались. См.: *Смирнов О.* Никто не создан для войны. Молодая гвардия. 1990. С. 194.— *Примеч. сост.*

выстрел из безоткатки и взрыв в центре площадки. Двоих солдат убило сразу. Трое получили легкие ранения. Еще трое, в том числе и Саша, — тяжелые. Саше сильно посекло осколками спину и ноги, он потерял три литра крови. Будучи тяжело раненным, он лежал на животе и командовал ротой, пока не отправили вертолетом в госпиталь. Говорил: “Это ерунда! Мы еще повоюем...”

* * *

Добрая наша земля наделяет своих сыновей умом и красотой, бескорыстием и стремлением броситься на помощь попавшему в беду, мужеством и силой. Такие парни могут украсить собой любую страну. Но пусть это будет все же родная земля...

А. Попов

резкой форме сказал о его чрезмерной вспыльчивости. А он встал и ушел. (*Из воспоминаний В. В. Кудряшовой, классного руководителя*).

Что ж, самолюбие – черта хорошая. Это ведь не что иное, как чувство собственного достоинства, только оно сочетается с ревнивым мнением о себе окружающих. Если самолюбие и проявлялось у Сергея в несколько болезненных формах, то в юности это свойственно многим. По характеру Сергея, самолюбие – это когда человек уважает себя за то, что он живет и поступает по-человечески. Оно не дает скатиться до подлости и пошлости, до трусости и низости, оно заставляло идти к жизненным высотам. Оно не позволило лейтенанту Скороходову отправить в прикрытие кого-то вместо себя...

* * *

В семье Сергей был старшим сыном. Младший его брат умер в школьном возрасте, и у Галины Ивановны с Константином Сергеевичем осталось единственное утешение – он, Сережа.

Галина Ивановна – уважаемый и довольно известный в Харовске человек. И потому, что продолжительное время занималась общественной работой, и потому, что этому способствовала профессия – она медик районной больницы. Константин Сергеевич – служащий на одном из промышленных предприятий города.

Семья Скороходовых была очень близка с семьей Хребтовых.

В их доме он любил бывать с детства. Хлопотливая тетя Лина всегда старалась, чтобы в квартире было уютно, пахло чем-нибудь вкусным. Но главное – здесь всегда ждала его дружеская беседа. Женя и Славик Хребтовы были дружны с Сережей с того самого возраста, когда человек только начинает осознавать себя и окружающее. А вообще у него было много друзей. Это понятно: Сергей не мог терпеть одиночества, всегда тянулся к людям, а люди – к нему, чувствуя хорошего собеседника и надежного товарища. Он мог говорить о всех сторонах жизни, но любимым коньком была военная техника. Редкий мальчишка в детсадовском возрасте не рисует самолеты, танки, редкий не смотрит с восторгом на машины и водителей. Но далеко не каждый пронесет эту тягу через юность к зрелости и сможет поспорить с судьбой за то, чтобы мечта детства

превратилась в реальность. У Сергея получилось именно так.

Сразу после окончания школы он пытался поступить в летное училище, но не прошел медицинскую комиссию – дотошные медики нашли что-то такое со зрением. Сережа приехал домой и за компанию с друзьями поступил в Вологодский политехнический институт. Отучился там год. “Он не хотел учиться, ему было неинтересно, не готовился к занятиям. В результате не сдал сессию и был отчислен со второго курса.” (*Из воспоминаний Л. Новожилова, однокурсника*).

По-прежнему мечталось о профессии военного, и Сережа был рад, когда в военкомате ему предложили попытаться счастья в Ленинградском высшем общевойсковом командном училище имени Кирова.

13 сентября 1981 года курсант Скороходов принял военную присягу. Шли напряженные годы учебы. Его интересовало все, что преподавалось в училище, но больше, конечно же, дисциплины, непосредственно касающиеся будущей службы. Жизнь курсанта – та же, что и у солдата: дежурства, караул, наряды, тактические занятия, строевая подготовка. Сергея это не тяготило, ведь отличную физическую закалку он получил еще в спортивной школе, занимаясь лыжами. Он участвовал в районных соревнованиях и занимал призовые места. Не имея атлетического сложения, Сергей был силен и вынослив.

Училище не только дало ему много теоретических знаний и практических навыков, но и воспитало новые положительные черты характера. Он, прежде вспыльчивый и неугомонный мальчишка, вдруг начал ценить строжайшую воинскую дисциплину.

“Случалось, можно было запросто уйти в самоволку, никто бы и не заметил, но Сергей никогда этого не делал. Дисциплина была для него идолом”. (*Из воспоминаний Евгения Бунтова, близкого друга*).

А вот строки из аттестации на курсанта Скороходова: “Проявил себя честным, исполнительным командиром отделения. Нужно отметить – не каждый курсант может быть командиром отделения.

Работает над повышением идейно-теоретического уровня. В вопросах международной политики разбирается хорошо. Проявил усердие в несении караульной и внутренней службы. В строевом отношении подтянут. Тактически подготовлен. Знает хорошо боевые Уставы. Развито чувство

ответственности, морально устойчив, идеологически закален. Делу КПСС и Родине предан”.

В последний год обучения Сережа подал заявление о вступлении в партию. Насколько сознателен был этот шаг? Вот воспоминания Евгения Бунтова: “Сережа приехал как-то в отпуск. Собралась нас небольшая компания. Разговор зашел о роли коммунистов в жизни. Кто-то из ребят сказал, что ответственности сейчас в партии мало, что с некоторыми коммунистами рядом встать стыдно. Никогда не замечал, что Сергей любил ораторствовать, а тут вдруг убежденно, веско так сказал: “Дряни везде хватает. А если стал коммунистом, себя забудь, помни только о долге и чести!” И, вроде смутившись, снова стал шутить. Веселым был...”

В июне 1985 года Сергей стал членом Коммунистической партии. Это было золотое для партии время. Лучшие люди, поверившие в перестройку, глотнувшие свежего ветра перемен, вступали в ее ряды. Тогда же он сдал госэкзамены. Сергею присвоили первое офицерское звание – лейтенанта и квалификацию инженера по эксплуатации гусеничных и колесных машин. По распределению он попал в Закавказский военный округ.

“Личного времени абсолютно нет. С раннего утра и до отбоя во взводе. Коллектив сложный. Ребята разных национальностей. И ем, и пью из одного солдатского котла. Много говорю с ними. Кажется, мы понимаем друг друга”.
(Из письма Сергея родителям).

Его прельщала не только военная карьера. Ему по душе была походная жизнь, ему был нужен простой человеческий контакт с солдатами. Подробности армейского быта он интересовался, еще не будучи военным.

“Я пришел тогда с действительной службы. Впечатлений много. Сергея все интересовало: детали армейского распорядка, уставные и неуставные отношения, наше мнение о командирах... Слушал и молчал”. (Из воспоминаний Сергея Кустова, друга Сережи).

“Об Афганистане Сергей начал говорить, когда еще был курсантом. По всей вероятности, он был не одинок в желании попасть в настоящую военную обстановку. Он всегда был отчаянным, ему хотелось испытать себя. И он говорил мне, что собирается подать рапорт с товарищами”.
(Из воспоминаний Елены Балиной).

Снова пытаюсь разобраться, что же двигало им в стремлении попасть в Афган, и возвращаюсь к воспоминаниям В. В. Кудряшовой.

– Ну почему же именно ты в Афганистан?

– Ну потому, что кто-то должен. Да все будет хорошо, Вера Владимировна.

– Ну ты пиши, если будет трудно.

– Если очень, то напишу, а если нет, то я стесняюсь таких писем.

Письма из-за границы приходили редко. “У меня все хорошо, не беспокойтесь”. И дальше о делах во взводе, о своих солдатских друзьях, о соцсоревновании, о первом месте в нем. И еще о том, что партийная организация выбрала его своим секретарем.

* * *

В январский день 1987 года на одном из участков измученной земли Афганистана был бой. Обстановка сложилась так, что взводу нужно было прикрытие. И в прикрытие пошел сам командир...

Воин Сергей Скороходов награжден орденом Красного Знамени (посмертно).

Н. Кузнецова

ПОЛОВИНА СРОКА

...Классический союз
гвоздики и штыка.

Александр Башлачев

Строгая тишина мемориала. Воинская определенность ощущается в расположении могил, схожести каменных надгробий. На одном из обелисков выбиты даты: 22 ноября 1963, 9 сентября 1984. Между ними черта, вобравшая в себя двадцатилетнюю жизнь Виктора Смирнова.

– Каким он был? – Зинаида Петровна, мама Виктора, грустно и растерянно улыбается. – Для меня – хорошим.

Впрочем, об отношениях матери и сына лучше говорят письма Виктора. Сначала он писал их из Туркмении, где начинал службу, затем из “солнечного Узбекистана” – лечился в самаркандском госпитале от приобретенного в Афгане гепатита.

“Очень часто вспоминаю о доме... Сегодня ночью приснились ты и батька... Я очень соскучился по тебе... Если сможешь, то, пожалуйста, приедь ко мне. Потом нас обратно отправят в Афганистан, и мы уже долго не увидимся”.

Они не встретились той среднеазиатской теплой осенью, когда солдат вывозили на уборку хлопка, когда женщины-туркменки угощали их чуреками и дынями, а самым большим неудобством считалось хроническое отсутствие курева.

Оформить отпуск Зинаиде Петровне не удалось. Не увидела она Виктора и через год. В зябком череповецком сентябре сын вернулся наглухо упрятым в цинковый ящик. Кроме похоронки матери вручили лишь фуражку да целлофановый мешочек с зубной щеткой и помазком для бритья.

И остались еще семнадцать желтеющих конвертов со штемпелем полевой почты. Половина писем – тетрадных листков, исписанных детским торопливым почерком, – за-

терялась, послужив добычей одному из многочисленных “старателей”, собирающих свидетельства горькой боевой славы “афганцев”.

Зинаида Петровна протягивает стершуюся на сгибах казенную бумагу из части, где служил Виктор. Текст отбит на машинке, с обилием грамматических ошибок.

“Это случилось около 4 часов утра. Подразделению была поставлена задача по оказанию помощи местному населению в отражении нападения банды мятежников. Умело используя рельеф местности, Ваш сын вел себя мужественно и отважно, как и подобает воину. Отлично владея личным оружием, он вел огонь по мятежникам... Виктор бросился на уничтожение огневой точки противника, но внезапно разорвавшаяся рядом мина смертельно ранила его. Находясь в тяжелом состоянии, он нашел в себе силы... подавить огневую точку, обеспечив успешное выполнение боевого задания. Не приходя в сознание, он умер на руках у товарищей.

Ваш сын зарекомендовал себя... Примите нашу командирскую благодарность... искреннее соболезнование и сочувствие... С глубоким уважением...” Дата. Печать. Офицерские автографы.

Вместе с образчиками официальной риторики документ сохранил и частицу жестокой правды о той “непонятной” войне, долгие годы преподносимой как очередное проявление нашей мудрой внешней политики.

Но что-то в письме отцов-командиров не дает покоя. Пытаюсь воссоздать ситуацию, изложенную в письме. Глухой ночью банда душманов напала на некий населенный пункт... Мирное население взяло в руки оружие и ведет с мятежниками неравный бой... Нет, не совмещается это представление с недавно прочитанными строками: “Вооруженная борьба с оппозицией отнимала много сил и требовала больших материальных затрат. Наши войска несли потери. Однако сломать сопротивление вооруженной оппозиции не удалось. Потому что в подавляющем большинстве ее отряды были не банды вовсе, а местное население, которое поднялось против ломки родоплеменных устоев и защищало свои интересы”*.

Кстати или некстати вспомнились слова классика о том, что всякая революция тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться. Вожди Саурской (Апрельской) револю-

* Тайны афганской войны. С. 78.

ции избрали для ее защиты чужие штыки и в буквальном, и в переносном смысле слова.

Что ж, российские мальчики выполнили требования Устава, высокопарно названные “интернациональным долгом”, честно, не жалея себя.

И мы пошли, примкнув штыки,
Душманам это не с руки,
Эх, наших знай!..

И в этих строках – еще одна частица жестокой правды об афганской войне. Но платили мальчишки, как оказалось, по чужим и фальшивым векселям. Боль, недоумение застыли в глазах их матерей. И дай Бог, чтобы времена не повторились. Афганский опыт, смерть тысяч и тысяч должны же нас чему-либо научить!..

* * *

Виктор Смирнов был парнем, каких много, с самой обычной биографией.

Учился в школе, долго помнил потом первую учительницу – в праздники поздравлял открыткой, делился новостями.

После восьми классов поступил в техническое училище № 23. Облюбовал специальность электрогазосварщика. Избирался комсоргом, ездил по поощрительной путевке в Сочи. До призыва в армию успел поработать на Череповецком заводе металлоконструкций.

К службе сколько-нибудь целенаправленно Виктор не готовился. Активными занятиями спортом пренебрегал. Не был приверженцем дворового кулачного боя или качания мускулов. Одним словом, не супермен. Напротив, мать порой корила его за несобранность, некую обломовщину в характере.

– Дружил он с девушкой, – рассказывает Зинаида Петровна. – Пришла она как-то утром в гости, а Витя еще в постели нежится. Я в дверь его комнаты стучу: “Вставай. У нас Лена”. Он в ответ: “Рано еще, я сплю...”

Хотя, при некоторых обстоятельствах, Виктор мог проявить решительность и упорство. Однажды крепко повздорил с кем-то в училище. Матери не объяснил причину, лишь доложил: “Все. Забираю документы”. Сам нанес визит в инспекцию по делам несовершеннолетних, попросил устроиться на работу. На том и завершил бы свое образование,

если бы не вмешалась директор. Долгих уговоров стоило ей удержать подопечного от поступка, совершенного в горячке.

Виктор доучился, получил диплом. Начал работать. Затем повестка в военкомат, сборы, проводы, дорога на юг, присяга.

“...Пишу письмо и думаю: ведь завтра мне стукнет 20 лет. А недавно еще ходил в школу. <...> Побывать бы дома хоть на пять минут. Так хочется! Ну, осталось немного. Всего 22 месяца. Все будет нормально”. И чуть раньше, перед годовщиной революции: “Желаю... выпить чарку за мое здоровье”.

Весточки из Афганистана стали суше. В основном – про природу-погоду, самочувствие, кормежку. Незадолго до гибели, однако, Виктор обмолвился: “Сидели в секрете”. На исходе была половина из отсчитанного им самим срока...

М. Коковин

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

Там романтики нету —
Есть работа и кровь.
Кто-то верил в победу,
Кто-то верил в любовь.

Кто-то знал, что вернется,
Да упал под огнем,
И струной отзовется
Наша память о нем.

*Игорь Морозов.
Из "афганской" песни*

Внимательно рассматриваю каждую Володину фотографию. Вот он в детском саду — трехлетка, вот в пионерском лагере лет двенадцати, в военной полевой форме, на обычном гражданском портрете... И везде — до боли знакомый, с открытым, добрым, приветливым лицом. Навсегда оставшийся молодым и красивым...

Володя Смирнов погиб 28 октября 1983 года. В тот день он сопровождал колонну автомашин по маршруту Джелабад — Мехтерлам. Колонну ждала засада. Мятажники ударили из гранатометов. Владимир, мгновенно оценив обстановку, занял огневую позицию и открыл ответный огонь. В течение двадцати минут Володя прикрывал продолжавшую движение колонну, проявив при этом личное мужество и отвагу. Но вражеская пуля нашла его, смертельно ранила.

Дальше — как обычно: цинковый гроб, печальный ритуал — боевые товарищи в почетном карауле, последние слова прощания, могильный холмик, гранитная плита.

И письмо командира войсковой части подполковника Томашова, начальника политотдела подполковника Силина Володиной маме — Эрне Ивановне. В нем есть строки совсем не трафаретные. "Поверьте, — сообщают с болью два офицера, — нам очень трудно писать слово "был", но Владимир действительно был мужественным и исполнительным воином, до конца исполнившим свой долг перед Родиной... Служивцы всегда видели в нем надежного друга и верного товарища, готового в любой обстановке прийти на помощь".

Отвага и личное мужество рядового Владимира Борисовича Смирнова было отмечено орденом Красной Звезды (посмертно).

Володя Смирнов родился 5 июля 1962 года в поселке лесозаготовителей Каменка Грязовецкого района. В семье было четверо детей. Кроме Володи, старшего, — Ирина, погодок; Сергей — моложе на пять лет и самый маленький — Алеша, общий любимец семьи. Бабушка и мать всю свою трудовую жизнь проработали в лесной промышленности, в объединении “Монзалес”. Что такое тяжелый женский труд, Владимир знал не понаслышке. Знал также и что такое семейные проблемы. Совместная жизнь родителей не сложилась: отец пил запоем, Эрна Ивановна вынуждена была выгнать непутевого мужа. Понимая, как трудно маме успевать везде — и дома, и на работе, — сыновья и дочка помогали ей во всем. Мужчины заготавливали дрова, пиломатериалы, соорудили летнюю кухню, таскали воду, косили траву, сушили и стоговали пахучее сено. Это стремление постоянно что-то делать, чем-то помогать столь укоренилось во Владимире, что после окончания профтехучилища он даже не взял отпуск — пошел на эстакаду катать бревна, заработал и отдал Эрне Ивановне свои первые 200 рублей.

Учился он средне, отличными оценками не блистал, но был спокойным, уравновешенным парнем — из тех ребят, к которым тянутся и чьей дружбой дорожат. Друзья его — Саша Зимин, Юра Попов, Саша Кулаков — не забывали Володю и в дни афганских событий писали ему, поддерживали морально.

И в школе, и в пионерском лагере Владимир с удовольствием занимался спортом, кое в чем добился успехов, особенно в метании гранаты, не раз награждался грамотами, памятными подарками.

Володя на себе испытал, что значит в Афгане физическая закалка. Но и тогда, в письмах к брату, не мог он рассказать о том, что тяжелейшие “боевые будни” бывали не под силу даже тренированному телу. Не расскажет и теперь. Но об этом пишут те, кому удалось уцелеть. Приведу отрывок из воспоминаний майора Игоря Юрьевича Блидждана, заместителя командира десантно-штурмовой роты в Кандагаре.

Оранжевая пустыня Регистана. Мы шли тогда всю ночь, стремясь, как говорится, по холодку (правда, холодок — градусов тридцать пять) выйти утром к кишлаку. Там был колодец, была вода. Мы шли уже двое суток...

Мы торопились. Вдруг впереди почему-то стали. Я обошел тяжело дышавших, потных, смертельно уставших

солдат и пошел в голову колонны. Все отдыхали стоя, никто не ложился – берегли силы. Тяжело перевалив через гребень бархана, я увидел доктора и еще несколько человек. Они стояли над солдатом с белым лицом и пустыми глазами.

– Что с ним?

– Остановка сердца.

– Ничем нельзя было помочь?

*– Ничем...**

Войне еще не видно было конца, и Володя, озабоченный судьбой подрастающего брата – вдруг и ему придется служить в Афганистане, – давал ему настойчивые наказы заниматься спортом, закалывать себя. Сам Володя не курил, не выпивал, к тому же звал и брата:

“А ты, Серега, тренируй себя, ради бога, физически. Утром минут 30 зарядка, а днем или вечером... на турнике, зимой – на коньки и лыжи. Если есть в школе какая секция, обязательно запишись. Понимаешь, у тебя сейчас такой период: как ты закалишь себя, так и будет на всю жизнь. А то ли дело, если ты здоровый парень...”

Чуть дальше Володя развивает эту тему: “Подумай серьезно сам... это неплохой совет. Если не куришь, – не надо, не кури, еще рановато здоровье губить. Запомни раз и навсегда: курить, пить, если у тебя есть к этому тяга, выдержи. Человек физически может себя закалить до армии в твои годы”.

Забегая вперед, скажу, что Сергей прислушался к советам старшего брата и честно, добросовестно выполнил свой воинский долг перед Родиной, был тренированным, закаленным солдатом.

В 1977 году Владимир поступил учиться в СПТУ N 28 г. Вологды, чтобы овладеть отличной рабочей специальностью наладчика шлифовальных станков. Учиться нравилось, занимался хорошо – у мастеров претензий не было. Сегодня его имя выбито на мемориальной доске, что установлена на здании училища.

Закончив училище в 1981 году, Володя до апреля 1982 года работал на 23-м Государственном подшипниковом заводе. Был хорошим наладчиком. Помнят его на предприятии и сейчас. Молодые заводчане побывали у его матери в поселке Вохтога. Не только душевно поговорили, но и сделали все возможное, чтобы полуразрушенная гранитная

* Афганистан болит в моей душе...: Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. М.: Молодая гвардия. 1990. С. 130.

плита на Володиной могиле была заменена на новую. Еще в 1986 году Владимира Смирнова включили в состав бригады, в которой он работал до призыва в армию, и до конца 1989 года зарплату его отправляли в Фонд мира. Гуманное, правильное дело, но сегодня уже забытое. А жаль...

Была в короткой жизни Володи и любовь. Была симпатичная девушка Аня, обещавшая ждать его возвращения со службы. С ней он связывал свое будущее, свои надежды на счастье. Может, и ждала она Володю, даже к родным его в Каменку не раз приезжала, но не дождалась, вышла 23 сентября замуж за другого. Через месяц, очень горький для него месяц, Владимир погиб.

Куда больше ему повезло на мужскую дружбу и верность. На заводе дружил с Юрой Двойнишниковым, на войне – с Игорем Рожковым, который стал для него настоящим братом. И первое письмо из госпиталя после серьезного ранения Игорь адресует Володе. “Здорово, братан! – пишет он. – Вот собрался написать тебе письмо. За почерк извини. Сам понимаешь, какая писанина одним глазом, да второй к тому же болит, спасу нет. Сделали одну операцию, но будут делать и другую, т. к. внутри глаза плавает еще один осколок...”

Не очень подробно описывает Игорь госпитальные будни, понимая, что Володе все это и самому хорошо знакомо – ведь в июне – августе 1983 года Володя тоже был в госпитале на излечении. В то время мама долго не получала от него писем, хотя, в общем-то, Владимир писал часто: 46 весточек пришло от него из Афгана. Последнюю получили 30 октября, через день после гибели Володи.

Вспоминая о Владимире Смирнове, молодом русском солдате, читая письма его, что частично хранятся в Музее истории молодежного движения в Вологде, мы будем каждый раз удивляться. Ведь мог же человек, постоянно рискувавший своей жизнью, писать столь просто и буднично: “Привет из Афганистана! Здравствуйте, дорогие родные: мама, бабушка, Сережа и Алешенька!.. Немного о себе: служба у меня идет нормально, все как-то без изменений, даже описывать нечего”.

Но ведь на таких и держимся, такие всегда заслонят, оборонят Отечество.

В. Гостинцев

“ОТ НЕОСТОРОЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ...”

Откуда пламя полыхнет
чужих гранатометов?
Когда ударит пулемет
по стеклам и капоту?

Виктор Верстаков

“Господи! Пусть умру я тысячу раз, если так нужно кому-то погибнуть, пусть сгорю я в огне, приму самые страшные муки, но только спаси его, моего сыночка, мою кровинушку, сохрани его, Господи!”

Какая мать не шептала про себя такую или похожую молитву, получая письма из Афганистана? Даже будь она трижды атеисткой? Самое горькое горе для человека – потерять своего ребенка. К тому же потерять на войне – страшной, загадочной, неизвестной. И даже мертвого не поцеловать, не обрядить в последний путь, а лишь плакать и плакать, обнимая запаянный гроб...

“Место здесь спокойное, не волнуйтесь. Почти никогда не стреляют. 20 дней будем учиться на новые машины. ЗИЛ-131 здесь нет. На какую будут учить, пока не знаю. Может на “Урал” или КАМАЗ. Но в любом случае будем заниматься обеспечением. Погода здесь очень жаркая, сейчас +42. Но ничего, жить можно”. Это Сережа. Милый, добрый, веселый мальчишка. А теперь – рядовой Смирнов.

Он писал из Шинданда, зная, что через день-два ему предстоит первая боевая операция.

“Место здесь спокойное... не волнуйтесь...” Но как же унять тревогу матери? Маргарита Ивановна неотвязно думала о сыне и надеялась, надеялась, надеялась. Забегали школьные товарищи Сережи, те, с кем ее сын десять лет учился в школе. Очень многое связывало Сергея с этими мальчишками и девочками, оставшимися на далекой гражданке. Сколько походов вместе пройдено, сколько споров было, сколько интересных дел задумано и сделано.

В армию Сергей Смирнов ушел одним из первых в классе. Никого это особенно не удивило. Ведь еще в школе он

решил поступать в военное училище, чтобы стать профессиональным защитником Родины. Сознательный выбор требовал серьезной подготовки. Учеба давалась Сергею довольно легко, в старших классах он нашел время для занятий радиотехникой, увлекался спортом, ходил на лыжах.

В отличие от некоторых одноклассников начальная военная подготовка с ее дисциплиной, уставами, строевой подготовкой не казалась ему пустым делом. Особенно нравились практические занятия – хотелось добиться меткости в стрельбе, проверить себя в военно-спортивной игре. Много и охотно помогал Сережа школьному военруку, занимался военно-патриотической работой в комитете комсомола. Он любил свою Родину, свой поселок, свою школу. Но просто любить – мало, надо быть готовым все это защищать. Таков долг солдата. Сережа Смирнов готовил себя к нему. Поэтому все знали – человек он не очень заметный, зато надежный. А еще отзывчивый. Таким он запомнился учителям, товарищам, знакомым...

Но вот позади – десятый класс, последний звонок, экзамены, выпускной вечер. Не надо больше спешить в школу, учить уроки. Впереди – самостоятельная жизнь. Однако жизнь эта не всегда идет в согласии с нашими планами. Поступить в военное училище Сергею не удалось. Что же дальше? Куда пойти работать? Конечно, на фабрику, где много лет трудились родители – Маргарита Ивановна и Анатолий Николаевич. Сережа устроился работать на участок связи. Трудился с желанием, и получалось неплохо. Специальность тоже пришлась по душе. Захотелось овладеть ею в совершенстве, появились новые планы – поступить в институт связи. Планы эти пришлось отложить, подошло время службы в армии. В военкомате молодому рабочему предложили поступить на курсы ДОСААФ и получить военную специальность водителя. Сергей согласился, успешно закончил курсы.

И вот апрель 1985-го. Проводы в армию. Никто не думал тогда, что Сергей уходит навечно. Недолгое пребывание под Выборгом, перевод в Армению, спецподготовка для службы в Афганистане. Началось тревожное время и для Сергея, и для его родителей.

Немного писем пришло от сына Маргарите Ивановне и Анатолию Николаевичу. Но в каждом из них – стремление успокоить тревогу родных: “Место здесь спокойное, не волнуйтесь...”

Последнее письмо Сергея пришло из госпиталя 27 сентября 1985 года. Он сообщал, что лежит с ожогами ног. И как всегда, не желая расстраивать маму, писал, что чувствует себя хорошо, а ожоги объяснял так: "от неосторожного обращения... с бензином". Через два дня Сережи не стало.

Позднее боевые товарищи рассказывали, что колонна, в которой был и бензовоз рядового Сергея Смирнова, двигалась по дну ущелья. Внезапно колонну атаковали душманы. Они били по машинам из гранатометов. Одна из гранат попала в машину Сергея, бензовоз загорелся. У Сережи было время, чтобы покинуть горящую машину и спастись. Но тогда застопорилось бы движение всей колонны, и неподвижные машины превратились бы в удобные мишени для противника. И Сергей повел пылающий бензовоз дальше. Он выполнил свой долг до конца, но получил сильные ожоги. В тяжелом состоянии довезли боевые друзья Сережу в госпиталь. Началась трудная борьба за жизнь. Врачи пытались сделать все возможное, товарищи сдавали свою кровь. Но спасти Сережу не удалось.

Трудно поверить в реальность смерти, если человеку только восемнадцать. Наверное, и Сергей не верил до последней минуты, что в его дом принесут похоронку, что не вернется он к друзьям и родным, что погибнет в далеком и чужом Афганистане, до конца исполнив тот долг, которого от него потребовали.

Бежит время, продолжается жизнь. Растет поселок Климовское Череповецкого района, в котором жил Сережа. Как и прежде, идут рано утром рабочие на птицефабрику, дети в школу. Бережно чтут жители поселка память о земляках, ветеранах Великой Отечественной войны. Есть в Климовском даже свой краеведческий музей. И если вы когда-нибудь посетите его, то среди старых фотографий обязательно увидите свежий снимок совсем еще юного солдата, погибшего не в сорок первом, а в восемьдесят пятом...

Рядовой Смирнов Сергей Анатольевич награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

С. Карпов

“ГОРЫ ОЧЕНЬ КРАСИВЫЕ, НО ТАКИЕ ОПАСНЫЕ...”

Над лагерными палатками, над затерянной в афганских горах долиной повисла тяжелая дымчатая луна. Утром взойдет солнце, и как же хочется, чтобы оно засветило наконец над спокойной, мирной страной!

*Виктор Верстаков.
Афганский дневник*

Был 1982 год, канун праздника 8 Марта. На станции Семигородняя уже знали: к ним идет срочный груз с Ярославля. Только еще не догадывались какой. А груз был тяжелый и страшный.

Возвращаясь домой, Зоя Николаевна Смыслова увидела крытую машину, которая остановилась возле их дома. Еще ничего не успев понять, материнской душой угадала: “Сережу привезли!” Застучало в висках, подкосились ноги. “Сережу привезли...” Конечно, от него давно не было писем. А из машины уже выгружали цинковый гроб. Упала на него без сил. Прибежала испуганная Галинка, дочь-третьеклассница. Глянула и, задрожав, кинулась обратно в дом, забилась в угол комнаты.

* * *

Родился Сергей Алексеевич Смыслов 7 сентября 1962 года на станции Семигородняя Харовского района. В семье он был четвертым ребенком – предпоследним. Мать работала на станции, отец Алексей Андреевич – на узкоколейной железной дороге Семигороднего лес-промхоза.

С 1967 года Смысловы постоянно держали корову, приучали и Сережу к крестьянскому труду. Он заканчивал среднюю школу, не рассчитывая на украшенный отличными и хорошими оценками аттестат, а отсутствие таковых компенсировал знаниями в области техники. Друзья любили и уважали его.

Лето после окончания школы провел дома, ближе к осени 1980 года чуть более месяца работал на железнодорожной станции. Особого стремления к какой-либо про-

фессии Сергей не испытывал, думал, что все решится само собой после службы в армии. Ее он ожидал с тревогой.

На службу Сергей был призван осенью 1980 года. Сразу же был направлен в сержантскую школу г. Ашхабада. Через полгода ему было выдано свидетельство об окончании военного подразделения войсковой части по программе подготовки командира БМ-21. Школу он окончил с отличием, перед направлением в Афганистан ему было присвоено воинское звание сержанта.

О том, как проходила его служба и в учебном подразделении, и в действующих войсках, можно судить по сохранившимся письмам Сергея к своей девушке Татьяне Соколовой.

“...Золотце мое, о тебе здесь даже некогда вспомнить, встаем в шесть утра, отбой в 10 или 11 вечера. За день так умаешься, что к вечеру еле ноги волочишь.

Послезавтра я принимаю присягу. Наш взвод должен быть показательным во всем дивизионе. Выбрали нас из всей батареи. Не знаю даже, за что меня в него выбрали.

В учебке буду находиться шесть месяцев, учат нас на сержантов-реактивщиков. А потом буду защищать интересы революции в Афганистане. Так сказал нам комбат...” (*Ашхабад*).

“...Снова пишу тебе, потому что очень скучаю. Сейчас нахожусь в карауле, только что пришли с поста, теперь надо два часа бодрствовать, в девять буду спать ложиться, в одиннадцать снова на пост. Так через каждые четыре часа. Погода здесь стоит интересная. Днем тепло, ночью холодно. Ветер южный, но он холодный, тянет с гор Ирана. От нас они в тридцати километрах, видно, как прожектор ходит по ним, освещает границу нашей Родины. Тут только предгорье наше, а сами горы иранские. Знаешь, когда солнце встает, до чего они красиво выглядят. Глаз нельзя оторвать...” (*Ашхабад*).

“...Пять человек из нашего взвода сегодня уехали в Афганистан. Завтра утром еще одна партия уезжает, возможно, и я тоже. Ты только, пожалуйста, не волнуйся. Может, все обойдется и меня пошлют куда-нибудь подальше от афганской границы...” (*Ашхабад*).

“...Сию сейчас в палатке, ребята все спят. Тихо, а я думаю, почему это парни, приходя в армию, здесь только и понимают, что такое гражданка. И я не понимал, пока дома был. А здесь, примерно в 6,5 тысячах километров от дома, я узнал, что такое гражданка и что такое настоящий солдат, воин-туркестанец. Этим именем можно гордиться, только мне такая гордость ни к чему. Если мать узнает, что я иду в Афганистан, точно упадет в обморок...” (*Ашхабад*).

“...Танечка, получил недавно письмо от Алексеевны. Она очень расстраивается, что я попал в Афганистан, пишет, чтоб был повнимательнее. А тут хоть того внимательнее будь, если пуля предназначена, то все равно достанет. Стреляют из-за любого камня, из-за любого дерева. Громят наши машинки из гранатометов. Скоро идем в очередной рейд. Только точной даты не знаем...” (*Афганистан*).

“...Я тут многое понял. Надо очень верить в себя – это главное. А еще верить в будущее и думать о нем...” (*Афганистан*).

“...Когда мы приехали в Кабул, то я даже испугался: кругом горы, одни горы. Здесь надо привыкать ко многому, и к этой красоте тоже. Горы очень красивые, но такие опасные, сама догадайся почему...” (*Афганистан*).

“...Даже не верится, что через четыре дня наступит осень. И побегут в школу с сумками и портфелями ученики, начнется у них счастливая пора школьной жизни. А у нас все уже позади. Не верится, что пролетело детство и уходит уже юность в солдатских сапогах и шинелях...”

* * *

Не успела юность уйти от Сергея. Прожил он после этого письма около полугода.

В одном из рейсов наши машины, что везли почту для солдат, были обстреляны мятежниками. Сергей был в сопровождении. В завязавшемся бою он получил тяжелое проникающее черепное ранение. Больше месяца Сергея лечили в Ташкентском госпитале, 15 февраля 1982 года он скончался.

О своей награде – ордене Красной Звезды – он уже не узнал.

В личных вещах Сергея, присланных родителям после его гибели, была и вырезка из географической карты. На сложенном вчетверо листке – очертания Вологодской области и маленькая точка на ней – его Семигородная.

Помнят ли здесь Сережу? Пионерские отряды Семигородской средней школы носят его имя. Высечено оно и на стеле памяти погибшим семигородцам возле клуба в поселке.

Начиная с 1 сентября 1989 года в школе, где учился Сергей, ежегодно проводится день его памяти. И еще: все здесь очень тепло относятся к родителям Сергея.

Н. Кузнецова

ЗВАЛИ ЕГО СОКОЛЕНКОМ...

Хорошим был он парнем
и солдатом,
Вы на слово должны
поверить мне...

*Ян Ицкевич.
Из "афганской" песни*

Семья Соколовых, как тысячи череповецких семей, корнями своими уходит в деревню. Батран всего в 35 километрах от города: час езды на автобусе – и любой укажет старый, но еще крепкий дом с пристройкой для скота, банькой и аккуратной поленницей. Десять лет жизни в городе не разнежили Соколовых, не отучили от сельского труда, поэтому каждую весну Николай Васильевич с Софьей Степановной ездили в Батран сажать картошку, а осенью собирали урожай. Привозили в деревню детей. Вместе нарабатываются, выкупаются в реке, а вечером за столом соберутся. Вот и картошка подоспела – спелая, рассыпчатая, самовар наделяет каждого чашкой ароматного чая, а под столом путается в ногах кот-лежебока, выпрашивая подачку.

Трое сыновей было у Соколовых. Старший сын, Василий, и средний, Сергей, – погодки, вместе и в СПТУ-8 учились. А младшему Соколову едва два года исполнилось, когда Василия уже во флот призывали...

Третий год продолжались военные действия в Афганистане. Газеты пестрели сообщениями о наших успехах то в одной, то в другой провинции, телевидение передавало бойкие репортажи из воинских подразделений. Показывали взятых в плен бандитов, а также благодарных мирных жителей, которым наша страна оказывала безвозмездную экономическую помощь. Продовольствие, автомобили, ткани, холодильники потоком шли за Гиндукуш. На экранах – улыбки, рукопожатия. Благодарность казалась искренней.

Смотрел эти передачи и Сергей, читал газеты и мечтал: "Вот бы попасть в Афган да пострелять бы вдоволь!" Войну

он воспринимал по-мальчишески и был готов защищать интересы братского народа, хотя не очень разбирался, в чем они состоят. Да и немного было таких, кто разбирался, – все пили воду из одной реки, называемой контрпропагандой.

Пришел и Сергею срок сменить гражданскую одежду на солдатскую шинель. Осенью 1983 года вместе со своими ровесниками он прошел в Выборге курс молодого бойца. Некоторые ребята, распираемые любопытством, спрашивали у офицеров, где им предстоит служить в дальнейшем. В ответ – только шутки или угрюмое молчание.

В Выборге Сергей сдружился с земляками – Валерием Гуляевым, Олегом Тиховым, Мишей Кузнецовым, Валерием Жаровым. Всех вместе их отправили потом под Кушку. Там служили в военно-саперной роте два месяца. Оказавшись в Туркмении, молодые солдаты больше не задавали наивных вопросов.

Но Сергею с Валерием Гуляевым вышла непредвиденная отсрочка. На месте новой службы они попали в госпиталь областного центра Мары: заболели желтухой. Их земляки в это время уже пересекли Саланг.

Из солдат, перенесших болезнь, вскоре было сформировано подразделение, постоянным местом дислокации которого впоследствии стал Панджшер.

Родители получали от Сергея письма, полные оптимизма. Заканчивались они обычно какой-нибудь прибауткой вроде этой: “Не волнуйтесь, у нас все хорошо, с автоматом – как с родным братом, даже спим в обнимку с ним”. И хотелось верить – помогают сыну в службе его общительный характер и умение дорожить дружбой. Начали приходить домой снимки, на которых Сережа уже не в шинели, а в куртке “хэбз”. Вот он с друзьями – все такой же стройный и подтянутый, но уже уверенный в себе и возмужавший. Но – письма письмами... Они ловили хоть какую-нибудь информацию о военных действиях в районе, где служил Сергей. Информации же почти никакой: думай, что хочешь.

Между тем в районе Панджшерского ущелья моджахеды вели активные боевые действия. Здесь находилась центральная база Ахмад-Шаха Масуда (Масуд в переводе – “счастливый”), одного из наиболее влиятельных лидеров оппо-

зицин на территории страны. Его отряды достигали нескольких тысяч штыков.

Дикое и величественное в своей красоте Панджшерское ущелье представляло собой мощный укрепрайон. В верхней его части были возведены фортификационные сооружения, неуязвимые для артиллерийских и бомбоштурмовых ударов. Множество огневых точек, укрытых в пещерах, готовы были поразить цель. Здесь находились склады с оружием и боеприпасами, были оборудованы госпитали, налажена радиосвязь.

Родившиеся и выросшие в этих горах, душманы во время боя занимали очень выгодные позиции, а с приближением опасности бесследно растворялись среди сопок.

В течение нескольких лет зона Панджшерского ущелья была местом проведения крупных войсковых операций. Разумеется, никакие “сводки Информбюро” об этом не сообщали...

По прибытии в часть Сергея и Валерия Гуляева назначили в один расчет. Гуляева — старшим расчета, наводчиком гранатомета, а Сергея — его помощником. Всего через месяц молодым солдатам пришлось участвовать в одной из панджшерских операций. В боях были задействованы значительные силы сороковой армии. Во время операции Сергей неожиданно встретился с Мишей Кузнецовым. Им удалось перемолвиться лишь двумя-тремя словами.

— Времени на разговоры не было, — вспоминал Михаил позже, — но, взглянув на Сергея, я сразу понял: службой он не тяготится. Как всегда, весел, сказал, что и со “стариками” нашел общий язык. В полку боевые друзья называли его Соколенком.

У солдата и в самом деле служба началась успешно. Командир роты капитан Дмитриев любил Сергея, хотя ничем не показывал своего расположения к нему. За пятнадцать месяцев службы на чужой земле, обильно политой кровью советских солдат, Соколов не пропустил ни одного боя, одинаково охотно ходил в разведку и в засаду, минировал и разминировал, мог сутками шагать с полной боевой выкладкой. Из трех расчетов в роте тот, в котором служили Соколов и Гуляев, отличался в соревнованиях и на учениях, успешно действовал в бою. За это бойцам чаще других объявляли благодарность командир роты и командир взвода.

Есть в семье Соколовых дорогая реликвия – письмо от сына-солдата, в котором он пишет: “...за первую армейскую операцию представлены к награде. Не знаю только, что из этого получится. Некоторые уже два раза награждены, но награды не доходят”.

Увы, наград своих они не дождались. Лишь 1 февраля 1989 года Указом Президиума Верховного Совета СССР N 709-1 всем, кто не награждался ранее, была дарована общая награда – орден Красной Звезды. Уже посмертно.

20 мая 1985 года над Панджшером стояло высокое, голубое небо. Из разведроты сообщили о движении, замеченном вблизи дороги, по которой должна была пройти колонна. Каждый знал, с чем это связано: духи собирали вдоль дороги неразорвавшиеся снаряды, закапывали их по 3–5 штук под мину и рвали колонны автомашин с боеприпасами и техникой. Командир подразделения подбирал людей для прикрытия колонны.

Через несколько дней родители Сергея получили похоронку. Вслед за ней пришло письмо, подписанное командиром войсковой части и заместителем командира по политической части:

“...Около 15 часов дня подразделение, в котором находился Ваш сын, выдвигалось в район засады. Колонна во время движения была обстреляна бандой мятежников из минометов и стрелкового оружия. Быстро и грамотно оценив обстановку, Сергей занял удобную огневую позицию и открыл меткий уничтожающий огонь по противнику. Но внезапно разорвавшаяся рядом с ним мина смертельно ранила в голову и грудь Вашего сына, и он, не приходя в сознание, умер на руках товарищей”.

Похоронили Сергея на кладбище деревни Батран.

Каждый год 8 мая на могиле солдата появляются цветы. Преподаватели и учащиеся СПТУ N 8, где когда-то учился Сергей Соколов, возлагают венок у его памятника. Училище и теперь не забывает своего выпускника. На фасаде учебного заведения в его честь помещена памятная доска.

В. Евшина

БЫЛ ТАКОЙ ПАРЕНЬ

Не угадаешь, где рванет,
Под кем сработает запал.
За поворотом – поворот,
За перевалом – перевал...

Игорь Морозов

Когда-то в деревне Черная жизнь была ключом. Со временем она перешла в разряд “неперспективных”, и жители целыми семьями стали выезжать кто в райцентр, кто на центральную усадьбу колхоза “Счастливый путь”. Три года назад переехала в Никольск и семья Сумароковых.

Иван Евдокимович рассказал мне о детстве Николая, обычном детстве обычного деревенского мальчишки.

– Коля пошел в школу в 1975 году. Учился охотно, учеба давалась ему легко. Ребята его любили, Коля был заводилой во всех играх и делах.

Нас, родителей, слушался, помогал по хозяйству. Не отказывался и от девчоночьей работы.

Много читал художественной литературы. Особенно ему нравились книги о приключениях и разведчиках. Любил мастерить, возиться с железом.

Сам Иван Евдокимович более тридцати лет проработал в колхозе “Счастливый путь”. Коля пошел по стопам отца, хотел своими руками выращивать хлеб.

Он окончил среднее профессионально-техническое училище № 9 в Никольске. Поработав немного на тракторе, получил направление на курсы водителей в Великом Устюге. Так у него добавилась еще одна необходимая в сельском хозяйстве специальность.

В мае 1986 года Николая призвали в армию. Отец в то время находился в больнице, и все заботы по отправке сына на службу легли на плечи матери Юлии Николаевны.

За день до отправки Николай в последний раз выехал в поле...

После шестимесячной военной подготовки в Воронеже он был направлен в Афганистан, служил под Кабулом.

Родным писал очень часто. Если не родители, то сестра или братья обязательно получали от него весточку на неделе. На трудности не жаловался, служил честно.

В адрес Ивана Евдокимовича и Юлии Николаевны пришло немало благодарностей от командования части, в которой служил Николай. Командиры благодарили родителей за хорошее воспитание сына, писали о том, что Николай не раз награждался Почетными грамотами за успехи в боевой и политической подготовке.

Погиб Николай в 1987 году, выполняя боевое задание. Автомашина, которую он вел, подорвалась на вражеской mine. С ним было одиннадцать его друзей-сослуживцев. Его родные потеряли любящего сына и брата, друзья — верного товарища. Друг Николая Сергей вспоминает: “Дружили мы с раннего детства, были как два брата. Хороший был парень, в трудной ситуации всегда придет на помощь товарищу. Письма из армии писал часто. Писал и о том, что страшно было. Жалко Николая, хороший был друг”.

Похоронен Николай Сумароков в деревне Горка.

Не высыхают слезы на глазах матери воина-“афганца”.

В. Рыжков

АНДРЕЙ

Пронизан незакатною зарею,
Табун коней, сверкая пеной,
Умчит одетых в выстрелы героев
На новый пост — безмолвный и
бессменный...

Мигель Эрнандес
(перевод В. Карповой)

Поселок Молочное... Красивый спуск на луговину к реке Вологде, голубая узкая лента реки, за ней высокий, обрывистый берег, местами покрытый лесом. Темная хвоя елового строя прерывается редкими соснами, а за ними купами, рядками и в одиночку качают вершинами березки, осины. Родная сторона...

Если посмотреть на поселок со стороны реки, то в весенней светло-зеленой дымке можно увидеть “замковое” темно-бордовое здание Молочного института. Институт выстроен в 1913-1916 годах по императорскому указу, завершившему тридцатилетние хлопоты великого нашего земляка Николая Васильевича Верещагина и его ученика, первого профессора института Аветиса Айрапетовича Калантара. Здесь по его лестницам легко избегал студент и спортсмен Саша Александров; здесь работает, готовит к поступлению в институт абитуриентов Ангелина Владимировна — мама Володи Некрасова. За громадой институтских корпусов виднеется здание поселкового Совета народных депутатов; там, думаю, и сейчас часто бывает мама Володи Баскова — Валентина Александровна Баскова, несмотря на разительные перемены в нашей жизни, у народного депутата СССР найдутся общие темы для бесед с поселковыми депутатами. А дальше к горизонту убегают новостройки, коттеджи и многоэтажки. За ними большой комплекс зданий интерната для инвалидов и престарелых, там долгие годы работал Александр Александрович, а сейчас еще продолжает работать его жена Евлампия Александровна. Это родители Андрея Талашова. А вот и школа... Когда-то они все четверо учились в ней; четыре мальчика, очень разных, но которым выпала одна судьба — быть солдатами афганской войны... Да, велик ли

поселок, а и он недосчитался за годы этой войны четверых своих сыновей...

Александр Александрович Талашов невысокий, полный (годы берут свое!), но двигается быстро, смотрит внимательно, старый солдат-артиллерист! Его военное прошлое сказывается и в манере разговора: в четкости и краткости фраз, в емкости характеристик людям и событиям. Он родился в Тотемском районе и его юность пришлось на тяжелейшие годы войны. Школу окончил перед самой войной, а в 42-м был призван в Пуховичское военное училище, которое тогда размещалось в Великом Устюге. В мае 43-го молодой лейтенант уже сражался на Центральном фронте. Великая Отечественная война давно ушла в историю, в страницы книг и учебников, в ленты кино. А вот оживают события в рассказе бывшего командира стрелкового взвода, который вступил в бой у станции Поныри на легендарной Орловско-Курской дуге, был участником боев за Днепр, за Ковельский узел...

Как много постигаешь, когда слушаешь такие рассказы. Нет в голосе ветерана металлических высокочастотных нот по поводу одержанных побед, нет и "трагического шепота" в воспоминаниях о тяготах и потерях. Только теплеют глаза при воспоминании об освобождении Польши. Суровым становится взгляд, когда ветеран рассказывает о потерях при форсировании Одера. После взятия Берлина 77-я дивизия, где служил А. А. Талашов, остановилась в городе Магдебурге на Эльбе, где произошла встреча с американскими союзниками. Война окончена. Ветеран, двадцати с небольшим лет от роду, инвалид, имеющий не одно ранение, Александр Талашов продолжал служить там, куда пошлет Родина.

В семье Александр Александрович был младшим. Два его брата тоже воевали на фронте, один погиб, а другой вернулся инвалидом и в 1954 году скончался еще совсем молодым.

Одна семья, а сколько в ней потерь и мужества. Сейчас можно слышать порой упреки в том, что мы, русские, слишком долго помним войну, будто она окончилась только вчера; в такие минуты мне вспоминаются не те статистические "20 миллионов жизней", а знакомые мне семьи, где из трех, четырех, пяти воевавших мало кто вернулся, тем более живым и здоровым...

И проступают в памяти слова поэта Константина Симонова:

Война такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится, что живы...

Но тем, кто вернулся, надо было жить, порой – учиться жить заново. Со снимка из далекого 48-го года смотрят ясные лица Александра Александровича и Евлампии Александровны Талашовых, а дальше – фото долгожданного сына, Андрюши. Жизнь продолжалась. Любительские снимки конца 50-х годов. Как много людей тогда увлекались ими! Может быть, наученные потерями войны неосознанно стремились запечатлеть дорогие лица, мгновения радости и печали. А может быть, были опьянены “глотком свободы” времен хрущевской “оттепели”, когда стало возможно без боязни спокойно фотографировать дома и людей, не боясь, что придется объясняться кто, где и зачем снят.

Рассказывая о сыне, Александр Александрович листает страницы альбома. Вот стриженный мальчик с друзьями – детьми соседей; вот Андрей со старшей сестрой Наташей. А это снимок во время четырехдневного похода по Кавказу, когда он, маленький мальчик, наравне со взрослыми прошагал весь маршрут и в результате получил значок “Турист СССР”. А вот снимок около царь-пушки в Москве. Семилетний Андрей долго просил отца подойти к пушкам у здания Арсенала, очень серьезно разглядывал их и никак не позволял увести себя от самой большой пушки, пока не сфотографировались.

В 1967 году для Андрея началась обычная жизнь школьника. Он был очень активным, участвовал в самодеятельности, вот он на снимке стоит с трубой (играл в духовом оркестре). В старших классах Андрей избирался комсоргом, был членом комитета ВЛКСМ в школе. Скупые свидетельства короткой жизни лежат в фондах Музея истории молодого движения города Вологды.

“Удостоверение 013-0. Талашов А. А. является членом оперативного комсомольского отряда ДКМ по борьбе с нарушителями общественного порядка”. Выдано в декабре 1976 года. А вот другой документ: “Грамота. Награждается комсомолец 10-а класса Талашов Андрей за активное участие в работе Зала Боевой Славы. Директор школы В. Радионов. Организатор внеклассной работы А. Жестоканова”.

Если б даже привести здесь воспоминания друзей детства и юности Леши Смирнова, Володи Ветрова, Вали Травникова, Миши Петухова, Володи Арабинского, сестры Андрея Натальи Александровны, его жены (вернее, вдовы) Ирины Максимовны, то все равно не рассказать в коротком очерке всю жизнь человека. И потому я ссылаюсь на самые главные штрихи судьбы и характера Андрея. Вот строки из его биографии, хранящейся в музее: “Это был добросовестный ученик, прекрасный организатор, настоящий друг”. А вот отрывок из воспоминаний одного из школьных товарищей: “Еще когда Андрей маленьким был, то очень любил кататься на санках с горки. Ребята, у которых санок не было, просят покататься. Иные не дают, а он всегда даст. Глядишь, те, кто без своих санок, катаются раз за разом, а он все стоит, ждет, когда ему вернут санки. Никогда не жадничал...”

Наверное, все-таки фотографии альбома, сделанного руками родительскими, самые беспристрастные свидетели и судьи.

От снимка к снимку подрастает мальчик. Юношу смеяет мужчина. И, глядя на эти фото, понимаешь, что Андрей любил природу. Как бережно срезает он гриб, чтоб не повредить грибницу, как весело и увлеченно работает с одноклассниками в опорно-производственном хозяйстве в Остехове.

В 1977 году Андрей окончил школу и решил поступать в Московский институт стали и сплавов. Экзамены сдавал, фактически ночуя на вокзалах, жилья не было, пришлось вернуться в Вологду и поступить на первый курс политехнического института. Занимался старательно, но что-то все не давало покоя.

И вот однажды Андрей решил поговорить с отцом: как он, бывший военный, посмотрит на то, что сын расстанется с институтом и будет поступать в Ленинградское военное артиллерийское командное училище. “Может, запали ему в душу мои рассказы о войне, о службе,— задумчиво говорит ветеран.— Что я мог посоветовать? Сам, кроме войны, послужил-помаялся; за 17 календарных — 21 год выслужил?.. Сказал все, как есть, обо всех трудностях, но отговаривать не стал. Вспомнил, как мальцом все меня к пушкам тянул...”

Так в 1978 году в семейном альбоме Андрея Талашова появились снимки курсантских будней. А по окончании училища Андрей уехал вместе с молодой женой Ири-

ной к первому своему месту службы на легендарный остров Ханко на Дальнем Востоке. Он еще не знал, что в феврале 1983 года военная судьба перебросит его в Афганистан.

Жена с малышом Костей переехали поближе к его новому месту службы. Андрей Александрович был зачислен в маневренную группу в составе пограничного отряда в/ч 2033 и командовал батареей 82-мм минометов. В боевую задачу старшего лейтенанта Талашова входило обеспечение спокойствия на одном из участков нашей границы; подавление в непосредственной близости от границы на сопредельной стороне огневых средств и крупных формирований мятежников. Командир батареи участвовал в семи боевых операциях. В служебных документах неоднократно подчеркивается: “Умело руководил огнем минометной батареи, чем способствовал выполнению боевой задачи...”

17 февраля 1984 года Андрей написал короткое письмо отцу, матери и сестре, в нем есть такие строки: “Одно измотало, что еще год пропащем в Афганистане. Я уже писал – теперь приказ вышел: 2 года. Ну ничего, один уже прослужил, второй тоже пройдет. Сколько раз меня здесь представляли к званиям и наградам, да только ничем так за год и не наградили. Лишь одни представления в личном деле лежат. По службе у меня без изменений, все нормально. Командовать батареей привык уже, дело стало не в тягость. Когда дело налажено, все как надо крутится-вертится, офицеры работают и на душе легко. Вот такие дела...”

Руки отца бережно разворачивают большой сверток с сыновними документами, в нем удостоверение на медаль, выданное Талашову Андрею Александровичу 25 апреля 1984 года “За отличие в охране государственной границы СССР” (получить награду Андрей так и не успел, он погиб 7 мая 1984 года).

Последний снимок в альбоме – траншея, горы вдали, устало опустился на землю Андрей около панорамы-дальномера. Он корректировал стрельбу, и здесь, через несколько минут, он погиб от огнестрельного ранения в голову.

Осиротели родители, осиротела жена и сынишка, земля наша осиротела еще на одного доброго, честного, умелого человека.

Александр Александрович достает другие документы: удостоверение о награждении сына медалью “Воину-интернационалисту”; орденскую книжку, где сказано, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 января

1990 года Талашов Андрей Александрович награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Семейный альбом Талашовых заканчивается не траурным снимком прощания с Андреем у здания школы. На внутренней стороне обложки – два фото: на одном Ирина Максимовна с сыном на руках, на другом бедово прищурившийся Костик беседует по детскому телефону. Жизнь продолжается. В семье сохраняются личные вещи и награды, в музее сохраняются документы, в книге будет храниться память о погибшем. В глубине сельского кладбища будет храниться его прах. Но как хочется верить, что юность и молодость Константина Андреевича Талашова не будет опалена огнем войны.

В. Карпова

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ХАРАКТЕРИСТИК

В "черном тюльпане"—
те, кто с заданий
Едут на родину милую
в землю залечь...
В отпуск бессрочный,
рванные в клочья,
Им никогда, никогда
не обнять теплых плеч...

Александр Розенбаум

У Вени Тимошенко — типичная судьба типичного парня тех самых лет, что впоследствии были названы застойными. Только ни Веня, ни его друзья ничего про застой не знали, жизнь и свою нелегкую судьбу считали нормальными, верили в лучшее будущее и надеялись, что счастье их не обойдет. У него и на портрете взгляд больших, красивых глаз словно бы устремлен в будущее. На фотографии Вениамину неполных семнадцать лет. Последний учебный год школьной жизни у него позади, а все главное и трагическое — впереди. Впереди совхоз, автошкола ДОСААФ, призыв в армию, Ленинградская область, пески Туркмении, Афганистан, последний бой с мятежниками 29 декабря 1984 года. Еще впереди (уже без него) письмо командования войсковой части, адресованное Вениной маме, где есть такие правильные слова: "Ваш сын на протяжении прохождения воинской службы в части проявил себя исполнительным, храбрым, дисциплинированным воином, <...> проявил высокие боевые и морально-политические качества, стойкость, мужество и отвагу".

Верно. Все эти качества Вениamina Тимошенко — реальность его боевых будней на протяжении почти целого 1984 года. Веня принимал участие в семи боях по ликвидации вооруженных формирований моджахедов. Седьмой оказался последним. Наводчик рядовой Тимошенко был тогда наблюдателем на секрете имени С. Федотова. Он своевременно заметил продвижение группы мятежников, занял оборону и начал бить противника из автомата. Здесь, как никогда раньше, Веня проявил и смелость, и решительность, и мужество. Раненный в ходе ожесточенного боя, он продолжал уничтожать противника метким огнем. Сражался без медпомощи, без перевязки. В том бою он

уничтожил двух душманов, но погиб сам. За мужество и отвагу награжден посмертно орденом Красной Звезды. Похоронен на своей родине.

Доармейские годы Вениамина были связаны с родным Грязовецким районом, с селом Плющево, в котором родился, с деревней Куземкино, где потом жила его семья.

У него было трудное детство: отец, Андрей Петрович, рано стал инвалидом II группы; мать, Антонина Ивановна, тоже не отличалась крепким здоровьем, поднимая сыновей Веню и Мишу, дочь Татьяну. Пришлось пойти Вениамину учиться в грязовецкую школу-интернат, на полное государственное обеспечение. Здесь он получил восьмилетнее образование, а среднее завершил в грязовецкой школе N 2, где много лет директорствовал И. М. Гомзиков.

Никто из тогдашних учителей не рискнул бы предположить, что в будущем их питомец совершит поступок героический. Напротив, судя по характеристике, написанной воспитателем Сурковой, будущее Вениамина представлялось учителям весьма прозаичным.

В самом деле, и учился только на тройки, хотя мог бы учиться на "4" и "5" ("очень ленивый"), и любимого предмета у него нет, и в рассказе нет выразительности, и инициативы не проявляет, и организаторских способностей тоже нет. Правда, учительница все же вынуждена признать, что Веня любит трудиться на любом посту и всегда все делает на совесть, что разовые поручения выполняет тоже хорошо, всегда опрятно одет, честен, что одноклассники его уважают.

Вроде и правильная, объективная оценка дана парню, тем более что и аттестат о среднем образовании сплошь троечный, и производственная характеристика, выданная совхозом "Покровский" в райвоенкомат, не блещет хвалебными эпитетами. Более того, отмечается, что участия в общественной жизни Вениамин не принимал, поручений не имел.

И все же, когда вдумаясь в строки характеристики о том, что Тимошенко В. А. в быту скромен, морально устойчив, нарушений трудовой дисциплины не имеет, начинаешь смотреть на этого парня по-иному, человечнее. Наконец, прочитав его многочисленные письма родным со службы, из Афганистана, убеждаешься: Вениамина очень долго и напрасно недооценивали. Только боевые действия, экстре-

мальная ситуация позволили во всей полноте раскрыться его лучшим душевным качествам.

Почти в каждом письме Веня успокаивает маму, брата, сестру, чтобы из-за него не волновались, не огорчались. Обычная фраза: “Служба у меня идет нормально, все по-старому, никаких изменений нет” – кочует из одного письма в другое. И чем опаснее была обстановка, чем напряженнее становились бои, тем больше было успокоительных строчек в письме. В предпоследней весточке маме он замечает: “Ты спрашиваешь, чего я тут делаю. Как тебе и написать. Сейчас мы стоим на охране дороги Термез– Кабул. От границы я нахожусь не очень далеко – всего 300–400 километров...” А в последнем письме, за девять дней до гибели, Веня совсем уж буднично сообщает матери: “Живу я хорошо, даже вроде поправился на армейских харчах. Служба тоже идет нормально. Погода стоит хорошая”. А сколько тепла, душевности, внимания к родным, близким, друзьям несет каждое письмо Вениамина. Даже большое горе, обрушившееся на семью Тимошенко (в марте 1983 года умер отец) Веня постарался как-то смягчить, хотя сам страдал безмерно.

Вот такой он, Вениамин, открытый, добрый, заботливый, и был на самом деле, за пределами школьной и производственной характеристик. Такой он, не имевший общественных поручений в совхозе, с честью выполнил самое трудное поручение командования, достойно исполнил свой солдатский долг, не ведая, кто и зачем завел его на эту гибельную афганскую землю.

А. Борисенок

ВСЕГО ТРИ ДНЯ...

В декабре есть еще одна дата
Без отметки на календаре...

*Юрий Кирсанов.
Из "афганской" песни*

Когда было принято решение о вводе наших войск в Афганистан, Олегу Тихову не исполнилось и пятнадцати. В те декабрьские дни 1979 года мальчишка из 16-го микрорайона Череповца вряд ли мог предположить, что пройдет несколько лет и его судьба оборвется в этой горной стране, которую не каждый из его сверстников мог быстро найти на карте.

Биография Олега Тихова обычна и занимает несколько строчек, как у большинства ребят-допризывников из рабочего города: школа, училище, несколько рабочих месяцев в заводских цехах... После окончания СПТУ N 27 Олег работал электрослесарем на азотнотуковом заводе. Осенью 1983 года пришла повестка.

28 сентября родные и друзья Олега проводили его в армию. Группу новобранцев отправили в Вологду на пересылку.

После трех томительных дней ожидания череповчане узнали о своей дальнейшей судьбе – Выборг, “карантин”.

Восемь дней в Выборге – время достаточное, чтобы узнать тех, чье плечо рядом. Так подружились земляки – Олег Тихов, Валерий Гуляев, Михаил Кузнецов, Сергей Соколов... Гадали, куда забросит судьба. Наконец выяснилось – путь предстоит неблизкий: в далекий город Иолотань, что расположился на берегу туркменской речки Мургаб.

Известно, учебка – везде учебка. Здесь тяжело всем: и курсантам, и командирам. Но для ребят-северян это еще и новая страна с новым климатом и укладом жизни. Нелегко было привыкать. У южной экзотики своя специфика. Сырую

воду, например, и то запрещали пить: того и гляди схватишь гепатит. А кипяченую заваривали по здешним обычаям верблюжьей колючкой.

Олег, как говорится, без лишних жалоб переносил тяготы службы. Привыкать к новым условиям легче, когда видишь, что ты не один. Рядом такие же парни. И им тоже нелегко.

“Вот и еще день прошел,” – вели свой счет ребята и гадали, куда их пошлют служить дальше. Хотя догадаться было нетрудно.

До границы с Афганистаном – рукой подать.

Восточная экзотика, возможность испытать себя в боевой обстановке волновали, кружили голову, а о смерти в 18 лет разве думается?

Для друзей приближалось время разлуки. Перед отправкой земляки договорились – если попадут в разные места, встретятся после дембеля у Олега, в доме его бабушки в Матурине. И если получится – отметят первый на гражданке Новый год.

Служба в далекой горно-пустынной стране началась для Олега Тихова в декабре 1983 года. Боевые действия в Афганистане становились все ожесточеннее. Противоборствующие стороны набирались опыта, гибко меняли тактику в зависимости от складывающейся обстановки и с новой силой наносили друг другу удары. Росли потери. У той и другой стороны они исчислялись уже тысячами.

Подразделение, в котором служил Олег, охраняло “дорогу жизни” – так по аналогии с нашей историей называли трассу, протянувшуюся от Кабула на Чарикар и уходившую дальше, через перевал Саланг, к Термезу. Это была важнейшая артерия страны, которая питала города Афганистана, не давая замереть жизни.

Олег стал танкистом. Его боевая машина была в составе огневой мобильной точки – сторожевой заставы, которая охраняла свой участок дороги. Такие же точки располагались по всей трассе. Где-то на них служили друзья Олега по Выборгу и учебке.

А друзья в Череповце время от времени получали от него письма, но о службе Олег рассказывал скупο. Служу

заряжающим... Скоро вернусь... Подробности будут при встрече...

До конца службы оставалось полгода.

Этот весенний день походил на остальные. Олег уже привык к своей машине, притерпелся к чувству опасности, с которым невольно отправляешься на боевое задание.

Весна в эти края приходит раньше, чем на Вологодчине. Невольно вспоминался город, родные. Каким далеким, нереальным казалось все, что было до службы. Но лирическим настроениям предаваться некогда. Пора на дозор...

Что случилось потом, говорят сухие строчки донесения. Я не нашел свидетелей последних часов жизни Олега и потому обращаюсь к документу.

“20 марта 1985 года танк, заряжающим которого был рядовой Тихов, выехал на охрану маршрута в районе... сторожевой заставы. Перед въездом в окоп рядовой Тихов решил проверить, не заминирован ли он. <...>

В ходе проверки щупом обнаружил мину, от взрыва которой погиб.

Ценой своей жизни рядовой Тихов обеспечил выполнение боевой задачи и спас товарищей”.

“Ценой жизни...” За три дня до гибели у Олега был день рождения. Ему исполнилось двадцать. Казалось, все еще впереди.

Успел ли он получить поздравления от родных и близких? Что пророчили ему товарищи в этот день? Долгих лет жизни? Но судьба отмерила ему еще всего лишь три дня. А свои непрожитые годы Олег подарил тем, кто, возможно, 17 марта желал ему счастья и здоровья.

Он честно выполнил воинский свой долг. Орден Красной Звезды, которым Олег Тихов награжден посмертно, – тому свидетельство.

А. Комаров

“ОН БЫЛ ТАКИМ ХОРОШИМ МУЖЕМ...”

Мир был грозен и тогда, когда рядом был мужчина,— да. Но — у него были твердые плечи и крепкие кулаки, спокойный взгляд и низкий уверенный голос,— между нею и миром был он. А потом его увезли на Восток, и мир надвинулся и стиснул ее...

Олег Ермаков.

Занесенный снегом дом

После окончания Череповецкого высшего военного училища радиоэлектроники Анатолий Тихомиров был направлен на службу в ГДР. 2 августа 1979 года он приехал в родной Череповец в отпуск. На танцах в городском парке встретил красивую стройную студентку Валю, и 25-го она стала женой старшего лейтенанта Тихомирова.

Валентина Михайловна вспоминает:

— Мне понравились в Толике его скромность, деликатность, необыкновенная доброта. Моя мама лежала тогда в больнице, мы вместе ходили ее навещать. Помню, когда однажды застали ее в плохом состоянии, я сильно расстроилась, плакала, а он меня уговаривал, успокаивал, как ребенка. Уже тогда я была очень тронута таким умением поддержать в трудную минуту.

Этих трудных минут у жены офицера было впереди много. Из ГДР Анатолия перевели в Уссурийск. Целый год они не имели возможности разгрузить контейнер с вещами. Он так и стоял на железной дороге — у молодой семьи не было никакого жилья. С маленькой дочкой на руках они переходили из квартиры в квартиру, ночуя у знакомых, у сослуживцев. И в бараке пожили, когда получили наконец одну комнату на двоих с другой семьей. Так и жили, разгородившись занавесками. Было холодно. Спали в тренировочных костюмах. Питьевую воду привозили, ее приходилось запасать. Муж был сильно занят, мало чем мог помочь. Валентина все-таки окончила (но уже заочно) политехнический институт. Наконец им дали отдельную квартиру. Снежана пошла в детский садик, мама работала и еще училась на курсах экскурсоводов.

Много занимался самообразованием и Анатолий. И не только в радиоэлектронике. Зарекомендовавший себя зна-

ющим, хорошим специалистом, офицер Тихомиров получал поощрения от командования, быстро продвигался по службе. К 1986 году он был в звании майора и собирался поступать в академию. Уже были собраны все документы, оставались лишь небольшие формальности, когда его вдруг вызвали в штаб и предложили поехать в Афганистан. Не приказали, а именно предложили, даже дали время посоветоваться с женой. Жена была против.

— Толик сказал тогда мне, — вспоминает теперь Валентина Михайловна, — я же офицер, Валя, я присягу принимал и должен быть там, где нужны мои знания и опыт.

* * *

В январе 1987 года она проводила мужа в Москву, откуда он уехал в Кабул, а сама осталась с дочерью в Уссурийске.

В Афганистане майор Тихомиров обучал солдат военному делу.

— Он сам был очень спортивным, — рассказывает Валентина Михайловна. — Даже в отпуске не позволял себе залежаться в постели, вставал в семь, делал зарядку. Много тренировал свое тело, был всегда бодр, подтянут, готов на шутку. И нас с дочерью увлекал, мы делали большие прогулки, выходные были у нас всегда насыщенными и интересными.

Всего два месяца пробыл майор А. Тихомиров в Афганистане. Те самые два месяца, в течение которых вновь прибывших на боевые операции не назначают. Но Тихомиров руководствовался не столько инструкциями, сколько чувством долга. Шестнадцатого марта он сам попросил направить его на военную операцию. И погиб.

Когда его товарищ по училищу Юрий Копейкин ехал в Афганистан (а ребята знают, что их посылают на место того, кто погиб), он никак не мог предполагать, что этот погибший — Толя Тихомиров.

Гроб с телом А. В. Тихомирова сопровождал в Череповец подполковник В. Ф. Пономаренко, однополчанин Анатолия. Его родным он сказал:

— Есть люди, с которыми проживешь рядом всю свою жизнь, но вспомнить бывает не о чем. С Анатолием Викторовичем мы были знакомы всего девять дней, но я не забуду его никогда.

Валентина Михайловна, получив горькое известие, вернулась с дочерью Снежаной в Череповец. Шесть месяцев (а не три, как положено) ютилась на пятнадцати квадратных метрах вместе с матерью. Сдав в Уссурийске двухкомнатную квартиру, в Череповце она получила крохотную однокомнатную, в которой с трудом нашла место для письменного стола дочери-школьнице.

Но не это беда. Валя с грустью смотрит на меня и с трудом сдерживает слезы:

— Он был таким хорошим мужем...

Э. Огнева

ЦЕНОЮ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Когда кто-либо из участников этой войны скажет скромно, что был там водителем, посмотрите внимательно в его глаза. Даже если его грудь не украшена орденами и медалями, все равно это – герой...

*В. П. Куценко,
генерал-майор*

Ваня Филиппов родился 10 октября 1965 года в деревне Веретя Бабушкинского района. Родители его, Павел Апполинарьевич и Ангелина Ивановна, – крестьяне, колхозники и, стало быть, особенно много времени воспитанию детей уделять не могли: тяжелый труд на земле забирал и время и силы. Все дни Ваня и сестренка Валя проводили с бабушкой. А насчет воспитания – отец с матерью дела решали просто: шалостям и озорству не потакали, приучали к труду. Вскоре уже Ваня с Валею заметно помогали родителям, выполняя почти всю работу по дому.

Рос Ваня крепким и шустрым. В 1973 году пошел в первый класс школы, которая находилась в деревне Алексеевсково, а затем в Тимановскую среднюю школу. Во время учебы ничем особым не отличался, разве что имел повышенный интерес к технике и любил уроки труда. Преобладающей оценкой в дневнике была тройка, по поводу которой Ваня всегда отшучивался: “Тройка ровней и устойчивей”. После уроков Ваня спешил домой, чтобы помочь чем можно родителям.

Закончив восемь классов, Ваня решил пойти работать в колхоз. Поначалу выполнял самые разные работы – на сеялках, на зернотоке, а со временем, успешно закончив автошколу ДОСААФ, получил в руки технику.

По вечерам молодежь тянулась в клуб: смотрели фильмы, обсуждали свои проблемы. С наступлением тепла ребята любили собираться на лесной опушке, играли в футбол и волейбол. Развлечений в деревне всегда было не ахти сколько...

26 сентября 1983 года Ивана вместе с другом Дмитрием Репницыным призвали в армию. В Вологде они попали в разные команды и расстались. Затем несколько раз друзьям

удалось встретиться в учебном подразделении, которое дислоцировалось на территории Туркменской ССР. Уже тогда они поняли, что их готовят для Афгана.

От Ивана сохранилось лишь одно письмо, адресованное сестре. Письмо очень жизнерадостное и доброе, солдат не хотел тревожить родных, понимая, что им тоже нелегко: “<...> Живу я хорошо, жив, здоров, чего и вам всем желаю. Теперь я езжу на новой машине, вот недавно получил. Только немного жарковато, днем температура +60–70°, а ночью 50–40°, так что от холода кости не ломит. Вот теперь делаем дальние рейсы, возим керосин 300–400 км от батальона. <...>”

Несколько проясняют афганские военные будни Ивана Филиппова краткие сведения, представленные Ленинградским военным округом: “Филиппов И. П. 23 раза участвовал в совершении рейсов в составе колонны по маршрутам подвоза топлива частям армии на Джелалабад, Газни и Гардез. Перевез свыше 200 тонн топлива. Четыре раза участвовал в отражении нападения банды мятежников. Рядовой Филиппов подавлял огневые точки противника. Очередью из вражеского пулемета он был тяжело ранен, но, несмотря на ранение, смог вывести автомобиль из зоны обстрела, проявив при этом мужество и героизм”.

Последний бой Ивана, в июне 1984 года, описал в письме к Валентине его друг и очевидец тех событий Анатолий Ковальченко:

“Это был его первый и последний рейс в Джелалабад. В Джелалабад мы съездили нормально. Как только пришли обратно в Баграм, нас срочно кинули в Гардез. До этого ни я, ни он ни разу не попадали в обстрел. Недалеко от Кабула “влипли”. Мы знали, что нас ждут, вертушки бомбили, но все впустую, саперы на БТРах все же разминировали дорогу. Мы пошли на прорыв в надежде только на скорость, группами по 10 машин с интервалом метров в 100. Духи же метров с 50–100 прицельно били из “зеленки”. Одна только головная машина прошла неповрежденной. У Ваниной машины прострелили два передних колеса и три задних, продырявили крышки на головках цилиндров, но двигатель работал. Тяжело раненный, Иван продолжал вести машину, так как понимал, что остановленная машина перекроет дорогу колонне и нас всех расстреляют. Теряя сознание, он все-таки ехал, и, когда силы его начали покидать, парень, который сидел рядом, на ходу переложил его на правую сторону, а сам уже довел машину. Когда я выскочил из зоны,

мне сразу приказали забрать раненых. Я еще не знал, что есть. Я подскочил на своей машине к Ванькиной, а он ранен. Последние минут 20 мы были вместе. Когда он пришел в себя, говорит: "Да, Толик, я невезучий, мне всегда не везло, и сейчас, только мы с тобой начали ездить – и вот видишь, я умираю". Мы сигнальными ракетами посадили вертушку, и это были последние минуты, когда мы с ним говорили. Он умирал и таял на глазах, весь белый-белый. Мы погрузили его и еще раненых парней в вертолет, и он улетел.

Валя, извини, что так плохо написано, я не могу об этом писать, у меня нет слов, ведь Ванька нас всех спас, если бы он стал, то мы все бы погибли, и своими жизнями мы обязаны ему".

Родителям о смерти сообщили не сразу, хотя слухи о гибели Вани ходили давно. Когда в разгар рабочего летнего дня в поле, где работала Ангелина Ивановна, появились председатель сельсовета и фельдшер, она схватилась за сердце. После сообщения о гибели сына мать потеряла сознание и очнулась уже дома. Очнулась и увидела гроб, тот самый, который навсегда "приютил" ее сына. Хоронили его семнадцатого июля. Эти дни родители жили как в беспамятстве, да и как быть иначе, если смерть забрала их единственного сына. Теперь Ангелина Ивановна и Павел Апполинарьевич остались одни, так как дочь живет далеко на Севере, а сына вернуть не сможет никто.

С. Трифанов

А ШКОЛА НОСИТ ЕГО ИМЯ...

Какой дорогой он пойдет, какое будет у него правительство, какие программы развития будут осуществляться – решать афганскому народу, это его суверенное право.

М. С. Горбачев. 1987

23 февраля в армии праздник. Только, конечно, не на войне. Там все зависит от обстоятельств. На перевале Саланг обстоятельства в те февральские дни 1987 года сложились так, что о праздничных торжествах пришлось забыть.

22 февраля к перевалу подходила колонна афганских машин. Но – не дошла: повалил сильный снег и автомобили застряли в сугробах. Как ни старались наши солдаты освободить им путь, до темноты не успели. И люди остались ночевать на трассе. Двадцать градусов мороза, ветер, выдувающий остатки тепла из насквозь простуженных кабин...

Едва прошла ночь, как отправились на выручку застрявшим в горах. Первой, в шесть утра, вышла машина Алексея Фотеева. С ним был и старший роты прапорщик Нечаев. Вот уже один автомобиль удалось вытащить из снежного плена; вот и второй веселее заурчал, когда колеса коснулись твердой почвы, третий... К четвертой машине подъехать не успели. Обрушившаяся с придорожных гор лавина снесла "Урал" в пропасть.

К тому времени Алексей прослужил в Афганистане около пяти месяцев. До конца службы в армии оставалось чуть больше года.

...Читаю письма Алеши из армии, разглядываю фотографии. Наверное, солдатские письма все одинаковы – по крайней мере в главном. Мало говорится в них о службе, и не только потому, что военная тайна. Просто, когда садишься писать домой, все казарменное, военное кажется таким незначительным. И не отсутствие фантазии заставляет повторять из письма в письмо: "Какие там у вас новости?.." Переписывая, повторяя имена близких, да и просто знакомых, как бы уверяешь сам себя, что не вся жизнь замкнута в казарму, что есть иная... Поэтому солдаты больше пишут не

о себе – о доме. Вот и эти письма, что у меня в руках, тоже меньше всего говорят об Афганистане.

Я не знал Алексея Фотеева. Не на моих глазах рос он, не при мне учился ходить, говорить... И неведомо мне, какие словечки забавные в детстве говорил, как в школу пошел, к технике пристрастился. Судя по отзывам учителей, ничем особенным не отличался, учился средне. Разве вот интерес к машинам... После школы работал в колхозе трактористом, потом закончил автошколу ДОСААФ, получил права. После армии, говорил, обязательно вернусь...

“У меня идет все нормально, настроение отличное. Здоров, как бык, чего и вам желаю. Так что уж постарайтесь там не болеть”.

“Так здесь условия нормальные... Все интересно узнать, как там дома. Как погода? Снег, наверное, лежит... За меня не переживайте. Скоро уже будет семь месяцев службы моей. Ну, больше не знаю, что и писать...”

“Я, конечно, здесь держусь, пока еще не болею и не ожидаю. В бушлате тепла хватает. Здесь вообще мало кто болеет, изредка у некоторых температура поднимается, да и то – таблеток попьют, и все проходит”.

“За меня не беспокойтесь. Как вы там поживаете? Пишите обо всем. Техники пока не получил. Но собираются дать “Урал”, точно еще ничего не знаю. Так что моя мечта, наверное, сбудется”.

О мощной машине мечта его... К технике Алексей с самого детства стремился. “Папа, законсервировал ли мотоцикл?” – беспокоится из армии. Мотоцикл, Господи... Кто бы тебя, милый мальчик, законсервировал? На тот срок, что отведен был этой службе, спрятать бы куда, сохранить... Но нет, нельзя. Ни Алексея, ни товарищей его по службе. Ни одного человека из тех тысяч, что погибли в чужой стране. Ни одного из десятков тысяч, что вернулись, израненные, – кто телом, и почти все – душой... Да и как можно человека от жизни “законсервировать”? Это смерть приказывает чертам застыть, характеру заледенеть, движениям души – остановиться.

И Алеша Фотеев остался в памяти таким, каким он был, – добрым, жизнерадостным, трудолюбивым.

“В первый класс ко мне, – вспоминает первая учительница Алексея Т. Я. Канавина, – пришел спокойный, улыбающийся мальчик. Что его ни попросишь сделать, всегда брался с радостью, всегда старался помочь мне и товарищам”.

Это и в письмах чувствуется; характер веселый, добродушный, заботливый.

В каждом почти письме звучит одно: “берегите себя!”

“Еще раз пишу, чтобы папа сейчас поменьше на мотоцикле катался и больше пешком ходил. Пешком-то ведь оно полезней будет. И ты, мама, на улицу раздетой не выходи, а то быстро ведь прихватит...”

А о себе, о будущей жизни – лишь изредка промелькнет: “Долго мне еще мечтать о прежней жизни. Ну, ничего! Свое отслужу и приду опять к прежней, вернее, иной гражданской жизни”.

Жизнь для него после Афганистана стала бы “иной”, конечно, не той, что раньше. Она и теперь “иная” – для нас. Для его родителей Татьяны Федоровны и Валентина Васильевича. Совсем “иная”. Вот передо мной фотографии: Татьяна Федоровна – домашняя такая, уютная, ласковая (видно, от нее у сына такая заботливость о домашних); Валентин Васильевич – строгий, подтянутый, надежный весь. Служба, наверное, сказывается. Он ведь участковый милиционер. Стоит по-прежнему в деревне Zubovo Белозерского района их небольшой домик. Жизнь идет, родители смирились с потерей сына. Только нет-нет да кольнет сердце какая-нибудь песенка по радио (“Алексейка раньше часто пел, он петь дома любил...”). Да вещи, еще не забывшие, кажется, своего хозяина, напоминают о нем.

А жизнь идет. После гибели Алексея его товарищи по службе прислали в школу, где он учился, письмо. “Мы, его сослуживцы, сделали ему памятник на горе, которая стала роковой для Алексея”.

И снимок памятника прислали. Только фотография от него теперь и осталась. Потому что наши части, уходя, разобрали все обелиски, что поставлены в память о погибших солдатах. Чтобы не надругался противник над памятью павших.

Девять лет в афганских горах и песках сражались и гибли неизвестно за что наши ребята. Они выполнили свой воинский долг. А мы должны выполнить свой, нравственный, – сберечь память о них.

Долгие годы несправедливой этой войны сделали почти привычным появление в наших домах похоронок. Это в мирное-то время! Ну если не привычным, то не удивительным.

Страшно это, если вдуматься. И не только за тех, кто погиб вдали от Родины, – за всех нас. Как могли равнодушно годами терпеть такое?

Да и сейчас все ли мы готовы, как пишет публицист Н. Стрельцова, “взять на себя свою долю ответственности за происшедшее, проанализировать, понять его, и если потребуется, признать ошибки и вину. Признать их: простите нас, “афганцы”, наш разум спал и породил чудовище войны”?*

Конечно, в Зубове Алешу Фотеева не забудут долго. Будут помнить его родные и близкие. Будут помнить в его школе, Мегринской восьмилетке, что носит его имя.

Надо, чтобы о нем и о его товарищах знали и помнили все. Потому что горькая память эта не должна допустить новых афганов.

А. Сальников

* *Стрельцова, Нинель. Возвращение из Афганистана. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 216.*

КОЛОННА ПРОДОЛЖАЛА ПУТЬ

Беседы ведут дипломаты,
Плакаты висят на стене,
А в скалах стучат автоматы,
И гибнут мальчишки в огне.

Неизвестный автор

От людей на деревне, как в хорошей старой песне поется, не спрячешься: и худое и хорошее – все на виду, как на ладони, ничего не утаишь. А семья Чащиных и не хоронилась никогда от людей, жила открыто, хлебосольно, дружно. В старинном нашем селе Ферапонтово Чащиных знают и уважают все – и взрослые и дети. И всегда тянулись люди в их приветливый дом, душой которого была мама, Нина Сергеевна. Невысокая, худенькая, с замечательно добрыми, умными глазами, с зари до зари занятая на совхозной ферме, она находила время и душевные силы как на воспитание детей, так и на общение с односельчанами. Несомненно, добротой и отзывчивостью Коля удался в нее.

Не понимает Нина Сергеевна, как это современная молодежь не может свой досуг организовать – ждут развлечений на блюдечке с голубой каемочкой, – ведь Коля был натурой очень деятельной: “Он сам был организатором. Всегда занят делом: то мастерит турник в деревне, то качели для детворы, то хоккейные ворота, которые и до сих пор стоят, то сетку волейбольную сплетет и установит ее на площадке. Ему некогда было скучать. И еще Коля был страстным болельщиком, ни одного матча, наверное, он не пропустил по телевизору. И так заразительно болел, что невольно и мы интересовались событиями на экране...”

Коля хотел работать только на родной земле. Еще в школе он сдал экзамены по трудовому обучению на “отлично”, получил права механизатора, затем закончил автошколу. По комсомольской путевке пришел работать в свой совхоз “Родина”. И здесь он оставил о себе самые хорошие воспоминания. Ветераны совхоза, знающие цену

сельскохозяйственному труду, не будут бросаться такими словами: “Николай всегда старательно работал, если начинал какое-то дело, никогда не бросал его на полпути, обязательно доводил до конца. В сенокос не уходил с полей по пятнадцать часов, товарищей своих подменял, помогал и пожилым механизаторам. А как Коля к технике относился! Машину чувствовал, как человека живого. После работы всегда все в порядок приведет, устранит неполадки, подготовит трактор для следующего дня...”

Столь же ответственно Коля выполнял воинский долг в Афганистане.

Из письма Н. Е. Чашина родным:

“...Сегодня принимали воинскую присягу. С утра был праздничный митинг, нам сказано много хороших слов напутствия, но я понял одно: я должен отдать Родине эти два года и как бы тяжело ни было, я буду защищать вас, родные мои, свою землю, свою страну, и, вернувшись, уже никогда не расстанусь с вами...”

Из документа:

“Уважаемые Нина Сергеевна и Евгений Трофимович!

Командование части с большим удовлетворением сообщает, что Ваш сын Николай образцово и добросовестно выполняет свой воинский интернациональный долг по оказанию помощи афганскому народу в деле защиты завоеваний Апрельской революции, проявляя при этом мужество и отвагу в ходе выполнения боевых задач.

Мы сердечно благодарим Вас, Нина Сергеевна и Евгений Трофимович, за то, что вы вырастили такого замечательного сына, верного защитника нашей социалистической Родины.

С уважением к Вам командир войсковой части (Полевая почта. Подпись)”.

Из письма Н. Е. Чашина родным:

“...Сегодня отправляемся в рейс. Ездить сейчас спокойно, здесь не стреляют, опасные места обходим по пустыне, но я бы предпочел проехать эти 30 километров под обстрелом, чем в жаре, пыliche. Температура под 60, ветер с песком – “афганец” – забивает каждую щель песком: вся кабина в песке, в волосах, на одежде – песок, песок скрипит на зубах. Как только остановка, так – под прицеп, в тень, берешь автомат и давай отрабатывать меткость...”

Из документа:

“<...> Николая отличают высокая дисциплинированность, трудолюбие, исполнительность. За достигнутые высокие результаты в социалистическом соревновании он неоднократно поощрялся командованием части.

Командир войсковой части (подпись)”.

Из письма Н. Е. Чашина, адресованного, предположительно, школьному другу:

“Привет из Шинданда! Здравствуй, Володя! С огромным армейским приветом к тебе Коля. Снова решил написать тебе. Живу нормально, правда, немного похуже, чем раньше. Сейчас машина сломалась, поменял движок и, пока нет другого, хожу в караулы. Пацаны все уедут в рейс и остаешься здесь один. Пока ребята в рейсе, шесть дней, очень тоскливо без них. Погода стоит нормальная, жара за 50°, ночью стоишь – прохладно, а на градуснике 30°. Надо бы поскорее вырваться в рейс, но, наверно, придется ждать двигатель, других машин нет. И эта уже третья, сколько можно менять, точно?

А так все идет нормально...”

Из документа:

“Кирилловскому районному военному комиссару Вологодской области.

И з в е щ е н и е:

Прошу известить гражданина Чашина Евгения Трофимовича, проживающего в деревне Теряево Ферапонтовского сельского Совета Кирилловского района Вологодской области о том, что его сын водитель рядовой Чашин Николай Евгеньевич, 1964 года рождения, выполняя боевое задание, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, погиб 2 августа 1983 года.

Командир войсковой части (подпись)”.

В августе 1983 года Николай Чашин в составе колонны выехал в очередной рейс. Его машина была первой в колонне. В этот день они несколько раз попадали под обстрел душманских засад. Были жертвы... Темнота опустилась внезапно. Где-то рядом цокотал пулемет, потом застрочили автоматы. Командир принял решение проскочить опасное место. И вдруг раздался только один

выстрел по колонне. Единственный, направленный в головную машину с расчетом, что, подбитая, она остановит движение других.

Но, смертельно раненный, Николай Чашин еще целых десять минут вел машину, пока не подоспел второй водитель. Колонна продолжала свой путь...

Из письма Н. Е. Чашина:

“...Мамочка, не волнуйся за меня, все будет хорошо. Через полгода я вернусь, родная, обниму вас всех...”

Т. Моховикова

СМЕРТЬ В НАЧАЛЕ ДОРОГИ

Жизнь человека выше любой цены, и только ею может быть оправдана смерть. Так и наше участие в афганской войне будет иметь смысл и оправдание только в одном случае – если она предотвратит другие войны.

*Нинель Стрельцова.
Возвращение из Афганистана*

Рассказывают, что Володя Шуганников был веселым, жизнерадостным мальчишкой. И еще у него были очень хорошие глаза. Таким его помнят в школе. Дружелюбный, общительный, он всегда был в окружении друзей. И на своей последней фотографии он запечатлен положившим руку на плечо друга-афганца. Но веселья и улыбки нет на лице Володи. Глаза – серьезные, похолодевшие. Это глаза человека, повидавшего смерть в самых ужасающих ее проявлениях и осмыслившего трагические уроки той войны, что сожгла его юность и черной тенью легла на судьбу его ровесников.

А в свою гибель Володя не хотел верить. И, если верить звездам, он должен был бы прожить, может, и все сто лет, потому что родился 23 сентября, под созвездием Девы, обещающим долголетие. Он бы и прожил долго, этот мальчик из Бабаева, если бы вскоре после того, как отметил свое семнадцатилетие, не пришло сообщение о вводе “ограниченного контингента” советских войск в Афганистан.

В это время Володя учился в вологодском ПТУ N 28, успешно осваивал профессию токаря. Его награждали почетными грамотами, родителям Анатолию Ивановичу и Нине Андреевне посылали благодарственные письма. Преподаватели и товарищи любили его. А он увлекался спортом, читал книги. Впереди открывалась ясная жизнь: хорошая рабочая профессия на ГПЗ, семья и дети (у Володи была невеста Валя), друзья, спортивные успехи, возможно – институт, возможно – депутатство и общественная деятельность... да все могло быть, если впереди вся жизнь.

Володю Шуганникова призвали в Советскую Армию в 1982 году, когда он уже работал на ГПЗ. Шел третий год

самой длительной войны двадцатого века, и Володя, как и многие его сверстники, оказался в Афганистане.

Как человек общительный и ценящий мужскую дружбу, он быстро нашел там прекрасных, верных друзей, но то одного, то другого увозил на родину “черный тюльпан”. Хотел Володя сблизиться и с местными жителями, найти в них поддержку своим мыслям, тому делу, ради которого проливали в Афгане кровь советские парни, но чаще всего наталкивался на отчужденность и даже скрытую враждебность.

А мысли все чаще уводили в родные места. Такими ласковыми и по-мирному тихими представляли в воображении и родное Бабаево, и Вологда, и поля и рощи на севере. Перед глазами вставали друзья и близкие: родители, сестра Марина, брат Петя, невеста... Так много хотелось сказать им всем добрых, нежных слов, подсказать, чтобы не ссорились из-за пустяков, не расстраивались из-за мелочей. Хотелось научить самых родных людей ценить жизнь, которая здесь, в пылающем Афганистане, — всегда рядом со смертью. /

Работа, которую выполнял Володя на афганской земле, была нелегкой, как любое ратное дело, — она была связана с доставкой оружия, боеприпасов. Каждый рейс мог оказаться гибельным, а рейсов таких сделал Владимир Шуганников двадцать четыре — в жару и в холод, под пронизывающим ветром, под пулями и минометными обстрелами.

Одно обнадеживало: до конца службы всего две недели, и уже послано письмо домой со словами: “Скоро вернусь...” И день рождения, как говорится, не за горами — через десять дней. Двадцать два года исполнится...

...Очередь из огнемёта прорезала ящики с боеприпасами. Володя еще пытался вывести машину из-под обстрела, но взрыв и смертельное ранение оборвали его жизнь.

* * *

Владимир Шуганников похоронен в Бабаеве. Имя его сегодня — на вологодском памятнике погибшим в Афганистане, в Музее истории молодежного движения, на мемориальной доске в школе, где он учился...

В. Пудожгорский

“ЗДЕСЬ БЫЛ Я, ВАШ ПАПКА!”

Сейчас я могу сказать, что они выдержали испытание, на солдата не упал позор преступления, совершенного теми, кто толкнул страну в афганскую авантюру...

*Никель Стрельцова.
Возвращение из Афганистана*

В январе 1987 года под самое Рождество вместо ожидаемых морозов разразилась вдруг оттепель, да такая, что залила лужами все тротуары и дороги поселка. Но люди все шли и шли на Спортивную улицу, не замечая обилия воды, разбрызгивая слякоть по сторонам, горестным движением рук смахивая с лиц капли дождя и слез. Никогда эта тихая кадуйская улица не видела столько горя, столько человеческого участия и скорби. И потом, когда зычки духового оркестра подняли ввысь стаи ошалевших ворон, огромная черная толпа разомкнулась и выпустила из своих прощальных объятий цинковый гроб, неуклюже спеленутый куском красной кружевной материи. Десятки рук подхватили этот страшный груз и подняли над головами, и только теперь все увидели на торце гроба надпись, сделанную спешными мазками красной, как кровь, краски: “Ястребов А. Н.” Горе объединило в этот день людей, но многие только сейчас вот по-настоящему осознали, в чей дом на Спортивной постучалась беда.

Действительно, Сашу Ястребова знали в Кадуе далеко не все. Да и откуда было знать, если бывал он здесь не столь часто, и все больше наездами, в отпуск. Но Кадуй безоговорочно признал его родным, навечно приняв в свою землю. На центральном кладбище поселка рядом с братскими могилами тех героев-солдат, что защищали Родину в годы Великой Отечественной войны, еще и до сих пор желтеют свежим песком могилы их внуков — “цинковых мальчиков”. С одного из самых высоких надгробий смотрят строго и удивленно глаза Саши, будто спрашивают: “Неужели меня больше нет?!”

...Кадуйской улице с названием Спортивная везло на мальчишек: почти в каждом ее доме подрастали два, а то и

три пацана. Бабушка Надя Малинина, старожил Спортивной, нет-нет да и расскажет сегодня какую-нибудь байку из тех мальчишеских лет. Вспомнит она, сама же себе поддакивая, что “робята-те были дружными, не разлей-вода. Обидчиков на свою улицу не пускали, а сами столовались то в одном, то в другом доме: матери-то, слышь-ко, в ту пору все добрыми бабами были. И то сказать, дорогих мебелий не было. А на что пол крашенный жалеть, когда его вымыть лишний раз легче, чем робят урезонить?! А те, уж вволюшку нагулявшись, собирались воедино на поленницах и вели свои разговоры. Уж о чем, бывало, спорили, не скажу, не знаю, но шумели, окайнные, на всю улицу!”

И по сей день невдомек бабке Малининой, по какому поводу стоял вблизи сараев галдеж. А это мальчишки шумели о том, кто кем будет, когда вырастет. И больше всего их привлекало море. Завидовали тому, кто становился вдруг обладателем настоящей тельняшки, бегали смотреть на смельчака с наколкой в виде якоря, а к матросским будням, до посинения каждый день, готовились в мелкой и узкой речке Ворон. Морем мальчишек “заразил” маленький темноглазый крепыш по имени Сашка из дома Ястребовых.

Тот действительно “знал толк” в море, потому что родился и первые три года жизни провел в Кронштадте, городе, где все, даже камни, пропитано соленой водой и романтикой дальних плаваний. Что уж там понимал трехлетний человечек, неясно, но он все время донимал просьбами своего деда Павла Михайловича Ястребова: “Дед, а дед, скоро пойдем в море?” Тот усаживал внука в лодку, и “прилив” прибывал их (за три-четыре метра) к другому берегу Ворона: тут, за неимением весел и якоря, и рыбачили старик и мальчик. Словом, с воспоминаниями о море детство свое и юность Саша провел в Кадуе, в доме деда.

Его одноклассники, те самые мальчишки со Спортивной, давно повзрослевшие и ставшие отцами, вспоминают, что Саша в их компании был самым авторитетным, и не только из-за увлечения морем. Он покорял всех своей невозмутимостью и спокойствием, был рассудителен, как старик, и застенчив до кумачового девичьего румянца на щеках. Увлекался лыжами зимой и плаванием летом, а в потасовках всегда занимал сторону слабого. У большинства мальчишек детские мечты, конечно, не сбылись, но Саше Ястребову море все-таки досталось. Восемь классов он закончил в кадуйской средней школе № 1, а затем уехал в Мурманск к матери своей, Вере Павловне.

Здесь, в профтехучилище, получил вполне земную профессию электросварщика, а направление пошел и взял в торговый флот. Не успел как следует хлебнуть соленой водицы – призвали в армию; служил в Эстонии, в ракетных войсках. После службы закончил курсы шоферов и получил права на вождение автомашины.

Выбор в жизни у него был. А он снова пришел на флот. В море закончил одиннадцать классов вечерней школы. На траулере ходил поначалу матросом, потому выучился на мастера по ремонту холодильных установок и объехал в течение последующих трех лет весь белый свет. Семейный альбом Ястребовых заполнен его любительскими фотографиями: вот Саша в матросской парадной форменке, а вот – в экзотическом костюме Водяного на празднике Нептуна во время перехода через экватор; какой-то задумчивый – с любимой гитарой в руках, а вот торжественный – у обелиска воинам в центре Кадуя... А этой маленькой фотографией Саша всегда очень гордился и постоянно носил с собой: на ней он бережно держит на плече свою наследницу – дочку Юлию, Юляшку, так называл любимицу... Фотографии да воспоминания, да Сашины распахнутые удивленно глаза на веснушчатом Юлькином лице – вот что осталось в наследство...

...Однажды, в свой очередной приезд в отпуск в Кадуй, Саша вдруг затосковал и впервые пожаловался на жизнь: “Понимаете, море останется морем, но разлука с семьей тяготит все сильнее. Наверное, сплыву на берег, поменяю профессию”. И действительно вскоре списался, устроился водителем в мурманскую автоколонну N 1105. Впрочем, он все умел делать, ни от какой работы не отлынивал. Вера Павловна гордилась сыном и признавалась, что Саша у нее ласковый, добрый, заботливый, а еще – чистюля, каких поискать...

А в 1986 году ее единственный сын-чистюля пришел в военкомат и выпросил разрешение добровольно поехать на службу в Афганистан. Он не мог уже тогда не знать, какую судьбу выбирал, каким испытаниям подвергал свою жизнь. Сегодня некоторые из нас склонны видеть в добровольцах афганской войны искателей длинного рубля, валюты и других, чаще вещевых, благ. Ну что же, наверное, были и такие мысли у наших парней – только кто же их теперь за это спросит и осудит?! Знали же они, на что шли: в 1986-м эти самые “черные тюльпаны” уже вовсю сигналили оттуда, из Афгана, красным светом беды. А ведь деньги в ребячьих

карманах могли зазвенеть и в России – тут и там как грибы после дождя, в этот же самый 1986-й, рождались у нас кооперативы: зазывно и соблазнительно краснела на кадуйских болотах дорогая ягода – клюква: бери, без оглядки на опасность, сколько хочешь, продавай потом хоть оптом, хоть в розницу, гребь деньги! А ребята шли в Афганистан!

Александр Ястребов работал в одном из военторгов водителем мощного рефрижератора, доставлял продукты питания и другие необходимые грузы в кишлаки и города Афганистана. “Мама, ты даже не представляешь себе, как горько мне смотреть в глаза афганских детишек – грязных, голодных, таких беззащитных. Они теперь часто выбегают нам под дорогу, протягивают исхудавшие ручонки и взглядом, словно немые, умоляют: “Кушаты!” Делимся всем, что находится съедобного. Теперь, собираясь в путь через границу, я хитрю и откладываю из собственного пайка в карманы “афганки” сладости. Как они рады нашим советским конфетам и печенью! А взрослому населению получили право продавать перевозимые продукты...” (Из письма, написанного в мае 1987 года). Одним словом, кормил Саша Ястребов людей. Вроде бы вполне мирная профессия, но в кабине его машины на сиденье всегда лежало наготове боевое оружие. Приходилось не раз бывать в перестрелке, а после очередного рейса подсчитывать и латать дырочки от пуль на кабине.

После года службы Саша вновь появился в Кадуе – получил отпуск. Шутил, смеялся, как всегда, и ... хромал всю. Ногу повредил еще до службы в Афганистане, и, надо же, к отпуску она вдруг разболелась не на шутку. Пришлось согласиться на операцию, после которой его на месяц “заковали” в гипс. Вера Павловна в душе надеялась, что это – конец Сашиной войне, ведь он же был всего-навсего вольнонаемным. Бедная мама, как будто она не знала собственного сына, не чувствовала его исполнительность и обостренную ответственность перед теми, кто еще оставался в Афгане... В октябре он вдруг позвонил ей из Мурманска и коротко сообщил: “Мамуля, 26-го я улетаю. Только не надо слез...” Ему оставалось дослужить всего четыре месяца; в декабре он отправил родным ободряющее письмо:

“Дорогие, хорошие мои девочки – мама, Татьяна, Юляшка! Живу хорошо, работа идет нормально. Так что за меня не волнуйтесь. Теперь уже совсем скоро буду дома.

Ждите. Целую! Ваш сын, муж, отец – Александр Ястребов”.

...В конце декабря в одном из ущелий горной провинции Кандагар по извилистому серпантину дороги двигалась колонна наших автомашин с грузом. За рулем головной машины был Александр Ястребов. Первым он встретил шквальный огонь душманской засады и первым, вывалившись из кабины уже раненным, вступил в бой. И погиб Саша первым, телом своим и машиной заслонив товарищей, дав им возможность крепче уцепиться за камни и занять боевые позиции...

Что еще добавить?

Вера Павловна из шумного портового города на берегу Баренцева моря перебралась в Кадуй, чтобы больше уже никогда не разлучаться с единственным сыном.

Жена Саши, Татьяна Валентиновна, и Юлия получили в Мурманске удобную двухкомнатную квартиру благодаря хлопотам военкома, который некогда провожал Александра в Афганистан. В праздники, большие и малые, в их квартире всегда цветы – это заботятся ребята из “афганского” клуба. Татьяне на день рождения (надо же! и об этом уже знают!) подарили они электромиксер. А года два назад шумной толпой ввалились в двери и выставили перед нею стиральную машину “Сибирь”... Сердце оборвалось, прижалась к стене и беззвучно, как все эти годы, заплакала молодая, красивая женщина... Запыхавшись, в расстегнутом пальто, прилетела после уроков дочка: “Ма, ты чего?” Взвизгнула, увидев обнору в доме: “Папка приехал!” – и осеклась, замолчала виновато... “Да, Юлия, вроде как и приезжал, забежал в наше с тобой отсутствие: завез поупку и снова – надолго исчез... Даже не оставил своей шутилой записки: “Девчонки, здесь был я – ваш папка...”

* * *

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20.06.1988 года за мужество и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга в Республике Афганистан, Александр Николаевич Ястребов награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Г. Мельникова

ТРЕТИЙ ТОСТ. ПОМОЛЧИМ...

Нам так горько за тех,
Кто не сядет однажды
за праздничный стол
и не скажет: "А помнишь ты,
мама, ведь я обещал
и пришел..."

*Валерий Петряев.
Из "афганской" песни*

Кто-то из великих сказал, что даже одна смерть – это просека в человечестве. Афганская война выкосила целый лес. В 1983 году 1446 сынов Отечества вернулись в Союз запаянными в цинк. Гвардии лейтенант Иван Яблоков – один из них.

Мы ничего не знали об этой войне. Газеты молчали. Радио выплескивало в эфир ура-отчеты да шлагеры. Потом, понемногу, как талая вода, просочилась правда. Не могла не просочиться, коль росли на погостах могильные холмики, укрывавшие двадцатилетних парней. Военная терминология снова ворвалась в нашу жизнь вместе со звучным, как автоматная очередь, словом "Афган", спаянным с другим, страшным, черным словом "смерть".

Война – противоестественное явление для человека. Во всяком случае – для нормального человека. Даже если он не верит ни в бога, ни в черта. Грязь, пот, кровь, смерть... И наши, еще совсем безусые парни, родившиеся в шестидесятых, испили эту полную горечи чашу до дна.

...Дорога домой. Сколько раз за последние дни прошел он ею мысленно! Загорелый, с обветренным лицом и потрескавшимися губами, с линялым чубом из-под фуражки и отчаянно голубыми глазами вбежит он по лестнице до знакомой двери. Сестренка Галина с визгом повиснет на шее:

– Ваня! Ваня приехал...

Отец сдержанно, по-мужски протянет руку:

– Здравствуй, сын!

Мама засуетится, торопливо приложит платок к повлажневшим глазам:

– Дождались, Ванечка...

Уже и отпускной в кармане. Последний выход в горы...

Нет, так и не дождались сына Ангелина Дмитриевна и Борис Иванович. Сестры так и не увидели больше брата живым.

23 сентября 1983 года гвардии лейтенант Иван Яблоков погиб.

И горы в молчании скорбном.
И в небе чужом и холодном
Плывет "тюльпан"...

Потрепанный в боях, батальон отходил. Нужно было время, чтобы перегруппироваться, собраться с силами, пополнить боезапас. А потом всей мощью ударить по мятежникам.

Прикрывать отход осталась группа лейтенанта Яблокова.

Духи наседали, атаковали яростно, ожесточенно. Но волны атак разбивались о прицельный огонь горстки десантников.

Увидев, что душманы пытаются окружить ребят, Иван скомандовал:

– Взвод! Отходить! Киденко – со мной!

Силы были неравны. А духи – совсем рядом. Можно уже рассмотреть их угрюмые бородатые лица. Рядовой Иван Киденко отложил автомат, от ствола которого вился синий дымок – хоть прикуривай – и вместе с командиром взялся за гранаты.

Вражья пуля достала Киденко. Раненный, он продолжал отбиваться гранатами.

– Отходи, тезка, прикрою, – прошептал Яблоков.

Ребята, ребята, ребята.
Ведь смерти не скажешь:
“Пошла ты!..”

Иван родился 19 мая 1961 года в рабочей семье. В роду Яблоковых военных не было. Но еще совсем мальчишкой Яблоков-младший грезил романтикой армейской службы, мечтал о славе Суворова, Кутузова, Жукова.

После окончания восьмого класса вологодской школы № 24 Иван поступил в Ленинградское суворовское училище.

Годы в алых погонах пролетели стремительно. Пришло время примерить курсантскую шинель. Иван мечтал о карье-

ре офицера-десантника, но судьба распорядилась так, что стал он курсантом Орджоникидзевского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени Маршала Советского Союза А. И. Еременко.

В 1982 году на плечи Яблокова легли золотые лейтенантские погоны. Он получил назначение в Чирчик, где воплотилась его давняя мечта — из общевойскового офицера он “перековался” в десантника.

В Афганистан Иван прилетел в самом начале 1983 года. Принял под командование первый взвод первой десантно-штурмовой бригады, дислоцировавшейся в Гардезе.

Его “афганская” биография оказалась короткой. Вот некоторые ее штрихи.

13–17 марта. Спецподразделение Яблокова, несмотря на собачий холод и снег, перехватило в горах караван духов.

30 марта. Сопровождение колонны. Иван вместе с саперами снимал мины и фугасы.

Апрель. В 30 километрах западнее Гардеза лейтенант Яблоков с группой из пяти человек увел за собой разведку душманов от группы, которая выполняла боевую задачу.

24 апреля. В Куз-Заринхейле взводом Яблокова уничтожен дозор каравана.

3 мая. Без единого выстрела взято в плен семеро душманов.

18 августа. В районе Саку уничтожен вражеский дозор.

23 сентября... Этот день стал для него роковым.

Батальон прорвался с боем только утром.

В голубых глазах Ивана уже навсегда исчезли и небо, и солнце, и звезды...

Он был уже мертв, а душманы все стреляли в него и стреляли, буквально изрешетив молодое тело.

Оплакали Вас и отпели,
Газеты свое отшумели...
Портрет анфас.
И нет ни виновных,
Ни судей:
Политику делают люди
Постарше вас...

* * *

Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и героизм, проявленные при выполнении интернационального долга, Яблоков Иван Борисович награжден орденом Красного Знамени (посмертно).

И. Муртазин

ВОИНЫ-ВОЛОГЖАНЕ,
ПОГИБШИЕ В АФГАНИСТАНЕ

Аверин Сергей Александрович, 1964–1985 гг.
Александров Александр Феодосьевич, 1964–1987 гг.
Амосов Андрей Николаевич, 1959–1984 гг.
Артамонов Вадим Геннадьевич, 1965–1988 гг.
Басков Владимир Валентинович, 1968–1987 гг.
Башмаков Сергей Анатольевич, 1964–1984 гг.
Белов Сергей Николаевич, 1960–1982 гг.
Бесенков Павел Александрович, 1961–1982 гг.
Большаков Василий Яковлевич, 1952–1984 гг.
Брагин Николай Павлович, 1966–1985 гг.
Виноградов Сергей Николаевич, 1962–1981 гг.
Ворочалкин Евгений Игоревич, 1964–1983 гг.
Головчин Виталий Васильевич, 1949–1979 гг.
Голубцов Андрей Викторович, 1965–1984 гг.
Горчаков Леонид Леонидович, 1961–1982 гг.
Григорошев Анатолий Аркадьевич, 1959–1980 гг.
Дубровский Николай Яковлевич, 1965–1985 гг.
Егоров Георгий Аркадьевич, 1956–1981 гг.
Егоров Сергей Юрьевич, 1965–1984 гг.
Емельянов Виктор Иванович, 1967–1988 гг.
Ершов Адинамин Сергеевич, 1939–1986 гг.
Журавлев Геннадий Владимирович, 1964–1983 гг.
Завьялов Владимир Валерьевич, 1964–1984 гг.
Залесов Михаил Егорович, 1954–1980 гг.
Зимакин Евгений Николаевич, 1965–1985 гг.
Игнашев Василий Васильевич, 1936–1979 гг.
Ильин Василий Валентинович, 1960–1980 гг.
Илюшин Александр Юрьевич, 1965–1984 гг.
Кабанов Михаил Вениаминович, 1962–1982 гг.
Карачев Юрий Федорович, 1965–1985 гг.
Катайков Андрей Сергеевич, 1959–1983 гг.

Киселев Владимир Вилорович, 1964–1985 гг.
Киселев Владимир Дмитриевич, 1962–1986 гг.
Копытов Юрий Петрович, 1964–1984 гг.
Коробов Дмитрий Витальевич, 1963–1984 гг.
Котомин Николай Герольдович, 1964–1983 гг.
Красовитов Андрей Николаевич, 1964–1984 гг.
Крылов Вячеслав Владимирович, 1963–1982 гг.
Кузнецов Александр Викторович, 1963–1984 гг.
Кузнецов Валерий Александрович, 1963–1984 гг.
Кулаков Олег Сергеевич, 1966–1986 гг.
Куланов Алексей Федорович, 1961–1984 гг.
Курочкин Александр Алексеевич, 1963–1982 гг.
Лаптев Валерий Васильевич, 1964–1984 гг.
Мальцев Юрий Михайлович, 1959–1981 гг.
Михеев Олег Владимирович, 1962–1987 гг.
Муравьев Александр Александрович, 1955–1982 гг.
Некрасов Владимир Иванович, 1963–1984 гг.
Нифонтов Сергей Николаевич, 1965–1983 гг.
Окулов Сергей Анатольевич, 1964–1987 гг.
Орлов Александр Владимирович, 1965–1984 гг.
Павленко Владимир Иванович, 1963–1982 гг.
Парыгин Сергей Витальевич, 1969–1988 гг.
Петров Вячеслав Всеволодович, 1964–1984 гг.
Погодин Александр Викторович, 1963–1984 гг.
Полежаев Валентин Николаевич, 1955–1984 гг.
Пономарев Алексей Александрович, 1968–1988 гг.
Попиков Александр Анатольевич, 1959–1982 гг.
Попов Александр Валентинович, 1964–1984 гг.
Попов Валерий Анатольевич, 1959–1987 гг.
Рожков Николай Сократович, 1961–1980 гг.
Рощин Игорь Васильевич, 1963–1983 гг.
Румянцев Игорь Юрьевич, 1961–1984 гг.
Силинский Александр Александрович, 1958–1984 гг.
Скороходов Сергей Константинович, 1962–1987 гг.
Смирнов Виктор Федорович, 1963–1984 гг.
Смирнов Владимир Борисович, 1962–1983 гг.
Смирнов Сергей Анатольевич, 1967–1985 гг.
Смыслов Сергей Алексеевич, 1962–1982 гг.
Соколов Сергей Николаевич, 1965–1985 гг.
Сумароков Николай Иванович, 1968–1987 гг.
Талашов Андрей Александрович, 1960–1984 гг.
Тимошенко Вениамин Иванович, 1965–1984 гг.
Тихов Олег Валерьевич, 1965–1985 гг.
Тихомиров Анатолий Викторович, 1955–1987 гг.

Филиппов Иван Павлович, 1965–1984 гг.
Фотеев Алексей Валентинович, 1968–1987 гг.
Чащин Николай Евгеньевич, 1964–1983 гг.
Шуганников Владимир Анатольевич, 1962–1984 гг.
Яблоков Иван Борисович, 1961–1983 гг.
Ястребов Александр Николаевич, 1950–1987 гг.

ИСТОЧНИКИ НЕКОТОРЫХ ЭПИГРАФОВ

К стр. 28. Цит. по: *Стрельцова, Нинель*. Возвращение из Афганистана. С. 114.

К стр. 66. Из ответов Л. И. Брежнева на вопросы корреспондента газеты "Правда" // Правда. 1980. 13 янв.

К стр. 91. *Медведева, Людмила*. Женщина и армия // Знамя. 1990. N 2. С. 153.

К стр. 97. Афганистан: борьба и созидание. М.: Воениздат, 1984. С. 89.

К стр. 107. Цит. по: *Гай Д., Снегирев В.* Вторжение // Знамя. 1991. N 4. С. 219–220.

К стр. 117. Там же. С. 228.

К стр. 131. Новое время. 1992. N 1. С. 13.

К стр. 253. *Кондрашов, Станислав*. Из мрака неизвестности // Новый мир. 1989. N 8. С. 194.

К стр. 322. *Куценко В. П.* Дорога на Барикот // Афганистан болит в моей душе. С. 117.

К стр. 325. *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1987. С. 184.

СОДЕРЖАНИЕ

Эта боль не утихает. <i>В. В. Судаков</i>	5
"Здесь, на точке, тихо..." <i>Т. Зайцева</i>	10
А жизнь у каждого одна... <i>Е. Чубурин</i>	14
Сын военного. <i>В. Пресников</i>	17
Улица памяти и боли. <i>В. Борисов</i>	20
"Работать лучше, чем воевать". <i>В. Зорин</i>	24
Надежный был парень. <i>М. Широкова</i> (литобработка <i>Ю. Леднева</i>)	28
"При невыясненных обстоятельствах..." <i>П. Соколов</i>	30
Мать. <i>Л. Мамченко</i>	34
Горькие дни ноуруза. <i>В. Наволоцкий</i>	40
В списках не значился. <i>Д. Шеваров</i>	46
О чем рассказала записная книжка. <i>С. Карпов</i>	51
Верный присяге. <i>И. Аникина</i> (литобработка <i>Ю. Леднева</i>)	55
Время "Ч"—не отменили... <i>Е. Глебов</i>	57
Труженик войны. <i>Ю. Сторожев</i>	62
Человек, не построивший дом. <i>Л. Бежгина</i>	66
Не вернуть ни сына, ни мужа, ни отца. <i>Л. Малков</i>	71
Земля лишилась хлебопашца. <i>Л. Романова</i>	76
В первые дни юбилея. <i>Г. Буданов</i>	80
Два сердца биться перестали. <i>Т. Погодина</i>	84
Розы для солдата. <i>Т. Шалушикина</i>	87
Жена. <i>Д. Шеваров</i>	91
Поле боя не покинул. <i>О. Завьялов, Д. Шеваров</i>	97
Гвардейский характер. <i>Г. Буданов</i>	100
За день до возвращения. <i>В. Рыжков</i>	103
"Я был просто мальчишка..." <i>В. Дуров</i>	105
Еще до ввода Ограниченного контингента... <i>В. Пресников</i>	107
Самый обыкновенный. <i>С. Карпов</i>	111
Материнская тропа. <i>Т. Погодина</i>	114
"Тихий он был..." <i>Т. Сычева</i>	117
Награжден посмертно. <i>В. Рыжков</i>	120
"Прости, что ты погиб..." <i>Б. Ромодин</i>	122
"Видно, судьба мне такая..." <i>Н. Леонова</i>	126
"Я же командир..." <i>Е. Супакова</i>	131
"Чести не уронил". <i>Т. Зайцева</i>	138
Вдали, под Гератом. <i>Вик. Смирнов</i>	142

"Живу я хорошо..." <i>Т. Зайцева</i>	150
Два альбома. <i>И. Ромина</i>	154
"Славик, сыночек..." <i>М. Кузьмицкий</i>	161
В кандагарской "зеленке". <i>Н. Пальтишева</i> (литобработка <i>Ю. Леднева</i>)	165
Улыбка солдата. <i>В. Басов</i>	167
Ушел на минное поле. <i>С. Карпов</i>	171
Алеша. <i>В. Карпова</i> (совместно с <i>А. Галуниным</i>)	175
Навеки девятнадцатилетний. <i>Л. Газарина</i>	183
"Ты моя совесть..." <i>А. Анфимов</i>	188
"Ушел солдат в чужую землю..." <i>С. Сыров</i>	193
Один из них... <i>В. Коротаев</i>	198
Не забыть. <i>И. Ромина</i>	204
Володина высота. <i>В. Карпова</i> (совместно с <i>А. Галуниным</i>)	212
Стал бы мастеровым человеком. <i>В. Смирнов</i>	220
Лучше маленький Кадуй, чем большой Кабул. <i>В. Борисов</i>	223
"Слишком много потерь..." <i>Т. Сычева</i>	227
Ему всю жизнь не везло. <i>Ю. Леднев</i>	230
В Чарикарской долине. <i>Т. Богословская</i>	232
"А был он лишь солдат..." <i>К. Григорьев</i>	237
Потери не оправдать. <i>Б. Андриянов</i>	243
Человек без ружья. <i>Г. Буданов</i> (литобработка <i>Ю. Леднева</i>)	247
Мальчишке было двадцать лет. <i>В. Борисов</i>	250
Все, что осталось... <i>Е. Бессараб</i>	253
В августе восемьдесят четвертого. <i>А. Анфимов</i>	257
Лучшей роты командир. <i>Т. Богословская</i>	261
Остался платок на березе. <i>В. Гостинцев</i>	265
За несколько минут до смены караула. <i>Г. Петрова</i>	270
Несмотря на заверения. <i>М. Замуракин</i>	274
"Каким он парнем был..." <i>А. Попов</i>	276
Помни только о долге и чести... <i>Н. Кузнецова</i>	281
Половина срока. <i>М. Коковин</i>	286
На войне как на войне. <i>В. Гостинцев</i>	290
"От неосторожного обращения..." <i>С. Карпов</i>	294
"Горы очень красивые, но такие опасные..." <i>Н. Кузнецова</i>	297
Звали его Соколенком... <i>В. Евшина</i>	301
Был такой парень. <i>В. Рыжков</i>	305
Андрей. <i>В. Карпова</i>	307
За пределами характеристик. <i>А. Борисенок</i>	313
Всего три дня.. <i>А. Комаров</i>	316
"Он был таким хорошим мужем..." <i>Э. Огнева</i>	319
Ценою собственной жизни. <i>С. Трифанов</i>	322
А школа носит его имя... <i>А. Сальников</i>	325
Колонна продолжала путь. <i>Т. Моховикова</i> ,	329
Смерть в начале дороги. <i>В. Пудожгорский</i>	333
"Здесь был я, ваш папка!" <i>Г. Мельникова</i>	335
Третий тост. Помолчим... <i>И. Муртазин</i>	340
Вонны-вологжане, погибшие в Афганистане	343
Источники некоторых эпиграфов	346

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

Б. И. Андрюшанов – журналист; *И. Н. Аникина* – студентка Вологодского государственного педагогического института (ВГПИ); *А. А. Анфимов* – журналист (редакция газеты “Советская мысль”, Великий Устюг); *В. В. Басов* – журналист (редакция газеты “Верховажский вестник”); *Л. Бежина* – журналист; *Т. В. Богословская* – журналист; *В. Н. Борисов* – рабочий Череповецкой ГРЭС; *Г. А. Буданов* – преподаватель ВГПИ, кандидат исторических наук; *Л. В. Гагарина* – журналист (редакция газеты “Череповецкий металлург”); *Е. Г. Глебов* – председатель Вологодского военно-патриотического центра “Русский Север”; *А. В. Галунин* – военнотрудовой (военно-интернационалист); *В. А. Гостинцев* – проректор ВГПИ, кандидат исторических наук; *К. А. Григорьев* – журналист, редактор газеты “Сталепрокатчик” (Череповец); *В. К. Дуров* – журналист; *В. А. Евиаша* – журналист; *О. В. Завьялов* – инженер-энергетик (военно-интернационалист); *Т. В. Зайцева* – преподаватель ВГПИ, кандидат исторических наук; *М. А. Замуракин* – председатель территориальной организации Ассоциации воинов-интернационалистов (военно-интернационалист); *В. А. Зорин* – студент ВГПИ; *С. Г. Карпов* – зав. кафедрой политической истории ВГПИ, кандидат исторических наук; *В. Л. Картова* – историк-краевед; *М. В. Коковин* – журналист (редакция газеты “Речь”, Череповец); *В. А. Комаров* – журналист (Череповецкая городская редакция радиовещания); *В. В. Коротаев* – прозаик, поэт; *Н. А. Кузнецова* – журналист (редакция газеты “Призыв”); *М. В. Кузьмицкий* – журналист, редактор газеты “Курьер” (Череповец); *Ю. М. Леднев* – поэт; *Н. Н. Леонова* – директор Музея истории молодежного движения Вологодской области; *Л. И. Малков* – журналист (редакция газеты “Заря Севера”, Кичменгский Городок); *Л. П. Мамченко* – журналист; *Г. И. Мельникова* – журналист (редакция газеты “Наше время”); *Т. В. Моховикова* – учитель истории; *И. М. Муртазин* – журналист (редакция газеты “Русский Север”, Вологда); *В. М. Наволоцкий* – журналист, редактор газеты “Заря Севера”; *Э. А. Огнева* – учитель русского языка и литературы; *Н. Ф. Пальмашева* – рабочая совхоза “Полиотделенец” (Череповец); *Г. А. Петрова* – редактор череповецкого СПТУ N 34; *Т. И. Погодина* – журналист; *А. И. Попов* – журналист, редактор газеты “Ленинец” (Тарногский Городок); *В. Н. Пресников* – председатель Ассоциации воинов-интернационалистов (и воинов запаса) Вологодской области (военно-интернационалист); *В. К. Пудожгорский* – преподаватель ВГПИ, кандидат филологических наук; *Л. Н. Романова* – журналист (редакция газеты “Ленинец”); *И. В. Ромина* – журналист (редакция средств массовой информации

Череповецкого металлургического комбината); *Б. К. Ромодин* – журналист; *В. П. Рыжков* – журналист; *А. К. Сальников* – журналист, редактор журнала “Лад” (Вологда); *В. А. Смирнов* – доцент кафедры философии Вологодского факультета Московского юридического института, кандидат философских наук; *Вик. Смирнов* – журналист; *П. А. Соколов* – преподаватель истории и советского права; *Ю. Сторожев* – журналист (редакция газеты “Речь”); *Е. Н. Супакова* – старший научный сотрудник Музея истории молодежного движения Вологодской области; *С. М. Сыров* – журналист; *Т. Б. Сычева* – преподаватель ВГПИ, кандидат исторических наук; *С. А. Трифанов* – лаборант кафедры отечественной истории ВГПИ; *Е. А. Чубурин* – преподаватель физической культуры (воин-интернационалист); *Т. Г. Шалушкина* – журналист (редакция газеты “Красный Север”, Вологда); *Д. Г. Шеваров* – журналист (“Комсомольская правда”); *М. П. Широкова* – преподаватель ВГПИ, кандидат исторических наук.

В книге использованы фотоснимки из фондов Музея истории молодежного движения Вологодской области и семейных архивов.

Издатели приносят извинения родным и близким погибших воинов, чьи фотографии не удалось опубликовать в сборнике по техническим причинам.

Н а о б л о ж к е: у этого горящего вертолета получил смертельное ранение капитан Валерий Попов, спасая солдатские жизни.

Общественно-политическое издание

ПВПЕЛ АФГАНА

С о с т а в и т е л и

Судаков Валерий Васильевич

Нечепя Владимир Григорьевич

Редактор В. Г. А у ш е в а

Мл. редактор В. И. П р и г о д н а

Оформление Р. С. К л и м о в а

Технический редактор С. И. С о к о л о в а

Корректор В. А. Ф о к и н а

ИБ N 1086

Сдано в набор 20.09.92 г. Подписано в печать 24.11.92 г. Формат 84х108/₃₂.
Бум. тип. N 1. Гарнитура литературная. Офсет. Усл. печ. л. 18,48 + вклей-
ка 1,68. Уч.-изд. л. 16,877 + вклейка 1,912. Тираж 4000. Заказ 1854. Цена
договорная.

Северо-Западное книжное издательство.

Вологодское отделение.

160000, г. Вологда, ул. Урицкого, 2.

ТОО. ПФ "Полиграфист"

160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.